

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

№ 3(68), 2023

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 17.08.2023. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 17,38. Тираж 50 экз. Заказ 357.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.3:930.23:908

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-2-8

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО: ЗАГАДКА ПОДСУДКА J. И ПАНА Z.

д-р биол. наук Д.О. ВИНОХОДОВ
(Санкт-Петербургская ассоциация белорусистов)
e-mail: vinokhodov@list.ru

Рассмотрено стихотворение Яна Барщевского «Станиславу Юревичу». Приведён его перевод. Установлена личность адресата, выяснены подробности его взаимоотношений с писателем и биография. Раскрыто имя помещика, давшего Барщевскому после завершения учёбы в Полоцке приют в своём доме. Выявлен прототип персонажа книги «Шляхтич Завальня» пана Z.

Ключевые слова: Ян Барщевский, биография, Станислав Юревич, историческая основа литературного произведения, «Шляхтич Завальня».

«Фуражировка и ремонтёрство
Требуют сноровки и прозорства»

Фаддей Козьмич Прутков

Введение. Минувшей зимой всё прогрессивное человечество отмечало 230-летие основателя белорусской литературы Яна Барщевского. Согласно недавно установленным фактам, родился он в д. Неведро на берегу одноимённого озера в Невельском уезде Витебской губернии не ранее 4 ноября 1792 г. и не позднее 15 января 1793 г. (то есть, с 15 ноября 1792 г. по 26 января 1793 г. по новому стилю). Скучность данных о биографии классика уже не раз отмечалась исследователями. Хотя в последнее время удалось выявить ряд важных документов, существенно уточняющих общую картину его жизни, приходится с прискорбием констатировать, что поиск новых материалов до сих пор осуществляется лишь эпизодически, от случая к случаю, и не поставлен на систематическую научную основу. Между тем одним из многообещающих источников информации по данной теме являются авторские художественные произведения, и потому события и личности, упоминаемые в них, совершенно необходимо рассматривать в историческом и географическом контекстах. Всё сказанное обуславливает актуальность настоящей работы.

В поэтическом наследии Яна Барщевского, помимо белорусскоязычных песен и баллад, созданных по мотивам народных преданий, особое внимание обращают на себя стихотворения с описаниями родных мест. Одно из них было написано в Санкт-Петербурге 23 июня 1841 г.¹, адресовано некому Станиславу Юревичу и опубликовано в третьем томике альманаха «Незабудка» [1]. Насколько нам известно, данное стихотворение до сих пор не переводилось ни на белорусский, ни на русский язык, а также не использовалось должным образом в исследованиях биографии его автора. Восполнение указанного пробела и представляет собой ту проблему, которой посвящена настоящая работа.

В связи с этим перед нами была поставлена цель: дополнить полоцкий период биографии Яна Барщевского информацией, заключённой в указанном произведении.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

1. Перевести указанное стихотворение по возможности ближе к тексту и с сохранением размера.
2. Установить личность человека, к которому обращено стихотворение.
3. Собрать информацию об указанном человеке.
4. Выяснить, какие отношения могли связывать этого человека с Яном Барщевским.
5. На основе анализа полученной информации выявить новые биографические данные о Яне Барщевском.
6. Попытаться выделить новые факты, которые позволили бы глубже понять иные произведения писателя.

В приблизительном переводе обсуждаемое стихотворение Яна Барщевского выглядит следующим образом:

*Помнишь домик на горе? Липы, сосны, ели,
Что росли вокруг него, на ветру шумели,
Под горой на Нецёрде из далёкой дали
Приходили чреды волн, берег подмывали.
Помнишь, как по озеру мы с тобою плыли? –*

¹ Это было перед самой поездкой Барщевского в Беларусь, поскольку уже 25 июня он был в Рудне. См.: Barszczewski J. Письмо к Юлии Корсак. 12 августа 1841 г. (в документе ошибочная дата – 12 июня 1841 г.) // Витебский областной краеведческий музей (далее – ВОКМ). – КП 7324/20 П-1 71. – Л. 1.

*Наша лодочка неслась будто бы на крыльях,
Как стремительный дельфин рассекала воды.
Зрели мы в своих мечтах, как Колумб отважный
За морями Новый Свет увидал однажды
И, прибыв туда, открыл новые народы.*

*Помнишь, как в погожий день Нецгердо нас звало?
Как хрустальное стекло гладь его сверкала,
И куда ни бросишь взгляд, дивные пейзажи
Представляли полотном перед оком нашим:
Сдерживая вод разлив крепостной стеною,
Берег сыплет вниз песок струйкой золотою.
И резвятся ласточки, радуясь свободе, –
Нет границ на их путях в ясном небосводе.*

*А вон там, где берега травами покрыты,
В озере играет свет, будто бы в сапфире,
Стерегут рубеж земли древние граниты,
Молча дремлют над водой с сотворенья мира.
В вышине парит скопа на широких крылах,
Прервала полёт и вдруг камнем вниз стремится,
Расплескав фонтаны брызг, скрылася в глубинах,
Вновь взлетела, а в когтях – рыбка серебрится.
Вечером на западе дивная картина:
Польхают облака, а в воде озёрной,
Словно россыпи камней светятся – рубинов,
Аметистов, жемчугов и топазов зёрна.*

*Помнишь? Там из озера речка вытекает,
Серебристой змейкою в камышах петляет,
Мчится в дальний край она, как посланец резвый,
Исчезая в сумраке под покровом леса?
Этот бор – о сколько раз под его древами
Были мы увлечены светлыми мечтами!
Всюду тихо, солнца свет сквозь густые своды
Не проникнет. Лишь лесной старожил пернатый
Или ветра шум на миг тишину нарушат.
Но Господь нам там открыл книгу тайн природы,
Потому тот бор сильнее трогал наши души,
Чем золоченый чертог во дворце магната.
Там, как в храме, человек от сует избавлен,
В изумленьи к вечности мыслию направлен.*

*В том безлюдном уголке – помнишь? – мы с тобою
Проводили целый день с книгой иль в беседе
О прославленных мужах, что своей судьбою
След оставили в веках, а их добродетель,
Их учёные труды, ратные деянья
Нам открыли в жизни сей торные дороги –
Злые ветры перемен, горя и тревоги
Их забвения песком скрыть не в состояньи.*

*Друг Станіслав, помнишь ты эти дни на воле?
Ту весеннюю пору и прогулки в поле,
Разговоры, что вели мы вдвоём с тобою,
В стародавние часы устремясь мечтою.
Наша юность в те года к радости нас звала
И на арфе золотой весело играла.*

В числе подписчиков указанного номера альманаха присутствует Станислав Юревич [2], причём ни на предыдущие, ни на последующие выпуски этот человек подписан не был. Кто же этот друг юности Яна Барщевского, к которому он обращался в своём стихотворении?

Основная часть. С большой долей уверенности можно предположить, что речь идёт о предводителе дворянства Витебской губернии Станиславе Осиповиче Юревиче. Об этом косвенно свидетельствуют некоторые факты из жизни этого человека. Попробуем же проследить его биографию и посмотрим, в какой степени наше предположение оправдано. Если повезёт, то это поможет нам чуть лучше узнать и самого основателя белорусской литературы, ведь не даром говорится: «скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты».

Биография у пана Станислава, надо сказать, была весьма примечательной, иной писатель мог бы сочинить на её основе забавный рассказ (забегая вперёд, скажем, что в итоге именно так и произошло). Канву событий мы позаимствуем из статьи в словаре А.А. Половцова [3] и будем поправлять и дополнять её по мере нахождения сведений в иных источниках информации. Безымянный автор этой работы имел в своем распоряжении Формуляр о службе С.О. Юревича, хранившийся в Императорском Русском историческом обществе, из которого черпал основной материал.

Согласно этому документу, Станислав Осипович Юревич *«родился в 1800 г.»*. Однако тут мы сразу же сделаем существенное исправление: генеалогическая база данных *«MyHeritage»*² даёт нам несколько иную и в то же время более полную информацию: родился наш герой 1 мая 1802 г. и был крещён в Невеле 6 июля того же года, получив имя Станислав Пётр. Его родители принадлежали к старинным семействам полоцкой шляхты: отец – Иосиф (Осип) Дементьевич (Юзеф Дисмасович) Юревич (1767 г.р.) – носил герб Любич, а мать – Анна Иоанна Семёновна (Сигизмундовна) (1770 г.р.) – была из рода Деспот-Зеновичей.

Далее словарь сообщает: *«Воспитание получил в Полоцкой иезуитской академии, по окончании которой в 1820 г. поступил в Казанский драгунский полк юнкером»*. Здесь, по-видимому, вновь требуется некоторая корректировка. Дело в том, что в известных списках студентов Полоцкой иезуитской академии [4] имя Станислава Юревича не значится. Если судить по дате его рождения, то, можно предположить, что скорее всего учился он не в самой академии, а в коллегии, состоящем при ней. На военном поприще юношу ожидал быстрый успех: *«Произведённый в следующем году в прапорщики, он в 1824 г. был переведён в Мариупольский гусарский полк, с переименованием в корнеты, и в том же году был произведён в поручики»*. Примечательным является следующее обстоятельство: командиром Мариупольского (Мариампольского) полка в этот период времени был земляк и сосед пана Станислава, полковник Константин Станиславович Снарский, владевший имением Краснополь близ озера Нещерды. И это не похоже на случайное совпадение.

Тогда же с храбрым гусаром произошёл весьма примечательный случай. Летом 1824 г. он был командирован в Могилёв в учебную кавалерийскую команду, состоящую при главной квартире Первой армии, *«для усовершенствования по службе»*. Именно в это время из Одессы возвращался Александр Сергеевич Пушкин, которого выгнали из южной ссылки за плохое поведение. При проезде через губернский город 6(18) августа 1824 г. поэт попался на глаза господам офицерам, которые очень обрадовались, устроили по поводу приятной встречи весёлую пирушку и едва не выкупили своего кумира в ванне с шампанским – тот насилу отговорился необходимостью спешного отбытия в ссылку в Михайловское. Гусары, раз уж такое дело, ограничились тем, что облили денщика пивом. Тем не менее, пан Станислав взял с Пушкина слово непременно захватить по дороге к своему дядюшке по материнской линии Игнатию Семёновичу Деспот-Зеновичу³ в имение Колпино⁴. Это поручение Александр Сергеевич исполнил охотно и, хоть и не застал старика дома, оставил ему записку (вошедшую впоследствии в Собрание сочинений [5]) и четверостишие, написанное мелом на ломберном столе (и тут же заботливо стёртое прислугой с его поверхности и, как следствие, из истории). Через год, в июне-июле 1825 г., завершив стажировку в Могилёве, Станислав Осипович со своим сослуживцем Александром Петровичем Роспоповым и с дядюшкой Игнатием Семёновичем нагрянули к Пушкину в Михайловское, где встретили радушный приём и прогостили четыре дня [6].

Карьера Станислава Осиповича неслась во весь карьер: *«В 1828 г. Юревич принял участие в турецкой войне и за отличия, оказанные в ряде сражений под крепостью Шумлюю, был награждён орденами: Св. Анны 4-й степени с надписью "за храбрость", Св. Анны 3-й степени с бантом, Св. Владимира 4-й степени с бантом и произведён в штаб-ротмистры (1829 г.). В 1830 г. Юревич возвратился в Россию и в следующем же году принял участие в подавлении польского мятежа, находясь в передовом отряде на границе Волынской губернии для охраны её от вторжения мятежников. В эту кампанию он был ранен и удостоен знака отличия 4-й степени, принадлежащего Царству Польскому»*. В ходе спецоперации он встретил и свою судьбу [7; 8]. Полковое начальство отправило его закупить лошадей для пополнения конского состава. С этой целью Станислав захватил и в Дольск, имение графов Мошинских, славившееся знатной конюшней. В то время там находилась Иоанна Ивановна Мошинская с десятилетней дочерью Юзефой. Муж же графини, бывший предводитель дворянства Волынской губернии, Пётр Станислав Войцех Алоизий Мошинский пребывал в Тобольске, куда его в 1829 г. сослали на поселение на 10 лет за участие в делах Патриотического общества и контакты с Южным обществом декабристов⁵. А надобно отметить, что пан Пётр и его папаша Игнатий Гиларий графского титула не имели,

² По материалам базы данных MyHeritage. – URL: <https://www.myheritage.com>

³ Этого человека не следует путать с Игнатием Михайловичем Деспот-Зеновичем, одним из первых переводчиков стихотворений А.С. Пушкина на польский язык.

⁴ Колпино – деревня в 4 км к югу от Пустошки.

⁵ Дело о принадлежности к Польскому тайному обществу Мошинского П. И., волынского губернского маршала // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 48. Оп. 1. Д. 321.

будучи совершенными нищелюбами, но у их бездетного дальнего родственника, известного магната графа Фредерика Юзефа Мошиньского (внука короля Августа II Сильного и графини фон Козель) под опекой находились две девушки (внучки его брата Августа) – Фредерика и Иоанна. Спятивший старик больше всего на свете боялся, что его несметные богатства, нажитые непосильным трудом, достанутся представителям других фамилий, и потому не придумал ничего лучше, как выбрать внучатым племянницам в мужа овдовевшего Игнатия Гилария и его сына Петра [9]. Так вот, пани Иоанна, по примеру декабристок, собиралась ехать вслед за супругом в Сибирь, и багаж уже грузили в карету, как вдруг в её имение явился бравый молодой ремонтёр с длинными усами. Зрелище того, как он на плацу перед дворцом выезжал коней, настолько поразило воображение одинокой скорбящей женщины, что на другое утро пан Станислав, выйдя из её покоев, сказал оторопевшим домочадцам, что графиня сегодня никуда не поедет. Сложив два и два, домочадцы смекнули, что графиня и завтра никуда не поедет... Соседские польские помещики были ошарашены невиданным скандалом и всячески старались высказать своё осуждение, потому странное семейство переехало в имение Бершадь на Подолье, а оттуда – в Витебскую губернию, в имение родителей пана Станислава. Несчастную же девочку – дочку графини Юзефу – взяла на воспитание Роза Собаньская. В 1833 г. пани Иоанна, наконец, развелась с постылым «змагаром» и вскоре вышла замуж за важливого Станислава Осиповича. Также совершенно закономерно «в 1833 г. Юревич вышел в отставку по домашним обстоятельствам».

Кстати говоря, много лет спустя эта история легла в основу рассказа Ярослава Ивашкевича «Июньская ночь». В экранизации этого произведения, снятой Анджеем Вайдой, роль гусара, прототипом которого был Станислав Юревич, сыграл Александр Домогаров.

Пётр Мошиньский вскоре вернулся из ссылки и, поскольку при разделе имущества пани Иоанна его не обделила, гордо удалился в Краков, отстроил там огромный дом, женился и зажил себе припеваючи. Пани же Иоанна в 1840 г. родила Станиславу Осиповичу сына Мечислава Яна Филиппа. Примерно в этот период Ян Барщевский и посвятил Станиславу Юревичу стихотворение, с которого мы начали рассказ. По-видимому, им довелось встретиться – либо в северной столице, либо в Беларуси, куда Барщевский регулярно приезжал, начиная с 1837 г.

Вновь вернёмся к словарной статье о пане Станиславе. «В 1844 году, по выбору дворянства, он был утверждён начальником Подольской губернии в звании Ольгопольского уездного предводителя дворянства, а в 1853 г. – Витебским губернским предводителем дворянства и прослужил в первой должности одно, а во второй — три трёхлетия. За 25-летнюю усердную службу по гражданскому ведомству он был награждён знаком отличия беспорочной службы и орденом Св. Анны с Императорской короной». Первое из этих событий, по-видимому, было связано с переездом семейства в Бершадь; это объясняет тот факт, что Станислав Осипович перестал подписываться на последующие выпуски альманаха «Незабудка». Второе же событие, скорее всего, явилось следствием ухода из жизни пани Иоанны в 1852 г. С.О. Юревич оказался владельцем обширнейших владений графов Мошиньских и в 1854 г., уже совершенно не зная, что с собой делать, женился на двадцатилетней красавице Венцеславе Барщевской. В этом браке супруги прижили трёх детей – Феликса (1863 г.р.), Марию Амелию (1866 г.р.) и Павла (1875 г.р.). Людьми они были нежадными и щедро жертвовали на благотворительные цели⁶.

Скончался пан Станислав 5(17) марта 1877 г. в Одессе. Много живых подробностей о нём изложено в воспоминаниях его внучатого племянника [10]. Вдова же его горевала не долго и вскоре вышла замуж за греческого миллионера Перикла Фёдоровича Родоканаки.

Итак, мы видим, что события биографии Станислава Осиповича Юревича не противоречат предположению о том, что именно этот человек является адресатом стихотворения Яна Барщевского, а даже напротив – вполне с ним сочетаются. Если так, то имеет смысл разобраться, какие же отношения могли их связывать?

Прежде всего зададимся вопросом: а каким образом Ян Барщевский мог оказаться на берегу Нещерды вместе с мальчиком десятью годами младше его именно «весенней порой» (в оригинале: «*pamiętasz Stanisławie – owe dni wiosenne*»)? Весной в Полоцке шли занятия и все студенты должны были пребывать в городе. Значит, оба молодых человека в это время среди учащихся не числились. Но при этом, целые дни они проводили «с книгой или в беседе». Это сочетание фактов имеет единственное объяснение: Ян Барщевский был гувернёром, а Станислав Юревич – его воспитанником, готовящимся к поступлению в коллегиум. Происходили описанные в стихотворении события уже после того, как Барщевский завершил своё обучение в Полоцкой академии, но до того, как Станислав Юревич отправился учиться к иезуитам, то есть, не ранее весны 1817 г. и не позднее весны 1819 г.

Этот период биографии Яна Барщевского Ромуальд Андреевич Подберезский описывает так: «По окончании курса наук в Полоцке, с кандидатским аттестатом в руках, ощущая себя в чём-то лучше остальных, прослышав учёным, намеревался он взяться, скорее, за частное гувернёрство, нежели за иные занятия, менее соответствующие его склонности к науке и поэзии. Но и тут, не видя ни перспектив, ни средств к дальнейшему совершенствованию, имея в кармане лишь несколько золотых, с котомкой за плечами, отправился он пешком в Вильно, в университет. Однако на полдороге, когда он отдыхал возле камня, встретил его возвращавшийся из Вильно пан подсудок J.*, который, видя, что намерения юноши, судя по состоянию кошелька, уж очень рискованные, уговорил его вернуться и дал ему место в своём доме при детях, считая его, скорее, домашним приятелем, компаньоном, который, будучи человеком разговорчивым, стал для него развлечением среди забот по хозяйству» [11].

⁶ О пожертвованиях попечительницы Витебского детского приюта Юревич и её мужа в пользу приюта. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 759. Оп. 21, 1 эксп., 1859 г. Д. 2033. – Л. 1–1об., 3–3об.

Юлиан Бартошевич рассказывает об этих событиях чуть более развёрнуто: «Наконец пришла пора оставить Полоцкую школу и выбрать себе способ жизни. Долго раздумывал об этом Барщевский. Окончив курс под присмотром иезуитов, с патентом в руках, славный поэт родного края, автор поэмы о поясе Венеры, классицист и творец, он ощущал себя в чём-то лучше остальных. Хорошо знал латынь и греческий, читал Цицерона и Вергилия, следовательно, был основательно образован, потому решил посвятить себя кропотливому занятию, которое, однако, могло бы зарекомендовать его пред панями. Поэзию оставлять он не хотел и полагал, что во время губернёрства найдёт не одну счастливую свободную минутку и вздохнёт к своей музе. Однако профессия эта не сулила ему никаких перспектив. Измученный мыслями и заботой, с несколькими золотыми в кармане, отправился он, наконец, пешком по свету с котомкой за плечами. Первым его намерением было попасть в Вильно, ибо хотелось ему продолжить изучение наук в университете, дабы в полной мере усовершенствоваться в качестве губернёра. И вот как-то на полдороге отдыхал он у камня и раздумывал о будущем. Что ему было делать в Вильно без средств и без знакомых? Где найти ночлег? К кому обратиться за советом и помощью? В это время мимо проезжал его старый знакомый из Беларуси, подсудок J, возвращавшийся из Вильно. Почтенный обыватель задержался и, найдя Барщевского таким одиноким и невесёлым, пожалел бедного, посоветовал вернуться, поселил в своём имении и просил поэта, чтобы тот учил его детей. Путешественник приятно проводил время у подсудка J, был его компаньоном, приятелем и советчиком. Не раз он скрашивал однообразную сельскую жизнь своими разговорами и стишками, не однажды рассказывал пану подсудку что-нибудь новенькое, и так прошло несколько лет» [12].

Теперь нам следует выяснить, что за человек скрыт под криптонимом «подсудок J». Достаточно подробную информацию о составе губернских и уездных чиновников можно почерпнуть в ежегодно издававшихся адрес-календарях (месяцословах). При таком анализе следует учитывать, что согласно польской традиции однажды полученная должность оставалась в титулатуре своего носителя навсегда и даже переходила на его супругу. Потому подсудком могли ещё много лет продолжать называть человека, который уже давно лишился своего места. Среди шляхтичей Витебской губернии, которые в конце XVIII – начале XIX вв. занимали должности подсудка (заседателя суда), было всего три фамилии, начинающиеся на литеру «J»: Иодзевичи, Юраги и Юревичи. Причём представителей последней фамилии было двое. Шамбелян (камергер) Юстин Дементьевич (Дисмасович) Юревич был заседателем (подсудком) Главного суда Витебской губернии с 1803 по 1805 гг. и с 1812 по 1814 гг.⁷, а его брат Иосиф (Юзеф) Юревич, «бывший польской службы поручик», в 1809 г. был подсудком Невельского поветового суда [13], однако продержался на службе всего лишь год. Он же и есть отец Станислава Осиповича. Несомненно, именно он и является таинственным подсудком J., который уговорил Яна Барщевского оставить затею с поступлением в Виленский университет и принял его в свой дом.

Для полноты картины добавим ещё несколько подробностей об этом человеке. По сведениям из базы данных «MyHeritage» родился он в 1767 г. и был окрещён 18 октября. В молодости (с 13 октября 1792 г.) служил в гусарском эскадроне Его королевской милости Станислава Августа Понятовского в чине поручика. Помимо сына Станислава жена родила ему ещё восьмерых детей: Францишека (1801 г.р.), Тэклю (1803 г.р.), Анну (1804 г.р.), Терезу (1805 г.р.), Элеонору (1807 г.р.), Жозефину (1809 г.р.), Яна (1811 г.р.) и Михала (1811 г.р.). С этими людьми Ян Барщевский, по всей видимости, тоже был знаком.

Теперь попытаемся определить, где же находился дом пана Юзефа. Архивные документы говорят о том, что ему принадлежало имение Поречье⁸, располагавшееся на юго-западном берегу озера Нещердо, большая его часть была занята обширным лесом между реками Нещердою и Дриссою площадью более 4500 десятин⁹. Земли эти можно увидеть на карте межевания Полоцкого уезда¹⁰, составленной в 1785 г. (участок № 142, рисунок).

Вспомним приведённое в начале статьи стихотворение Яна Барщевского: «Помнишь? – там из озера речка вытекает, // Серебристой змейкою в камышах петляет, // Мчится в дальний край она, как посланец резвый, // Исчезая в сумраке под покровом леса?». Очевидно, что поэт описывает именно эти места, ошибиться невозможно, ибо других рек, берущих начало в Нещерде, нет. Данное обстоятельство окончательно подтверждает истинность наших предположений.

Обсуждая взаимосвязи Яна Барщевского с Юревичами, следует упомянуть ещё о трёх моментах. Во-первых, во время встречи с друзьями в Санкт-Петербурге 15 января 1825 г. Барщевский упоминал об этом семействе. Константин Степанович Сербинович пишет в своём дневнике: «Остаток вечера провел я у Дружины с Шепелевич[ем], Барщевским и Ефимовым. Спорили о чтении Библии и читали рескрипты Закревскому. Барщ[евский] рассказал жалкие анекдоты о нынешнем положении бывшего моего директора¹¹ школьного в Полоцке Менчинского, живущего теперь у Юревичей»¹².

⁷ См. Месяцословы за соответствующие годы.

⁸ Об имении и долгах полоцких помещиков Иосифа и Анны Юрьевичей. // РГИА. – Ф. 1151. Оп. 4, 1855 г. Д. 44.

⁹ Отношение генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Павловича к графу Аракчееву с препровождением записки относительно покупки Инженерным департаментом лесной дачи у полоцкого помещика Юревича. // РГИА. – Ф. 1409. Оп. 1, 1820 г. Д. 3317. – Л. 3.

¹⁰ Атлас Полоцкого уезда. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1356. Оп. 1. Д. 103-107.

¹¹ Директор – студент, руководящий учениками младших классов.

¹² Сербинович К. С. Дневниковые записи. // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 195. Оп. 1. Д. 5583. – Л. 8.

Рисунок. – Фрагмент Атласа Полоцкого уезда, 1785 г.
Южный берег оз. Нещердо, исток р. Нещерды, д. Поречье

Во-вторых, часть тиража «Незабудки» Ян Барщевский передавал невелиским помещикам через Юлию Корсак. Один из экземпляров альманаха 1841 г. он попросил отправить некоей поручице Зенович¹³. Возможно, это была супруга Игнатия Семёновича Деспот-Зеновича из имения Колпино, а возможно – мать Станислава Осиповича Юревича – это ещё предстоит уточнить.

В-третьих, в дальнейших исследованиях следует иметь в виду, что Ян Барщевский мог встречаться со Станиславом Осиповичем и в Чудновский период своей жизни, когда Юревич пребывал в Бершади и был предводителем дворянства Ольгопольского уезда (с 1844 по 1847 гг.).

Полученные в результате проведённого анализа новые знания о биографии Яна Барщевского, в свою очередь, можно использовать для того, чтобы более полно понять книгу «Шляхтич Завальня». В главе «Рыбак Роцька» [14] рассказывается страшная история о Глухом озере, «которое окружено со всех сторон тёмным лесом», находится «оно неподалёку от той речки, что течёт из Нещерды и впадает в Дриссу». Несомненно, речь идёт именно о той местности, которая обсуждалась выше. О владельце же этих земель рыбак повествует следующее: «на западном берегу Нещерды, на горе, где и теперь ещё стоит имение, жил в давние времена пан Z., очень богатый. Все эти дикие леса, аж до самых берегов Дриссы, принадлежали ему». Имение Поречье, судя по плану межевания, действительно было большим, простиралось от юго-западного берега Нещерды до Дриссы и по большей части было занято лесом. По состоянию на 1785 г. Поречье принадлежало титулярному советнику Семёну (Сигизмунду) Фроловичу Зеновичу¹⁴, но при этом находилось под управлением «дворянской опеки за банковской долгу»; «хлеб продаётся дворянскую опекою для выплачивания в казну денег». Этот человек был тестем Юзефа Юревича (следовательно, имение являлось приданым Анны Иоанны Семёновны Деспот-Зенович), и очень похоже на то, что под криптонимом «пан Z.» скрыт именно он.

¹³ Barszczewski J. Письмо к Юлии Корсак. 8 марта 1841 г. // ВОКМ, КП 7324/19 П-1 70. – Л. 3.

¹⁴ Экономические примечания к планам межевания. Витебская губерния. Полоцкий уезд // РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 24, л. 243об. – 246.

Шляхтич Завальня характеризует его недвусмысленно: «пан Z. был человек негодный, натворил, сумасброд, бед из-за своей глупости». О его образе жизни и печальном конце говорится в другом повествовании – «Столетний старец и Чёрный гость» [15]. И тут мы видим совпадение материальных обстоятельств персонажа книги и его исторического прототипа: «Кредиторы через суд требовали свои деньги, а власти – неуплаченные за несколько лет подати. Суд описал имение, передал усадьбу в распоряжение назначенному опекуну, а пану Z. позволено было иметь при себе лишь несколько человек для услуг».

Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся, что Ян Барщевский вёл со своими читателями игру, давая время от времени отсылки к событиям истории родного края, о которых мог знать лишь довольно узкий круг уроженцев Полоцкого повета. Для людей посторонних эта игра оставалась незаметной.

Заключение. В результате проведенного исследования впервые осуществлён перевод на русский язык стихотворения Яна Барщевского «Станиславу Юревичу». Адресатом данного стихотворения является предводитель дворянства Витебской губернии Станислав Пётр Осипович Юревич, краткая биография которого составлена по имеющимся архивным сведениям. Показано, что С.О. Юревич был первым учеником Яна Барщевского. Также установлена личность подсудка J., у которого Ян Барщевский служил гувернёром после завершения обучения в Полоцке. Это был Осип Дементьевич (Юзеф Дисмасович) Юревич. Локализовано место расположения его имения. Определён прообраз персонажа книги «Шляхтич Завальня» пана Z. Показано, что им был тесть С.О. Юревича – Семён (Сигизмунд) Фролович Деспот-Зенович.

Таким образом анализ одного из стихотворений Яна Барщевского позволил выявить новые факты биографии классика и существенно продвинуться в понимании его главного произведения. Исследование значительно расширяет наши представления о полоцком периоде биографии Яна Барщевского и до некоторой степени заполняет пробел между окончанием его учёбы в Полоцкой иезуитской академии и поступлением на службу к князю Александру Николаевичу Ромодановскому-Ладыженскому.

Автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю признательность за консультации: академику Сергею Ивановичу Николаеву, доктору Николаю Викторовичу Николаеву и Алле Львовне Хананашвили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barszczewski J. Do Stanisława Jurjewicza. // *Niezabudka*. – 1842. – Т. III. – S. 158–160.
2. Prenumeratorem. // *Niezabudka*. – 1842. – Т. III. – S. 296.
3. Юревич, Станислав Осипович // *Русс. биогр. сл.* Т. 24. Щапов – Юшневский. – СПб, 1912. – С. 340–341.
4. Копии списков студентов Полоцкой иезуитской академии 1812–1820 гг. // *Kadulski I. Akademia Połocka: Ośrodek kultury na Kresach 1812–1820*. – Gdańsk, 2004. – S. 229–249. Оригинал документа: *Archivum Romanum Societatis Iesu, Roma. Coll. Gaillard*. – Sch. 34, *Russiae* № 4. – S. 265–276 v.
5. Пушкин А.С. [Письмо] И.С. Деспоту-Зеновичу, 8 августа 1824 г. В селе Колпине // *Полн. собр. соч.* / А.С. Пушкин – Т. 8. – М., 1954. – С. 61.
6. Роспопов А.П. Встреча с А.С. Пушкиным в Могилеве 1824 г. // *Русская старина*. – 1876. – Т. 15. – № 2. – С. 464–467.
7. Biliński P. Działalność Piotra Moszyńskiego w Towarzystwie naukowym Krakowskim // *Prace Komisji historii nauki*. – 2006. – Т. VII. – S. 217–245.
8. Jastrzębska M. Listy z Kresów. Opowieść o Józefie z Moszyńskich Szembekowej. – 2015. – 253 s.
9. Łopuszański B. Moszyński Piotr Stanisław Wojciech Alojzy // *Polski słownik biograficzny*. – Т. XXII. – 1977. – S. 129–132.
10. Wrangell-Rokassowsky C. Before the Storm: A true picture of life in Russia prior to the Communist Revolution of 1917. – *Ventimiglia*, 1960. – 265 s.
11. Podbereski R. Białoruś i Jan Barszczewski // *Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*. [Tomik pierwszy] / Jan Barszczewski. – Petersburg, 1844. – Str. XXIX–XXX.
12. J[ulian] B[artoszewich]. Jan Barszczewski. // *Dziennik Warszawski*. – 1851. – № 24. – S. 4.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова. Часть вторая. 1809. – СПб. – С. 396.
14. Barszczewski J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Tomik drugi. – Petersburg, 1845. – S. 24–25.
15. Barszczewski J. Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Tomik czwarty. – Petersburg, 1846. – S. 27–28.

Поступила 06.07.2022

STROKES TO JAN BARSZCZEWSKI'S BIOGRAPHY: THE MYSTERY OF JUDGMENT J. AND PAN Z.

D. VINOKHODOV

(St. Petersburg Association of Belarusists)

The article considers Jan Barszczewski's «To Stanislaw Jurievich». The translation of the poem is given. The identity of the poem addressee, some details about his biography and his relationship with poet are revealed. The true name of landlord provided shelter for Jan Barszczewski after education in Polotsk is found out. The prototype of «The nobleman Zawalnia» actor Mr. Z. ascertained.

Keywords: Jan Barszczewski, biography, Stanislaw Jurievich, historical basis of literary work, «The nobleman Zawalnia».

УДК 811.111'42

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-9-12

РОЛЬ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ / НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ**Е.А. БЕЛИКОВА***(Минский государственный лингвистический университет)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8504-8414>

В статье рассматривается роль отрицательных конструкций в реализации коммуникативной категории категоричности / некатегоричности на материале англоязычных научных текстов. В результате анализа выделены две группы отрицательных конструкций. Первая группа включает конструкции, которые выступают в качестве маркеров категоричности и акцентируют уверенность автора / говорящего в достоверности полученных выводов или правомерности высказанной критики. Во вторую группу входят отрицательные конструкции, которые встраиваются в высказывание и снижают его резкость, выступая, таким образом, в роли деинтенсификаторов, что подчеркивает заинтересованность участников научного общения в коммуникативном сотрудничестве и кооперативном взаимодействии. Выявлена жанровая специфика количественно-качественной представленности рассматриваемых групп отрицательных конструкций в научном тексте.

Ключевые слова: отрицательные конструкции (ОК), категоричность, некатегоричность, научный текст, научный монолог, научный диалог.

Введение. С развитием антропоцентрической и информационной научных парадигм особую важность приобретает способность оптимальным образом использовать имеющиеся языковые средства с целью повысить эффективность коммуникации и убедить читателя / собеседника в истинности полученного знания, что особенно актуально в сфере научной коммуникации. Одним из способов выражения уверенности автора в достоверности приводимых аргументов и объективности полученных результатов являются маркеры категоричности и некатегоричности.

Несмотря на то, что понятие категоричности / некатегоричности достаточно хорошо изучено в лингвистике, тем не менее, обнаруживает вариативность трактовок. Так, данный феномен интерпретируется как стилевая черта научной речи [1], стилистический прием [2], субкатегория функциональной семантико-стилистической категории гипотетичности [3], как самостоятельная прагматическая категория [4]. Мы разделяем мнение лингвистов, рассматривающих категоричность / некатегоричность в качестве самостоятельной категории, которая «обеспечивает адекватность восприятия адресатом сформулированного автором положения» и имеет свою систему средств выражения¹.

Важно отметить, что, являясь самостоятельной коммуникативной категорией, категоричность / некатегоричность взаимодействует с другими категориями, такими как толерантность, оценочность, императивность [4; 5]. Мы полагаем, что подобного рода взаимодействие можно обнаружить и с такой значимой семантико-прагматической категорией, как категория отрицания. Кроме того, в задачи данного исследования входит не столько рассмотрение роли отрицания в реализации обсуждаемой коммуникативной категории, сколько выявление жанровой обусловленности функционирования отрицательных конструкций (ОК), выступающих в роли показателей категоричности / некатегоричности в научном монологе, с одной стороны, и научном диалоге, – с другой стороны. Выбор оппозиции монологических и диалогических жанров в качестве материала обусловлен их различием по ряду характеристик, таких как экспрессивность, оценочность, полемичность, интеррогативность, спонтанность, которые любопытным образом влияют на особенности функционирования в них ОК.

Набор маркеров категоричности / некатегоричности высказываний выявлен и детально проанализирован как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [6–8]. При этом зарубежные лингвисты рассматривают показатели некатегоричности как «средства хеджирования» (англ. *hedging devices*), которые ослабляют иллокутивную функцию высказывания, ограничивают степень уверенности автора / говорящего в истинности пропозиции и ориентированы на гармонизацию речевого взаимодействия [8]. К средствам репрезентации некатегоричности в современном английском языке относятся: модальные глаголы (*could, may, might, would*), эпистемические предикаты (*assume, expect, suggest, think, believe, consider, guess, seem, appear*), наречия меры и степени уверенности (*maybe, perhaps, probably, quite, generally*) [7]. Употребление показателей некатегоричности предполагает неокончательность интерпретации, сдержанность в выражении оценки, открытость для коммуникации и дальнейшего обсуждения упомянутой проблемы [9; 10].

Показатели категоричности, или «бустеры» (англ. *boosters*), напротив, усиливают пропозицию и «выражают уверенность автора в достоверности сообщаемого, в объективности полученных результатов и правомерности высказанной критики» [6 с. 63]. Маркеры категоричности представлены модальными глаголами (*must, need*

¹Милянчук Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 «Русский язык». – Владивосток, 2005. – С. 4.

to, have / has to), эпистемическими предикатами (*show, demonstrate, determine, find, indicate*), наречиями (*surely, clearly, certainly, obviously, never, definitely, always*), прилагательными (*clear, obvious, definite*) [6; 7].

Материалом для настоящего исследования послужили 42 отрицательные конструкции, отобранные методом сплошной выборки из 15 научных статей (87 200 словоупотреблений), и 144 конструкции, отобранные из 12 стенограмм научных дискуссий (87 268 словоупотреблений) на английском языке, который, являясь языком международной коммуникации, активно используется, в том числе, в сфере научного общения. Общее количество выборки составило 186 ОК.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что отрицательные конструкции, функционирующие в научном тексте, выполняют двоякую роль: с одной стороны, они формируют значение категоричности, с другой стороны, выступают в роли маркеров снижения категоричности высказывания. Отметим, что как в научном монологе, так и в научном диалоге доминируют ОК, которые формируют значение категоричности (76% ОК в монологическом жанре, 55% ОК в жанре научной дискуссии), что вполне согласуется с ведущей интенцией научного дискурса на отстаивание собственной позиции. Что же касается ОК, выступающих в роли деинтенсификаторов, то в жанре научной статьи на их долю приходится 24% отобранных конструкций, а в жанре научной дискуссии – 45%.

Из приведенных количественных данных следует, что ОК, которые выступают в роли маркеров снижения категоричности высказывания, оказываются более употребительными в научном диалоге по сравнению с аналогичным показателем в научном монологе. Мы полагаем, что это обусловлено стремлением участника научной дискуссии, которая представляет собой ситуацию непосредственного взаимодействия, сохранить атмосферу доброжелательности и взаимного уважения по отношению к собеседнику, что и предполагает выбор говорящим соответствующих языковых средств (в том числе ОК, которые формируют значение некатегоричности)².

Рассмотрим выделенные группы ОК подробнее.

Так, ОК, участвующие в реализации категоричности, представлены в двух типах контекста:

1) ОК выражают негативную оценку, направленную на один из аспектов обсуждаемой проблемы или мнение собеседника [2; 11]. При этом ОК представлены сочетанием показателя отрицания (отрицательной частицей *not*) и лексемой с оценочным значением: *In a series of studies on RECs in the Netherlands, van Luijn et al. demonstrated the following: that REC members felt they were not competent to do the task (R. Bernabel. Decision Theory and the Evaluation of Risks and Benefits of Clinical Trials); We, in fact, have guidelines that were prepared, but are not operative (The Healing Professions);*

2) ОК не содержат оценочную лексему, но при этом акцентируют прямолинейность и категоричность приводимых аргументов, а также фиксируют уверенность говорящего в достоверности излагаемой точки зрения. Данные конструкции включают наречие *never* или отрицательные местоимения *no one, none, nobody, neither, nothing*, которые выполняют интенсифицирующую функцию: *None of these studies investigate what is involved in associating a novel meaning with a novel phrasal form (A. Goldberg. The Nature of Generalization in Language); I've never seen the study that shows me the world is not going to be consuming more energy 10 years from now, 20 years from now, 30 years from now, because all of these artificial intelligence apps, all of this technology, requires power (Rethinking Climate Change and Environmental Issues).*

Количественное соотношение ОК, которые придают высказыванию категоричность в научном монологе и научном диалоге, приведено в таблице 1. За 100% принималось общее количество ОК, функционирующих в качестве маркеров категоричности в каждом из рассматриваемых жанров (32 ОК в научных статьях, 65 ОК в научных дискуссиях).

Таблица 1. – Соотношение ОК, выступающих в роли показателей категоричности в научном монологе и научном диалоге

ОК	Научный монолог	Научный диалог
ОК с оценочной лексемой	44%	15%
ОК с отрицательными наречием / местоимениями	56%	85%

Приведенные количественные данные показывают, что в научном монологе частотность употребления ОК, включающих оценочную лексему, и ОК, осложненных интенсифицирующим компонентом, примерно одинакова. В жанре научной дискуссии ОК с наречием *never* и отрицательными местоимениями являются гораздо более употребительными по сравнению с конструкциями, выражающими негативную оценку: *Great questions. No one has tested that to my knowledge. Remember that mice are always anesthetized during experimental stroke procedures (Neurovascular Underpinnings of Alzheimer's Dementia)*. Данные различия, по-видимому, обусловлены тем, что степень экспрессивности и полемичности научной дискуссии гораздо выше по сравнению с письменными научными текстами, что и предполагает более частотное употребление ОК, содержащих интенсифицирующий компонент.

²Соловьева Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык». – Екатеринбург, 2008. – С. 7.

Вторая группа включает отрицательные конструкции, которые встраиваются в нейтральное либо категоричное высказывание и выступают в роли маркеров некатегоричности. Здесь можно выделить следующие разновидности:

1) ОК, которые включают эпистемический предикат (*think, believe, consider, suggest, seem, appear*): *Okay. I will not argue that, because I don't think it is correct. But actually, they used source attribution to do something sensible, and I think that something like that can also be used for other microorganisms if we introduce whole genome sequencing (Use of Whole Genome Sequence Analysis to Improve Food Safety and Public Health)*;

2) ОК, которые включают прилагательные с семантикой убежденности (*clear, sure, certain*): *However, I am not sure how much functional motivation offers a solution to the problem of constructing generalizations about constructions in a language (W. Croft. Constructions and Generalizations)*;

3) ОК, которые функционируют в вопросительных высказываниях: *Angele, but they had a PS-1 mutation, right? Does not this mutation lead to overproduction of Aβ? (The Neuroplasticity Theory of Alzheimer's Disease)*.

Частотность употребления ОК, выступающих в роли индикаторов некатегоричности в научном монологе и научном диалоге, представлена в таблице 2.

Таблица 2. – Соотношение ОК, выступающих в роли показателей некатегоричности в научном монологе и научном диалоге

ОК	Научный монолог	Научный диалог
ОК с эпистемическим глаголом	50%	62%
ОК с прилагательным	40%	22%
ОК в вопросительных высказываниях	10%	16%

Полученные количественные данные демонстрируют, что в обоих анализируемых жанрах среди ОК, выступающих в роли показателей некатегоричности, преобладают ОК с эпистемическим предикатом. При этом в научной дискуссии, которая характеризуется усилением значимости категории персональности, данные ОК сочетаются с личными местоимениями 1-го лица, акцентирующими субъективность мнения / оценки говорящего: *So we would suggest that we need to have a number of expert meetings, which would include discussions about these issues and the whole setup, because this is not an easy thing to do. I'm not suggesting that it can be done in a few months (Use of Whole Genome Sequence Analysis to Improve Food Safety and Public Health)*.

Весьма любопытны жанровые различия функционирования ОК в вопросительных высказываниях. Для научного монолога вопросительно-отрицательные высказывания являются малохарактерными (в изученном материале нам встретился только один пример в статье, где автор критикует концепцию другого исследователя): *We are still left asking why it is the highest auxiliary that is tensed, and consequently fronted. Why not tense and front the lowest auxiliary? (J. Lidz. Constructions on Holiday)*. В научном же диалоге подобного рода конструкции употребляются гораздо чаще и помогают говорящему выразить свое несогласие с собеседником в косвенной, а, следовательно, вежливой форме: *But isn't the status of the embryo something one has got to have a principal position on at some point? (Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research)*.

Что касается прагматических задач, то в обсуждаемых жанрах научной коммуникации отрицательные конструкции, выступающие в роли показателя некатегоричности, употребляются с целью:

– выражения неуверенного предположения при необходимости дистанцироваться от формулируемых суждений или выводов: *Some words function as Reinforcers in certain rather idiomatic phrases, but do not seem to be used in that way elsewhere, so do not appear to be established in the language as Reinforcers. (J. Feist. Premodifier Order in English Nominal Phrases)*;

– выражения несогласия в уважительной и тактичной манере: *First of all, I don't think it's appropriate to describe the current situation as being without any limits (Biotechnology and Public Policy: Embryo and Related Research)*.

При этом в научном монологе обсуждаемые отрицательные конструкции, главным образом, реализуют функцию неуверенного предположения (86% рассматриваемых ОК), что подчеркивает неокончателность интерпретации и указывает на возможность продолжения исследования обозначенной темы. В научном диалоге ОК чаще употребляются в контексте выражения вежливого несогласия (72%), что свидетельствует о стремлении коммуникантов соблюдать принятые речевые нормы.

Заключение. Таким образом, в научном тексте специфика функционирования отрицательных конструкций, выступающих в качестве средств репрезентации категории категоричности / некатегоричности, зависит, с одной стороны, от коммуникативного намерения автора / говорящего, а с другой, – от жанровой принадлежности рассматриваемых текстов, их монологического / диалогического характера.

В анализируемых жанрах преобладают ОК, формирующие значение категоричности, которые усиливают иллокутивную функцию высказывания и помогают автору текста / говорящему выразить уверенность в правоте своей точки зрения. Однако при этом участники научной дискуссии чаще употребляют ОК, осложненные интенсифицирующим компонентом, что согласуется с экспрессивным и спонтанным характером устного научного общения. Кроме того, в научном диалоге ОК, выступающие в роли деинтенсификаторов, как правило, функционируют в контексте выражения вежливого несогласия с собеседником, что обусловлено ориентацией на кооперативное речевое взаимодействие и уважительное отношение к мнению другого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котюрова М.П. Категоричность / некатегоричность как свойство индивидуального стиля речи ученого // Текст: узоры ковры: сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus» / сост. К.Э. Штайн. – Ставрополь, 1999. – С. 133–136.
2. Троянская Е.С. Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (К вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования: сб. ст. / сост. М.Я. Цвиллинг [и др.]. – М., 1983. – С. 3–22.
3. Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-грамматическими категориями // Структура лингвостилистики и ее основные категории: сб. науч. тр. – Пермь, 1983. – С. 15–23.
4. Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. – Изд. 2-е. – М.: Флинта, 2019. – 394 с.
5. Задворная Е.Г. Соотношение категорий категоричности / некатегоричности и толерантности / нетолерантности в научной коммуникации // Мат. ежегод. науч. конф. препод. и аспирантов ун-та, Минск, 17–27 апреля 2020 г.: в 5 ч. – Минск, 2020. – Ч. 3. – С. 11–13.
6. Кормилицына М.А. Категоричность и способы ее смягчения в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – С. 62–72.
7. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge // Text & Talk. – 1998. – Vol. 18. – P. 349–382.
8. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of Philosophical Logic. – 1973. – Vol. 2, № 4. – P. 458–508.
9. Crystal D. On keeping one's hedges in order // English Today. – 1988. – Vol. 4, № 3 (15). – P. 46–47.
10. Топка Л.В. Языковые средства выражения категоричности: сопоставительный анализ // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. М. Малинович. – Иркутск, 2010. – С. 223–230.
11. Данилевская Н.В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестн. Перм. гос. ун-та. – Пермь, 2013. – Вып. 2(22). – С. 37–43.

Поступила 20.10.2022

THE ROLE OF NEGATIVE CONSTRUCTIONS IN FUNCTIONING OF THE CATEGORY OF CATEGORICITY / NON-CATEGORICITY IN THE SCIENTIFIC TEXT

Y. BELIKOVA

(Minsk State Linguistic University)

The article focuses on the role of the negative constructions in functioning of the communicative category of categoricity / non-categoricity in the English-language scientific texts. The analysis reveals two groups of the negative structures. The first group includes negative constructions that act as markers of categoricity and emphasize the author's confidence in reliability of the presented conclusions or legitimacy of the expressed criticism. The second group embraces negative constructions that reduce categoricity of the statement, thus acting as deintensifiers, which emphasizes the interest of the participants of scientific communication in cooperation. The study reveals that the quantitative and qualitative representation of the analyzed groups of the negative constructions is influenced by the genre of the scientific text.

Keywords: *negative constructions (NC), categoricity, non-categoricity, scientific text, scientific monologue, scientific dialogue.*

УДК 82-14

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-13-16

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ М. БОГДАНОВИЧА И В. БРЮСОВА

С.Г. ВАСИЛЬЕВА

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

e-mail: svetlasha_zyatewa@mail.ru

Статья посвящена компаративному анализу интимной лирики М. Богдановича и В. Брюсова с акцентом на особенностях философии любовного чувства в избранных произведениях указанных поэтов. Материалом для анализа стала любовная поэзия М. Богдановича и В. Брюсова. Основными методами исследования являлись сравнительно-исторический и идейно-композиционный анализ.

В результате компаративного литературоведческого анализа выбранных произведений, можно прийти к выводу о специфике авторского видения любовной темы М. Богдановичем и В. Брюсовым. Из осмысления творчества М. Богдановича и В. Брюсова следует, что белорусского поэта больше привлекала интерпретация *agape*, а Брюсова – эроса, оба поэта обращаются к классической антитезе «любовь – смерть», разрабатывая свою концепцию любви.

Ключевые слова: лирика, М. Богданович, В. Брюсов, философия любви, компаративный анализ, символизм.

Введение. Актуальность работы обусловлена тем, что на протяжении всей истории Античность была кладом идей для деятелей искусства. Литература и философия всегда тесно соприкасались, черпая идеи для развития друг у друга. Чтобы наиболее полно охарактеризовать лирическую поэзию М. Богдановича и В. Брюсова, необходимо уделить внимание тем разновидностям любви, которые определены философами Античности.

Цель данной работы – выявить особенности интерпретации любовной тематики в поэзии М. Богдановича и В. Брюсова на примере избранных стихотворений. Для достижения цели статьи следует решить следующие задачи: ознакомиться с лирикой В. Брюсова и М. Богдановича, а также с исследованиями, посвященными данной теме, дать характеристику образному миру лирических стихотворений и проанализировать специфику видения В. Брюсова и М. Богдановича любовной темы.

Материалом для анализа стала поэзия М. Богдановича и В. Брюсова, основными методами исследования – сравнительно-исторический и метод идейно-композиционного анализа художественного произведения.

Основная часть. Первые попытки осмыслить любовь ученые приписывают древнегреческому философу Платону, именно в его работах появляется понятие «эрос» и до него так подробно понятие «любовь» никто не рассматривал. Трактат «Пир» древнегреческого философа интересен тем, что он дает разграничения духовной и телесной любви, указывает на несинонимичность слов «любимый» и «возлюбленный», рассуждает о том, как проявляется любовь, что является начальным у божества Эроса: прекрасное или безобразное, добро или зло. Таким образом, любовь по Платону – это путь не всегда к прекрасному, но стремление к нему, а так как любовь и благо – взаимозаменяемые чувства, то любовь представляет собой одно из высших пониманий счастья, достижение которого возможно тогда, когда человек стремится полюбить и освободиться от своей эгоистичности-независимости путем осознания дара Эроса. Осознание этого приводит ищущего к «деторождению», это обозначает не просто физиологический процесс, а духовную зрелость и состоятельность в умственном плане. Следовательно, стремящиеся любить идут по пути к вечному: прилагают усилия для продолжения собственного начала, своего рода. И тот, кто на протяжении долгого времени не теряет веру в прекрасное, наконец-таки достигает бессмертия и получает любовь богов. Но истина все же находится посередине: каждое наслаждение должно иметь какие-либо ограничения и лишения, но никоим образом не переизбыток.

Понятие любви у Аристотеля представляет собой веру в блаженство тела. В отличие от Платона, который не отрицал возможности телесной любви, но все-таки говорил о попытке ограничения личности в чувственном аспекте, Аристотель считал, что любовь берет начало из сексуального сладострастия, однако данная предпосылка не является единственной в своем роде. Любовь как сладострастие не представляет собой нечто отрицательное, выступающее на стороне зла, а только один из вариантов реализации личности, души. Также у Аристотеля осмыслиется образ матери, вместе с этим позиционируется любовь другого рода: любовь как выражение заботы, покровительства.

У древних греков эрос – это, прежде всего, любовь как влечение, без фатальных результатов, обременяющих ошибок, эрос – просто страсть человека. Однако понятие «эрос» употреблялось не только как синоним Бога, есть и другая семантика данного понятия. Например, у Гомера слово «эрос» используется в значении «желание». Таким образом, эрос – это страсть, желание, природные влечения человека.

Как только христианство получило свое развитие и стало представлять одну из основных религий, оно внесло новые веяния в духовное осмысление жизни. Раньше любовь была связана с какими-то объектами: любили за красоту, за заслуги, за достижения. В христианстве античная схема любви перестает работать. Религия учит любить только потому, что человек существует на Земле.

С появлением рыцарства в литературе возникает понятие куртуазной любви. Прекрасный рыцарь не только должен быть воплощением доблести, отваги и смелости, но и образованным, изысканным и, конечно, иметь свой идеал любви. В литературе появляется ориентация на изображение интимных чувств человека. Женщина, она же

прекрасная дама, становится объектом поклонения. Поэт выступает одной из основных фигур при королевском дворе или дворе влиятельного аристократа. Произведениям о любви того времени присуща легкость, аристократичность, изысканность мысли и стиля. Не ускользает от подробного описания и внутренний мир лирических героев, чувствуется влияние античных произведений, но эпоха Средневековья привносит свои изменения в язык повествования, появляется склонность к монологизации, автор внимателен к деталям.

Литература периода Возрождения воспевае божественную любовь, Франческо Петрарка одним из первых в сонетах описал недостижимый образ любви человека и благословил твердую формулу сонета на долгую жизнь: *«Мастером, который довел эту популярную форму до невиданного блеска, явился Франческо Петрарка, создавший только в составе «Книги песен» более трехсот сонетов»* [1, с. 9]. Возлюбленная Лаура – центральный образ лирики итальянского поэта: *«Мне стыдно иногда, что до сих пор / Я ваших чар стихами не приветил, / Хотя со дня, как вас впервые встретил, / Прекрасней никого не видел взор»* (перевод А. Эфроса) [2, с. 41]. Руководствуясь историческим экскурсом, В. Брюсов пишет цикл стихотворений «Италия эпохи Возрождения», состоящий из двух сонетов «Сонет в духе Петрарки», «Сонет в духе XIV». В XVI–XVII вв. понимание любви меняется. Главенствующими понятиями в культуре начинают выступать верность, преданность одному объекту любви. При этом душа не имеет разделения на мужское и женское. Восемнадцатый век ознаменован провозглашением женского великолетия, популярен культ телесной красоты.

В российской философии теории любовных отношений стали по-настоящему уделять внимание лишь в XIX – начале XX вв. Было написано множество трудов, которые полностью компенсировали прежнее «молчание» русских исследователей. Западные философы (например, экзистенциалисты) различают две основные формы любви: *агапе* и *эрос*. В русской философии оставались популярными философские взгляды на любовь Платона, утверждалось, что истинная любовь основана на внимании к интересам другого человека, милосердии, сострадании, сочувствии. Сторонниками первого варианта были В. Соловьев, З. Гиппиус, Н. Бердяев и другие, а второго, дополненного временем, – И. Ильин, С. Булгаков, П. Флоренский. В философии всеединства Владимир Соловьев доказывал важность синтеза искусства и религии [3]. С течением времени его последователи, углубляясь в религиозно-философскую мысль, сформировали *триадологию любви*, основанную *«на соединении Божественной и человеческой природы во Христе, идеи человека как образа и подобия Божия»* [4]. Человечество не может без любви, а сама любовь не может быть конечным результатом, она *«бесконечный путь, путь преодоления себя и обретение ближнего, путь борьбы с самим собой, путь единственный, но соборный, путь не к себе, но к Богу и поэтому путь становления богоподобной личности»* [4].

Работы Владимира Соловьева, основанные на осмыслении любви, вдохновляли Валерия Брюсова, притом что сам В. Соловьев невысоко отзывался о символистах, о чем свидетельствует его саркастическое стихотворение «Пародии на русских символистов» (1895 г.). Автор отождествил любовь и страсть и утверждал, что страсть часто приводит к трагическим последствиям. Он выделял три вида любви: нисходящую, восходящую и половую. Подчеркивал двойственную природу любви, на что откликнулся В. Брюсов: *«Я люблю тебя и небо, только небо и тебя, // Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя»* [5, с. 97]. В. Соловьев осуждал эгоизм, полагая, что он присутствует во всем, с чем сталкивается человек, любовь в этом отношении не составляет исключения.

В трактовке любви философия В. Соловьева была близка и М. Богдановичу. Его лирический герой «растворяется» в любовных коллизиях, сочувствуя мукам матери, сердечным страданиям. Стихотворение «На могилках» повествует о любви, пережившей смерть: *«І ціха думаў я: быць можа, / Любоў, палегшы у трунах, / Перамагла і смерці жах!»* [6, с. 201]. Амур с повязкой на глазах олицетворяет любовь, очевидно, что здесь автор хотел рассказать не о «слепой» любви, которая способна идеализировать возлюбленного. В мире нет ничего перманентного, возможно, что именно чувства вечны, им не страшна даже смерть: *«Но смерть не побеждает жизнь, потому что жизни помогает любовь ...»* [7, с. 46]. В стихотворении «Пачуццо цёмнаму падлеглая» М. Богданович пишет о трагизме женской судьбы как расплаты за любовь: *«І ведаеш, табе мучэньні / І нават мо канец жыцця / Сабой накліча пры раджэньні, / Ірвучыся на свет, дзіця»* [6, с. 133]. Это своего рода «диаволический дискурс», который так любили символисты и о котором говорит исследователь А. Ханзен-Лёве: *«Все данное в имманентности посястороннего, все то, что тщилось быть символизированным, должно быть разоблачено, то есть обесценено – и обесценено посредством отрицания, переворачивания, аннигиляции, то есть посредством «диаволизации» на мотивно-тематическом уровне; или же все это (как потустороннее, так и посястороннее) может быть в своей фиктивной «призрачности» подвергнуто «обезьязычиванию» (то есть происходит нарушение, ослабление или распад референтной функции речи вплоть до антикоммуникации и молчания)»* [8, с. 57–58]. Единство реального мира и скрытого М. Богданович акцентирует в последней строфе: *«Таксама без надзей да спыну / У пропасць чалавек ляціць / І скванна ўніз, на дно страмніны, / З салодкай жудасцю глядзіць»* [6, с. 133].

Весь цикл «Каханне і смерць», за исключением нескольких стихотворений, окрашен трагичностью, чаще всего именно с деторождением писатель связывает темную сторону любви. Так, любовь у М. Богдановича («На могилках») и у В. Брюсова («Снова», «Слова тоскующей любви») – это способ выражения, как и у европейских символистов, идеи неоднозначности, порой амбивалентности, явлений: то, что должно было привести к позитивному, выливается в негативное: *«Смерть, вырастающая из страсти витального и эстетического творчества, – это «смерть в любви» («Пурпур бледнеющих губ...», Брюсов, I, 84; «Красота и смерть неизменно одно...», там же) или «смерть в искусстве» («...И умерший миг в искусстве / Беспредельной жизнью дышит», Брюсов, I, 584) – противопоставлена «любви к смерти», эротизации Танатоса (плоть до некрофилии), которую еще современники отмечали как особенно заметную черту декадентства...»* [8, с. 355].

Стихотворений, посвященных материнской любви, у В. Брюсова не так много («У колонны», «Одна», «Матери на именины», «У земли»). М. Богданович часто воспевае любовь матери: *«I души мацярэі нас могуць чараваці; / Вышэйшая краса – ў іх злітнасці жывой»* [6, с. 122]. Поэт использует антитезу и одновременно отождествление, сопоставляет испачканную деревенскую девчонку с Мадонной, подчеркивая чистоту женской доброты, материнской любви. Такого рода любовь древние греки характеризовали словом «агапе». В. Брюсов также обращается к образу «Матерь-Девы»: *«Матерь бога пресвятая, / Ты сумеешь мне помочь»*. В посвященном Богоматери мадригале «Мой Маяк» русский поэт использует рефрены 1-й, 4-й, 7-й («Мой милый маяк, моя Мария»), и 2-й, 8-й строчки («Мечтам марцаюющий маяк»). Стихотворение напоминает молитву, создавая образ страха моряка путем световых (мерцающий маяк), акустических (молчаньем манит) и цветовых (марева морские, мутный мрак) примет, к концу показывая уверенность в защите Богоматери. В современном понимании агапэ трактуется не просто как понимание возвышенной, идеализированной любви, а как любовь Бога к человеку либо как материнская любовь.

Однако агапэ и эрос схожи друг с другом тем, что это наивысшее выражение любви. Как известно, в древнегреческом языке было много слов для обозначения разных видов любви: «людус», «мания», «прагма», «сторге», «филия». В цикле «Эрос» М. Богданович описывает именно эту форму любви – любви-страсти: *«I ўраз згадаў мне рад уздыхаў прыглушонах, / I мук любоўных крык, / I цела гібкага шалёнасць, ізвінанне, / I п'яны, душы пах...»* [6, с. 154]. В. Брюсов в стихотворениях «Тишина», «Неизбежность», «Благословление» также пишет об эросе: *«Сладострастные тени на темной постели окружили, легли, притаились, манят...»* [5, с. 45]. У обоих поэтов страсть имеет негативную окраску, но есть стихотворения, где В. Брюсов восторгается ею («После ночи», «Перед тобою я»), считая её неотъемлемой частью любви.

Христианская религия акцентирует внимание на необходимости верности объекту любви, резко осуждая прелюбодеяние. Лирический герой М. Богдановича сокрушается изменой любимой: *«I каханачка – ды няверная. / Пакахала – як яхант даравала. / Яхант-камень – сэру ён на сараванейка, / Прападаю праз каханейка»* [6, с. 243]. Любовь для лирического героя – драгоценный камень, неверная возлюбленная вспоминается без осуждения. У В. Брюсова измена в любви предстает как достаточно обычное явление, где один из любящих страдает: *«Я изменил – но ты не изменила, / Лишь отошла, поникнув головой, / Когда меня смутила злая сила»* [5, с. 156]. Главный герой сокрушается о совершенной ошибке, поведение возлюбленной – немой укор его поступку.

В стихотворении М. Богдановича «Першая любоў» любовь репрезентирована как чувство, дающее человеку смысл жизни: *«Іду я радасны, харошы, / Знікае с сэраца пуста...»* [6, с. 189]. В. Брюсов также подчеркивает незабываемость встреч героя с возлюбленной. В стихотворении «Первые встречи» (обращаясь к множественному числу поэт подчеркивает неоднократность таких событий, что отличает его от возрожденческой концепции Петрарки и Данте преданности одной Даме) его лирический герой признаётся: *«Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч, / Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!»* [5, с. 179]. Работая с антитезой любовь – страсть В. Брюсов показывает губительную силу любви в отличие от Богдановича, у которого любовь светлая, восторженная, непобежденная смертью.

Особенность культуры Средневековья – поэтизация человеческих страданий. Символисты любили обращаться к этому историческому периоду, В. Брюсов и М. Богданович также не проигнорировали его. Определение куртуазной любви толковалось средневековыми авторами как «кистинная» любовь. Восьмистрочное стихотворение «Триолет» М. Богдановича выдержано в классических канонах: 1, 2 и 7, 8 строчки в точности повторяются («Мне доўгае расстане з Вамі / Чарней ад Ваших чорных кос» [6, 202]). Раскрывая мотив страдания, автор «Венка» синтезирует краски («черные косы», «я побледнел») и звуки («горькие слёзы», «начал словами»). В поэзии Европы триолет считался салонным видом стихотворения. В XX веке к актуализации твердой формы были причастны символисты. Примечательно, что Е.В. Бублик (2017), перечисляя известных символистов, обращающихся к триолетам (Мирра Лохвицкая, В.Ф. Ходасевич, К.А. Липскеров, К.Д. Бальмонт, В.И. Иванов, В. Я. Брюсов) упоминает и Максима Богдановича.

Сонеты, посвященные любви, вдохновляли не только представителей литературы, оседая в музыке, живописи. М. Богданович и В. Брюсов вкладывали в сонетную форму свои идеи. Среди учителей-кумиров белорусского поэта О.И. Федотов и А.О. Шелемова называют Горация, Овидия, Данте, Шекспира, Шиллера, Гейне, Пушкина, Фета, Верхарна, Верлена, Брюсова и Блока, имея в виду не только переводческую деятельность, но и частое использование поэтом эпиграфов в виде ссылок на авторитетных классиков мировой литературы (Данте и Петрарка). Для нас важно упоминание фамилии символиста Брюсова: *«Особый интерес вызывают сонеты Богдановича, написанные в пору повального изучения этой жанрово-строфической формой в русской литературе»* [7, с. 39]. В книге О.И. Федотова «Сонет серебряного века» представлены 38 сонетов, посвященные любви, известным историческим личностям (в частности есть «Сонеты в духе Петрарки», «Итальянский сонет в духе XIV в.»). У В. Брюсова в стихотворении «Предчувствие» любовь ассоциируется со смертельным ароматом, ящерами, удавами: *«День проскользнет. Глаза твои смежтятся / То будет смерть. А саваном лиан / Я обовью твой неподвижный стан»* [5, с. 44]. Такой оттенок трагичности соответствует концепции создания символического образа.

Заключение. Осмысление любви античными философами стало основой для поэтов разных эпох. Классификация видов любви, предложенная древнегреческими авторами, остаётся актуальной и для нашего времени. Свообразно идеи философов античности проявились в творчестве крупных поэтов начала XX века – Валерия Брюсова и Максима Богдановича. Компаративный анализ избранной лирики представителей символизма позволяет говорить о том, что М. Богдановича больше привлекало осмысление агапе, а В. Брюсова – эроса. При осмыслении любви оба поэта обращаются к классической антитезе «любовь – смерть», разрабатывая свою концепцию

любви в теории символического дискурса. Экспериментируя с темами, обращаясь к историческому экскурсу развития понимания любви, они показали нам мастерство освоения классических форм сонета, увлекаясь не только общепризнанными твердыми формами, но и осваивая редкие лирические жанры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сонет серебряного века: рус. сонет конца XIX — нач. XX вв. / Федотов О.И. сост.; сост., вступ. ст. О.И.Федотова. — М.: Правда, 1990. — 768 с.
2. Петрарка Франческо Канцоньере; Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру; Книга писем о делах повседневных; Старческие письма. — М.: РИПОЛ классик, 2002. — 736 с.
3. Соловьев В. Смысл любви / В. Соловьев / сост. В.А. Романец. — Киев: Лыбидь –АСКИ, 1991. — 64 с.
4. Павенков В.Г., Павенков О.В. Триадология любви П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова [Электронны рэсурс] // *Studia Humanitatis*. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/triadologiya-lyubvi-p-a-florenskogo-i-s-n-bulgakova>. (дата обращения: 31.01.2021).
5. Брюсов В.Я. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского. — М.: Худ. лит-ра, 1980. — 574 с.
6. Багдановіч М. Зорка Венера: творы / уклад і прадм. А. Клышкі. — Мінск: Маст. літ., 1991. — 462 с.
7. Федотов О.И., Шелемова А.О. Сонеты Максима Богдановича // *Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика*. — 2015. — № 4. — С. 39–49.
8. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / Пер. с нем. С. Броммерло, А.Ц. Масевича, А.Е. Барзаха. — СПб.: «Академический проект», 1999. — 512 с.

Поступила 20.10.2022

THE PHILOSOPHY OF LOVE IN THE LYRICS OF M. BOGDANOVICH AND V. BRYUSOV

S. VASILYEVA

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article is devoted to a comparative analysis of the intimate lyrics of M. Bogdanovich and V. Bryusov with an emphasis on the peculiarities of the philosophy of love feeling in the selected works of these poets. The material for the analysis was the love poetry of M. Bogdanovich and V. Bryusov. The main research methods were comparative-historical and narrative and compositional analysis.

As a result of comparative literary analysis of the selected works, it is possible to come to the conclusion about the specifics of the author's vision of the love theme by M. Bogdanovich and V. Bryusov. From the understanding of the works of M. Bogdanovich and V. Bryusov it follows that the Belarusian poet was more attracted by the interpretation of agape (unconditional love), and Bryusov – eros. Both poets turn to the classical antithesis "love - death", developing their own concept of love.

Keywords: lyrics, M. Bogdanovich, V. Bryusov, philosophy of love, comparative analysis, symbolism.

УДК 82.0“20”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-17-23

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИФОНИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
В РОМАНАХ Е. ВОДОЛАЗКИНА, М. ШИШКИНА, В. ШАРОВА: НАРРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ****Н.Б. КОРОЛЬ***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*

Статья посвящена анализу нарративного уровня романов «Брисбен» Е. Водолазкина, «Письмовник» М. Шишкина и «Возвращение в Египет» В. Шарова сквозь призму полифонии. Указанные произведения рассматриваются с перспективы специфики организации хромотопа, а также структурирования временных точек зрения. Делаются выводы о нелинейности событийного ряда в романах «Брисбен» и «Письмовник», в случае Водолазкина обусловленного «спиральностью» времени, в случае Шишкина – архетипичностью всего происходящего. «Возвращение в Египет» рассматривается с точки зрения бахтинской «драматизации» романного действия, предполагающей одномоментность незавершимого диалога. В статье анализируются особенности образов нарраторов, выделяются типы повествователей в исследуемых текстах на основе терминологии В. Шмида и Я. Линтвельта. Характеризуется нарративная ситуация в произведениях, обозначаются её виды и выявляется полифоническое совмещение акториального, аукториального и нейтрального типов. Исследуются образы рассказчиков по отношению к общей идее текстов, обнаруживается и описывается гармоничное объединение полифонической наррации с монологически выраженной романной концепцией. Демонстрируется возможность отражения Авторского взгляда через элементы нарративной структуры, относящиеся к полифоническому видению художественной реальности.

Ключевые слова: *Е. Водолазкин, М. Шишкин, В. Шаров, наррация, полифония, монологизм, повествователь, рассказчик, нарративный тип.*

Введение. Феномен полифонии, открытый и разработанный М.М. Бахтиным на примере текстов Ф.М. Достоевского, наиболее ярко проявляется на нарративном уровне текста, что связано с особыми приемами повествования, являющимися необходимым условием для создания главного признака полифонического текста – идейного равноправия персонажей-голосов. Как отмечает М.М. Бахтин, для романов Достоевского не характерно традиционное линейное развертывание нарратива, автор стремится к одновременности, в которой мыслит единственный путь к наиболее полному отражению диалога между голосами [1, с. 36]. Для полифонического текста также характерна «мозаичность» выстраивания сюжета, отсутствие закономерной связи между перенесенными в роман частями фабулы, т.к. автор, по мнению В. Комаровича, «выхватывает, вырывает [части действительности] из закономерной цепи реального <...>: роман Достоевского замыкается в органическое единство не сюжетом» [2, с. 37]. Соответственно, детерминизм поступков персонажей зачастую эксплицитно не выражен.

Для полифонического романа, в частности, романов Достоевского, характерна драматическая наррация, основанная на одномоментности действия, раскрытии идейно-тематического и сюжетного уровней в диалогах, объективный взгляд автора-творца и его внеаходимость в тексте. При этом принципиально важной является постоянная смена точек зрения по ходу повествования (художественный мир раскрывается с перспективы каждого из носителей идеи). Кроме того, автор, не подчиняя себе героев, делает их создателями собственного текста, выраженного в представлении ими своего взгляда на бытие (поэма Ивана Карамазова, статья Раскольникова). Полифоничность композиции очерчивается и в совмещении писателем типов повествования, характерных для разных жанров (детектива и философского романа).

Современный взгляд на полифонию во многом основан на проблеме целостности полифонического романа, вытекающей из представления о невозможности отсутствия в тексте авторской завершающей позиции. В текстах с монологически окрашенным идейным центром литературоведы находят перечисленные выше приемы полифонического построения повествования, а также выявляют новые признаки полифонии в неполифонических (с бахтинской точки зрения) произведениях. От общего идейного анализа текстов ученые переходят к «уровневому» исследованию произведений, предполагающему нахождение и описание полифонических признаков вне зависимости от общего, зачастую монологического, целого. Появляются следующие типы полифонии, основанные на связи именно с нарративным уровнем: «жанровая» (Д.К. Карслиева, Н.Е. Титкова), «композиционная» (О.А. Харитонов, Н.Р. Уваров), «сюжетная» (О.В. Барский, Ю.Н. Чумаков), «повествовательная» (П.А. Колобаев, О.И. Осипова).

Обобщая исследования указанных учёных, отметим, что характерными элементами полифонической наррации литературоведы видят: 1) возможность персонажей быть единственными субъектами повествования; 2) описание одного и того же события с разных, причем ненадежных, точек зрения, создающих двусмысленность сюжетной линии; 3) использование несобственно-прямой речи, интертекстуальных элементов, аллюзий; 4) функционирование нескольких имплицитных (нереализованных) сюжетных линий, позволяющих реципиенту воспринимать один и тот же текст по-разному; 5) объединение двух и более повествовательных жанров, образующее уникальное нарративное событие. При этом пути реализации полифонии в текстах разнообразны и индивидуальны, в связи с чем цель нашего исследования – определить специфику полифонических приемов в произведениях современных авторов. Объект исследования – романы В. Водолазкина «Брисбен», М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет». Предмет исследования – особенности проявления полифонии на нарративном уровне указанных произведений. Методы исследования – нарратологический и структурно-семиотический.

Несмотря на сложность повествовательного акта у Водолазкина, исследований его романов с позиции нарративного подхода на данный момент недостаточно. О.А. Гримова, исследуя творчество Водолазкина с точки зрения романной интриги, отмечает в тексте «Лавра» совмещение любовной интриги, «романной по своему характеру», с «житийной интригой поиска правильного пути» [3]. А.А. Лысова анализирует нарративные модальности в романе «Соловьев и Ларионов», и, ссылаясь на мнение В.И. Тюпы, пишет, что профессор Никольский ставит под сомнение «любые высказывания в модальности знания, стремится к высказыванию в модальности понимания, направленной, как пишет В.И. Тюпа, на диалогическую верификацию во встрече с другим сознанием» [4, с. 19]. Так, оба исследователя отмечают особенности, по своей природе относящиеся к полифоническим, однако для составления цельной картины функционирования феномена полифонии на нарративном уровне романов Водолазкина на данный момент не существует достаточного количества исследований, в частности, не изучена система точек зрения, а также место в ней авторской позиции и позиции повествователя/рассказчика.

Проблемное поле работ по анализу наследия М. Шишкина в основе своей связано с вопросами поэтики произведений автора. В первую очередь, литературоведы обращаются к определению художественного метода писателя. А.Р. Ингеманссон отмечает в прозе Шишкина «активное взаимодействие русской реалистической литературы с элементами постмодернистской образности» [5, с. 20], по мнению ученого, произведения автора находят «на стыке литературных направлений реализма и постмодернизма» [6, с. 137]. С.П. Оробий пишет, что М. Шишкин демонстрирует «специфически русскую любовь к Акакию Акакиевичу на художественном языке Джойса и Пруста» [7, с. 7], имея в виду авторское совмещение реалистического и модернистского методов. К таким же выводам приходят В.Л. Шуников, Ю.Г. Бабичева, М.С. Татаринцева, С.Н. Лашова и др. В связи с проблемой художественного метода возникает вопрос специфики повествования в текстах М. Шишкина: исследователи обращают внимание на систему точек зрения и их иерархию, функции высказывания нарраторов и героев, стилистическое оформление «слова» персонажей и повествователей, а также на структуру сюжетов (В.Л. Шуников, А.Р. Ингеманссон, Т.Г. Кучина, Т.Л. Рыбальченко, Е.М. Тюленева). Т.Г. Кучина «определяющей чертой художественной организации романов М. Шишкина» считает «многосубъектное повествование, в котором партии «я»-повествователей сменяют друг друга в едва заметных флуктуациях речевого потока» [97, с. 101]. Того же мнения придерживается О.О. Лысова, описывая структуру «Письмовника» как «полидиалогичную», со «сложной субъектной организацией» [4]. Т.Л. Рыбальченко утверждает, что текст романа «Взятие Измаила» «представляет собой пастиш, сплетение словесных фрагментов, <...>, принадлежащих разным субъектам, стилизующим разные культурные дискурсы, разные типы речи, разные жанры» [10, с. 65].

В текстах В. Шарова ученых интересуют особенности нарративного пространства произведений писателя, в частности, система точек зрения, позиция рассказчика по отношению к читателю и героям, функционирование стилей в текстах, их жанровая и родовая принадлежность, а также специфика структуры хронотопа. М.В. Ларина, анализируя роман «Репетиции», пишет: «Жанр романа трудно определим: постантиутопия, квазиисторический, параисторический, философский роман, абсурдистский роман, “роман-фантазмагория на стыке реалистической прозы и постмодернизма”» [11, с. 87]. Кратко представим выводы И.В. Шейко-Маленьких, который в своей работе обратился к исследованию структурных особенностей романов автора. Ученый отмечает наличие в текстах писателя «множества видов времени», «смещение религиозного, научного и политического дискурсов», «внезаходимость» точки зрения рассказчика, а также «смещение стихов и прозы, стилей речи и жанров» [12, с. 87]. Однако в то же время системного анализа полифонических элементов, функционирующих на нарративном уровне исследуемых произведений, на данный момент практически нет.

Основная часть. Из трех анализируемых текстов наиболее приближенным к бахтинскому пониманию полифонии является «Возвращение в Египет» В. Шарова, однако в романах Е. Водолазкина и М. Шишкина используются похожие приемы построения, и все они так или иначе ведут к монологически окрашенному центру. В случае Водолазкина – это идея цикличности времени, за которой следует духовное бессмертие, основанное на христианском мировоззрении, в случае Шишкина – поиск путей к воскрешению субъекта во внетекстовой реальности, характерный для позднего постмодернизма. Для Шарова, в отличие от предыдущих авторов, основная цель литературного творчества – не утверждение своего миропонимания, а попытка продемонстрировать мировоззрение людей XX века, наиболее сложного в истории России, т.к. основную функцию литературы писатель видит в возможности «реконструировать, как люди жили и понимали жизнь»¹. При этом в романе Шарова функционируют повествовательные элементы, позволяющие реципиенту выявить и авторскую точку зрения. Во всех исследуемых романах авторы передают наррацию диегитическим (термин В. Шмида) повествователям, т.е., в соответствии с основным признаком полифонии, убирают из текста ориентирующий в системе ценностей «авторский» взгляд. Причем в романах «Брисбен» и «Возвращение в Египет» интегрируются две повествовательные ситуации: в терминологии Я. Линтвельта, это наррация от первого лица, предполагающая идентичность повествователя и героя (актуальный тип) и ситуация, при которой повествование лишено индивидуализированного центра, интерпретирующего происходящие события (нейтральный тип). За нейтральный тип повествования в романах также отвечают диегитические нарраторы, что организует сложную многоуровневую систему, которую наиболее точно описывает В. Шмид, вслед за Б. Ромбергом предлагая разграничение нарраторов на «первичных», «вторичных» и «третичных» [13].

¹ Быков Д.А. Интервью с Владимиром Шаровым [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-2015-vladimir-sharov>.

Для «Брисбена» первичным нарратором, по сути, является Глеб Яновский, главный герой произведения, тогда как писатель Нестор появляется как персонаж дневников Яновского. Однако половина всего романа – это биографический роман Нестора о главном герое, что делает Глеба Яновского вторичным нарратором, а Нестора – первичным. Причем диегитический повествователь, Нестор, выступает именно в качестве нейтрального типа, т.к. в своем тексте не дает оценку происходящему, оставаясь бесстрастным «фиксатором» событий жизни Глеба. В «Возвращении в Египет» первичным нарратором, организующим всю дальнейшую систему повествования, является сам биографический автор, а точнее, его повествовательная маска: писатель вводит диегитического персонажа со своим именем, который якобы находит архивы представленной в романе переписки и распределяет её по годам. Все остальные герои произведения остаются вторичными нарраторами, несмотря на то что в тексте преобладает акториальный тип повествования, т.е. персонажи сами рассказывают о своей жизни. Первичный нарратор никак не комментирует найденную переписку и «исчезает» в самом начале романа, однако все же «ненадежность», свойственная данному типу повествователя, проявляется в тексте: письма героев произведения представлены не целиком, это выбранные первичным нарратором места. В романе М. Шишкина «Письмовник» система повествования однолинейна и представляет собой сугубо акториальный тип, где нарраторами выступают диегитические повествователи – главные герои Саша и Володя.

Соответственно, все исследуемые авторы, в рамках классического взгляда на полифонию, сосредотачивают свои произведения на раскрытии и демонстрации чужого сознания, причем делают это через посредников, что создает эффект отсутствия авторского довлеющего взгляда в тексте. Характерный для монологических романов недиегитический повествователь аукториального типа полностью исключается из художественного целого (т.е. в романах нет заведомо истинной точки зрения, которую реципиент ассоциирует с авторской личностью).

При этом нарративная система все еще подчиняется имплицитному надтекстовому единству, выразителем которого является, в терминологии Шмида, нарратор более высокого порядка, или Автор. Особо четко монологическое начало отражается в романе В. Водолазкина «Брисбен», т.к. личность биографического автора может быть соотнесена с обоими рассказчиками: писатель, по образованию медиевист, дает биографу главного героя имя древнерусского летописца, связь же Водолазкина и Глеба Яновского основана на включении автором в текст собственного опыта и своих воспоминаний (например, сцену разыгрывания Глебом дуэли Ленского и Онегина вспоминает сам Водолазкин в своем эссе из книги «Идти бестрепетно»). Ничем не отличающиеся с фразеологической точки зрения нарраторы все же имеют разные повествовательные интенции: задачей Нестора, пересекающей с задачей Автора, является феноменологический подход к описанию чувств ребенка, впервые сталкивающегося со смертью; в дневниках Глеба акцент с личностного восприятия переносится на передачу эмоций жены и дочери главного героя. Это связано с единым мировоззренческим целым, т.к. Глеб Яновский, вслед за Автором, начинается осознать свое бессмертие в любви и продолжении рода. Именно поэтому биографический роман Нестора наполнен ольфакторными и аудиальными мотивами, наиболее полно передающими ощущения Глеба, а дневники Яновского – диалогами и чувствами его близких.

В случае М. Шишкина выбор формы текста – эпистолярного романа – также обусловлен авторской интенцией: писателя еще со времен его раннего творчества интересует тема смерти и вечной жизни в Слове. Связано это с постмодернистским философским понятием «смерти субъекта», разработанным Ж. Батаем, Р. Бартом, М. Фуко и др., которое означает перенос понимания субъекта с актора на процесс рассказывания, когда не человек остается единственным субъектом познания, а управляющие им языковые паттерны, которые и есть, по сути, текст. Шишкин, исходя из мысли о том, что единственная реальность – в Тексте, вечным считает только записанное, соответственно, эпистолярная форма, при которой персонаж буквально «фиксирует» себя, является наиболее подходящей для исследования Слова и воскрешения в записанном. При этом внутри романа функционирует и противоположная идея, вступающая в диалог с описанной выше и основанная на понятии уже позднего постмодернизма – «воскрешение субъекта». В связи с нивелированием личности из процесса письма и познания, автор обратился к поиску универсальных ценностей, которые могут стать опорной точкой для «возвращения» человека, и смыслом жизни здесь становится, как и у Водолазкина, любовь. Так, с одной стороны, эпистолярная форма призвана продемонстрировать первую из описанных идей, а выбор рассказчиков – влюбленных Саши и Володи – вторую, основанную на вечной жизни в продолжении рода.

Для В. Шарова основной мотив использования эпистолярной формы – интерес к людям и их пониманию жизни, в связи с тем, что письма наиболее лирично и глубоко раскрывают личность и передают её знания о мире. Шаров, историк по образованию, исследует XX век через призму индивидуальностей, именно ценность их точки зрения на жизнь того времени и определяет формальную организацию «Возвращения в Египет». Герои в указанном романе как бы подчинены сами себе, интерпретируются и оцениваются их точки зрения с перспективой таких же ненадежных диегитических рассказчиков, которые могут и должны ошибаться. Соответственно, разветвленная идейная система романа, основанная на столкновении множества мнений и теорий, базируется на нарративном уровне, благодаря которому и возможна крайняя автономность персонажей-голосов. В то же время именно через систему повествования в текст проникает авторский взгляд на изображаемый мир: та точка зрения, с которой Автор, или нарратор более высокого уровня, смотрит на события произведения, позволяет сориентироваться в равноправной моноголосице и выбрать те идеи, которые в той или иной степени стремятся к истине.

Общим элементом в наррации романов Е. Водолазкина и М. Шишкина является стремление к организации такого хронотопа, при котором бы линия времени в принципе нивелировалась. Структура текста «Брисбена» обусловлена перманентным пересечением прошлого и настоящего: с одной стороны, это столкновение времен

через биографию (прошлое) и дневник (настоящее), с другой – возникновение ретроспективы и в части о настоящем. Уже на уровне хронотопа в романе проявляется диалогизм, т.к. автором совмещаются две принципиально разные картины мира: с одной стороны, это античное время, предполагающее основанную на мифологическом мировоззрении цикличность, с другой – иудео-христианское, при котором жизнь развернута исключительно в будущее (от сотворения мира до Страшного суда). Ориентиром в организации художественного мира для Водолазкина является христианская философия, совмещающая две представленные выше системы времен: земное (линейное) и небесное (вечное). В творчестве писателя актуализируется образ спирали как метафора времени, объединяющего линейность и цикличность: «Спираль отражает <...> тип истории, который в равной степени касается времени и вечности, повторяемости и неповторимости» [4, 95].

По мнению Водолазкина, земное (профанное) время, сопряженное с небесным (сакральным), рождает принцип течения жизни, при котором одни и те же события ведут к качественно новому уровню развития героя. Именно с этим связано понимание Автором бессмертия: ничто не уходит бесследно, ко всему можно вернуться, т.к. «с точки зрения вечности нет ни времени, ни направления» [14, с. 399]. Соответственно, нарративная структура сюжетного ряда включает в себя множество прямо или метафорически повторяющихся событий, которые так или иначе ведут героя к осознанию духовного бессмертия. Например, в романе по ходу всей фабулы повторяется событие смерти или смертельной болезни (умирают мать главного героя, его бабушка, соседка, дочь, незнакомая девушка с пляжа и т.д.), при этом каждая из этих смертей воспринимается Глебом Яновским по-разному – от убеждения в бессмысленности бытия до ощущения духовной свободы и веры в загробную жизнь. Помимо этого, часто возникает событие влюбленности, которое также продвигает Глеба на новую ступень понимания мира: телесное влечение не приносит герою успокоения, тогда как встреча с Катей открывает для персонажа вечность в любви. Жизнь в романе представлена как совокупность «всех прожитых тобой моментов» [14, с. 242], к которым, как отмечалось, всегда можно вернуться, что эксплицировано в самом персонаже. Глеб Яновский, на сюжетном уровне отражая концепцию спиральности времени, пытается в точности воспроизвести их первую ночь с женой, отмечая, что она «почти не уступает» первой, – соответственно, повторение действительно возможно, однако уже на новой ступени развития самих героев.

Посредством Текста размываются временные модусы и в романе «Письмовник»: на первый взгляд, классический для эпистолярного жанра сюжет переписки двух влюбленных трансформируется, т.к. девушка Саша пишет из конца XX века, а парень Володя участвует в русско-японской войне в начале XX века и на момент переписки уже мертв, т.е. главная функция бытового письма – коммуникативная – в тексте фактически отсутствует. Объясняется подобное решение в организации хронотопа через понятия смерти и воскрешения субъекта: главенствование Текста над личностью делает любую судьбу архетипом, если все истории в той или иной форме уже рассказаны, т.е. их структура стала паттерном, то для переписки не имеет значения конкретность Саши и Володи, они в любом случае когда-то жили или еще будут существовать, соответственно, герои действуют в вечности. Реальные исторические события у Шишкина (подавление ихэтуаньского восстания) смешиваются с художественным вымыслом, «реальные» воспоминания героев с воспоминаниями «архетипичными». Так, например, и Володя, и Саша имеют общее прошлое, они фактически помнят друг друга, хотя никогда не встречались, т.е. через хронотоп реализуется идея о смерти субъекта и превалировании акта над актором, т.е. Текста над человеком: «Гармония переместилась в писание. Теперь письмо не отражение красоты, а сама красота» [15, с. 149]. При этом в романе четко прослеживается монологически окрашенная идея природного воскрешения – через умирание и рождение, – что ведет к возникновению диалога не только на уровне системы персонажей, но и внутри структуры самого текста: «Мне казалось, что слова – это высшая истина. А оказалось – какой-то фокус, мошенничество, ненастоящее, недостойное» [15, с. 201].

Центральной нарративной точкой в тексте «Письмовника» становится крайняя лиризация: герои детализировано описывают свои воспоминания, чувства и впечатления. Ведущее место в создании эмоционально значимой картины прошлого занимают ольфакторные и аудиальные мотивы: «Нет, отовсюду звуки, но такие мирные, чудесные – лошадь цокнула, храп из соседней палатки, в лагере кто-то зевнул <...>. Пахнуло утюгом, горячей материей, гладильной доской, паром. Делают ремонт – краска остро щиплет ноздри» [15, с. 203, 235]. Описанная нарративная интенция связана, с одной стороны, с идеей воскрешения посредством Текста («Когда пишу, я будто возвращаюсь» [с. 224]), с другой – с пониманием осязаемой реальности как единственно возможной («Все, что в жизни происходит важного, – выше слов» [15, с. 200]).

Лиризм произведения, основным сюжетом которого является внутреннее (чувственное, эмоциональное) развитие персонажей, ведет за собой отсутствие необходимости в четко очерченных хронологических рамках. Место основного действия, а именно диалог героев с самими собой в попытках найти опорные точки бытия, также размыто, или, точнее, в целом не имеет значения. Архетипичные образы Саши и Володи раскрываются в любой период времени и в любом топосе, в связи с чем Россия и Китай – только художественная условность. Б. Ланин, анализируя «Письмовник», вводит новое понятие «антибахтинский роман», означающее разрушение классической структуры хронотопа, или его полное отсутствие.

М.М. Бахтин, описывая характерную для полифонической наррации систему времени, отмечает в романах Достоевского «глубокую тягу к драматической форме», основанную на желании представить диалог «здесь и сейчас». По мнению исследователя, хронотоп романов Достоевского стремится к симультанности, т.к. сопоставление и противопоставление имеет смысл в один конкретный момент времени: «Разобраться в мире значило для него

[Достоевского] <...> угадать взаимоотношения в разрезе одного момента» [1, с. 36]. Линейность и эксплицитная связанность событий, происходящих в тексте, в таком случае несущественна, а время, с точки зрения Бахтина, «может быть перенесено в вечность, ибо в вечности, по Достоевскому, все одновременно, все сосуществует» [1, с. 37].

Шишкин, как было отмечено, также отказывается от линейности, при этом нивелируя в своем романе время как определяющий принцип структурирования сюжета. Событие у писателя разворачивается всегда, оно не может где-то начаться или закончиться, и если у Достоевского, по Бахтину, вечность обусловлена стремлением к одномоментности непрерывной полемики, то у Шишкина – тягой к архетипичности персонажей, действий, сюжета и функционирующего в романе диалога между реальностью и Словом. При этом, в отличие от классического, каким его видел Бахтин, полифонического текста, в «Письмовнике» есть монологически окрашенный вывод из существующего в вечности диалога: объективная реальность постулируется как более значимая, чем ее «копия» в Тексте; вечность обнаруживается в бесконечном круге смерти/рождения, а не в Слове.

Роман В. Шарова «Возвращение в Египет» отличается, на первый взгляд, линейной системой повествования: первичный нарратор систематизирует письма персонажей в зависимости от даты, однако внутри художественного мира произведения события могут актуализироваться по принципу проспекции/ретроспекции, что в целом характерно для эпистолярного жанра, т.к. воспроизводимые сюжетные перипетии – суть воспоминания или предположения пишущего. «Возвращение в Египет» отличается от других исследуемых романов тем, что хронотоп в тексте данного произведения несет опорную функцию – именно благодаря месту и времени актуализируется идейная система, диалог внутри нее и полифоническое множество точек зрения. Для Шарова принципиально важно исследовать XX век в истории России, и именно поэтому нумерация папок по дате – способ отследить изменение мироощущения людей, которые сталкиваются с теми или иными реформами в политике своей страны (сюжет романа охватывает период с 1950-х годов по 1991 г., т.е. периоды послевоенного сталинизма, оттепели, застоя и перестройки).

С другой стороны, ощущение времени в романе обусловлено сугубо датировкой нарратора, в то время как основной сюжет, т.е. развитие мировоззрения героев, действительно стремится к полифоничной одномоментности. Связано это с тем, что текст «Возвращения в Египет» представляет собой множество философских высказываний на одну тему, это перманентный диалог между схожими и противоположными точками зрения, что наиболее явно тяготеет к описанному Бахтиным драматизму романного действия. Мысли героев, обусловленные хронотопом, вырываются из четкой системы времени/места, существуя как изолированный и вечный диалог. Помимо этого, показательно и структурирование романа как «текста в тексте» – речь здесь идет не только о письмах как отдельных философских высказываниях, но и о художественных произведениях самих героев (Синописис к продолжению «Мертвых душ» Николая Гоголя младшего, эссе о «Носе» Артемия Фрязова).

Отмеченная ненадежность наррации, её фрагментарность обуславливает и размытость субъекта того или иного утверждения, что напрямую связано с интенцией нарратора на пересказ. Так, например, эпистолярная часть романа начинается с пересказа Беатой письма Сони, которая, в свою очередь, вспоминает последние дни жизни Коли. Теологические концепции Кормчего Капралова, одного из ведущих персонажей в плане «идеологического» становления главного героя, передается сугубо через восприятие Коли Гоголя, т.е. в романе в принципе нет писем Капралова, хотя его точка зрения раскрыта. Шаров, соответственно, явно дистанцируется от точек зрения своих героев-идеологов, реконструируя сугубо их взгляд на происходящие в стране события, и, как следствие, раскрывая возможные причины допустимости гражданских войн, репрессий и пыток.

А. Горбенко, исследуя повествовательную структуру произведений Шарова, отмечает, что в центр романного мира у писателя «выдвигается не главный герой, а сам дискурс, формирующийся из сложно взаимодействующих друг с другом нарративов, которые оказываются объектом деконструкции» [16]. Данная мысль явно резонирует с видением Бахтина полифонических текстов: по мнению философа, опирающегося в своих суждениях на работы А.Н. Энгельгардта, Достоевский создал «не роман с идеей, не философский роман во вкусе XVIII века, но роман об идее» [1, с. 30]. В тексте «Возвращения в Египет» центральное место занимают не персонажи с их личностными характеристиками, а философские концепции и высказывания этих героев. Кормчий Капралов является носителем «бегунской» идеологии, проповедующей вечное странничество как побег от грехов; Оскар Станицын, дядя Святослав и бывший лагерный заключенный Стависский утверждают право революции на любые меры в целях создания всеобщего рая; Мария и другие члены рода Гоголей верят в возможность спасения России при условии завершения двух последних частей «Мертвых душ».

Практически все оставшиеся персонажи колеблются в выборе четкой позиции, в связи с чем на протяжении романа могут высказывать противоречивые мысли, полярно примыкающие к той или иной идее. Наиболее яркий пример в данном случае – центральный герой Николай Гоголь, который проделывает путь развития от представления о необходимости и богоугодности революции к её неприятию и уходу в секту бегунов. Так, сюжет написанного Колей «Синописиса» представляет собой историю Чичикова, который, будучи старовером, принимает монашество и пытается спасти свою веру. Гоголь младший, рассуждая о греховной природе монархии, находит общую точку между своей религией и революционной деятельностью в ненависти к царю, что приводит к парадоксальному в своей основе событию благословения епископом Чичиковым коммунистов на кровь: Всевышний «именно из них, из землевольцев и революционеров, намерен сделать Себе новый избранный народ» [17, с. 279].

С течением времени герой отказывается от попыток найти смысл в убийствах и репрессиях и, принимая точку зрения Кормчего, Гоголь Младший пишет: «Сталина <...> Капралов считает за еретика, родоначальника

злого искажения бегунства. Странничество – твой добровольный выбор, иначе в нем нет ни правды, ни спасения» [17, с. 622–623]. Центральный персонаж, надеясь отгородиться от ситуации в стране, своей беспомощности во всеобщем спасении, уходит на бегунский корабль, скрываясь от внешней жизни. Соответственно, на примере Николая Гоголя младшего продемонстрировано три возможные позиции по отношению к революции: поддержка, активное противодействие и полное безразличие. Окончанием, но не вершиной развития для Коли Гоголя является бегунство: полное принятие позиции Кормчего не означает в романе олицетворение авторской точки зрения, что оставляет диалог между идеями героев открытым, т.е. вечным.

При этом персонажи романа предстают не только субъектами мысли, но и объектом авторского анализа, имплицитно проявляющегося через систему наррации, что отмечает и А. Горбенко, называя самостоятельные нарративы «Возвращения в Египет» объектом деконструкции. Позицию Шарова по отношению к XX в., о котором он пишет, наиболее точно выражает цитата самого писателя: «Знаю одно: чем меньше крови, тем лучше. Других законов в Божьем мире нет»². Отражается авторское неприятие событий гражданской войны и репрессий в той иронии, с помощью которой Шаров изображает мир своих героев. Писатель карнавализует (в бахтинском понимании) время, когда человеческая жизнь перестает быть наивысшей ценностью. Отсюда в романе возникает образ цирка как кульминационного воплощения карнавала, т.к. данный образ демонстрирует искусственность сменяемости режимов во время гражданской войны: «При белых в шапиту гвоздь программы – схватки борцов-классиков, и арена официально именуется “Ареной борьбы сил добра и зла”. Когда придут красные, она станет называться ареной “имени классово-борьбы”» [17, с. 340]. Очевидно фантазмагоричной и ироничной является следующая фраза дяди Святослава, последовательного «ученика» революции: «Спорили с твоей матерью о том, кто сделал больше для спасения человека – Христос или Ленин» [17, с. 545].

Карнавализуются и великие цели революции, Шаров «обнажает» комическое несоответствие между формой и содержанием советских идей: «Большевистское правительство стояло и стоит на почве равенства мужского и женского полов, на категорическом отказе от <...> эксплуатации женщин мужчинами <...>. Все это мы слушали, по-прежнему стоя по стойке “смирно”» [17, с. 639]. Эта речь произносилась перед женщинами, которых принудили стать «революционными женами» для красных солдат, а завершилось заявление о равенстве тем, что «боевые подруги» будут включены в «праздничный паек каждого нуждающегося в женской ласке» [17, с. 639]. Причем события эти остаются без эксплицированной в тексте оценки, деконструкция образа советского государства, а также философских концепций героев, ищущих оправдание насилия в Боге, происходит за счет надтекстового единства, выразителем которого является Автор. Соответственно, полифоническая организация идейно-тематической системы текста и его нарратива гармонирует с Авторским взглядом, все же проявляющимся на повествовательном уровне.

Общий элемент всех исследуемых произведений – широкий интертекстуальный пласт, свидетельствующий о влечении в повествовательную структуру чужих текстов и, как следствие, других голосов. Для Е. Водолазкина, В. Шарова и М. Шишкина особо значим библейский подтекст: в романе «Брисбен» судьбы героинь Анны и Кати выстроены в соответствии с библейской легендой о сестрах Лии и Рахиль; текст «Возвращения в Египет» в целом неразрывно связан с Книгой Исхода, на которой и основаны идеи большинства персонажей; в «Письмовнике» функционируют цитаты из Евангелия («В начале было Слово»), а также аллюзии на Пятикнижие (Неопалимая Купина). Помимо этого, в произведении Шарова значительное место отведено текстам Н.В. Гоголя («Мертвые души», «Выбранные места из переписки...», «Нос», «Ревизор»), герои не только дословно цитируют их, но и вступают в диалог с гоголевскими идеями, субъективно интерпретируя волю автора. «Брисбен» пронизан музыкальными цитатами, что обусловлено связью искусства с бессмертием, а также интенцией автора на отражение внутреннего мира героя через музыку: в произведении «играют» композиции Ф. Шопена, Э. Грига, И.С. Баха, Й. Гайдена и др. Однако полифоническое множество аллюзий и реминисценций, за исключением романа «Возвращение в Египет», где доминируют точки зрения героев, все так же ведет к идейному центру.

Заключение. Таким образом, в трех анализируемых романах авторы, путем передачи повествования диететическим нарраторам, дистанцируются от изображаемого мира, отказываясь от нулевой фокализации. В произведениях Е. Водолазкина и В. Шарова функционирует сложная система первичных и вторичных повествователей, точки зрения которых перманентно пересекаются. Хронотоп исследуемых текстов также усложнен и во всех случаях отличается нелинейностью: в «Брисбене» событийный ряд организован в соответствии со средневековыми представлениями о времени как о спирали; в «Письмовнике» время представлено с точки зрения его отсутствия, а хронотоп романа можно описать как «всегда и везде»; структура времени/места в «Возвращении в Египет», с одной стороны, обуславливает сюжет романа и, с другой, – в вечном диалоге разных точек зрения не играет роли. Несмотря на это, с идейно-тематической перспективы, романы, в частности, «Брисбен» и «Письмовник», вполне монологичны, т.к. через полифоническую структуру повествования репрезентируют Авторский взгляд на мир. Роман «Возвращение в Египет» наиболее близок к бахтинскому видению полифонии, однако «взгляд» концептированного автора, то, как он изображает свой художественный мир (через иронию и карнавализацию), все же раскрывает видение писателя. Соответственно, исследуемые романы отражают новый тип художественного мышления, находящийся на периферии между полифонией и монологизмом.

² Пульсон К. Интервью с Владимиром Шаровым [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2014/09/18/sharov.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Вехи, 1994. – 397 с.
2. Комарович В.Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2 / под ред. А.С. Долинина. – СПб.: Мысль, 1924. – С. 31–70.
3. Гримова О.А. Нарративная интрига в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Narratorium. – 2014. – № 1. – С. 122–128.
4. Лысова А.А. Нарративные модальности в структуре романа Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов»: литературоведческий и методологические аспекты [Электронный ресурс]. – URL: <https://nauchkor.ru/>. (дата обращения: 08.08.2021).
5. Ингеманссон А.Р. Исследователи творчества Михаила Шишкина о некоторых особенностях прозы писателя // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 4. – С. 20–22.
6. Ингеманссон А.Р. Художественный мир рассказа М. Шишкина «Урок каллиграфии» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 5. – С. 137–140.
7. Оробий С.П., «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской литературы. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – 162 с.
8. Кучина Т.Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX– начала XIX в. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 269 с.
9. Лисова О.О. Об особенностях субъектной организации одного письма (на материале романа М.П. Шишкина «Письмовник») // Научные исследования. – 2017. – № 4. – С. 86–89.
10. Рыбальченко Т.Л. Семантика структуры текста в романе М. Шишкина «Взятие Измаила» // Сибир. филол. журн. – 2003. – № 1. – С. 65–71.
11. Ларина М. В. Театр идей и бесконечный перформанс истории: поэтика романа Вл. Шарова «Репетиции» // Сибир. филол. форум. – 2020. – № 2(10). – С. 86–95.
12. Шейко-Маленьких И.В. Проблемы поэтики прозы В. Шарова // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2006. – № 2. – С. 84–88.
13. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
14. Водолазкин Е. Брисбен. – М.: Изд-во АСТ, 2019. – 410 с.
15. Шишкин М. Письмовник. – М.: АСТ, 2021. – 380 с.
16. Горбенко А. История как палимпсест нарративов в романах Владимира Шарова // Владимир Шаров: по ту сторону истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 447–467.
17. Шаров В. Возвращение в Египет. – М.: Текст, 2020. – 685 с.

Поступила 20.10.2022

**THE SPECIFICITY OF THE FUNCTIONING OF POLYPHONIC ELEMENTS
AT THE NARRATIVE LEVEL OF MODERN NOVEL
(ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF E. VODOLAZKIN, M. SHISHKIN, V. SHAROV)**

N. KAROL

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article is devoted to the analysis of the narrative level of the novels Brisbane by E. Vodolazkin, The Letter Book by M. Shishkin and Return to Egypt by V. Sharov through the prism of polyphony. These works are considered from the perspective of the specifics of the organization of the chronotope, as well as the structuring of temporal points of view. Conclusions are drawn about the non-linearity of the series of events in the novels "Brisbane" and "The Letterman", in the case of Vodolazkin due to the "spirality" of time, in the case of Shishkin - the archetypal nature of everything that happens. "Return to Egypt" is considered from the point of view of Bakhtin's "dramatization" of the novel's action, suggesting the simultaneous nature of an unfinished dialogue. The article analyzes the features of narrators, highlights the types of narrators in the studied texts based on the terminology of W. Schmid and J. Lintvelt. The narrative situation in the works is characterized, its types are indicated, and the polyphonic combination of the actorial, auctorial and neutral types is revealed. The images of the narrators are studied in relation to the general idea of the texts, the harmonious combination of polyphonic narration with the monologically expressed novel concept is discovered and described. The possibility of reflecting the Author's view through the elements of the narrative structure related to the polyphonic vision of artistic reality is demonstrated.

Keywords: *E. Vodolazkin, M. Shishkin, V. Sharov, narration, polyphony, monologism, narrator, narrative type.*

УДК 811.111'42:165.023.2:343.72

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-24-27

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛОЖНЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ В СТРУКТУРЕ МОШЕННИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Л.А. ЛИТВИНОВА

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

e-mail: litvinova@mail.ru

В настоящей работе рассматриваются особенности функционирования в дискурсе мошенников такого речевого акта, как ложное утверждение, конечной целью которого является некорректное воздействие на интеллектуальную и / или эмоциональную сферу адресата (потенциальной жертвы), манипулирование его сознанием. В статье определяются основные прагматические разновидности ложных утверждений, выявляются ключевые техники / приемы манипулирования, реализуемые каждым из них. В заключение признается, что наибольшей коммуникативной эффективностью обладают те ложные акты, которые являются средством актуализации сразу нескольких приемов манипуляции.

Ключевые слова: дискурс, мошеннический дискурс, речевые действия, ложные утверждения, речевое воздействие, манипулятивные приемы.

Введение. Настоящая статья посвящена выявлению лингвопрагматических характеристик ложных утверждений в составе мошеннического дискурса. В рамках данной работы под **мошенническим дискурсом** понимаются противоправные текстовые послания в виде смс-сообщений, электронных писем или сообщений в различных мессенджерах, главной задачей которых (посланий) является побуждение адресата (потенциальной жертвы) к выполнению указанных в тексте инструкций и действий, выгодных для адресанта-мошенника (перевод денежных средств на указанный телефонный номер или банковский счет, совершение платежей, переход по ссылке, звонок по указанному номеру и т.п.).

По нашим наблюдениям, мошеннические сообщения как правило состоят из трех структурно-прагматических компонентов:

1) **приветствие / обращение** – вводная часть мошеннического текста, апеллирующая к личности адресата и направленная на установление контакта с ним (*Здравствуйтесь! Уважаемый клиент! Друзья! Макс, привет!*);

2) **ложное утверждение** – сообщение фактов, не имеющих отношения к реальной действительности, искажающих истину и, таким образом, нацеленных на введение адресата в заблуждение (*Информируем о том, что Вам отправлен подарок от нашей компании!*);

3) **директивная часть** – прямое или косвенное побуждение получателя сообщения следовать указанным инструкциям (*У Вас 24 часа, чтобы забрать его на сайте выдачи призов: <https://sia.su.guivo>*).

Так, в примере *Здравствуйтесь! Информируем о том, что Вам отправлен подарок от нашей компании! У Вас 24 часа, чтобы забрать его на сайте выдачи призов: <https://sia.su.guivo>* легко обнаружить все три композиционных блока: приветствие, представляющее собой эпизод фактической коммуникации (*Здравствуйтесь!*), ложное утверждение, то есть сообщение недостоверной информации (*Информируем о том, что Вам отправлен подарок от нашей компании!*), и косвенный директив, имплицитно сообщающий адресату о необходимости совершения определённого действия, которое в конечном счете окажется крайне прибыльным для адресанта-мошенника (*У Вас 24 часа, чтобы забрать его на сайте выдачи призов: <https://sia.su.guivo>*).

В фокусе настоящего исследования находится такой компонент мошеннического сообщения, как **ложное (неискреннее) утверждение**. Выбор ложных утверждений в качестве объекта анализа обусловлен рядом факторов:

1) общей ориентированностью современной лингвистики на выявление лингвопрагматических аспектов институциональной и неинституциональной коммуникации;

2) частной установкой сегодняшней науки о языке на изучение самых разных форм и форматов общения;

3) полным, и при этом непостижимым, отсутствием лингвистических работ, посвященных вопросам коммуникативной организации мошеннического дискурса в целом и ложных утверждений в его составе в частности. Несмотря на то, что феномен лжи привлекает внимание отдельных ученых [1–5], мошеннические тексты удивительным образом оказываются вне сферы исследовательских интересов языковедов, хотя ложь является неизменным атрибутом текстов мошенников и неотъемлемым условием их порождения.

Сказанное определяет актуальность предпринятого нами исследования, цель которого состоит в уточнении прагматического потенциала ложных утверждений в структуре дискурса мошенников.

Основная часть. Итак, ложные утверждения – это речевые действия, сообщающие о том, что не имеет отношения к реальным событиям, фактам. В изучаемом типе общения ложные утверждения представлены уведомлениями о неожиданном выигрыше крупной суммы денег, автомобиля и других ценных призов, о получении подарков в честь праздника, например, дня рождения, сообщениями о рекламных акциях, получении наследства в виде движимого и / или недвижимого имущества, ценных бумаг или денежных средств, о подозрительной активности на банковском счете адресата, о финансовых транзакциях, различных задолженностях и т.п.

Подобные сообщения действуют на потенциальную жертву гипнотически, застают её врасплох своей неожиданностью и новостным характером и как результат вызывают либо чрезвычайно положительную, либо резко отрицательную эмоциональную реакцию со стороны адресата, что позволяет разделить все обнаруженные нами ложные утверждения на несколько **семантико-прагматических групп**:

1) направленные на получение положительной эмоциональной реакции адресата (сообщения о приятном событии: выигрыше, призе, заманчивой акции, наследстве, лотерее и др.):

Уважаемый абонент! Вы выиграли БМВ! Для того, чтобы мы Вас зарегистрировали, пройдите по ссылке <https://...>

На Ваш счет зачислено 30 000 рублей. Для подтверждения перейдите по ссылке www.xyzz.com.

Здравствуйте! Не смогла до Вас дозвониться. На Ваше ФИО истекает срок денежной компенсации. Получите конвертик по ссылке: <https://www.pfrf.top>;

2) направленные на получение негативной эмоциональной реакции адресата (сообщение о неприятном событии: о блокировке карты, задолженности, подозрительной активности на банковском счете жертвы, посещении запрещенных сайтов и др.):

Ваша карта заблокирована. Для разблокирования отправьте смс на короткий номер.

Внимание! У Вас есть задолженность по транспортному налогу. ФНСРФ nalog-online.tw1.ru.

Я поцарапал вашу машину. Перезвоните по номеру 79352767.

Операции по Вашей карте приостановлены. ИНФ 8805055298;

3) сообщения более или менее нейтрального характера, которые могут в некоторой степени заинтересовать адресата или вызвать у него небольшое раздражение, однако не призваны оказать сильное воздействие на эмоциональную сферу реципиента, поскольку выглядят шаблонно и не очень выразительно:

Абонент Ира оставил Вам сообщение. Открыть: tr.im/4jz7f.

Извините, клала мужу 200 руб., а по ошибке положила вам. Верните, пожалуйста, дочке на билайн 89601835344.

Как показывает наше исследование, нейтральные сообщения в изучаемом типе общения встречаются крайне редко, поскольку зачастую оставляют потенциальную жертву равнодушной к транслируемой информации. Другими словами, нейтральные тексты не могут заставить получателя сообщения испытать сильное эмоциональное потрясение, которое бы в конечном счете спровоцировало его на выполнение условий мошенников. В то же время ложные утверждения первого и второго типа обладают ярко выраженной способностью выводить реципиента из состояния эмоционального равновесия, приводить к некритическому восприятию действительности и, соответственно, совершению поступков, не совпадающих с актуальными намерениями адресата, но выгодными для мошенников. Такое очевидное манипулятивное начало ложных утверждений, направленных на получение определенной эмоции со стороны потенциальной жертвы и воздействие на сознание человека, делает данный тип речевых актов весьма привлекательным объектом анализа.

В связи с этим рассмотрим особенности реализации манипулятивного потенциала эмоционально воздействующих ложных речевых актов подробнее, ведь несмотря на повышенный интерес современной лингвистики к лингвопрагматической организации различных видов некорректного речевого поведения (в том числе, и манипулятивного [6–10 и др.]) в разных сферах общения, проблема манипулятивной направленности дискурса лжи до сих пор остается исследовательской лакуной. В то же время знание специфики речевого манипулирования, осуществляемого мошенническими сообщениями, могло бы позволить расширить и углубить знания специалистов о механизмах коммуникативного воздействия на человека, а соответственно, найти эффективные способы их нивелирования.

На наш взгляд, **манипулятивные возможности ложных утверждений** в структуре мошеннического дискурса стоит конкретизировать в виде перечня следующих **коммуникативных приемов** управления эмоциональным состоянием, а поведением жертвы: прием шокирования (сенсационная техника), апелляция к хорошо знакомому лицу, апелляция к тщеславию, апелляция к стыду (страху дискредитации собственной личности), активное использование цифр, апелляция к авторитетной организации, апелляция к выгоде и прием активного использования специфической лексики. Каждая из этих техник характеризуется коммуникативно-прагматическими нюансами, которые следует рассмотреть детально.

1. Прием шокирования (сенсационная техника) – предъявление информации способной привести человека в замешательство, например:

Вам перевод \$1500!

Внимание! На ваше имущество наложен арест! ФССП <https://www...>

Ваше объявление будет заблокировано из-за нарушения правил! Отправьте ответное СМС с кодом «9», чтобы отменить блокировку.

По сути, данный прием используется абсолютно в любом ложном утверждении мошенников, поскольку последнее всегда носит неожиданный характер, в результате чего способно полностью захватить внимание реципиента, заставить его врасплох, смутить и обескуражить.

2. Апелляция к хорошо знакомому человеку – прямое или косвенное упоминание в мошенническом тексте человека, уважаемого в трудовом, семейном или другом коллективе, ссылка на близкого человека или указание на то, что он является автором сообщения. Будучи не в силах отказать хорошо знакомому человеку в просьбе, жертва реагирует на сообщение мошенников выгодным для последних образом, например, переходит по указанной ссылке или мгновенно переводит деньги на счет.

Мама, у меня проблемы! Положи 1000 рублей на этот номер. Мне не звони. Потом все объясню.

Макс, это мой новый номер. Выручай! Положи, пожалуйста, мне на телефон.

Если в первом примере обращение *мама (Мама, у меня проблемы!)* можно трактовать как косвенное указание на сына жертвы в качестве отправителя сообщения, то во втором тексте неформальное обращение *Макс* позволяет сделать менее точный вывод о том, кто является автором послания, однако в любом случае становится понятным, что за ним скрывается хорошо знакомый адресату человек (друг, приятель, коллега, родственник и под.) и это «подкупает» получателя уведомления, побуждает незамедлительно проявить инициативу, чтобы оказать соответствующую помощь «нуждающемуся».

3. Апелляция к тщеславию жертвы – неприкрытая лесть в адрес потенциальной жертвы, указание на её выдающиеся способности, таланты, черты, превосходство в определенной сфере, напоминание о его высоком социальном статусе или везучести, которое также может потешить самолюбие потенциальной жертвы (*Это специальное сообщение только для Вас* или *Поздравляем! Вы счастливый посетитель! Вы были выбраны для получения специальной награды от наших спонсоров!* или *Это сообщение только для избранных*). Цель подобных сообщений злоумышленников состоит в том, чтобы убедить жертву в её особенностях, а высокая эффективность такого манипулятивного приема обусловлена, вероятно, стремлением человека к славе, любви, почитанию, подтверждению своего превосходства, а также желанием выглядеть подобающе в глазах окружающих.

4. Апелляция к стыду (страху дискредитации собственной личности) – ложные сообщения, приводящие жертву в смущение, оскорбляющие её, ставящие в неловкое положение и вызывающие неприятное ощущение несоблюдения общепринятых норм.

Доброго дня. Я хочу представиться – я программист и я взломал ОС вашего устройства. Я наблюдаю за вами уже несколько месяцев. Вы были заражены вредоносной программой через сайт для взрослых, который вы посетили. У меня также есть доступ ко всем вашим контактам, данным по социальным сетям и всей вашей переписке. Я также могу опубликовать доступ ко всей вашей электронной почте и мессенджерам, которые вы используете. Если вы хотите предотвратить это, то переведите 650 \$ (USD) на мой биткоин-кошелек.

В данном тексте указание на посещение сомнительного сайта целесообразно трактовать как косвенную ссылку на несоответствие поведения адресата нормам, принятым в обществе. Это указание нацелено на то, чтобы вызвать у реципиента чувство неловкости, унижить его, показать некоторую ущербность и несостоятельность, а в сочетании с последующей угрозой фактически представляет собой открытый шантаж, которому может легко поддасться лицо, которое действительно замешано в неблагоприятном деле.

5. Активное использование цифр предполагает насыщенность сообщений числовой информацией, которая придает уведомлению злоумышленников более солидный, весомый вид и создает впечатление особой надежности и важности текста.

Поздравляем! Пополнение Вашего телефона или оплата услуг через платежные сервисы или карты Visa, MasterCard вошел в число Призовых! ВЫ ВЫИГРАЛИ 460 000 РУБЛЕЙ! Вся информация по телефону 8-800-505-46-30.

Внимание, номер 79050821351! Вы были выбраны для получения приглашения! Уже сегодня 15 000 рублей и 3 000 000 рублей в ФИНАЛЕ! Отправьте ДА на 5555, отвечайте на вопросы викторины и выигрывайте.

Цифры придают примерам выше более наглядную и выразительную форму, заставляют произвольно поверить в реальность сообщаемого и, следовательно, имплицитно подталкивают адресата к совершению соответствующего телефонного звонка (пример 1) и отправке смс-послания на указанный номер (пример 2).

6. Апелляция к авторитетной организации – ложные сообщения со ссылками на известные и положительно зарекомендовавшие себя компании.

BelPost: Перейдите к получению средств: <https://www.belopost.by-delivery.php?q=329>.

«Пятёрочка» на 20-летие раздает бесплатные купоны на 5 000 рублей! Спешите, пока все не разобрали <https://www.promo-code.site/5-ka.ru>.

Эй, привет! Леруа Мерлен до 23 мая дарит всем бесплатные ваучеры на 8 000 рублей. Только что забрали последний диван тут <https://www.marketplaceru.site/leroy>.

Указания на пользующиеся признанием и влиянием в обществе торговые и другие площадки придают вес сообщаемому и могут оказать сильное убеждающее воздействие на потенциальную жертву, а в сочетании с приемом активного использования числовой информации (и это можно наблюдать в двух примерах выше) апелляции к авторитету создают впечатление максимальной правдоподобности, объективности происходящего.

7. Апелляция к выгоде – один из самых распространенных манипулятивных приемов, актуализирующийся в обещаниях адресату немалых денежных сумм, дорогих призов, получении бонусов в ответ на совершение действий, запрашиваемых злоумышленниками.

31 октября 5 000 000 могут стать Вашими! Для участия перейдите по ссылке: <https://www...>

Ваш выигрыш составил 35 000 рублей. Заберите тут winner-218.com.

Подобные замечания дают надежду на возможность быстрого и легкого обогащения, а потому звучат крайне заманчиво и соблазнительно для наивной жертвы. Широкая представленность рассматриваемых апелляций в исследуемом нами корпусе мошеннических текстов, вероятно, объясняется высокой эффективностью данного приема воздействия на поведение адресата.

8. Активное использование стилистических приемов и специфической лексики предполагает употребление слов с ярко выраженной позитивной либо негативной семантикой, а также экспрессивных средств наподобие синтаксических или лексических повторов.

Банк зафиксировал попытку мошенничества по вашей карте. Ожидайте звонка специалиста службы безопасности.

Подарок! Подарок для Вас! Выберите понравившийся подарок от наших партнеров!

Если в первом примере использование слова «мошенничество», характеризующееся очевидной негативной семантикой, способно мгновенно озадачить и огорчить адресата и, таким образом, побудить его к выполнению исходящих от манипулятора инструкций, то во втором случае необходимый перлокутивный эффект (приведение получателя сообщения в восторженное состояние) достигается не только за счет позитивной семантики слова «подарок», но и в результате применения тактик синтаксического повтора (повтор номинативных конструкций), а также лексического (тройное употребление слова «подарок»).

Конечно, «чистые» манипулятивные приемы в изучаемом типе коммуникации встречаются не так часто. Наоборот, более частотными в мошенническом дискурсе являются именно случаи комбинирования манипулятивных техник, совмещения одновременно нескольких способов воздействия на адресата.

Здравствуйте, Александр! Ваш номер вошел в топ-пользователей Viber, поэтому Вам полагается приз от 10 до 100 долларов. Вам необходимо получить приз в течение 24 часов. Для этого проголосуйте за Viber по ссылке <https://www.prize-viber.online>.

Так, в приведенном сообщении можно выделить минимум пять манипулятивных приемов – прием шокирования (новостной характер сообщения, который присущ практически любому ложному заявлению в составе мошеннического текста), апелляция к тщеславию (*топ-пользователей*), апелляция к авторитетной организации (*Viber*), апелляция к выгоде (*поэтому Вам полагается приз от 10 до 100 долларов*), прием активного использования цифр (*24 часов, 10 до 100 долларов*). Понятно, что ложные утверждения, сочетающие несколько манипулятивных приемов, отличаются наибольшей убедительностью и оказываются максимально эффективным средством достижения конкретной цели.

Заключение. Таким образом, ложные утверждения в структуре мошеннического дискурса обладают довольно высоким манипулятивным потенциалом, что проявляется, во-первых, в их способности реализовывать самые разные приемы воздействия на поведение адресата, к основным из которых относятся следующие: прием шокирования, апелляция к хорошо знакомому лицу, апелляция к тщеславию, апелляция к стыду, активное использование цифр, апелляция к авторитетной организации, апелляция к выгоде и прием активного использования специфической лексики. Во-вторых, – в их тенденции к совмещению нескольких приемов (несмотря на то, что комбинации приемов могут быть самими разными, неизменной техникой в составе почти любой комбинации является прием шокирования).

ЛИТЕРАТУРА

1. Безуглая Л.Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. – 2015. – № 1(11). – С. 30–36.
2. Былина Е.Э. Стратегичность неискренного обещания // Вестн. ИГЛУ. – 2011. – № 3(15). – С. 135–141.
3. Гриценко А.В. Фразеология лжи // Вестн. ВятГУ. – 2008. – № 3. – С. 102–108.
4. Кубинова Й. Речевая интенция «ложь, обман» в семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2002. – 177 л.
5. Ленец А.В. Структура и функции лжи с позиции лингвистики // Изв. ВГПУ. – 2008 – № 7. – С. 15–19.
6. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011. – 232 с.
7. Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования // Царскосельские чтения. – 2014. – № 13. – С. 387–394.
8. Михалёва О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 224 л.
9. Чинарова Е.С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе // Вестн. ЧелГУ. – 2009. – № 43 (181). – Вып. 39. – С. 150–152.
10. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. / Под ред. проф. М.А. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 20–27.

Поступила 27.12.2022

**THE MANIPULATIVE POTENTIAL OF FALSE STATEMENTS
IN THE STRUCTURE OF FRAUDULENT DISCOURSE**

L. LITVINOVA

(Francisk Skorina Gomel State University)

The article examines the peculiarities of the functioning in the discourse of fraudsters of such speech act as a false statement, the ultimate goal of which is to affect the intellectual and/or emotional state of the addressee (potential victim), manipulation of his consciousness. The article defines the main pragmatic varieties of false statements and identifies the key techniques / manipulation techniques implemented by each of them. In conclusion it is acknowledged that those false acts that are a means of updating several manipulation techniques at once have the greatest communicative effectiveness.

Keywords: *discourse, fraudulent discourse, speech actions, false statements, speech persuasion, manipulative techniques.*

УДК 811.133.1'42

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-28-33

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМФАТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А.Л. ВОЛКОВА

(Минский государственный лингвистический университет)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8645-8463>

В статье на материале полемиического дискурса обсуждается проблема просодических средств выражения эмфазы во французском языке. Разграничиваются два вида эмфазы – локальная (лексическая) и глобальная (супралексическая), анализируются просодические характеристики глобальной эмфазы. Показывается, что в отличие от лексической, супралексическая эмфаза находит отражение в просодической организации фразы в целом. На основе результатов слухового и акустического анализа высказываний предлагается классификация тональных контуров, выражающих глобальную эмфазу, и описываются акцентно-мелодические и динамические характеристики компонентов структуры контура – предцентровой части и ядерного тона, не получившие до настоящего времени освещения в трудах по просодии французской речи.

Ключевые слова: полемиический дискурс, предцентровая часть, просодия, тональный контур, фонетика, эмфаза, ядерный тон.

Введение. Повышение интереса исследователей к проблемам прагматики и дискурса привело к пониманию того, что для изучения реального функционирования языка в человеческом обществе просодические единицы и явления необходимо исследовать в дискурсе, а не в изолированных высказываниях.

В устном дискурсе, кроме выражения иллокутивных и модально-эмоциональных значений, просодия активно участвует в организации интеракции его участников (служит сигналом смены коммуникативных ролей, регулирует отношения между собеседниками, выступает эффективным средством выражения коммуникативной структуры высказывания и т.д.), а также указывает на эмоциональную вовлеченность говорящего и адресата, т. е. на эмфатический компонент содержания. Изучение просодических средств выражения эмфазы в устном дискурсе является актуальным в связи с повышенным вниманием к языковой личности, а также средствам воздействия на языковую личность. Кроме того, в связи с развитием компьютерных технологий, созданием систем взаимодействия человека и машины, появилась необходимость исследования средств выражения вовлеченности говорящего, его отношения к содержанию высказывания, собеседнику, ситуации общения.

Несмотря на то, что просодические средства выражения эмфазы изучаются многими лингвистами (О. Багу, 2001; Ж. Каелен-Омон, 2005; А. Лашере, 2011; В. Оберже, 2010; С. Эрман-Дюжарден, 2010, Р. Патерностро, 2014 и др.), на сегодняшний день на материале французского языка еще не проводилось детальных исследований определенного дискурсивного жанра, направленных на выявление просодической организации эмфатических высказываний. Предшествующие исследования эмфатических высказываний во французском языке были посвящены лишь эмфатическим тонам. П. Делаттр первым описал эмфатический тон «импликации» [1], который позже исследовался в работах М. Росси [2], Ф. Мартена [3], П. Мертенса [4]. К. Порт рассматривала тон «импликации» в аргументативном дискурсе [5], однако изучение всего просодического контура эмфатических высказываний не проводилось.

Цель исследования – выявление разновидностей тональных контуров эмфатических высказываний в полемиическом дискурсе. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи: 1) выявить эмфатические высказывания; 2) описать выявленные типы и виды ядерных тонов в эмфатических высказываниях; 3) выявить и описать признаки предцентровой части эмфатических высказываний.

Эмфаза направлена на выражение говорящим высокого уровня информационной и эмоциональной значимости компонентов текста. Эмоциональный компонент эмфазы связан с передачей эмоциональной вовлеченности говорящего и обусловленной этим эмоциональной напряженности: «Эмфаза – это усиление эмоциональной выразительности речи, достигающееся сменой интонации и применением различных риторических фигур»¹. Рациональный компонент эмфазы позволяет выделять «важные в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающие экспрессивность речи»².

Французские лингвисты считают необходимым разграничивать **лексическую** эмфазу, при которой просодические характеристики не выходят за рамки отдельного слова [6, с. 50] (что соответствует точечной эмфатической фокализации (ponctuelle) у А. ди Кристо [7, с. 277]) и **супралексическую** эмфазу, при которой просодические характеристики находят отражение в просодической структуре фразы в целом [6, с. 50] (глобальная эмфатическая фокализация (de cumul) у А. ди Кристо [7, с. 277]).

Основная часть. Материалом для исследования послужили записи дебатов с участием общественно-политических деятелей и журналистов (Laurent Ruquier, Léa Salamé, Eric Zemmour, Marine le Pen, Charles Consigny, Ayméric Caron, Yann Moix, Christine Angot) на французском радио и телевидении. Выбор полемиического дискурса

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 911.

² Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В.Н. Яреца. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 592.

является не случайным. Для изучения просодических средств выражения эмфазы интерес представляют типы дискурса, в которых коммуникативная цель заключается не только и не столько в изложении информации, сколько в оказании определенного воздействия на адресата, в изменении его точки зрения, мнения, системы убеждений путем особой организации информации, регулирования интеракции, апеллирования к рациональному и эмоциональному.

Общая продолжительность звучащего материала составила 90 мин. Средняя продолжительность проанализированных отрывков: 1120 с. Анализ подвергалась просодическая организация высказываний с глобальной эмфазой.

Исследование осуществлялось методами аудитивного и электроакустического анализа. В задачи первого этапа слухового анализа входило определение эмфатических утвердительных высказываний, а также выявление высказываний с локальной и глобальной эмфазой. Первый этап исследования проводился с участием двух групп информантов: в первую группу входили наивные носители французского языка (5 чел.), во вторую – специалисты-преподаватели французского языка Минского государственного лингвистического университета (3 чел.). Сначала информанты прослушивали отрывки предложенного материала и определяли эмфатические утвердительные высказывания. Далее информанты прослушивали эмфатические утвердительные высказывания и отмечали участки высказываний, содержащие эмфатическую интонацию. В результате анализа ответов информантов было выделено две группы тональных контуров: 1) тональный контур, в котором происходит выделение одного элемента высказывания (если в высказывании информантами было выделено только одно слово), что соответствует локальной эмфазе; 2) тональный контур, являющийся носителем глобальной эмфазы (если целое высказывание было отмечено как эмфатическое).

На втором этапе слухового анализа группа информантов, состоящая из специалистов-фонетистов Минского государственного лингвистического университета, прослушала отобранный материал (эмфатические утвердительные высказывания с глобальной эмфазой) и осуществила их просодическую транскрипцию. В тональном контуре выделялись следующие компоненты: ядерный тон (соответствует изменению высоты голоса на главноударном слоге синтагмы), предцентровая часть и заядерная часть (при наличии). Посредством аудитивного анализа определялось: 1) для всей фразы: общее направление изменения высоты голоса, перцептивно осязаемое увеличение интенсивности, общий тональный уровень; 2) для ядерных тонов: высотно-тональный уровень (низкий, средний, высокий, сверхвысокий); направление изменения высоты голоса (восходящее, нисходящее, восходяще-нисходящее); интервал (узкий, широкий, полный); характер движения тона (равномерный/неравномерный, плавный/резкий); скорость изменения высоты голоса (быстрая/умеренная); наличие/отсутствие интенсификации и значительного удлинения ядерного слога; 3) для предцентровой части: высотно-тональный уровень, направление изменения высоты голоса, наличие/отсутствие перцептивно релевантного контраста между предударным и ударным слогами, а также между ударным и следующим безударным слогами, тип мелодического изменения на ударных слогах (статический/кинетический). Кроме того, указывалось инициальное выделительное ударение.

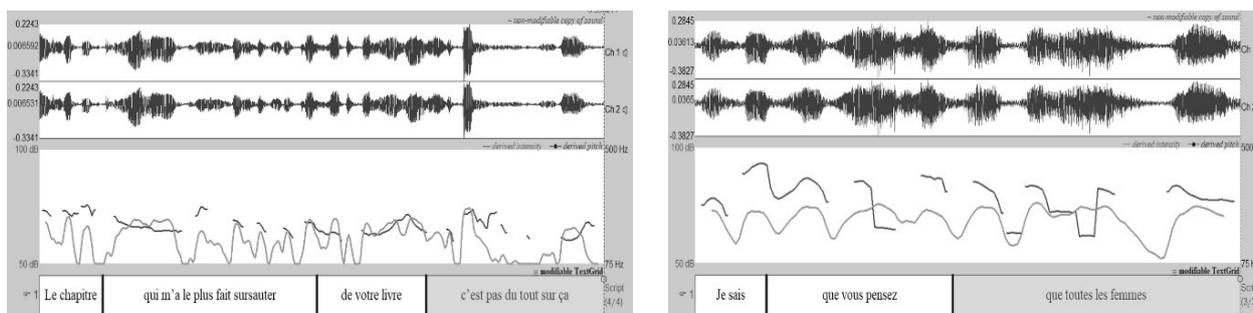
В задачу электроакустического анализа входило определение акустических коррелятов выявленных разновидностей тональных контуров. Электроакустический анализ проводился на персональном компьютере с использованием специализированной программы для анализа речи Praat (v. 6.0.33).

Анализ высказываний с глобальной эмфазой позволил выделить два вида высказываний: 1) **без изменения прототипической структуры тонального контура**, при которой в тональном контуре невозможно вычленить отдельный элемент, берущий на себя всю эмоциональную нагрузку; 2) **с изменением прототипической структуры тонального контура**, при которой происходит изменение ядерной и/или предцентровой части высказывания.

В первом виде тонального контура эмфатический компонент высказывания распределяется на все слоги тонального контура, что достигается:

1. Посредством более *высокого общего тонального уровня безударных слогов*:

(1) *Je sais que vous pensez que toutes les femmes et toutes les femmes journalistes font la psychanalyse de bazar* (рисунок 1, б). Общее повышение тонального уровня, при котором оратор почти переходит на крик, выражая негодование, при этом сохраняется характерный для французского утвердительного высказывания восходяще-нисходящий контур. Средняя частота безударных слогов данного диктора (Léa Salamé) составляет 227 Гц (рисунок 1, а), в то время как в данном высказывании средняя частота безударных слогов – 317 Гц (см. рисунок 1, б).

а – ЧОТ нейтрального высказывания

б – увеличение ЧОТ

Рисунок 1. – Интонаграмма фраз одного диктора (Léa Salamé)

2. Посредством *общего повышения интенсивности*:

(2) *S'il n'y avait pas eu les négociations de l'État français, tout ce que vous dites n'auraient pas suffi.* – Оратор говорит, не повышая общий тональный уровень, однако каждый слог произносится с большей интенсивностью.

В исследованном материале установлено, что на фоне увеличения общего тонального уровня некоторые высказывания сочетаются с большим количеством инициальных ударений, что придает более яркую эмфатическую окраску высказыванию:

(3) *Le 'pacifisme c'est se 'soumettre à l'ennemi et se 'soumettre aux 'dominants³.*

Второй тип глобальной эмфазы приводит к **изменению предцентровой и/или ядерной части тонального контура**. В результате перцептивного и акустического анализа были выделены следующие виды контуров, являющиеся носителями глобальной эмфазы:

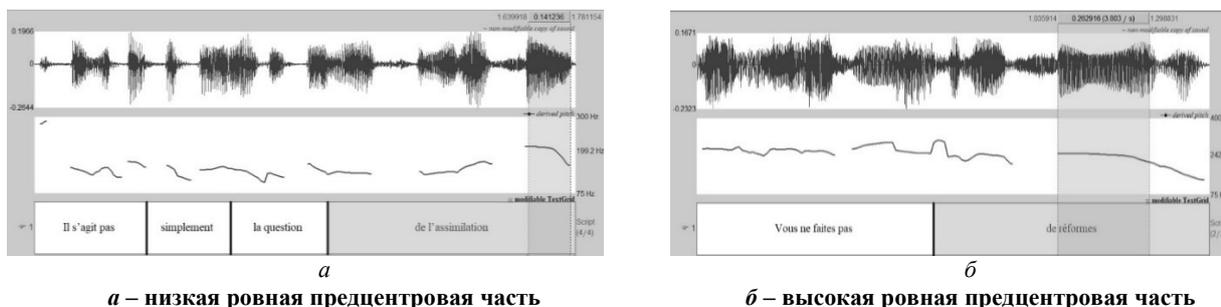
1. Контур с нисходящим ядерным тоном

Нисходящий ядерный тон в высказываниях с глобальной эмфазой представлен в исследуемом материале тремя разновидностями: 1) замедленно-ускоренный «растянутый» тон широкого интервала; 2) замедленно-ускоренный крутой нисходящий тон; 3) равномерно нисходящий тон, присущий нейтральным (неэмфатическим) высказываниям. При этом предцентровая часть является релевантной для восприятия глобальной эмфазы в сочетании с первым и третьим видами ядерных тонов.

Исследование показало, что в эмфатических высказываниях начало нисходящего движения *замедленно-ускоренного «растянутого» тона широкого интервала* начинается с высокого или сверхвысокого регистра. В высказываниях с глобальной эмфазой такой тон сочетается с парантетической предцентровой частью. Ровное движение тона в предцентровой части наблюдается либо в низком регистре (пример 4), либо в высоком регистре (пример 5):

(4) *Il s'agit pas simplement la question de l'assimila[~]tion.* (рисунок 2, а);

(5) *Vous ne faites pas de ré[~]formes !* (рисунок 2, б).

а – низкая ровная предцентровая часть

б – высокая ровная предцентровая часть

Рисунок 2. – Интонограмма фраз с ровной предцентровой частью и эмфатическим нисходящим тоном широкого интервала

В ходе исследования эмфатических высказываний было выявлено большое количество контуров со смещением ядерного замедленно-ускоренного нисходящего тона широкого интервала с последнего слова на середину синтагмы, в которых присутствует заядерная часть, произносимая с парантетической интонацией:

(6) *Les Arabes re[~]fusent cette proposition.*

Анализ показал, что при замедленно-ускоренном крутом нисходящем ядерном тоне предцентровая часть может быть представлена разными конфигурациями. Так, в некоторых высказываниях с глобальной эмфазой замедленно-ускоренный нисходящий ядерный тон сочетается с восходяще-нисходящей предцентровой частью:

(7) *Ce qui est extraordinaire dans ce pa[~]ssage.*

В отобранном материале было выявлено, что **ядерный равномерно нисходящий тон**, присущий нейтральным высказываниям, сочетается с маркированной (не прототипической) предцентровой частью. Так, одним из выделенных видов маркированной предцентровой части является скользящий предцентр, представленный скольжением вниз на ударных слогах:

(8) *C'est éc[~]rit dans la dé[~]pêche de l'In[~]see !* (рисунок 3)

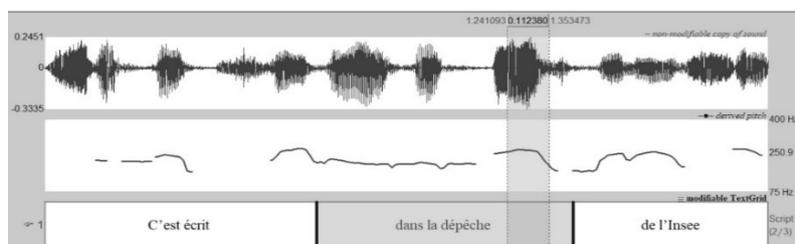

Рисунок 3. – Интонограмма фразы со скользящей предцентровой частью и нейтральным ядерным тоном

³ Используемая просодическая транскрипция: / – равномерно восходящий тон, \ – равномерно нисходящий тон, / – восходяще-нисходящий тон, > – ровный тон, ↑ – резко восходящий тон, ~ – замедленно-ускоренный «растянутый» тон, ~ – замедленно-ускоренный тон, ' – инициальное ударение.

Показателем маркированной предцентровой части является также большая плотность ударений и более короткие акцентные группы [8, с. 386]. В ходе исследования было установлено, что высокая плотность ударений достигается за счет большого количества инициальных ударений:

(9) Et **'troisièmement**, c'est **'vous** qui **trafiquer** les **'chiffres** et je vais **'expliquer** **'très** simple^{ment}.

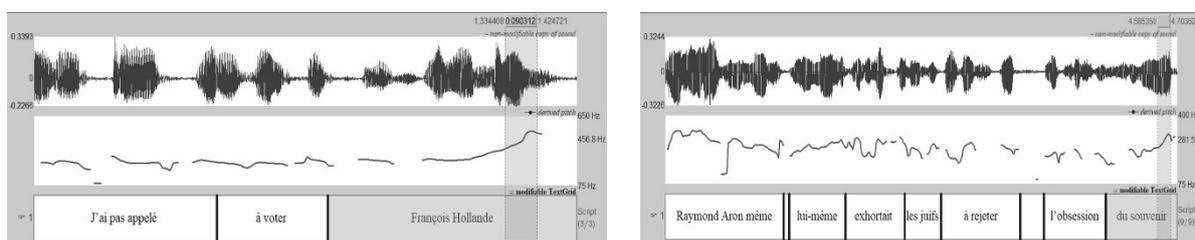
(10) Il dit la **'malfaisance**, la **'malfaisance** **'absolue** du régime de Vichy, **reconnu** à la fois **'responsable** et **'coupable**, l'action de Vichy est **'nuisible** et tous ces chefs sont **condamnables**.

II. Контур с восходящим ядерным тоном

В исследуемом материале были выявлены следующие разновидности ядерных восходящих тонов: 1) равномерно восходящий тон, достигающий высокого или сверхвысокого уровня; 2) резко-восходящий тон средне-высокого и высокого регистров. Установлено, что такие тоны сочетаются с парантетической предцентровой частью (пример 11). Кроме того, среди эмфатических высказываний был выявлен тональный контур, описанный А. ди Кристо [7, с. 279], с повышением на первом слоге предцентровой части, за которым следует ровная предцентровая часть, завершающаяся резко-восходящим терминальным тоном (пример 12):

(11) J'ai pas appelé à voter François Ho^{llande} ! (рисунок 4, а);

(12) **'Raymond Aron même**, lui-même, exhortait les juifs à rejeter l'obsession du souve^{nir}. (рисунок 4, б).

а – ровная предцентровая часть

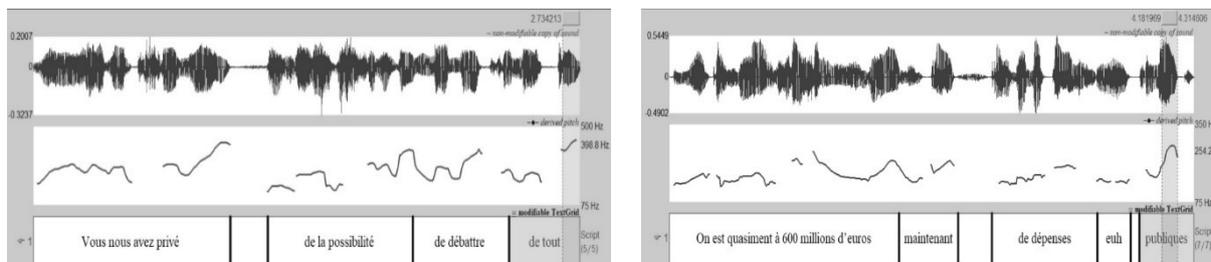
б – контур в виде «колыбели»

Рисунок 4. – Интонограмма фразы с резко-восходящим ядерным тоном до высокого уровня

Было установлено, что в эмфатических высказываниях равномерно восходящий тон, достигающий высокого или сверхвысокого регистра (пример 13), а также резко-восходящий тон (пример 14) сочетается с восходяще-нисходящей предцентровой частью:

(13) Vous nous avez privé de la possibilité de débattre de **/tout** ! (рисунок 5, а);

(14) On est quasiment à 600 millions d'euros maintenant de dépenses pu^{bliques}. (рисунок 5, б).

а – равномерно восходящий ядерный тон

б – резко восходящий ядерный тон

Рисунок 5. – Интонограмма фразы с восходящим ядерным тоном

Кроме того, было выявлено, что эмфатические высказывания с равномерно восходящим ядерным тоном среднего регистра сочетаются с контрастной предцентровой частью. Для определения контрастной предцентровой части вычислялся мелодический контраст между ударным и следующим безударным слогами [9, с. 120]:

(15) Je l'ai ga^{gné} pas large^{ment}. – Положительный тональный перепад «справа» составил 121 Гц.

(16) La bataille a été a^{ssez} diffi/cile. – Положительный тональный перепад «справа» – 233 Гц.

III. Контур с восходяще-нисходящим ядерным тоном

В результате исследования было установлено, что сложный восходяще-нисходящий тон в эмфатических высказываниях реализуется в средневысоком и высоком регистрах. Такой терминальный тон сочетается с восходяще-нисходящей предцентровой частью (что соответствует нейтральной предцентровой части). В слогах, являющихся экспонентами сложного тона, наблюдается значительное увеличение длительности ударного гласного (пример 17). Кроме того, при реализации сложного восходяще-нисходящего тона нередко возникает заударный звук [ə] (пример 18):

(17) Mais alors acceptez qu'un écrivain puisse les écou^{ler} ! (рисунок 6);

(18) Aux législatives, votre candidate dans l'E^lssonne, qui s'appelle Farida Amrani, a accueilli pour le deuxième ^Λtour^², sans rien ^Λdire^², les voix de Dieudonné qui s'étaient désistées pour elle.

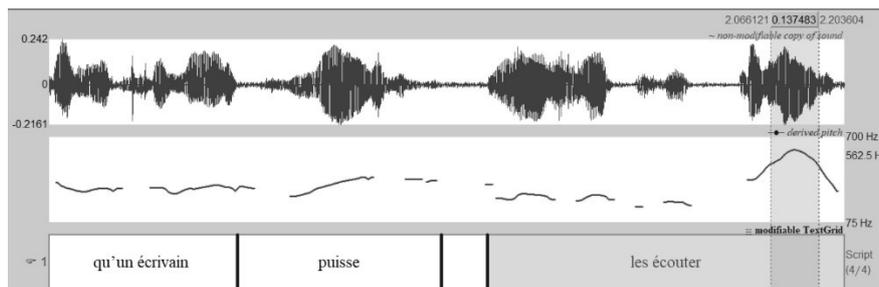

Рисунок 6. – Интонограмма сложного восходяще-нисходящего тона во французском языке

IV. Контур с ровным ядерным тоном

В исследованном материале были выявлены эмфатические высказывания, в которых ровный ядерный тон сочетается с ровной предцентровой частью:

(19) *Vous n'êtes pas histo> rien.*

Количественное распределение структурных разновидностей тональных контуров в эмфатических высказываниях (таблица) показывает, что достаточно часто (18%) в эмфатической речи ораторы используют большое количество инициальных ударений, что, как представляется, связано с желанием придать значимость выдвигаемым аргументам с целью убедить собеседника в своей правоте.

Таблица. – Структурные разновидности тональных контуров в эмфатических высказываниях полемического дискурса, %

Терминальный тон		Предцентровая часть		%
Направление движения	Характер изменения высоты голоса	Разновидность		
Нисходящее	Замедленно-ускоренный растянутый тон	Ровная	низкий регистр	7
			высокий регистр	3
	Замедленно-ускоренный крутой тон	Ровная	Скользкая	4
			Восходяще-нисходящая	3
		Скользкая	с неконечной позицией терминального тона	10
			с конечной позицией терминального тона	6
Равномерно-нисходящий тон	Скользкая	С большим количеством инициальных ударений	8	
			18	
Восходящее	Равномерно восходящий тон	Ровная	3	
		Восходяще-нисходящая	2	
		Контрастная	12	
	Резко-восходящий тон	Ровная	с повышением тонального уровня на первом слоге	3
			без повышения тонального уровня на первом слоге	6
Восходяще-нисходящая	5			
Восходяще-нисходящее		Восходяще-нисходящая	4	
Ровное		Ровная	6	

Заключение. Таким образом, анализ эмфатических высказываний показал, что они характеризуются большим разнообразием тональных контуров.

Глобальная эмфаза, находящая отражение в просодической организации фразы в целом, подразделяется на два типа: глобальная эмфаза без изменения прототипического тонального контура (выраженная посредством общего повышения ЧОТ и/или интенсивности); глобальная эмфаза с изменением тонального контура, представленная: 1) нисходящим ядерным тоном в виде замедленно-ускоренного «растянутого» падения широкого интервала с высокого/сверхвысокого уровня в сочетании с выравниванием предцентровой части по нижнему или верхнему уровню, замедленно-ускоренного тона в сочетании с восходяще-нисходящей, ровной или скользкой предцентровой частью; равномерно нисходящего тона в сочетании со скользкой предцентровой частью и предцентровой частью с большим количеством инициальных ударений; 2) восходящим ядерным тоном в виде равномерно восходящего движения тона в сочетании с ровной, восходяще-нисходящей или контрастной предцентровой частью; резко-восходящего тона сложной конфигурации в сочетании с ровной или восходяще-нисходящей предцентровой частью; 3) сложным восходяще-нисходящим тоном с восходяще-нисходящей предцентровой частью; 4) ядерным ровным тоном в сочетании с ровной предцентровой частью.

Признаками эмфатической предцентровой части является её выравнивание перед эмфатическим тоном, большая плотность ударений и более короткие акцентные группы, наличие нисходящего тона на неконечных ударных слогах синтагмы, а также мелодический контраст между ударным и следующим безударным слогами.

Перспективными представляются дальнейшие исследования, направленные на определение функциональной дистрибуции эмфатических тональных контуров в полемическом дискурсе.

Результаты, представленные в статье, были апробированы на 6-й международной научно-практической конференции «Романистика в эпоху полилингвизма», организованной Московским государственным лингвистическим университетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Delattre P. Les dix intonations de base du français // French review. – 1966. – С. 1–14.
2. Rossi M. L'intonation, le système du français : description et modélisation. – Paris: Ophrys, 1999. – 237 p.
3. Martin P. Intonation in spontaneous speech in French // Proceedings of the 14th ICPHS. – San Francisco: Cambridge, 1999. – Vol. 1. – P. 17–20.
4. Mertens P. Syntaxe, prosodie et structure informationnelle : une approche prédictive pour l'analyse de l'intonation dans le discours // Travaux de Linguistique. – Paris: De Boeck Supérieur, 2008. – Vol. 56(1). – P. 87–124.
5. Portes C. Prosodie et économie du discours: Spécificité phonétique, écologie discursive et portée pragmatique de l'intonation d'implication. – Marseille: Université de Provence-Aix-Marseille I, 2004 – 284 p.
6. Bagou O. Validation perceptive et réalisations acoustiques de l'implication emphatique dans la narration orale spontanée // Cahiers de linguistique française. – 2001. – Т. 23. – P. 39–59.
7. Di Cristo A. Les musiques du français parlé: Essais sur l'accentuation, la métrique, le rythme, le phrasé prosodique et l'intonation du français contemporain. – Berlin: Walter de Gruyter, 2016. – 522 p.
8. Selting M. Emphatic speech style mdash; with special focus on the prosodic signalling of heightened emotive involvement in conversation // Journal of pragmatics. – Netherlands: Elsevier, 1994. – Т. 22. – №. 3-4. – P. 375-408.
9. Морозова Л.П. Индивидуальная вариативность речевой мелодии в системе языка. – Минск: МГЛУ, 2007. – 272 с.

Поступила 05.12.2022

PROSODIC CHARACTERISTICS OF EMPHATIC STATEMENTS IN FRENCH POLEMICAL DISCOURSE

A. VOLKOVA
(Minsk State Linguistic University)

The article discusses the problem of prosodic means of expressing emphasis in French on the basis of polemical discourse. Two types of emphasis are distinguished - local (lexical) and global (supralexical) and the prosodic characteristics of global emphasis are analyzed. It is shown that, unlike the lexical one, the supralexical emphasis is reflected in the prosodic organization of the phrase as a whole. Based on the results of auditory and acoustic analysis of utterances, a classification of tonal contours expressing global emphasis is proposed, and the accent-melodic and dynamic characteristics of the components of the contour structure – the pre-nuclear part and the nuclear tone, which have not yet received coverage in works on the prosody of French speech, are described.

Keywords: polemical discourse, pre-nuclear part, prosody, tonal contour, phonetics, emphasis, nuclear tone.

УДК 821.111(4+73)–311.4.09

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-34-37

**ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА И ОБРАЗ ПОЛИТИКА В НЕМ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ч. П. СНОУ «КОРИДОРЫ ВЛАСТИ»)****А.В. ВИЛЬЧИНСКАЯ***(Минский государственный лингвистический университет)**e-mail: Alexandra-Vil@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению жанровой генерализации англоязычного политического романа XX века, а также анализу героя-политика как основной жанровой доминанте на примере одного произведения. В исследовании дана развернутая характеристика главного героя романа Ч. П. Сноу «Коридоры власти» и подчеркивается роль гиперболизации, образного контраста, сатиры в его изображении.

Ключевые слова: политическая жанровая генерализация, жанровые доминанты, герой-политик, политический роман.

Введение. Определить жанр политического романа в литературоведческой науке представляется сложным. Политический роман как таковой существует в мировой и англоязычной литературе давно, однако, в отношении дефиниции этой жанровой разновидности нет однозначности.

Политический роман – это, как правило, художественное видение автором существующего политического режима, его мнение о личностных и профессиональных качествах политика, размышление о понятиях власти и лидерства. Политические романы могут одновременно выступать в роли своеобразной инструкции к пониманию текущей политической ситуации, а также представлять мировоззренческие, философские или идеологически ангажированные размышления о политическом климате, стратегиях и ситуациях. Т.е. политические романы одновременно объясняют (поясняют) и формируют идеологию: «...[политические] романы являются продуктом исторических событий, так что их можно читать как способ понимания исторических изменений. В то же время, что более важно, сами романы отражают силы истории, делая их видимыми для нас как читателей. Романы позволяют нам лучше понять социальный и даже физический мир, в котором мы живем, они активно формируют наше понимание этого мира, а также могут влиять на наши действия в этом мире»¹.

Б.М. Проскурнин определял политический роман как «произведение о взаимодействии человеческой личности и политики, <...>, где воплощается серьезная политическая идея, реализуемая в действиях персонажей»². В то же время, он условно разделял романы о политике на две группы: первые сконцентрированы на политических историях, событиях и движениях; вторые – романы о людях, когда «главенствует личное проживание и определение себя в политической ситуации» [1, с. 34].

Американский литературный критик И. Хоу в работе «Politics and the Novel» (1958) придерживается исторического подхода к определению политического романа и связывает появление политических романов в литературе с конфликтами, реально происходящими на политической арене в мире. И. Хоу считает, что после событий Второй мировой войны политический роман как литературный жанр испытал упадок, т.к. тема войны перестала быть актуальной [2, с. 254]. Р. Бойерс в своем труде «Atrocity and Amnesia» (1985) не согласен с Хоу и говорит о том, что взгляд последнего на жанр политического романа слишком узок [3, с. 140]. Бойерс упоминает произведения Гр. Грина, Г.-Г. Маркеса, а также А. Солженицына, которые также связаны в той или иной степени с политикой. Основной упор в этих произведениях, однако, делается не столько на политические события, сколько на героев, противостоящих этим событиям. Бойерс считает, что основной целью политических романов является поиск решений кажущихся неразрешимыми проблем политической жизни. Ст. Шайнголд в работе «The Political Novel: Re-Imagining the Twentieth Century» (2010) отмечает, что в политических романах конца XX века фокус внимания авторов переключился с политических партий и лидеров на простых людей. Он говорит о том, что для политической литературы стал интересен человек как объект, на который направлена политическая деятельность, тот, мнением которого как правило не интересуются [4, с. 154].

Мы считаем, что оптимальным подходом к изучению жанровой разновидности политического романа является подход современного литературоведа Вл.А. Лукова. Ученый вводит понятие жанровой генерализации применительно к литературе XX века: «Жанровая генерализация в этом случае означает процесс объединения, стягивания жанров (нередко относящихся к разным видам и родам искусства) для реализации нежанрового (обычно проблемно-тематического) общего принципа»³. Вл.А. Луков считает, что говорить о жанровой генерализации следует как раз применительно к литературе XX века, т.к. произведения более ранних периодов следовали принципам иерархии и чистоты жанров. Романтики и реалисты, как утверждает автор, заложили основы генерализации жанров в XIX веке. Модернизм и постмодернизм продемонстрировали смешение границ жанров

¹ URL: <https://www.perlego.com/book/3552096/politics-and-the-british-novel-in-the-1970s-pdf>.

² URL: <https://cheloveknauka.com/v/534767/a/?#?page=13>.

³ URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Lukov_VI/21.pdf.

и их синтетичность, поэтому в XX веке появляются психологическая, философская, биографическая и другие жанровые генерализации, включая политическую. При таком подходе снимается вопрос установления строгих жанровых доминант той или иной жанровой генерализации. В статье «Жанры и жанровые генерализации» Вл.А. Луков обобщает взгляды русскоязычных и зарубежных литературоведов XX века на проблему жанров⁴. К примеру, Ю.Н. Тынянов, М.М. Бахтин и Д.В. Затонский обуславливали возникновение в литературе новых жанров историческими событиями и сменяемостью эпох. М.С. Каган рассматривал жанр в его системно-структурной характеристике, исключая исторический подтекст. Г.Н. Поспелов и его последователи, определяя жанр, делали акцент на содержании художественных произведений. Зарубежные ученые Р. Уэллек и О. Уоррен в труде «Теория литературы» указывали, что определяющим фактором для жанра является «внешняя» (размер, структура) и «внутренняя» (настроение, отношение, замысел, иными словами — тема и аудитория) форма⁵. Вл.А. Луков также рассматривает подход немецкого литературоведа В. Кайзера, предложившего вовсе отказаться от формальных и исторических подоплек при определении литературного жанра. Он рассматривал каждое произведение отдельно, опираясь на теорию «поэтического мира». Каждое произведение, по его мнению, направлено само на себя, представляет отдельную структуру и не может быть «подогнано» под определенные требования или каноны общепринятых литературных жанров⁶.

Основная часть. Несмотря на активное обсуждение в научной литературе общих проблем жанра как категории и «чистоты» литературных жанров, исследований, посвященных целенаправленному изучению жанровой генерализации политического романа и его доминант, явно недостаточно. Проследим кратко эволюцию этой жанровой генерализации.

Произведения с политической составляющей возникают еще в античности: например, «Дневник Троянской войны» (IV век н. э.) Диктиса. В период Средневековья в британской политической литературе обозначились такие жанры, как утопия и политический памфлет: «Утопия» (1516) Т. Мора, памфлеты Дж. Свифта («Сказка бочки», 1704; «Поведение союзников и ... министерства в настоящей войне», 1711). В романе «Путешествия Гулливера» (1726) Дж. Свифт продолжает критиковать государственный уклад и высший свет. Критический реализм дал новый импульс политическому роману, сконцентрировавшись больше на личности политика, чем на критике режима. Ч. Диккенс и У. М. Теккерей в своих романах критиковали общественные, государственные и политические институты Англии. Они призывали к воспитанию нравственности, устранению неравенства и установлению демократических свобод. Позднее политическая тематика находит отражение в антиутопиях Дж. Оруэлла, О. Хаксли и др. Однако жанровая разновидность политического романа наиболее активно стала формироваться именно в XX веке.

Жанровая генерализация политического романа характеризуется определенными доминантами. Так, в политических романах можно выделить изображение автором широкой панорамы общественной жизни с выявлением политических решений, стратегических направлений и действий правительств. Второй особенностью политического романа является образ политика, лидера, деятеля. В дополнение к данным двум доминантам, которые были отмечены исследователями (Б.М. Проскурнин), мы также предлагаем ввести понятие внутрижанровой вариативности политического романа. В частности, романы о политике могут быть автобиографическими (Д. Г. Лоуренс «Кенгуру», 1923), мифо-романтическими (Д. Г. Лоуренс «Пернатый змей», 1926), детективными (А. Хейли, «В высших сферах», 1962), социальными (Р. П. Уоррен «Вся королевская рать», 1946), философскими (Г. Грин «Тихий американец», 1955), шпионскими (Дж. Ле Карре, «Шпион, вернувшийся с холода», 1963), сатирическими (Дж. Коу «Какое надувательство», 1994). Мы остановимся на жанровой доминанте героя-политика на примере министра Роджера Куэйфа, главного героя романа Ч. П. Сноу «Коридоры власти» (*Corridors of Power*, 1964).

Роман зачастую выделяется критиками и литературоведами как наиболее приближенный к «чистой» жанровой разновидности политического романа, т.к. он складывается из размышлений автора о важном историческом событии – Суэцком кризисе – и описания образа политика. Сам Ч. П. Сноу был не по наслышке знаком с миром политики. Он занимал различные посты в правительстве Великобритании, был государственным советником по вопросам вооружений, а также секретарем в Палате лордов, что позволило ему так правдоподобно описать манеры и стиль общения верхушки власти, а также передать тонкости международных отношений Великобритании и США в период «холодной войны».

Изучению романа посвящены работы русскоязычных и зарубежных критиков и литературоведов. Чаще всего творчество Ч. П. Сноу сопоставляют с романами Викторианской эпохи, относя его к продолжателям традиций критического реализма в английской литературе⁷. Название романа метафорически указывает на правящую верхушку: власть сосредоточена в коридорах и кабинетах парламента, где принимаются решения относительно всего общества. Роман не насыщен событиями, в нем больше обсуждений и бесед, происходящих в парламенте, а также на официальных приемах и в клубах. Главные герои романа не имеют прототипов. Ч. П. Сноу во вступлении к книге отмечает⁸: «Ни один из министров, созданных моим воображением, не имеет ничего общего с людьми, занимавшими правительственные посты в то время, <...>, и я намеренно поставил в центр обсуждения вопрос, который в то время открыто в политических кругах не обсуждался» [5, с. 8].

⁴ URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2006_1/Lukov_VI/21.pdf.

⁵ URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Uellek_R_Uorren_O_Teoriya_literatury_1978.pdf.

⁶ См. сноску № 4.

⁷ URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20180214-k-probleme-izucheniya-cikla-ch-p-snou-chuzhie-i-bratya>.

⁸ Здесь и далее перевод цитат дан по изданию Сноу, Ч. П. Коридоры власти / Ч. П. Сноу // Наставники. Коридоры власти. Романы. – М.: Прогресс, 1981. – 696 с.

События политического романа могут быть изображены непосредственно от лица автора, либо о них становится известно читателю опосредованно, через диалоги героев, их взаимодействия и размышления. События романа «Коридоры власти» представлены через персонажей, поэтому политическая составляющая романа зависит от личности главного героя, Роджера Куэйфа.

Знакомство с героем-политиком происходит на первых страницах романа, на званом обеде у молодого тогда еще депутата-консерватора Роджера Куэйфа и его жены Кэролайн, которую друзья зовут Кэро. Ч. П. Сноу наделяет своего персонажа типичными характеристиками политика, критикует его чрезмерную увлеченность политикой и намеренно подчеркивает однобокость образа. Автор преувеличивает заинтересованность Роджера политикой и его полную сосредоточенность на политических вопросах. Читатель не видит никакой другой социальной роли Роджера. За каждым его поступком или словом стоит политический мотив. При первом же описании рассказчик в лице Льюиса Элиота, который в дальнейшем станет советником и другом Куэйфа, подчеркивает нескладность и отсутствие гармонии в образе Роджера. «Все его коллеги, находившиеся здесь, <...>, были стройны и по-военному подтянуты; рядом с ними он выглядел неуклюжим и расхлябанным. <...>, однако, <...>, производил впечатление человека энергичного и делового» [5, с. 13]. Элиот отмечает острый ум Куэйфа и его веские суждения, однако с сожалением подчеркивает, что он с увлечением говорит лишь о внутривластных делах, «как будто ничего другого на свете не существовало» [5, с. 15]. Очевидно, что сфера интересов Куэйфа ограничена той самой верхушкой власти, и его не интересует мнение людей не его круга. Во время приема, например, Куэйф направляет беседу в русло обсуждения вопросов ядерного вооружения. Он умен, разбирается в людях и уверенно ведет диалог, получая именно тот результат, на который рассчитывает.

Ч. П. Сноу постепенно раскрывает личность Куэйфа, критикует его двуличие, кажущуюся благородность, за которой скрывается тщеславие и лицемерие. Своей первой речью в парламенте Куэйф расположил к себе как представителей своей, консервативной, партии, так и оппонентов, в чем и состояла его первая задача. Однако герой не высказывал своего собственного мнения, оперируя лишь фактами. Позже, в неформальной обстановке, в ресторане отеля «Карлтон», (стоит отметить, что приемы и званые обеды он использовал для продолжения деловых переговоров, т.е. как часть коридоров власти) Куэйф, наконец, приоткрыл свою сущность Льюису, обнажил честолюбие и высокомерие – качества, присущие людям, стремящимся к власти: «... каждый политик живет в настоящем, <...>, отдает себе отчет, что памятник ему после смерти не поставят. Так пусть пользуется кое-какими благами при жизни – он их заслужил. Первое и основное благо – это власть» [5, с. 32]. Автор сатирически изображает героя-политика, вкладывая подобные мысли в его уста. Однако тщеславие Роджера странным образом сочеталось в нем с размышлениями о том, что могло бы принести пользу всему миру, с мыслью о ядерном разоружении во благо всего человечества. Таким образом, ни внутренний, ни внешний облики Роджера не были гармоничны.

Как и в других политических романах, в «Коридорах власти» изображена дистанция между миром политики и жизнью обычных людей, которую Ч. П. Сноу показывает, как бы вскользь, но очень тонко, изображая сцену встречи Льюиса со знакомым адвокатом Порсоном. Сатирическое отношение автора читается уже в названии главы: «И снова нежелание считаться с действительностью». В этой главе Льюис Элиот оказывается в «кабачке на углу», разительно отличавшемся от ресторанов и банкетных залов для высшего общества. Льюис рассматривает публику и даже отмечает в себе некоторое желание здесь задержаться. Но отстраненность и спокойствие окружающих, тех, кто несколько не озабочен политическими вопросами, все же сильно отличает их от Льюиса, и он вскоре решает уйти. Ч. П. Сноу очень тонко отмечает здесь пропасть, лежащую между верхушкой власти и простыми обывателями. Используется прием образного контраста: через размышления Льюиса автор передает свое видение взаимоотношений между верхушкой власти и простыми людьми. Законопроекты и идеи, обсуждавшиеся в высшем свете, чужды и неинтересны обычным людям: «... они пожимали плечами, жили как живется и держались так, будто знали секрет бессмертия» [5, с. 67]. Льюис Элиот задает себе риторические вопросы о том, как бы Куэйф смог найти общий язык с этими людьми: «Как мог он [Куэйф] или любой другой политический деятель заставить их прислушаться? Что им было до Роджера Куэйфа, до ученых, до государственных деятелей – вообще до людей, которые должны принимать какие-то решения?» [5, с. 67] Поскольку Элиот покидает заведение, так и не заговорив ни с кем, в этом эпизоде можно прочесть авторскую позицию: политики слишком далеки от мирской жизни, какими бы приземленными не казались их цели. В этом состоит важная характеристика политики в романе в целом. Сложно добиться существенного поворота в политическом курсе, не принимая во внимание мнения большинства и не заботясь об уровне осведомленности общества.

Двойственность характера Роджера Куэйфа, которая подчеркивается Элиотом и заметна в его взаимодействии с окружающими, также подтверждается образом его как мужа. С первых страниц романа читателю заметна дистанция между ним и его женой, Кэро. Во-первых, они – представители разных слоев общества. Во-вторых, ему трудно убедить в своих взглядах даже жену, поскольку она открыто поддержала политику Англии в Суэцком кризисе. Куэйф предпочел отмолчаться на этот счет, т.к. критика правительственной линии помешала бы формированию его авторитета, тогда как поддержка решений премьер-министра противоречила бы его законопроекту. Ближе к середине романа становится ясно, что у Роджера есть любовница, Элен Смит. Автор критикует Роджера, карикатурно создавая перед читателем сперва идеальный вышколенный образ политика-благотельца, думающего о будущем своей страны. Но постепенно Ч. П. Сноу заставляет разочароваться в этом героине-политике, выставляя перед читателем обычного человека, жаждущего власти, не принимающего во внимание мнения окружающих и страдающего от семейных проблем.

О типичности и достоверности образа Роджера Куэйфа рассуждает литературовед И.А. Дубашинский. Принадлежность Куэйфа к консервативной партии, с одной стороны, заставляет усомниться в возможности возникновения у него антимилитаристских взглядов. Однако, с помощью системы образов типичных представителей высшего класса общества, Ч. П. Сноу выстраивает логику романа, органично вплетая вымышленного Куэйфа в исторические события и выступая в какой-то мере провидцем, т.к. в 1965 г. в Великобритании прошла череда протестов против создания ядерных альянсов. Кроме того, против ядерного оружия традиционно выступала в Великобритании коммунистическая партия, относящаяся именно к консерваторам. «... Масштаб романа измеряется не только рамками сражения, начатого Куэйфом в условиях “холодной войны”. Конфликт, раскрытый автором, обнажил шаткость социальных устоев Англии, противостояние официальных кругов этой страны широкой общественности» [6, с. 55].

На первый взгляд, Роджер Куэйф может показаться политиком-романтиком, борющимся за правое дело во благо всего человечества. Однако, все не так просто. Ч. П. Сноу создает сложный и многоплановый образ политика, которому присущи честолюбие и тщеславие как человеку, стремящемуся к власти. Он часто вынужден вести двойную игру и изменять себе для того, чтобы добиться расположения представителей высшего света. Его идеи миролюбивы, однако он не принимает во внимание мнение большинства, ограничиваясь общением в узком кругу избранных и, возможно, поступая самонадеянно. Даже в личной жизни он вынужден поступать с оглядкой на то, какое произведет впечатление на общество. Ч. П. Сноу рисует перед нами образ политика, который продумал стратегию развития своей карьеры, однако не смог гибко реагировать на непредвиденные исторические события и, потерпев поражение, ушел с политической арены. Таким образом, Роджера Куэйфа можно назвать передовым политиком, опережающим свое время, но слишком самонадеянным в условиях устоявшихся политических взглядов и сложившихся направлений действующего на тот момент курса Великобритании.

Заключение. Роман Ч. П. Сноу является социально-политическим, т.к. в нем подробно описываются общество высшего света и политические интриги, а исторические события органично вплетены в общую канву произведения и дают понимание поступков главных героев. Жанровой доминантой этого политического романа является герой-политик, для которого автор использует гиперболизацию, сатиру, монологи, диалоги; описывает персонажа в типичных ситуациях, собирая детальный образ политиков и государственного управляющего аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проскурнин Б.М. Английский политический роман XIX века (проблемы генезиса и эволюции). – Пермь: Изд. Перм. ун-та, 2000. – 286 с.
2. Howe I. Politics and the Novel. – New York: Fawcett Publication. Inc., 1967. – P. 254.
3. Boyers R. Atrocity and Amnesia: The Political Novel since 1945. – New York: Oxford University Press, 1985. – 259 p.
4. Scheingold St. The Political Novel: Re-Imagining the Twentieth Century. – New York: Continuum, 2010. – 272 p.
5. Snow C. P. The Corridors of Power // The Corridors of Power. – House of Stratus, 2012. – 322 p.
6. Дубашинский И.А. Роман Ч. П. Сноу «Коридоры власти». – М.: Высш. шк., 1984. – 103 с.

Поступила 19.01.2023

THE GENRE OF A POLITICAL NOVEL AND THE IMAGE OF A POLITICIAN IN IT (ON THE EXAMPLE OF C. P. SNOW'S NOVEL "CORRIDORS OF POWER")

A. VILCHYNSKAYA
(Minsk State Linguistic University)

The article is devoted to the discussion of genre generalization of the English political novel of the twentieth century, as well as the analysis of the character of a politician as the main genre dominant. The study presents a detailed description of the main character of C. P. Snow's novel Corridors of Power and emphasizes the role of hyperbolization, image contrast, and satire in depicting the hero.

Keywords: political genre generalization, genre dominants, character of a politician, political novel.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БРЕНДИНГА, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В ДОКУМЕНТАХ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

М.И. ЗЕНЬКО

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3813-8043>

e-mail: marynazianko@gmail.com

Исследование структурных характеристик терминологии обусловлено важностью выявления особенностей закрепления научного знания в формальной структуре терминов определенного языка для специальных целей (ЯСЦ). Анализ формальной структуры англоязычных терминов, отражающих систему понятий брендинга, показал, что в исследуемой терминологии преобладают термины-словосочетания. Однословные термины немногочисленны и представлены в большей степени лексемами с непроемными основами. Среди аффиксальных дериватов преобладают термины суффиксального типа. Наиболее продуктивной структурной моделью терминов-словосочетаний является двухкомпонентное атрибутивно-препозитивное словосочетание с примыканием. Наличие регулярно повторяющихся опорных терминоэлементов может служить основанием для категоризации понятий. Наличие же общности атрибутивных терминоэлементов в различных терминологических гнездах рассматривается как системообразующий фактор в рамках стихийно формирующейся терминосистемы. Выявление логико-понятийных связей и отношений между терминоэлементами может служить основанием для иерархической организации терминологии брендинга.

Ключевые слова: терминология брендинга, структура терминов, однословные термины, многокомпонентные термины, ЯСЦ, терминологические гнезда.

Введение. Термины как номинации специальных понятий представляют собой элементы языков для специальных целей (ЯСЦ). В то же время, они образованы из того же языкового материала, что и слова общего употребления. Считается, что большинство терминов имеет формальную структуру лексических единиц того литературного языка, на основе которого они образуются, что не исключает, тем не менее, особых способов «создания слов и словосочетаний, которые присущи только лексике ЯСЦ» [1, с. 95]. Это обусловлено особой функцией терминов – служить закреплению научного знания. Таким образом, актуальность исследования структурных характеристик терминов обусловлена важностью выявления особенностей закрепления научного знания в формальной структуре терминов.

Цель данной статьи заключается в выявлении и описании структурных характеристик англоязычной терминологии брендинга. Для её достижения необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать и описать формальную структуру англоязычных терминов, отражающих систему понятий брендинга.

2. Выявить наиболее частотные для ЯСЦ брендинга терминоэлементы.

Для проведения исследования были использованы дефиниционный, структурно-семантический и количественный методы.

Исследование терминологии определенной предметной области требует обращения к репрезентативному корпусу специальных текстов, которые могут служить источником терминологии. Такой корпус, сформированный для целей многовекторного исследования терминологии брендинга, подробно описан нами ранее в [2, с. 81–93]. Данный корпус состоит из двух подкорпусов, в основу которых положены официальные документы, доступные в базе данных WIPO Lex¹, и публикации журнала WIPO Magazine², посвященные проблемам брендинга. Официальные документы считаются традиционными типами текстов в ЯСЦ, а научно-популярные тексты, к которым относятся публикации журнала WIPO Magazine, репрезентируют подязык предметной области. Материалом исследования для данной статьи являются извлеченные из подкорпуса официальных документов термины, которые в этих документах сопровождаются дефинициями либо дефинирующими контекстами, что позволяет рассматривать исследуемые специальные лексические единицы как термины, официально закрепленные в ЯСЦ брендинга. Всего рассмотрено 370 терминов, из которых 65 однословных (18%) и 305 термины-словосочетания (82%). Все англоязычные примеры в рамках данной статьи сопровождаются семантизацией, под которой мы понимаем «процесс и/или результат экспликации семантики терминологических единиц с помощью вербальных и невербальных средств» [3, с. 3]. При осуществлении семантизации средствами русского языка мы опирались на «Большой экономический словарь»³ под редакцией А. Н. Азриляна.

¹ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/index.html>.

² URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/.

³ URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru.

Основная часть. Терминолексика любой области знаний неоднородна в структурном отношении. Она может включать базовые, основные, производные и сложные термины [4, с. 49–50]. В.М. Лейчик отмечает, что для структурного анализа терминов важно учитывать понятие терминологического элемента [4, с. 50]. В современном терминоведении терминологические элементы специальных подязыков признаны семантически специализированными и считаются «формальными выразителями строго определенной концептуальной информации» [5, с. 44]. Каждый термин может состоять из одного или нескольких терминологических элементов, каждый из которых соотносится с понятием или признаком понятия определенной системы понятий [4, с. 50]. С.В. Гринев-Гриневиц, рассматривая термины с точки зрения структурных особенностей, считает, что термины «делятся на термины-слова (однословные термины) и термины-словосочетания (терминологические словосочетания)» [6, с. 62]. Однословные термины, которые С.В. Гринев-Гриневиц называет также «моноксемными» [6, с. 121], подразделяются на простые, имеющие непроизводную основу, дериваты, образованные любым из аффиксальных способов, и сложные, основа которых содержит несколько корневых морфем. Термины-словосочетания, образованные синтаксическим способом, обладают «устойчивостью (цельностью номинации), обусловленной их функцией наименования одного понятия» [6, с. 136]. Такие термины характеризует «номинативный характер и атрибутивный (определяющий) вид связи составляющих их элементов», причем «эти свойства грамматически оформлены», а, следовательно, существуют «объективные предпосылки <...> определения основных их моделей» [6, с. 136]. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин в свое время отмечали, что грамматическая структура терминологических словосочетаний организована аналогично грамматической структуре свободных словосочетаний [7, с. 45]. Подробная типология словосочетаний английского языка в сопоставлении с русским разработана В.Д. Аракиным [8]. В соответствии с предложенной ученым типологией, различают субстантивные, адъективные и глагольные словосочетания. По характеру синтаксических отношений между компонентами различают атрибутивные, объектные и обстоятельственные словосочетания. По способу выражения синтаксических отношений выделяют словосочетания, в которых компоненты связаны путем согласования, управления, примыкания, предложной связи [8, с. 102].

Наиболее распространенным видом терминов-словосочетаний, по мнению большинства исследователей, является двухкомпонентное атрибутивное словосочетание. Основываясь на формальной выраженности атрибутивного компонента, С.В. Гринев-Гриневиц выделяет основные структурные модели двухкомпонентных атрибутивных терминов-словосочетаний (для представления структурных моделей используются общепринятые сокращения: N – имя существительное, N's – имя существительное в притяжательном падеже; A – имя прилагательное; V – глагол; Ving – причастие настоящего времени; Ved – причастие прошедшего времени; Adv – наречие; p – предлог; c – союз): 1) словосочетания с именем существительным в виде базового компонента и именем существительным в виде препозитивного атрибута (NN); 2) словосочетания с именем существительным в виде базового компонента и именем прилагательным в виде препозитивного атрибута (AN); 3) словосочетания с именем существительным в виде базового компонента и причастием настоящего времени в виде препозитивного атрибута (VingN); 4) словосочетания с именем существительным в виде базового элемента и причастием прошедшего времени в виде препозитивного атрибута (VedN); 5) словосочетания с именем существительным в виде базового элемента и именем существительным в притяжательном падеже в виде препозитивного атрибута (N'sN); 6) словосочетания с именем существительным в виде базового элемента, предлогом и именем существительным в виде препозитивного атрибута (NpN) [6, с. 136–138].

Перейдем к рассмотрению терминологии брендинга.

Как уже отмечалось выше, среди 370 выделенных терминов лишь 65 являются однословными, причем 18 (28%) из них – это термины с непроизводной основой: *brand* 'бренд', *commerce* 'коммерция', *emblem* 'эмблема', *franchise* 'франшиза', *image* 'имидж', *label* 'этикетка', *logo* 'лого', *mark* 'знак', *message* 'сообщение', *name* 'имя', *pack* 'упаковка', *product* 'продукт', *promote* 'продвигать', *sale* 'продажа', *sell* 'продавать', *sign* 'знак', *tag* 'метка', *trade* 'торговля'. Отметим, что эта группа специальных и консубстанциональных лексем играет важную роль в образовании более сложных по структуре терминов: аффиксальных дериватов (*brand* 'бренд' – *branding* 'брендинг'), сложных однословных терминов (*tag* 'метка' – *hashtag* 'хэштег'), а также двухкомпонентных терминов-словосочетаний (*mark* 'знак' – *service mark* 'знак обслуживания').

В исследуемой терминологии обнаружено три вида аффиксальных дериватов (47): образованные суффиксальным, префиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Соответственно, производные однословные термины представлены тремя структурными моделями. Наиболее продуктивным оказался суффиксальный тип – 36 терминов. В изучаемой выборке терминов выявлено 13 суффиксальных формантов, которые участвуют в образовании дериватов. Частотность употребления формантов при образовании однословных дериватов суффиксального типа представлена в таблице 1. Самым продуктивным формантом при образовании однословных дериватов суффиксального типа является суффикс *-er/or*, использующийся в модели номинации профессиональной деятельности лица. Суффикс *-ing*, использующийся в модели номинации процесса, стал вторым по продуктивности.

Менее многочисленным видом является группа терминов префиксально-суффиксальной структуры, включающая 6 терминов, каждый из которых образован при помощи различных конфигов: *mis-brand-ed* 'маркированный ложно или вводящим в заблуждение способом'; *mis-brand-ing* 'ложное или вводящее в заблуждение маркирование'; *re-pack-age* 'переупаковка'; *tele-market-ing* 'телемаркетинг'; *co-brand-ing* 'совместный брендинг'; *counter-advertis-ing* 'контрреклама'.

Группу терминов префиксальной структуры составляют всего 2 деривата, один из которых образован при помощи префикса *pre-* (*prepack* 'полуфабрикат'), а второй – при помощи префикса *sub-* (*sub-brand* 'суб-бренд').

Таблица 1. – Частотность употребления формантов при образовании однословных дериватов суффиксального типа.

Формант	Количество дериватов	Примеры	Формант	Количество дериватов	Примеры
-er/or	9	<i>advertiser</i> ‘рекламодатель’	-ship	1	<i>sponsorship</i> ‘финансирование’
-ing	7	<i>advertising</i> ‘реклама’	-ise	1	<i>advertise</i> ‘рекламировать’
-tion	5	<i>competition</i> ‘конкуренция’	-ant	1	<i>applicant</i> ‘заявитель’
-ment	3	<i>advertisement</i> ‘реклама’	-age	1	<i>package</i> ‘упаковка’
-s	3	<i>assets</i> ‘активы’	-ee	1	<i>franchisee</i> ‘франшизополучатель’
-ity	2	<i>celebrity</i> ‘знаменитость’	-ice	1	<i>service</i> ‘услуга’
-ed	1	<i>branded</i> ‘брендовый’			

Сложные термины, имеющие в своей структуре две и более корневые морфемы, могут иметь как слитное, так и дефисное написание [9, с. 81]. В некоторых случаях написание может варьироваться (например, *trademark* ‘товарный знак’ – *trade-mark* ‘товарный знак’). В исследуемой терминологии выявлено 3 сложных термина, причем все они включают две корневые морфемы: *hashtag* ‘хэштег’, *trade-mark* ‘товарный знак’, *trademark* ‘товарный знак’.

Термины-словосочетания преобладают в исследуемой терминологии и составляют 82% от общего количества специальных единиц. Двухкомпонентные термины составляют 54% (200 из 370) от общего состава исследуемых терминов и 66% – от всех терминов-словосочетаний (200 из 305). Среди найденных двухкомпонентных терминов-словосочетаний 194 термина – это атрибутивно-препозитивные словосочетания с примыканием. Структурные модели таких терминов-словосочетаний с указанием частоты встречаемости в исследуемом материале и примерами терминов приведены в таблице 2 ниже.

Таблица 2. – Структурные модели двухкомпонентных атрибутивно-препозитивных терминов-словосочетаний с примыканием

Структурная модель	Количество	Примеры
AN	82	<i>actual consumer</i> ‘реальный покупатель’
NN	68	<i>nation brand</i> ‘национальный бренд’
VedN	18	<i>animated mark</i> ‘анимированный знак’
VingN	14	<i>misleading branding</i> ‘вводящий в заблуждение брендинг’
NpN	11	<i>mark of conformity</i> ‘знак соответствия’
N’sN	1	<i>brand-owner’s certification</i> ‘сертификация владельца бренда’

Таким образом, среди выявленных структурных моделей двухкомпонентных атрибутивно-препозитивных терминов-словосочетаний с примыканием наиболее типичными являются структурные модели с именем существительным в качестве базового компонента, в которых в роли препозитивного атрибута выступают имена прилагательные, а также имена существительные и причастия настоящего и прошедшего времени.

Оставшиеся двухкомпонентные термины-словосочетания образованы по различным структурным моделям, одна из которых используется трижды: NcN (*directly or indirectly* ‘прямо или косвенно’). Для 62 найденных трехкомпонентных терминов (20% от общего числа терминов-словосочетаний) выявлено 20 структурных моделей (таблица 3).

Таблица 3. – Структурные модели трехкомпонентных терминов-словосочетаний

Структурная модель	Количество	Примеры
ANN	13	<i>own brand product</i> ‘продукт под собственным брендом’
NNN	9	<i>trade mark awareness</i> ‘осведомленность о товарном знаке’
VedNN	7	<i>registered trade mark</i> ‘зарегистрированный товарный знак’
VNN	5	<i>build brand loyalty</i> ‘создавать лояльность к бренду’
ANpN	5	<i>inherent distinctiveness of a sign</i> ‘неотъемлемая отличительная черта знака’
AAN	3	<i>surreptitious commercial communication</i> ‘тайное коммерческое общение’
ANcN	2	<i>similar goods and services</i> ‘аналогичные товары и услуги’
NNpN	2	<i>domain name under dispute</i> ‘спорное доменное имя’
NpAN	2	<i>applicant for a collective mark</i> ‘заявитель на коллективный знак’
NpNpN	2	<i>use of a trademark for goods</i> ‘использование товарного знака для товаров’
NVedpN	2	<i>value associated with the mark</i> ‘ценность, связанная со знаком’
NpNN	2	<i>use of a trade mark</i> ‘использование товарного знака’
NcNpN	1	<i>sale or exchange of services</i> ‘продажа или обмен услуг’
NNcN	1	<i>consumer products and services</i> ‘потребительские товары и услуги’
AdvAN	1	<i>obviously false advertising</i> ‘заведомо ложная реклама’
AVedN	1	<i>counterfeit branded goods</i> ‘поддельные брендовые товары’
NpVedN	1	<i>owner of the registered trademark</i> ‘владелец зарегистрированного товарного знака’
VingVedN	1	<i>existing registered mark</i> ‘существующий зарегистрированный знак’
VedNcN	1	<i>misbranded drugs and devices</i> ‘лекарства и приборы с неправильной маркировкой’
NAN	1	<i>business-to-consumer commercial practices</i> ‘коммерческая практика взаимодействия бизнеса с потребителем’

Как правило, трехкомпонентные термины-словосочетания образуются на базе двухкомпонентных словосочетаний, которые принято называть исходными, и характеризуются более тесными структурно-семантическими отношениями (*brand loyalty* ‘лояльность к бренду’ – *build brand loyalty* ‘создавать лояльность к бренду’).

Группа четырехкомпонентных терминов представлена 27 единицами (9% от общего числа выявленных терминов-словосочетаний), которые структурно оформлены по 22 моделям. Наиболее распространенные из них представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Наиболее продуктивные структурные модели четырехкомпонентных терминов-словосочетаний

Структурная модель	Количество	Примеры
NNNN	3	<i>brand name drug company</i> ‘фармацевтическая компания известного бренда’
NpNNN	2	<i>Certificate of Brand Name Clearance</i> ‘Сертификат о регистрации названия бренда’
VedNNN	2	<i>branded prescription drug sales</i> ‘продажа фирменных рецептурных препаратов’
VedNpNN	2	<i>authorised use of a trade mark</i> ‘разрешенное использование товарного знака’

Одним термином каждая представлены 18 структурных моделей четырехкомпонентных терминов. Анализ этих словосочетаний по составляющим их компонентам показывает, что зачастую они образованы на базе двухкомпонентных терминов-словосочетаний либо путем их сочетания, либо путем добавления определяющих компонентов к исходному сочетанию с получением трехкомпонентных, а затем четырехкомпонентных словосочетаний (*trade mark* ‘товарный знак’ – *registered trade mark* ‘зарегистрированный товарный знак’ – *owner of a registered trade mark* ‘владелец зарегистрированного товарного знака’).

В собранном языковом материале обнаружены пятикомпонентные термины – 11 единиц (*to materially distort the economic behaviour of consumers* ‘существенно исказить экономическое поведение потребителей’), шестикомпонентные термины – 2 единицы (*relevant territory for establishing the reputation of the earlier mark* ‘соответствующая территория для установления репутации более раннего знака’), один семикомпонентный термин (*market share enjoyed by the goods offered or sold under the mark* ‘доля рынка, которой пользуются товары, предлагаемые или продаваемые под знаком’), две восьмикомпонентные единицы (*use a registered trade mark as a brand name for the goods or services* ‘использование зарегистрированного товарного знака в качестве названия бренда для товаров или услуг’). При образовании пятикомпонентных терминов употребляется 10 моделей, из которых только одна модель используется дважды – VpNNpNpN (*use of a trade mark in relation to goods* ‘использование товарного знака в отношении товаров’). Сочетания, состоящие из шести, семи и восьми компонентов, образованы каждое по своей модели.

Структурно-семантический анализ терминов позволил выявить наиболее частотные опорные и атрибутивные терминологические элементы, используемые в производстве терминов-словосочетаний (рисунки 1, 2). На рисунках представлены только те терминологические элементы, которые встречаются более чем в одном термине.

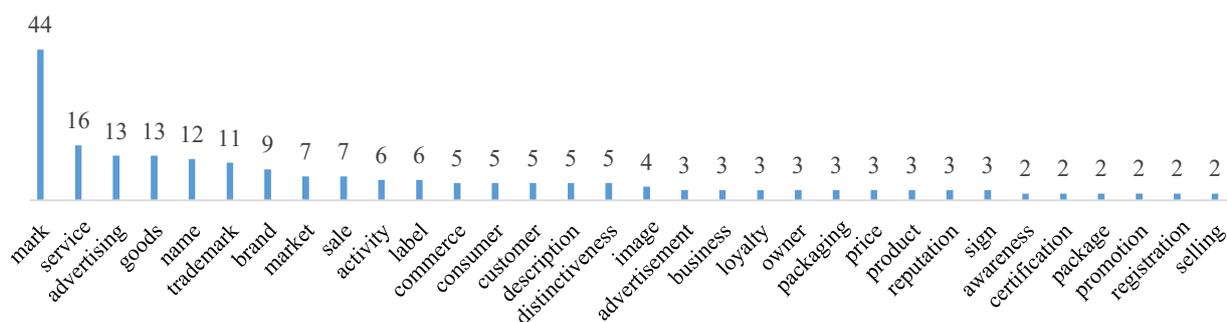

Рисунок 1. – Опорные терминологические элементы и частота их встречаемости в терминах-словосочетаниях

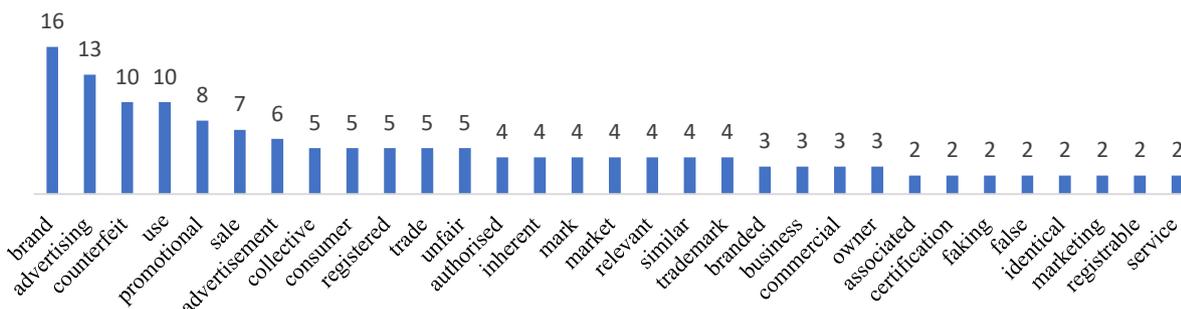

Рисунок 2. – Атрибутивные терминологические элементы и частота их встречаемости в терминах-словосочетаниях

Необходимо отметить, что в целом ряде случаев, одни и те же терминологические элементы обладают способностью выступать в качестве как опорных, так и атрибутивных терминологических элементов: *advertisement, advertising, brand, business, certification, consumer, mark, market, owner, packaging, sale, service, trademark*. Соответственно, именно эти терминологические элементы можно считать в наибольшей степени семантически «нагруженными», обладающими как терминологическим (опорные терминологические элементы), так и системообразующим потенциалом. Поскольку опорный терминологический элемент, как правило, выражает родовый признак понятия, а атрибутивные терминологические элементы передают отличительные видовые признаки, такие отношения между терминологическими элементами отражают взаимосвязи между понятиями и логико-понятийную системность терминологии брендинга, как правило, в пределах терминологических гнезд. Наличие же общности атрибутивных терминологических элементов в различных терминологических гнездах может рассматриваться как системообразующий фактор в рамках стихийно формирующейся терминологической системы.

Заключение. Исследование формальной структуры англоязычных терминов, отражающих систему понятий брендинга, показало, что в анализируемой терминологии преобладают термины-словосочетания. Однословные термины немногочисленны и представлены в большей степени лексемами с непроизводными основами. Среди аффиксальных дериватов преобладают термины суффиксального типа. Наиболее продуктивной структурной моделью терминов-словосочетаний является двухкомпонентное атрибутивно-препозитивное словосочетание с примыканием. Среди таких терминов-словосочетаний наиболее типичными являются структурные модели с именем существительным в качестве базового компонента и именем прилагательным, а также именем существительным и причастием настоящего и прошедшего времени в виде препозитивного атрибута. Наличие регулярно повторяющихся опорных терминологических элементов может служить основанием для категоризации понятий. Выявление логико-понятийных связей и отношений между терминологическими элементами является потенциальным основанием для иерархической организации терминологии брендинга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В.М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 87–97.
2. Зенько М.И. Целевой корпус публикаций Всемирной организации интеллектуальной собственности: формирование и использование для исследования терминологии брендинга // Общество. Коммуникация. Образование. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.12406>.
3. Комарова З.И. Семантизация термина в учебном научно-техническом тексте. – М.: ФЛИНТА. 2018. – 293 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
5. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии. Лингвистические аспекты теории термина. – М.: Книжный дом Либроком, 2016. – 120 с.
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Изд. ц-р «Академия», 2008. – 304 с.
7. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – М.: Выш. шк., 1987. – 104 с.
8. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 232 с.
9. Сорокина Э.А., Гринев-Гриневиц С.В. Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии) // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2020. – № 5. – С. 74–85. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-74-85>.

Поступила 01.03.2023

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF THE ENGLISH-LANGUAGE BRANDING TERMINOLOGY PRESENTED IN THE DOCUMENTS OF WORLD INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION

M. ZIANKO

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The research of the structural characteristics of terminology is determined by the importance of identifying the peculiarities of the fixation of scientific knowledge in the formal structure of terms of a certain language for special purposes (LSP). The analysis of the formal structure of English-language terms reflecting the system of branding concepts has shown that the terms-phrases prevail in the studied terminology. One-word terms are not numerous and are mainly of the suffixal type. Among the affixal derivatives the terms of the suffixal type prevail. The most productive structural model of terms-phrases is a two-component attributive-prepositive phrase with adjunction. The presence of regularly repeated basic term elements can serve as a basis for the categorization of concepts. The presence of a commonality of attributive term elements in various terminological nests is considered as a system-forming factor within a spontaneously forming term system. The identification of logical-conceptual relationships between term elements can serve as a basis for the hierarchical organization of branding terminology.

Keywords: branding terminology, term structure, one-word terms, multicomponent terms, LSP, terminological nests.

УДК 811.161.3'42'373:398.91(=161.3):398.91(=112.2):2-1

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-43-48

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ БЕЛАРУСКІХ
І НЯМЕЦКІХ ПАРЭМІЙ З РЭЛІГІЙНЫМІ КАМΠΑНАНТАМІ

канд. філал. навук, дац. С.С. МАСЛЕНІКАВА
(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7018-4632>

У артыкуле аналізуецца ў супастаўляльным аспекце выяўленыя з актуальных парэміялагічных слоўнікаў беларускія і нямецкія прыказкі і прымаўкі з рэлігійнымі кампанентамі і іх дэрыватамі, якія абазначаюць назвы божых істотаў; найменні людзей, якія прысвячаюць сваё жыццё служэнню Богу; уласцівасці, што ўказваюць на боскую сілу і чысціню; назвы цёмных сіл і духаў, якія ўвасабляюць зло; найменні рэалій замагільнага жыцця і назвы, якія абазначаюць хрысціянскія ўяўленні пра чалавека. Вызначаюцца частковыя эквіваленты ў абедзвюх мовах. Асобна падаюцца ўстойлівыя выразы, якія сустракаюцца толькі ў беларускай мове ці маюць месца выключна ў нямецкай мове. Упершыню ажыццяўляецца іх колькасны падлік і вызначаецца роля ў напавуненні парэміялагічнага фонду абедзвюх моў, што дазваляе выявіць ролю рэлігіі ў жыцці беларусаў і немцаў, апісаць агульныя і адметныя рысы выкарыстання ўстойлівых адзінак з рэлігійным кампанентам у беларускай і нямецкай мовах.

Ключавыя словы: беларуская мова, нямецкая мова, парэмія, рэлігія, рэлігійны кампанент, семантыка, структура.

Уводзіны. Рэлігія заўсёды адыгрывала і будзе адыгрываць значную ролю ў жыцці людзей, што не магло не знайсці адлюстравання ў мове, менавіта ў парэміялогіі. Нашай увазе падпалі беларускія і нямецкія прыказкі і прымаўкі, у склад якіх уваходзяць рэлігійныя кампаненты і іх дэрываты. Мы аддзяляем рэлігійную лексіку ад царкоўнай, якая суадносіцца з матэрыяльным бокам царкоўнага жыцця і ўключае ў сябе найменні царкоўных арганізацый і збудаванняў; святароў і служыцелей, іх адзення і дзеянняў, звязаных з іх службай у храме, царкоўных звычаяў і абрадаў, хрысціянскіх святаў, прадметаў культа і царкоўных рэчаў; удзельнікаў царкоўных звычаяў, іх дзеянняў у храме, што паслужыць аб'ектам нашага іншага даследавання.

Апошнім часам рэлігійную лексіку ў нямецкай мове разглядала В.А. Конанова [1], у рускай – С.В. Булавіна [2], у беларускай – А.С. Садоўская, М.А. Якалцэвіч [3]. У супастаўляльным аспекце рэлігійная лексіка прааналізавана на матэрыяле лацінскай, французскай, італьянскай і рускай моў Д.І. Рыжковым [4]. Асобна разглядзеўшы ў супастаўляльным аспекце беларускія і нямецкія ўстойлівыя адзінкі з біблейскімі антрапонімамі [5], нашай увазе ў гэтым артыкуле ўпершыню падпалі выяўленыя з актуальных парэміялагічных слоўнікаў беларускай і нямецкай моў [6; 7] прыказкі і прымаўкі з рэлігійнымі кампанентамі і іх дэрыватамі. Іх супастаўляльнае даследаванне дазволіць ахарактарызаваць нацыянальна-культурную самабытнасць беларускай і нямецкай моў, а таксама вызначыць ролю рэлігіі ў жыцці беларусаў і немцаў.

Метадам суцэльнай выбаркі выяўлены і прааналізаваны беларускія і нямецкія парэміі, якія абазначаюць назвы божых істотаў (*Бог / Gott, Усявышні / Hergott, Гасподзь; Engel* 'анёл'); найменні людзей, якія прысвячаюць сваё жыццё служэнню Богу (*пярарок / Prophet, святы / der Heilige, апостал*); уласцівасці, якія ўказваюць на боскую сілу і чысціню (*святы, fromm* 'набажны'); назвы цёмных сіл і духаў, якія ўвасабляюць зло (*бес, д'ябл, чорт / Teufel*); найменні рэалій замагільнага жыцця (*некла / Hölle, рай / Paradies, мой свет*) і назвы, якія абазначаюць хрысціянскія ўяўленні пра чалавека (*душа / Seele; грэх / Sünde, грашыць / sündigen; маленне, маліцца / beten, малітва / Gebet, хрысціца; predigen* 'прапаведваць', *Predigt* 'пропаведзь', *Prediger* 'прапаведнік').

Асноўная частка. Зразумела, што часцей за ўсё ў выяўленых парэміях сустракаюцца назвы вярхоўнай істоты. Беларускім найменням *Бог, Усявышні, Гасподзь* адпавядаюць нямецкія назвы *Gott, Hergott*. У беларускай мове маюць месца наступныя прыказкі і прымаўкі з кампанентам *Бог* і яго дэрыватамі, напрыклад¹:

Ад бога грэх і ад людзей смех 'Гаворыцца з папрокам як асуджэнне чыйго-небудзь благага ўчынку';

На ўсё воля божая (Усе мы ходзім пад богам) 'З кожным можа здарыцца што-небудзь нечаканае, незалежнае ад чалавека'.

У нямецкай мове выяўлены наступныя парэміі з кампанентам *Gott / Бог*:

An Gottes Segen ist alles gelegen 'літар. Божае благаславенне важна; Без Бога ні да парога';

Arznei hilft, wenn Gott es will, wenn nicht, so ist's Lebensziel 'літар. Лекі дапамагаюць, калі гэтага захоча Бог, калі не, тады гэта становіцца мэтай жыцця; Тая душа не жывая, якая па лекарах пайшла';

Behüte mich Gott vor meinen Freunden, mit den Feinden will ich schon fertig werden 'літар. Беражы мяне, Бог, ад маіх сяброў, з ворагамі спраўлюся сам; Не бойся ворага, а бойся сябра';

Dem Mutigen hilft Gott 'Смеламу дапамагае Бог';

Die Eile ist vom Teufel, die Ruhe vom Gott 'Спешка – ад чорта, спакой – ад Бога';

Ein jeder für sich und Gott für uns alle 'Кожны пра сябе, а Бог пра ўсіх';

Freiheit ist von Gott, Freiheiten vom Teufel 'Свабода – ад Бога, шмат свабоды – ад чорта';

¹ З-за абмежаванага аб'ёму артыкулу тут і далей выяўленыя беларускія парэміі ілюструюцца толькі асобнымі прыкладамі.

Gott behüte uns vor großem Glück ‘Бог засцерагае нас ад вялікага шчасця’;

Gottes Mühlen mahlen langsam, aber fein (klein, sicher) ‘літар. Божыя млыны малоцяць павольна, але дробна (па-маленьку, надзейна)’ (*Gott kommt langsam, aber wohl* ‘літар. Бог прыходзіць павольна, але добра’) ‘Бог доўга чакае, але балюча б’е’;

Gott ist der Dummen Vormund ‘літар. Бог – апякун неразумных; Разумнаму Бог дапамагае, а дурню – шчасце’;

Was Gott tut, das ist wohlgetan ‘літар. Што робіць Бог, гэта добра; Што Бог пасцяліў, тое і мякка’;

Wem Gott ein Amt gibt, dem gibt er auch Verstand ‘Каму Бог дае пасаду, таму ён дае і розум’.

Адразу і ў беларускай, і ў нямецкай мовах з адзначаным кампанентам выяўлены наступныя прыказкі і прымаўкі, якія маюць аднолькавае значэнне і адрозніваюцца толькі сваёй структурай (частковыя эквіваленты):

Бог дасць дзень, бог дасць і харч (Дасць Бог дзень, дасць і полудзень (хлеб, ежу, пажытак)) = Gibt Gott Häuschen, gibt er auch Gräschen ‘літар. Калі Бог дае зайчыка, дасць і траўку’, ‘Неяк будзе, усё ўладзіцца. Гаворыцца з надзеяй, што ўсё павінна быць добра, што няма асаблівых падстаў непакоіцца пра заўтрашні дзень, пра ежу і пад.’;

Бог не выдаць (не дасць, не папусціць, не прадаць), свіння не з’есць = Wem Gott wohl will, dem will Sankt Peter nicht übel ‘літар. Каму Бог спрыяе, таму не хоча зла святы Пётр’, ‘Нічога кепскага не павінна здарыцца. Кажуць для заспакаення, што ўсё пагразівае, небяспечнае мінецца і што з рызыкаўнага становішча будзе выйсце’;

Бог то бог, але і сам не будзь жох (На Бога спадзявайся, а сам не давайся (не агінайся, не зывай)) = Gott gibt wohl die Kuh, aber nicht den Strick dazu ‘літар. Бог дае карову, але не дае да яе вяроўку’ (*Hilf dir selber, so hilft dir Gott* ‘літар. Дапамажы сабе сам, тады табе дапаможа Бог’); *Gott beschert wohl den Ochsen, aber nicht bei den Hörnern* ‘літар. Бог адорвае быка, але не за рогі’) ‘Ужываецца як рэакцыя на слова «бог» у папярэднім выказванні і як парада разлічваць не на каго-небудзь, а на свае ўласныя дзеянні’;

Чалавек плануе, а Бог выракуе = Der Mensch denkt, und Gott lenkt ‘літар. Чалавек думае, а Бог накіроўвае’, ‘Не заўсёды бывае так, як хто-небудзь мяркуе, хоча, разлічвае’.

Рэлігійны кампанент, урачыстая назва Бога *Усявышні / Herrgott* мае месца ў наступных беларускіх і нямецкіх парэміях:

Бойся Усявышняга і не гавары лішняга ‘Ужываецца як перасцярога не гаварыць нічога лішняга’;

Die Welt ist unseres Herrgotts Spielkarte ‘літар. Свет – ігральная карта нашага Госпада; У свеце як на вялікім балі: хтосьці скача, а хтосьці плача’.

У беларускай мове выяўлена адна парэмія з рэлігійным кампанентам *Гасподзь*:

Гасподзь не без міласці, а казак не без долі ‘Кажуць са спадзяваннем, што ўсё абыдзецца, што ўсё павінна быць добра’.

Назва іншай божай істоты, служыцеля Бога і яго пасланца да людзей *Engel* ‘анёл’ прадстаўлена толькі ў адной нямецкай парэміі:

Junger Engel, alter Teufel ‘літар. Малады анёл, стары чорт; Дзяўчыны добрыя, прыгожыя, тады адкуль злыя жонкі бяруцца?’.

У выяўленых беларускіх і нямецкіх прыказках і прымаўках сустракаюцца і найменні людзей, якія звязваюць сваё жыццё з рэлігіяй і служэннем Богу:

прарок / Prophet: *Няма прарока (-ў) у сваёй айчыне = Der Prophet gilt nirgends weniger als in seinem Vaterland* ‘літар. Нідзе менш прарок не варты, як у сваёй Айчыне’, ‘У сваёй Айчыне ці ў акружэнні блізкіх не цэніцца належным чынам чалавек, варты высокай ацэнкі’;

святые / der Heilige: *Не пад’ясі, то і святых прадаці* ‘Галодны чалавек здольны на такія ўчынкi, якія б у іншых нармальных умовах не рабіліся’; *Offene Tür verführt auch den Heiligen* ‘літар. Адчыненыя дзверы спакушаюць і святога; Грошы і папа завядуць у яму’;

апостал: *Па абліччы апостал, а па зубах сабака* ‘Пра таго, у каго знешняя ветлівасць, далікатнасць не адпавядае ўнутраным якасцям, здольнасці прычыніць шкоду, непрыемнасці’.

Асобна вылучаецца група прыказак і прымавак з кампанентамі – найменнямі ўласціваасцей, якія ўказваюць на боскую сілу і чысціню. У беларускай мове гэта парэміялагічныя адзінкі з кампанентам *святые*, напрыклад: *Зямля святая ўсіх прымае* ‘Пра смяротнасць кожнага чалавека’; у нямецкай мове – з кампанентам *fromm* ‘набжны’:

Es sind nicht alle fromm, die in die Kirche gehen ‘літар. Не ўсе, хто ходзіць у царкву, набжныя. У хаце – абразы, а сумленне прадажнае’; *Fromm ist, wer ungezählt Geld wiedergibt* ‘Набжны той, хто грошы, не лічачы, вяртае’; *Rot Haar ist gar fromm oder gar böse* ‘літар. Рыжыя валасы зусім набжныя ці зусім злыя; Рыжаму палец у рот не кладзі’; *Viele fromme Schafe gehen in einen Stall* ‘літар. Шмат набжных авечак ідуць у хлеў; У песнаце, ды не ў крыўдзе’.

Побач з вялікай колькасцю выяўленых беларускіх і нямецкіх парэмій з кампанентамі, якія абазначаюць божыя істоты, у абедзвюх мовах мае месца шэраг устойлівых адзінак з рэлігійнымі кампанентамі – назвамі цёмных сіл і злых духаў. Іх наяўнасць у парэміялагічных фондах беларускай і нямецкай моў тлумачыцца бінарным супрацьпастаўленнем добра і зла ў сістэме хрысціянскіх каштоўнасцей. У шэрагу выяўленых беларускіх прыказак і прымавак сустракаюцца наступныя найменні духаў, якія ўвасабляюць зло, напрыклад:

бес, д’ябл: *Сівізна ў валасы (у галаву), а д’ябл (бес) у рабро* ‘Кажуць з насмешкай пра пажылога мужчыну, які пачынае цікавіцца жанчынамі’;

чорт: *Баба і чорта звядзе* ‘Пра дрэнны характар жанчыны’; *Багатаму і чорт у кашу дбае* ‘Багатаму ўсё ўдаецца, ва ўсім шанцуе’.

Толькі ў нямецкай мове сустракаюцца наступныя парэміі з кампанентам **Teufel / чорт**:

Dem Habenichtes kann auch der Teufel nichts stehlen ‘У жабрака і чорт нічога не можа ўкрасці’; *Dem Reichen prägt der Teufel das Geld* ‘Багатаму чорт чаканіць грошы’; *Der Frau Mutter ist des Mannes Teufel* ‘літар. Жонка маці – чорт мужа; Маці жонкі – чортава маці’; *Die Frau weiß eine Kunst mehr als der Teufel* ‘літар. Жанчына ведае мастацтва больш чым чорт; Жаночы розум лепш за ўсякія думы’; *Die Eile ist vom Teufel, die Ruhe von Gott* ‘Спешка – ад чорта, спакой – ад Бога’; *Freiheit ist von Gott, Freiheiten vom Teufel* ‘Свабода – ад Бога, шмат свабоды – ад чорта’; *Ein Mensch ist des anderen Wolf (Teufel)* ‘Чалавек чалавеку воўк (чорт)’; *Junger Engel, alter Teufel* ‘літар. Малады анёл, стары чорт; Дзяўчыны добрыя, прыгожыя, тады адкуль злыя жонкі бяруцца?’; *Kartenspiel ist des Teufels Gebetbuch* ‘літар. Гульня ў карты – малітвеннік чорта; Гульня не давядзе да добра’; *Nach jedermanns Genügen kann sich kein Teufel fügen* ‘літар. Для ўсеагульнага задавальнення ніякі чорт не будзе пакорлівым; Усім не дагодзіш’; *Stiefmutter ist des Teufels Unterfutter* ‘літар. Мачаха – падкладка чорта; З хаты гоніць мачаха, а з лесу мядзведзь’; *Wenn man den Teufel an die Wand malt, so kommt er* ‘літар. Калі чорта малююць на сцяне, ён прыходзіць’ (*Man muß (soll) den Teufel nicht an die Wand malen* ‘літар. Не трэба чорта маляваць на сцяне’) ‘Не жартуй чортам: з дубінкі вылезе, заб’е’; *Wer den Teufel ins Schiff nimmt, muß ihn auch hinüberfahren* ‘літар. Хто чорта бярэ на карабель, павінен яго таксама перавезці; Назваўся грыбам – лезь у кошык’; *Wo der Teufel nicht hin mag (hin-kommt), da schickt er ein altes Weib (einen Pfaffen) hin* ‘літар. Куды чорт не хоча (не прыходзіць), туды пасылае старую бабу (папа); Куды чорт не паспее, туды бабу пашле’.

Частковыя эквіваленты з адзначаным кампанентам у беларускай і нямецкай мовах прадстаўлены наступнымі ўстойлівымі выразамі:

He taki (ne tak) chortm *страшны, як яго малююць* = *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihn malt* ‘літар. Чорт не такі чорны, як яго малююць’, ‘Не так страшна на самой справе, як здаецца, як гавораць іншыя. Кажуць, каб падбадзёрыць таго, хто залішне хвалюецца перад чым-небудзь невядомым’;

Chortm z golady i muxe ey = *In der Not frißt der Teufel Fliegen* ‘літар. У беднасці чорт мух есць’, ‘Калі няма чаго лепшага, то прыходзіцца абмяжоўвацца тым, што ёсць’.

У склад шэрагу выяўленых беларускіх і нямецкіх парэмій уваходзяць назвы рэалій замагільнага жыцця – **некла / Hölle**:

Xto y zhyccy spaznaŭ ray, той namrŭ y nekla ‘Пра супрацьпастаўленне зямнога жыцця багатых людзей і іх замагільнага свету’;

Die Hölle ist nicht so heiß, wie man sie macht ‘літар. Пекла не такое гарачае, якім яго робяць; Нават у пекле можна жыць; У пекле знаходзяць знаёмых’; *Je länger Junggeselle, desto länger in der Hölle* ‘літар. Чым даўжэй халасцяк, тым даўжэй у пекле; Халасцяк – гэта палова чалавека’;

Dobrymi (xaroshymi) nameramı vyslana (vymashchana, vyscelena) daroga y nekla = *Der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen gepflastert* ‘літар. Дарога ў пекла вымашчана добрымі намерамі’, ‘Добрыя намеры не заўсёды ператвараюцца ў рэальнасць, у добрыя вынікі гэтых намераў’;

ray / Paradies: U rodnyim (svaim) kraju (-i), yak u rayu (-i) ‘Пра замілаванне да роднага краю, да мясцін, дзе нарадзіўся хто-небудзь’; *Paradies ist überall* ‘Рай усюды’;

той свет: Na tym svece ne daduŭ ‘Ужываецца з жартаўлівым адценнем пры запрашэнні выпіць ці дапіць, даесці што-небудзь’.

Як у беларускай, так і ў нямецкай мовах найбольш важнымі рэлігійнымі паняццямі побач з назвамі божых істотаў **Бог / Gott, Усывышні / Hergott, Гасподзь; Engel** ‘анёл’ і супрацьпастаўляемых ім злых духаў **бес, д’ябл, чорт / Teufel** з’яўляюцца найменні, якія абазначаюць хрысціянскія ўяўленні пра чалавека і яго дзеянні. Назва чалавечай сутнасці **душа / Seele** уваходзіць у склад 12 беларускіх і толькі адной нямецкай парэмій, напрыклад:

Мая душа не кривая, усё прымае ‘Я чалавек памяркоўны, нічым і нікім не пагарджаю’;

Sie sind ein Herz und Seele ‘літар. Яны сэрца і душа; Яны жывуць душа ў душу’.

Назва бесцясной, звышнатуральнай істоты паводле рэлігійных уяўленняў, **дух** сустракаецца толькі ў двух беларускіх прыказках, напрыклад:

У здоровым целе – здоровы дух ‘Ад стану здароўя чалавека залежыць яго настрой, працаздольнасць і пад.’.

Найменні чалавечага ўчынку ў адносінах да хрысціянскай сістэмы каштоўнасцей **грэх / Sünde, грашыць / sündigen** выяўлены ў наступных прыказках і прымаўках беларускай і нямецкай моў, напрыклад:

Грэх у мех, грашаняты ў торбу ‘Ужываецца як адмоўная рэакцыя на слова «грэх» у папярэдняй рэпліцы суразмоўніка’; *Xto spıŭ, dyk той не грашыць* ‘Гаворыцца, часта жартаўліва, пра таго, хто спіць або збіраецца спаць’;

Die Sünde büßt sich selbst ‘літар. Грэх сам каіцца; Дзень у грахах, ноч у слязах’; *Armut ist keine Sünde* ‘літар. Беднасць не грэх; Беднасць не загана’; *Es ist keine Sünde denn Armut* ‘літар. Беднасць – грэх; Няма больш дрэннай заганы, чым беднасць’; *Ohne Wissen, ohne Sünde* ‘літар. Без ведаў, без граха; Няма ведаў – няма і граха’; *Strafe und Sünde bleibt nicht aus* ‘літар. Штраф і грэх маюць месца; Хто махляр, для таго зроблена пуга’; *Teuer verkaufen ist keine Sünde* ‘літар. Дорага прадаваць не грэх; За запыт грошы не бяруць’; *Trunken gesündigt, nüchtern gebüßt* ‘літар. П’яны саграшыў, цвярозы пакаяўся; Грахі п’янага, адказ цвярозага’.

У выяўленых беларускіх і нямецкіх парэміях сустракаюцца таксама найменні дзеянняў чалавека, звязаных з яго верай у Бога, **маленне, маліцца / beten, малітва / Gebet, хрысціцтва**, напрыклад:

Нашто богу маліцца – ён нас і так байца ‘Жартаўлівае апраўданне таго, хто не хоча памаліцца’; *Новы поп, дык новае і маленне* ‘Новы начальнік, кіраўнік дзейнічае па-свойму, па-новаму, заводзіць свае парадкі’.

Гаворыцца звычайна з неадабрэннем»; *Што ні поп, то свая малітва* 'Кожны кіраўнік, начальнік дзейнічае па-свойму, заводзіць свае парадкі';

Not lehrt beten 'Беднасць навучыць маліцца'; *Kartenspiel ist des Teufels Gebetbuch* 'літар. Гульня ў карты – малітвеннік чорта; Гульня не давядзе да дабра';

Калі здаецца, дык (то) трэба хрысціцца 'Ужываецца як іранічная рэакцыя на слова «здаецца» («здалося») у папярэднім выказванні, нібыта ўспрынятае са значэннем «уяўляецца»'.

Толькі ў нямецкай мове маюць месца прыказкі і прымаўкі, у склад якіх уваходзяць кампаненты, звязаныя з распаўсюджваннем прамоў рэлігійна-павучальнага зместу, *predigen* 'прапаведваць', *Predigt* 'пропаведзь', *Prediger* 'прапаведнік':

Einem hungrigen Magen ist schlecht predigen 'літар. Галоднаму страўніку цяжка прапаведваць; Галоднага байкамі не кормяць'; *Ein Wort ist für einen Weisen mehr als eine ganze Predigt für einen Narren* 'літар. Слова для мудраца больш, чым цэлая пропаведзь для дурня; Разумны з паўслова мову разумее'; *Der Prediger predigt nur einmal* 'літар. Прапаведнік прапаведуе толькі аднойчы; Глухому двух абедзень не спяваюць'; *Viel predigen macht den Kopfweh* 'літар. Празмернае прапаведванне выклікае галаўны боль; Шмат гаворыць, галава забаліць'.

Заклучэнне. Такім чынам, у ходзе нашага даследавання былі выяўлены 92 беларускіх і 27 нямецкіх парэмій з кампанентамі і іх дэрыватамі, якія абазначаюць назвы божых істотаў: *Бог* (81) / *Gott* (19), *Усявышні* (1) / *Hergott* (1), *Гасподзь* (4), *Engel* 'анёл' (1); найменні людзей, якія прысвячаюць сваё жыццё служэнню Богу: *прарок* (1) / *Prophet* (1), *святны* (2) / *der Heilige* (1), *апостал* (1); уласцівасці, якія ўказваюць на боскую сілу і чысціню: *святны* (2), *fromm* 'набажны' (4). Цікавым з'яўляецца той факт, што выяўленых парэмій з адзначанымі рэлігійнымі кампанентамі ў беларускай мове ў тры разы больш, чым у нямецкай, што характарызуе беларусаў як вельмі рэлігійных людзей, моцна веруючых у Бога.

У склад 51 беларускай і 17 нямецкіх прыказак і прымавак уваходзяць кампаненты, якія ўвасабляюць зло: *бес* (1), *д'ябл* (2), *чорт* (48) / *Teufel* (17). Перавага беларускіх устойлівых адзінак з адзначанымі кампанентамі над нямецкімі (у тры разы больш) і наяўнасць двух сінонімаў да кампанента *чорт* у беларускіх парэміях сведчаць аб значным уплыве язычніцтва на рэлігійныя ўяўленні беларускага народа, яго веру ў моц злых духаў, нягледзячы на набажнасць носьбітаў беларускай мовы.

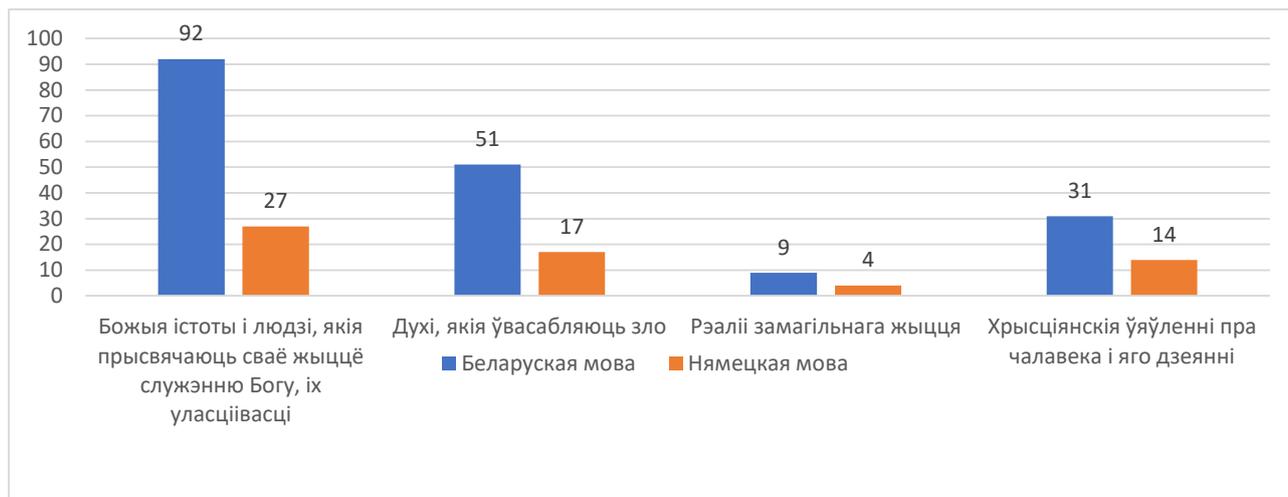
Дзевяць беларускіх і чатыры нямецкія ўстойлівыя выразы маюць у сваім складзе найменні рэалій замагільнага жыцця: *некла* (2) / *Hölle* (3), *рай* (6) / *Paradies* (1), *мой свет* (1), што служыць доказам сімвалічнага ўяўлення як беларусаў (зноў у большай меры), так і немцаў аб асноўных палажэннях хрысціянства – пасмяротным ушанаванні і божай падзякі за дабро і зло. Значнасць замагільнага жыцця для беларускага народа пацвярджаецца наяўнасцю шасці беларускіх парэмій (у параўнанні з адной нямецкай) з рэлігійным кампанентам *рай*.

У склад выяўленых парэмій, якія абазначаюць хрысціянскія ўяўленні пра чалавека і яго дзеянні, уваходзяць наступныя рэлігійныя кампаненты і іх дэрываты: *душа* (12) / *Seele* (1); *дух* (2); *грэх, грашыць* (10) / *Sünde, sündigen* (7); *маленне, маліцца, малітва* (4) / *beten, Gebet* (2); *хрысціцца* (3); *predigen* 'прапаведваць', *Predigt* 'пропаведзь', *Prediger* 'прапаведнік' (4). У гэтай групе колькасць выяўленых прыказак і прымавак у беларускай мове ў два разы больш, чым у нямецкай (31 і 14 адпаведна). Толькі ў беларускай мове ёсць устойлівыя выразы з кампанентам *хрысціцца*, што падкрэслівае значнасць для беларусаў малітвеннага жэста крыжа. Рэлігійны кампанент *душа* сустракаецца ў парэміях беларускай мовы ў 12 раз часцей, што служыць доказам вялікай веры беларусаў у існаванне несмяротнай нематэрыяльнай сутнасці чалавека, у якой закладзена боская прырода. Наяўнасць рэлігійных кампанентаў *predigen* 'прапаведваць', *Predigt* 'пропаведзь', *Prediger* 'прапаведнік' у чатырох нямецкіх парэміялагічных адзінках падкрэслівае значную ролю распаўсюджвання прамоў рэлігійна-павучальнага зместу менавіта для немцаў.

Такім чынам, такая вялікая колькасць выяўленых у ходзе нашага даследавання беларускіх (183) і нямецкіх (62) парэмій з рэлігійнымі кампанентамі сведчыць аб значнай ролі рэлігіі ў жыцці як беларусаў, так і немцаў, што знайшло адлюстраванне ў іх мовах. Колькаснае размеркаванне прааналізаваных прыказак і прымавак адносна рэлігійных кампанентаў у іх складзе, аб'яднаных агульнай смантыкай, адлюстроўвае дыяграма (малюнак).

Прыведзеная дыяграма паказвае істотную перавагу беларускіх і нямецкіх прыказак і прымавак, у склад якіх уваходзяць назвы божых істотаў і людзей, якія прысвячаюць сваё жыццё служэнню Богу (92 / 27). Даволі шматлікую групу складаюць устойлівыя выразы з рэлігійнымі кампанентамі – назвамі духаў, якія ўвасабляюць зло (51 / 17). Адносна вялікую групу (зноў асабліва ў беларускай мове) складаюць парэмій з найменнямі, якія абазначаюць хрысціянскія ўяўленні пра чалавека і яго дзеянні (31 / 14). Самую маленькую групу ўтвараюць парэміялагічныя адзінкі з назвамі рэалій замагільнага жыцця (9 / 4). Колькасная перавага прыказак і прымавак з рэлігійнымі кампанентамі, выяўленых у беларускай мове, у параўнанні з нямецкай (у тры разы больш) падкрэслівае вялікае значэнне рэлігіі ў жыцці беларускага народа. Наяўнасць пяці беларускіх устойлівых адзінак, дзе кампанент *Бог* сустракаецца два разы (напрыклад: *Хто з богам, з тым і бог*), яшчэ раз падкрэслівае рэлігійнасць і набажнасць беларусаў.

Доказам вялікай ролі рэлігіі для абодвух народаў служаць таксама выяўленыя 16 беларускіх і пяць нямецкіх прыказак і прымавак, у склад якіх уваходзяць адразу некалькі рэлігійных кампанентаў, напрыклад: *Ад бога грэх і ад людзей смех*; *Der Prediger predigt nur einmal*; *Die Eile ist vom Teufel, die Ruhe von Gott*; *Freiheit ist von Gott, Freiheiten vom Teufel*; *Junger Engel, alter Teufel*; *Wem Gott wohl will, dem will Sankt Peter nicht übel*.

Малюнак. – Колькасць беларускіх і нямецкіх парэмій з рэлігійнымі кампанентамі

Адна беларуская парэмія змяшчае ў сябе адразу два рэлігійныя кампаненты – назвы цёмных сіл: *Чорт за д’ябла цягне*. У трох разгледжаных беларускіх устойлівых выразках кампанент *чорт* сустракаецца два разы (напрыклад: *Чорт за чортам цягне*), што можна растлумачыць уплывам язычніцтва на рэлігійныя ўяўленні беларусаў.

Як паказвае наша даследаванне, толькі 7,7% выяўленых парэмій у беларускай мове і 51,6% – у нямецкай мове не страцілі сувязь з рэлігіяй і маюць у сваім парэміялагічным значэнні рэлігійны кампанент. Астатнія прааналізаваныя ўстойлівыя выразы характарызуюць чалавека, яго пачуцці і эмоцыі, апісваюць пэўныя жыццёвыя сітуацыі, абстрактныя паняцці. Сярод усіх выяўленых беларускіх і нямецкіх парэмій з рэлігійнымі кампанентамі маюць месца толькі 7% частковых эквівалентаў, што служыць доказам рознага ўплыву рэлігіі на жыццё беларусаў і немцаў. Гэты факт падкрэслівае таксама, з аднаго боку, наяўнасць падобных рысаў у беларускім і нямецкім менталітэтах, аднолькавых гістарычных шляхоў развіцця язычніцтва і хрысціянства ў Беларусі і Германіі, а з другога боку, сведчыць аб розных рэлігійных уяўленнях іх насельнікаў, аб адметнасці і самабытнасці абедзвюх моў, што знайшло адлюстраванне ў іх парэміялагічных фондах.

ЛІТАРАТУРА

1. Кононова О.А. Отображение религиозно-мифологических представлений лексико-фразеологическими средствами в языковой картине мира немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2001. – 219 л.
2. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2003. – 156 л.
3. Садоўская А.С., Якалцэвіч М.А. Рэлігійная лексіка ва ўстойлівых адзінках мовы: лексіка-семантычны аспект // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2017. – № 2. – С. 76–78.
4. Рыжков Д.И. Семантическое развитие христианской религиозной лексики (на материале латинского, французского, итальянского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 2018. – 149 л.
5. Масленікава С.С. Супастаўляльны аналіз беларускіх і нямецкіх фразеалагізмаў і парэмій з біблейскімі антрапонімамі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2022. – № 9. – С. 108–110.
6. Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.
7. Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. – СПб.: Лань, 1997. – 287 с.

Паступіў 02.02.2023

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПЕРЕМИЙ С РЕЛИГИОЗНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

С.С. МАСЛЕННИКОВА

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

В статье анализируются в сопоставительном аспекте выявленные в актуальных паремииологических словарях белорусские и немецкие пословицы и поговорки с религиозными компонентами и их дериватами, которые обозначают названия божественных существ; наименования людей, посвящающих свою жизнь служению Богу; свойства, указующие на божественную силу и чистоту; наименования темных сил и духов, которые воплощают зло; наименования реалий загробной жизни и названия, обозначающие христианские представления о человеке. Отмечаются частичные эквиваленты в обоих языках. Отдельно приводятся устойчивые выражения, которые

встречаются только в белорусском языке или имеют место исключительно в немецком языке. Впервые осуществляется их количественный подсчет и определяется вклад в пополнение паремиологического фонда обоих языков, что позволяет выявить роль религии в жизни белорусов и немцев, описать общие и особенные черты использования устойчивых единиц с религиозным компонентом в белорусском и немецком языках.

Ключевые слова: белорусский язык, немецкий язык, поговорка, религия, религиозный компонент, семантика, структура.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF BELARUSIAN AND GERMAN PAREMIAS WITH RELIGIOUS COMPONENTS

S. MASLENNIKOVA

(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article analyzes in a comparative aspect Belarusian and German proverbs and sayings with religious components and their derivatives: the names of God's beings; the people who dedicate their life to serving God; the properties indicating divine power and purity; the dark forces and spirits personifying evil; the afterlife's realities; the Christian ideas about man, identified from current paremiological dictionaries. The partial equivalents are determined in the two languages. Set expressions that are found only in Belarusian and only in German are given separately. For the first time their quantity is counted and their role in the paremiological funds replenishing of the two languages is determined. It makes possible to reveal the role of religion in the life of Belarusians and Germans, to describe the common and distinctive features of the use of set expressions with a religious component in the Belarusian and German languages.

Keywords: Belarusian, German, paremia, religion, religious component, semantics, structure.

УДК 81.276.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-49-55

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: m.poutrova@psu.by

Статья уточняет весьма распространённое утверждение, что язык есть орудие культуры и показывает, что взаимодействие между языком и культурой правомерно представить как отношения созидающей силы и результата её энергезирующего воздействия. Весьма весомую роль в осуществлении языком созидающего культуру предназначения выполняет его материальная субстанция или форма, медиум, экспрессивный слой, посредник. Важнейшей задачей современных гуманитарных наук, особенно философии, лингвистики (лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации) является разъяснение сущности взаимодействия между языком и культурой, которое, как оказывается при ближайшем рассмотрении, укладывается в давно известную формулу: вначале было слово. Именно оно, то есть язык играет роль креативного, созидающего начала во взаимодействии языка и культуры.

Ключевые слова: язык, созидающее начало, результат, энергезирующая деятельность, культура, форма, медиум, посредник.

Введение. На протяжении длительного времени взаимодействие языка и культуры является предметом пристального внимания и изучения представителей, практически, всех гуманитарных наук, особенно лингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, философии, герменевтики, культурологии, психологии межличностных отношений. В настоящее время вопрос взаимодействия языка и культуры стал особенно актуальным ввиду современных тенденций в изменении организации деятельности в обществе, особенно ввиду радикальной технологизации взаимоотношений, значительного усиления интенсивности коммуникационных потоков, все возрастающей быстротечности человеческих контактов, очевидных изменений повседневных общественных и научных парадигм мышления [1]. Неслучайно в последнее время предпринимаются попытки переосмысления и уточнения с учетом отмеченных реалий имеющихся подходов в самых разных областях гуманитарных знаний: образовании, философии, лингвистике.

Уточнение существующих подходов к интерпретации сущности взаимодействия языка и культуры позволяет убедиться в том, что, как правило, выводы делаются на основе данных о роли внутренней формы языка. Совершенно справедливо полагая, вслед за Гумбольдтом, что «понятие языка существует и исчезает вместе с понятием формы, ибо язык и есть форма и ничего кроме формы» [2, с. 361], исследователи, тем не менее, сосредотачивают свое внимание только на одной её разновидности – внутренней форме языка, показывая, как язык рассекает реальность вокруг нас и создает определенный фреймворк для нашего восприятия и мирозидания. Трактую язык и его форму только через понятие внутренней формы, представляющей собой свойственный каждому конкретному языку способ организации мыслительной материи, «способ представления», «осмысления», «модификации» её элементов [2, с. 103, 149, 317], «метод разделения поля мышления» [3, с. 364], исследователи действительно выделяют весьма значимые межкультурные особенности в отражении мира с помощью языка и обращают внимание на необходимость обязательного их учета при изучении иностранных языков [4; 5] осмыслении сущности понятия «культура».

Представляется целесообразным уточнить, однако, что внутренняя форма языка является только одной из существующих разновидностей его форм. Она, то есть внутренняя форма, получает материальное воплощение, как бы, по выражению Я.Г. Зубковой, встраиваясь во внешнюю форму [6, с. 58]. Последняя включает все формообразующие элементы всех уровней языка – систему членораздельных звуков, интонационных единиц, грамматический и лексический строй – и также является объектом пристального внимания лингвистов. Но существует еще и собственно языковая субстанция, звук вообще, в терминологии Я.Г. Зубковой [6, с. 59], которая, как правило, не учитывается вовсе при рассмотрении особенностей взаимодействия языка и культуры даже в специальных пособиях по теории межкультурной коммуникации, появившихся в последние десятилетия [4; 7].

Между тем, материальная форма реализации языка, по заключению весьма глубоких работ по языкознанию [8] и философии [9] и по результатам наших собственных исследований, существенна [10]. Наша гипотеза состоит в том, что привлечение данных о форме языка как непосредственной материальной субстанции, в которой он воплощается, поможет уточнить сущность взаимодействия языка и культуры и значительно глубже понять их природу, а также действия человека, использующего язык в современном мире.

Актуальность работы вытекает из значимости понимания тех процессов, которые наблюдаются в развитии культуры сегодня, когда язык стал реализовываться не только в ставших уже традиционными звуковой, то есть устной и письменной, печатной формах, но и в, казалось бы, только несколько модифицированной новыми технологиями «электронной», интернетовской форме. Данное небольшое изменение привело к тому, что значительная часть языкового сообщества не успевает должным образом усвоить эту модифицированную форму,

а другая, не менее многочисленная его часть, начинает упускать из вида те преимущества, которые дарит человеку язык, реализованный в ставших уже несколько устаревших формах.

Новизна работы заключается в попытке осмысления взаимоотношений языка и культуры только в одном аспекте, обычно упускаемом исследователями в области языка и, особенно, теории межкультурной коммуникации, а именно: в аспекте языка как формы, понимаемой как его непосредственная материальная субстанция, то есть того медиума, в котором он существует в культуре.

Цель работы состоит в уточнении сущности взаимодействия языка и культуры на основе включения в перечень анализируемых величин фактора языковой субстанции или медиума.

Задачами исследования, вытекающими из поставленной цели, были следующие:

1. Обсуждение сущности важнейших для настоящей работы понятий – культуры и языка.
2. Рассмотрение интерпретаций фактора языковой субстанции в современной науке.
3. Выявление существующих сегодня точек зрения на взаимоотношения языка и культуры.
4. Обоснование роли языка в развитии цивилизации и культуры с привлечением аргументов о значимости формы его воплощения, то есть формы как материальной субстанции.

Основная часть. В современной научной литературе ещё далеко не завершилась дискуссия о том, что такое культура и какие параметры следует учитывать при трактовке данного понятия. Наиболее точным обобщением существующих разнообразных дефиниций понятия «культура» правомерно считать следующее: культура – это созданная усилиями человека среда; система программ человеческой деятельности, поведения и общения; весьма сложное явление, представляющее собой результат многообразной деятельности человека в самых разных условиях его существования и с помощью весьма отличающихся инструментов и с разной целью. Культура видится как результат взаимодействия людей в неких условиях, способ их совместного существования. По общему признанию, она строится из следующих важнейших составляющих: материальной, интеллектуальной, духовной и интеракционной, каждая из которых в определенном плане оказывается независимой от породившего ее человека, так как имеет наиндивидуальную природу. Для понимания сущности культуры важно отметить, что данные составляющие выделяются скорее с целью более глубокого уяснения сложности понятия культуры, с тем чтобы обозначить аспекты деятельности человека, которые, в конечном итоге, объединившись, создают культуру. Их вклад взаимодополняющий. Каждый из них испытывает влияние других аспектов и сам воздействует на них. Хотя можно представить и определенную их иерархию (их выделение способствует постижению сложности понятия культуры).

При всей, казалось бы, полноте и многогранности изложенной интерпретации сущности понятия культуры, весьма конструктивной представляется также трактовка её в информационном плане, то есть рассмотрение культуры в качестве информационного аспекта жизни общества, как социально значимой информации, регулирующей деятельность, поведение и общение людей во всех сферах их бытия. Эта информация, выступающая как совокупный исторически развивающийся социальный опыт, в определенной мере, может осознаваться людьми, но зачастую функционирует как социальное подсознательное. Передача от поколения к поколению возможна только благодаря закреплению этой информации в знаковой форме в качестве содержания различных семиотических систем. Культура существует как сложная организация таких систем [11, с. 527]. В качестве последних могут выступать любые фрагменты человеческого мира, получившие функцию знаков и фиксирующие программу деятельности: музыка, танец, одежда, архитектура, живопись, артефакты, обряды.

Среди подобных знаковых систем есть одна, роль которой видится решающей в создании и функционировании культуры, сотворении её как информационно обусловленной сущности. Таковой по мнению исследователей самых разных направлений в культурологии, теории межкультурной коммуникации, лингвистике, философии, истории, герменевтике, семиологии является язык. Он постулируется как основа и зеркало культуры, её орудие, «дом бытия» [12, с. 192]. Примечательно, что примерно такой же точки зрения придерживаются не только сами ученые, занимавшиеся вопросами культуры (культурологи, герменевты, философы, лингвисты), но и представители широкой общественности, даже те, профессиональная деятельность которых не связана непосредственно с культурологическими дисциплинами. В качестве примера можно привести реакцию Союза писателей Беларуси на известие о том, что руководство Кабардино-Балканского госуниверситета решило ввести белорусский язык в план учебного процесса своего университета как второй славянский. Первый заместитель председателя Союза писателей Беларуси Елена Стельмах сочла необходимым прислать по данному поводу полное уважения и признательности письмо в Нальчик, в котором отметила, что писатели Беларуси признательны за внимание к Беларуси, ее родному языку, через который познается народ, его традиции, культура, современная жизнь [13, с. 4].

Аналогичным образом, как правило, трактуется роль языка эмигрантами, на своем собственном опыте испытывавшими каково это – ассимилироваться в новой культуре. На вопрос о том, как лучше влиться в новую страну, принять её культуру, они не просто отмечают значимость языка. Как правило, они утверждают, что важнейшим и главным условием успешной натурализации является именно язык. Все другие факторы видятся ими как сопутствующие. Такого же мнения придерживаются и журналисты, по долгу службы вынужденные время от времени укореняться в другой стране, а значит и в другой культуре. По мнению неоднократно испытывавшей подобные укоренения известной журналистки И. Плескачевской, такие перемены стран, континентов, культур и менталитетов – всегда потрясение. Потрясение основ. Мироощущения, мировосприятия и ощущения себя. И настоящим спасением может быть только язык [14, с. 11]. Примечательно, что пережившие подобные погружения личности утверждают, что язык другой культуры помогает не только освоиться в новой обстановке, но и способствует гораздо более глубокому пониманию своей культуры, собственной личности и своего народа.

Отдавая должное значимости проблемы, поднимаемой Фаулзом, зададимся вопросом, каковы же отношения между языком и культурой. Данные отношения, по справедливому замечанию одного из современных исследователей, являются предметом рефлексии виднейших ученых уже около двух столетий. В настоящее время имеются по меньшей мере три точки зрения по обсуждаемому вопросу [15, с. 17].

Некоторые специалисты думают, что язык и культура – это разные, не совпадающие по содержанию и функциям, сущности. Так полагает, в частности, И.С. Улуханов, который утверждает, что если считать культуру достижением человечества, а достижения – это результат сознательной деятельности, то язык таковым не является [16, с. 2, 3]. Другие, напротив, подчеркивают неразрывность и единство культуры и языка, утверждая, что можно рассматривать отношение между культурой и языком как отношение целого и его части, что язык есть орудие культуры (что не одно и то же) и в то же время автономен по отношению к ней, может изучаться отдельно от неё или в сравнении с ней как равнозначный и равноправный феномен. Так, Н.И. Толстой, один из крупнейших современных славистов, убедительно показывает, что наблюдается известный изоморфизм структур языка и культуры в функциональном и внутриерархическом плане. В частности, параллельны виды культуры и виды языка; имеет место один и тот же набор их различительных признаков [17, с. 16], что толкуется Н.И. Толстым как знаки равнозначности и равноправия культуры и языка. Данная точка зрения развивается и уточняется в работах третьей группы ученых, в том числе в книгах С.Г. Тер-Минасовой, которая характеризует взаимоотношения языка и культуры с разных позиций, по разным направлениям их реализации: язык как зеркало культуры, язык как орудие культуры, язык как средство формирования личности и национального характера, индивидуального и коллективного менталитета, культурно-специфической картины мира [4]. Отмеченные три, да и другие, точки зрения на соотношение культуры и языка имеют право на существование. Они зависят от общего понимания культуры, которого придерживаются авторы. В.М. Лейчик полагает, однако, что две последние точки зрения более объективны и конструктивны [15, с. 18].

Соглашаясь с В.М. Лейчик по поводу большей конструктивности двух последних точек зрения, зададимся, тем не менее, важным вопросом: так ли уж параллельны язык и культура, как об этом пишет Н.И. Толстой и представители двух одобряемых В.М. Лейчик точек зрения? Или всё-таки в действительности наблюдается то, что В. Гумбольдт представил как круг, который для каждого этноса очерчивает именно язык, в котором и помещается культура данного этноса [3, с. 370]. Или в терминах, теории Ю. Лотмана «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации (оязыковлению) и разделяется на область объектов нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [18, с.178].

Чтобы ответить на данный вопрос необходимо более подробно разобраться в том, что такое язык. Неслучайно язык – важнейший термин новой дисциплины – теории межкультурной коммуникации. Целесообразно напомнить, что слово «язык» чрезвычайно многозначно. Оно употребляется в целом ряде направлений профессиональной деятельности: в анатомии, логопедии, литейном производстве, в военном деле, широко используется в переносных значениях / язык музыки, архитектуры, язык грозы, искусства), которые мы сейчас отделяем от того понятия, которым обозначается весьма конкретная сущность – то, что используется для общения и присутствует в жизни каждого человека как его родной язык, представляя собой весьма сложное и многоаспектное явление. Неслучайно существует огромное количество определений и толкований его сущности. Вот только некоторые из них:

1. Язык – это инобытие. (Титиан).
2. Это система средств лексического, грамматического и фонетического уровня, служащая для передачи и хранения информации. (С.И. Ожегов).
3. Язык есть непосредственная действительность мысли и важнейшее средство человеческого общения. (К. Маркс).
4. Язык – сложная развивающаяся семиотическая система, являющаяся специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурных традиций, обеспечивая возможность его intersubjectивности, процессуального разворачивания в пространственно-временных формах и рефлексивного осмысления. (Новейший философский словарь, М.А. Можейко).
5. Язык – это организованный звук. (М. Аткинсон).
6. Язык – это система взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков, основанная на различии. (Ф. Соссюр).
7. Язык есть энергия и деятельность. (В. Гумбольдт).

Представленный список можно продолжать, ибо общее количество определений понятия «язык» в настоящее время чрезвычайно велико и вполне может успешно соперничать с количеством существующих определений понятия «культура». Однако и предложенный перечень показывает, насколько разнообразны подходы к данному термину и какое многоаспектное явление он из себя представляет, если его дефиниции выявляют так много разных ракурсов. При всем разнообразии, однако, наблюдается группа определений, которые так или иначе трактуют язык с точки зрения его значимости как средства номинирования значений, хранения и передачи информации. Именно в таком аспекте обычно рассматривается значимость языка для становления и развития культуры. Для других целей, теории межкультурной коммуникации, например, помимо данного аспекта, возможным представляется толкование языка как деятельности и разновидности социального поведения. При таком подходе в поле зрения попадают те аспекты языка, которые оказываются исключенными, если трактовать его, например, только как систему взаимосвязанных и взаимообуславливающих знаков, основанных на различии. Сущность передаваемых ими смыслов,

по мысли знаменитого автора данного определения, остается неизменной, независимой от шрифта и бумаги, на которой они окажутся напечатанными, или почерка, каким будут написаны. В соответствии с данной точкой зрения, смысл объявления «Ищу работу» не поменяется от того, каким шрифтом и на какой бумаге оно написано, как написано, каким голосом реализовано или на каком сайте явится взору интернет-пользователя [14, с. 107]. Представленный подход оказался настолько широко поддержанным многими направлениями языковых исследований, что к концу XX века стал, практически, общепринятым в лингвистике. «Одним из самых поразительных свойств естественных языков является их относительная независимость от того медиума в котором они реализованы», – утверждает один из весьма влиятельных исследователей в области семантики сегодня [20, с. 34]. Семантика вербального компонента устного высказывания независима от медиума, в котором оно реализовано [20, с. 35].

Против такого подхода весьма однозначно выступил известный лингвист Р. Якобсон, заявивший, что язык должен быть исследован во всем разнообразии своих проявлений [21, с. 66], главными аспектами таких проявлений посчитав шесть значимых переменных, одну из которых обозначил как «канал связи». В современных исследованиях данная переменная, как правило, обозначается терминами «медиум» или «форма» (устная, письменная). Безусловно, погружение в проблему роли языка в осуществлении информационного взаимодействия невозможно без размышлений о семантическом аспекте передаваемых посланий, что обычно и делается. Другие аспекты языковой составляющей такого взаимодействия, в большинстве случаев, остаются в тени или игнорируются вовсе. Между тем их роль значительна, в том числе и для интерпретации семантического аспекта. Особенно с учетом референции к культуре и её цивилизационным основаниям. Роль канала связи, формы, посредника или медиума в данном плане весьма значительна, хотя незаметна на фоне контента, который, как правило, принимается во внимание в качестве чуть ли не единственного значимого языкового аспекта в осуществлении информационного взаимодействия.

Наиболее страстным и шумным противником подобного подхода и одновременно наиболее яростным сторонником идеи значимости языковых посредников или медиумов правомерно считать канадского исследователя второй половины XX века Маршала Маклюэна, выступившего с теорией так называемого технологического детерминизма [22, с. 14]. Для многих современных выдающихся исследователей языка именно данная теория представлялась убедительной в акцентировании роли языкового медиума (М. Халидэй, В. Лабов).

Несмотря на то, что теория М. Маклюэна полна противоречий, а его язык зачастую весьма труден для понимания, так как М. Маклюэн, имея литературоведческий профессиональный опыт, явно больше предпочитал пользоваться афористическими высказываниями, метафорами, каламбурами и остротами, чем взвешенными, логически выверенными и последовательными высказываниями, придя в лингвокультурологию из литературоведения, он предпочитал позиционировать себя в качестве слепца, который тычет тростью во все стороны, чтобы нащупать, понять сущность и роль субстанции или языкового медиума, в которых язык является современному пользователю. Свои попытки он называет зондированием, экспериментальным нащупыванием, пробами, предпринятыми техническим неучем (technological idiot). Вместе с тем, в своих интерпретациях и выводах он пытается спорить с устоявшимися, повсеместно принятыми теориями и выводами. Например, Карл Маркс, как известно, показал, что изменения в способе производства определяют ход истории, обуславливают важнейшие формы развития человеческого общества. В противовес данному известному положению М. Маклюэн пытается доказать, что ход истории детерминирован каналами коммуникации, а именно: изменениями в посредниках или медиумах хранения и обмена информации [23, с. 14].

Во всех своих работах он пытается прозондировать отношения между каналами подачи информации, то есть медиаформами, считая их важнейшими аспектами реального языка, и культурой. Самым знаменитым его афористическим высказыванием правомерно считать «Медиум и есть то, что сообщается в высказывании, он и есть смысл высказывания» (The medium is the message) [23, с. 9]. В некоторых своих комментариях по поводу данного утверждения он, практически, заявляет, что слова не важны, что содержание послания, представленное в любых медиа, примерно, то же самое, что изображение костей и черепа на контейнерах с атомной бомбой [23, с. 18]. В других заявлениях М. Маклюэн допускает возможность некоторой значимости содержательной стороны языковых высказываний: «Я не утверждаю, что содержание не играет никакой роли, я только обращаю ваше внимание на то, что оно играет явно подчиненную роль» [23, с. 22]. Согласно теории Маклюэна, медиумы или каналы подачи информации меняют человека, а вместе с ним и культуру, больше, чем суммарное содержание всех посланий в любом медиуме. Одно и то же послание или высказывание имеет разные смыслы в зависимости от того, в каком медиуме оно представлено: сказано устно, написано от руки или напечатано, появилось на экране ТВ или в интернет-коммуникациях [22]. Так, в соответствии с его точкой зрения, приведенный в нашем примере посыл «Ищу работу» оказывается в семантическом плане существенно разным информационным сообщением в зависимости от тех медиа, в которых он реализован.

Невладение современным каналом подачи информации значимо для многих работодателей, равно как и умение свой запрос написать или напечатать. Наш собственный эксперимент позволил получить результаты, показывающие, что вербально идентичные высказывания, реализованные мужским или женским голосом, так же несут в значительной мере разную информацию работодателям, которая, в ряде ситуаций оказывается решающим фактором при выборе кандидатуры на заполнение вакансий. То есть, прототипический смысл о поиске работы оказывается дополненным весьма значимыми, уточняющими его нюансами всякий раз, когда меняется медиум или материальная форма, в которой он реализован. В нашем эксперименте такие уточняющие привнесения в семантику высказывания возникли за счет гендерного аспекта естественной звуковой субстанции (голоса человека).

Чтобы разъяснить общественности значимость медиа, Маклюэн даже прибегал к весьма эмфатической метафоре, утверждая, что, фактически, контент представляет собой нечто вроде куска сочного мяса, подsunутого грабителем, чтобы притупить бдительность сознания. Согласно Маклюэну, посредники или материальные формы воплощения языка, владеют человеком, а главенствующий в обществе канал коммуникации определяет восприятие мира его пользователями. Доминирующий медиум на любом этапе развития человечества в любую его эпоху властвует над людьми, подчиняет их себе (*The dominant medium of any age dominates people*) [22]. Примечательно, что, по существу к аналогичным выводам пришел другой известный исследователь, Д. Деррида, показав, что в современную ему эпоху (шестидесятые годы прошлого столетия) письменный язык и напечатанный текст стали привилегированными в обществе [9, с. 144].

Чтобы доказать правомерность своей точки зрения Маклюэн интерпретирует историю человечества не с позиции утвердившихся на разных ее этапах способов производства, а с позиции тех медиа или посредников, в которых осуществлялось хранение и обмен информации. Согласно Маклюэну, жители племенного поселения пребывали в акустическом мире, так как воспринимали язык исключительно только на слух. Последний был представлен в своей естественной субстанции – звуковым медиуме, варьирующемся только в соответствии с гендерной отнесенностью высказывания. Способность слышать, воспринимать на ощупь, вкус или запах была развита значительно лучше, чем способность видеть. Правое полушарие доминировало. Слух являлся королем, главным каналом информационного взаимодействия. «Слышать» означало «знать», «быть информированным».

Письменность поменяла данную ситуацию. Согласно Маклюэну и в соответствии с точкой зрения многих других виднейших ученых, например, Дж. Дерриды, М. Халидэя, эффект появления фонетического алфавита можно сравнить со взрывом атомной бомбы, поставившим способность видеть на верхнюю позицию в иерархии чувств. Стала возможной особая, частная точка зрения, выработанная левым полушарием. И пишущий, и читающий оказались отделенными от текста. Грамотность вытолкнула человека из коллективного племенного существования в «цивилизованную» изоляцию. Печатный текст позволил покидать по мере надобности племя и оставаться информированным о важнейших вопросах жизнеобеспечения в нем. Более того, фонетический алфавит установил линию как принцип организации мысли и, в конечном итоге, интерпретации мира и жизни в целом. В письменном сообщении одна буква следует за другой в определенном линейном порядке, как и слова и обозначаемые ими понятия. Логика действует по тому же (шаг за шагом) принципу пошаговой линейной прогрессии. Именно в таком аспекте Маклюэн интерпретирует семантику широко распространенного в английской культуре высказывания-клише: *I don't follow you* / 'Я не прослеживаю ход ваших мыслей', то есть 'не понимаю', полагая, что с помощью данного клише говорящий буквально говорит о своем непонимании в виду невозможности или неспособности ухватить логическую последовательность высказанной собеседником мысли [2, с. 48–60]. По существу, данная реплика, сказанная говорящим как будто о себе, приглашает собеседника задуматься об упорядоченности его вербального поведения и отражает широко принятые в английском обществе правила вежливости, требующие сохранять «лицо» (*face*) собеседника, его положительный образ как коммуниканта.

М Маклюэн даже утверждает, что алфавит способствовал появлению и развитию математики, точных наук, философии в Древней Греции. Аналогичным образом он интерпретирует примеры культурного подъема в современной ему Африке, связывая его с распространением грамотности на данном континенте, которая, в конечном счете, привела к широкому использованию визуального канала и характерного для него языка с целью осуществления жизненно важного информационного обмена, что значительно ослабило роль слуха. Но если фонетический алфавит только сделал переход к визуальному восприятию возможным, то печатный станок или галактика Гуттенберга (*The Guttenburg Galaxy*), главный преобразующий потенциал которой состоит в способности выдать множество копий одного текста, осуществить массовое производство идентичного продукта, совершил подлинную революцию. Именно его, печатный станок, Маклюэн считает предшественником и предвестником индустриальной революции. При этом он отмечает ряд непредвиденных, необычных последствий изобретения Гуттенберга. Таковыми оказались усиление националистических тенденций, за которым последовало гомогенизация постоянно меняющихся и отличающихся друг от друга региональных говоров и превращение их в более-менее стабильные национальные языки. Печатный станок возвеличил и поставил на пьедестал не только текст Библии, но и вообще печатное, книжное слово, а людей, которые могли читать и писать, сделал «естественными поглотителями» пропагандируемых печатным текстом смыслов. Печатный станок распространил и небывало акцентировал значимость визуального восприятия. Благодаря ему была сотворена малогабаритная, легко переносимая книга, которую каждый мог прочесть в уединении, изолировавшись от всех и вся, в своем личном пространстве. По сути, были созданы условия для отстранения от других, ослабления стремления к совместности, для уединенной рефлексии над печатными образцами, представляющими смысл в определенной линейной последовательности [2].

Справедливо отметить, что критика в адрес теории Маклюэна огромна и, в значительной степени, правомерна, особенно по поводу метафоричности и недостаточной последовательности языка изложения. Вместе с тем, внимание, которое он привлек к посредникам, медиуму как важнейшему аспекту языка, рассматриваемого в качестве средства общения, информационного воздействия, в том числе и в межкультурном плане, весьма значимо. Он действительно побудил задуматься о роли материальной формы языка, медиума, доселе остающегося в тени других исследований, главным образом направленных на выявление внутренней формы или структуры языка. Неслучайно к идеям Маклюэна апеллируют многие известные ученые, серьезно занимающиеся особенностями языковой организации высказываний, отличающихся по материальной форме своей реализации. Одним из них

является М. Халидэй, убедительно показавший на материале английского языка, что письменный текст использует языковые средства иначе, чем устный, и правилам организации каждого из них нужно учиться [8, с. 29–45]

Современные исследователи представляют весьма доказательные данные о том, что новые медиа также имеют свою специфику в языковом плане, и успех межкультурной коммуникации, межкультурной в том числе, в значительной мере зависит от уровня владения данной спецификой [24, с. 17–22]. Успехи лингвистов в выявлении медиадетерминированных особенностей на данном этапе подтверждают высказанную еще Р. Якобсоном мысль о значимости формы языка, медиума. Размышления М. Маклюэна подсказывают, что дело не только в выборе языковых средств для манифестации смысла, но и в конструировании языковой личности, которая эти медиа использует. Расширение каналов связи, появление новых медиа коренным образом изменило потенциал языка как рычага новейших эволюционных процессов как в обществе, культуре, так и в становлении личности. В настоящее время мы живем в революционную эпоху перехода к взаимодействию в новых форматах с помощью новых медиа, новых языковых форм. Последние представляют для человека серьезный вызов. Известный представитель искусства и интуитивист Малевич предупреждал об опасности, которая ждет человечество, если не остановить прогресс. Его черный квадрат кричит о необходимости серьезно задуматься. К тому же побуждает «Земля» Рушчица. Кажущиеся на первый взгляд эпатажными утверждения М. Маклюэна, что несущие нам информацию медиа и есть подлинные индикаторы этапов или эпох развития человечества (The Medium is the mass age) и что мы сотворяем наши медиа, а они сотворяют нас [23] при ближайшем рассмотрении оказываются вовсе не лишними смысла и удивительным образом переключаются с идущим из далёкой античности определением «язык есть инобытие» (Титиан, III век до н. э).

Более того, они не только переключаются, но и, на наш взгляд, являются подтверждением приведенного ранее известного определения языка Гумбольдта, утверждавшего, что язык есть энергия и деятельность. Во всех аспектах своего воплощения. В аспекте материальной формы в частности. Последняя выделялась В. Гумбольдтом в единстве с разновидностями формы языка. По верному замечанию Л.Л. Зубковой, в трудах В. фон Гумбольдта за пределы языка выводится лишь неформленная материя [6, с. 56; 2, с. 72]. То есть, пока материальная субстанция не стала формой языка, не привлечена в качестве материала для его воплощения, она выводится за пределы языка. А вот когда она становится материалом для воплощения языка, тогда, вместе с другими разновидностями его формы (внутренней и внешней), синтезируется в одно целое. Согласно В. фон Гумбольдту, рождение языка – синтетический процесс [2, с. 107]. В результате такого процесса происходит настолько глубокое взаимопроникновение материи и других форм языка, что они «перестают существовать как отдельные сущности» [2, с. 197]. Сказанное не означает, однако, что для языка и культуры безразлично, какая конкретно субстанция становится материалом для языка, что конкретно начинает играть роль посредника (в терминологии Ж. Дерриды), или быть экспрессивным слоем языка. Ж. Деррида убедительно показал ограничивающую или наоборот, содействующую, создающую силу формы [25, с. 156–160]. Вместе с тем приходится согласиться с высказанным им мнением, что чаще всего наблюдается дискредитация значимости материальной формы языка, которая рассматривается «как то, что выпадает из значения, оказывается посторонним, внешним значению». В понимании Дерриды фонетическое письмо – это арена великих научных, технических и экономических происшествий запада [9, с. 39–40], то есть изменений в культуре, в основании которых находится новая форма презентации языка. В понимании Ж. Дерриды, между человеком и истиной существует весьма значимое количество посредников, сосредоточенное в основном в сфере языка. Это специфическое вмешательство и вносит различие (difference), способом осуществления которого может быть графическая или другая форма манифестации языка. Она то, в конечном итоге, и модифицирует культуру, в которой живет человек. Посредники, согласно точке зрения Ж. Дерриды, «гасят» звуковую речь. Согласно М. Маклюэну, новые формы существования языка «гасят», в свою очередь, напечатанный текст, вызывая значимые перемены в культуре, в структуре языковой личности [22].

Заключение. В свете сказанного приведенное ранее весьма распространенное утверждение о том, что язык есть орудие культуры, требует уточнения, ибо создается впечатление, что культура использует язык в качестве средства для своего развития, что она есть создающее начало. Представленные аргументы позволяют утверждать, что таким создающим началом является язык, именно он представляет ту силу, которая, в конечном итоге, позволяет сотворить культуру. Последняя есть результат его, языка, созидательной энергии или духа в понимании В. Гумбольдта. Отношения между языком и культурой, таким образом, можно обозначить как отношения создающей силы и результата её энергизирующей деятельности.

Весьма весомую роль в осуществлении языком создающего культуру предназначения выполняет тот аспект его формы, который в разных терминологических обозначениях называется субстанцией, материальной формой, медиумом, посредником, экспрессивным слоем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php. (дата обращения: 05.01.2023).
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 602 с.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 465 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2008. – 262 с.

5. Межкультурное иноязычное образование / Е.Г. Тарева, А.В. Анненкова, Е.С. Денисова и др. – М.: Логос, 2014. – 230 с.
6. Зубкова Л.Г. Язык как форма. – М.: РУДН, 2003. – 237 с.
7. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2008. – 352 с.
8. Halliday M.A.K. Spoken and written Language. – Oxford: Oxford university Press, 1992. – 109 p.
9. Derrida J. Of Grammatology. – Baltimore LL.: Johns Hopkins University press, 1976. – 360 p.
10. Путрова М.Д. Голос как параметр текста и гендера // Е.Ф.Карский и современное языкознание. – Гродно: ГГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 126–135.
11. Степин В.С. Культура // Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А.А. Гришанов. – Минск: Интерпрессервис, Книжный дом. 2001. – С. 527–529.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Академич. Проект, 2011. – 460 с.
13. Ярошенко А. На диалекте дружбы // Союз, СБ. – 2021. – № 43. – р IV.
14. Плескачевская И. Европа VS Азия // СБ. Беларусь сегодня. – 2013. – № 85 – С. 11.
15. Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 17–30.
16. Улуханов И.С. Культура и цивилизация: этимология, история и семантика, соотношение с языком // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 1996. – С. 1–12.
17. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской культурологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
18. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
19. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Наука, 2006. – 270 с.
20. Lyons J. Linguistic Semantics. – Cambridge: CUP, 1996. – 376 p.
21. Jakobson R. Language and Poetics // Language in Literature. – Harvard University Press, 1987. – P. 62–94.
22. McLuhan M. Understanding Media. – NY: McGraw – Hill, 1964. – 318 p.
23. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage. – N.Y.: Random House, 1967. – P. 12–32.
24. Шуманская О.А. Коммуникативное пространство корпоративных медиа: структура, семантика, языковая реализация: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Минск, 2021. – 28 с.
25. Деррида, Ж. Голос и Феномен. – СПб.: Алетейя, 1999 – 208 с.

Поступила 01.03.2023

SEARCHING FOR THE MEANING OF INTERCONNECTION BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE

M. POUTROVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article specifies a widely spread assumption that language is a tool of culture. It claims that interconnection between language and culture can be reasonably viewed as that of creative power and the effect of its energizing pressure. The material form of language or else its medium, substance, expressive layer or mediator, plays quite an essential part in formatting culture. It is a major task of humanities, especially of philosophy and linguistics as well as of cultural studies and theory of cross-cultural communication to uncover the true meaning of interconnection between language and culture which turns out to be well described with the help of the famous aphoristic statement: in the beginning was the Word. The latter or language can be claimed to be the creative, formative beginning in its interconnection with culture.

Keywords: language, creative, formative beginning, effect, energizing, activity, culture, form, medium.

УДК 811.161.3'373:165.62

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-56-59

ФЕНОМЕН ПЕЯРАТЫЎНАСЦІ І ВЕРБАЛЬНЫЯ ПАВОДЗІНЫ МОЎЦЫ

канд. філал. навук Ю.А. КАПЦОВА
(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)

У артыкуле даследуецца пярэатрыўнасць у феноменалагічным аспекце. Раскрываецца сутнасць пярэатрыўных тактык і іх характар. Апісваюцца беларускамоўныя пярэатрыўныя тактыкі, якія ўплываюць на ход і характар зносін моўцаў. Адзначаецца іх сувязь з катэгорыяй вартасці і аспектам успрымання свету моўцам.

Ключавыя словы: пярэатрыўнасць, пярэатрыўныя тактыкі, вербальныя паводзіны, феноменалогія успрымання.

Уводзіны. У сучаснай лінгвістычнай літаратуры ўжываюцца паняцці пярэатрыўнасці і пярэатрыўнасці. У мовазнаўстве яны даследуюцца як у стылістычным, так і ў дыскурсіўна-прагматычным планах. Так, В.А. Маслава называе пярэатрыўнасць адной з прымет моўнай карціны свету [1, с.150]. Пытанні моўнай пярэатрыўнасці і пярэатрыўнасці займаліся такія даследчыкі, як У.І. Карасік [2], С.В. Лескіна [3], Г.У. Кавалеўская [4] і інш. Калі разглядаць розныя аспекты вывучэння і інтэрпрэтацыі пярэатрыўнасці, то ўзнікае думка аб яе феноменалагічным (сутнасным) характары. Гэта феномен свядомасці, які прысутнічае ў вербальных паводзінах Homo loquens (моўца). Моўца сам вырашае, як выказаць свае думкі і пачуцці, – прыніжаць (“ніз”) іх ці ўзвышаць (“верх”). Што тычыцца пярэатрыўнасці, то яна выяўляецца ў сітуацыі зносін “жывое слова жывога чалавека” (М. Бахцін) і характарызуецца свядомым прыніжэннем яе складнікаў. У феномене пярэатрыўнасці заўважаецца арыентацыя на канфліктаванне пры адсутнасці адкрытай прагматычнай канфрантацыі.

Феноменалагічнае разуменне пярэатрыўнасці сугучнае з сэнсам, які ўкладваўся ў гэты тэрмін на самым пачатку яго ўзнікнення ў лінгвістыцы. У французскай лінгвістыцы тэрмін *péjoratif* ужываецца параўнальна даўно. Паняцце пярэатрыўнасці было ўведзена ў мовазнаўства на пачатку ХХ ст. Паводле Ш. Балі, пярэатрыўны аказваюць неспрыяльны ўплыў на адрасата, адчуваюць і ганьбяць яго [5]. Што да этымалогіі тэрміна, то паняцце *péjoration* мае лацінскі этымон *pējōrāre* ‘неспрыянне’. Аднак пад пярэатрыўнасцю падразумяецца стварэнне неспрыяльных этычных умоў для моўцаў у ходзе іх зносін. Гэта дасягаецца шляхам выкарыстання пэўных тактык, у якіх ужываюцца этычныя вербальныя сродкі пярэатрыўнага характару.

Асноўная частка. На прэзентацыі велічыні рэфэрэнта заснавана тактыка міёзісу. Выкарыстоўваючы гэтую тактыку, моўца не прадстаўляе рэалію дэмініўна. Міёзісна прэзентаваны рэфэрэнт не малы, а дробны, напрыклад: *Ён/Апейка/ успомніў палескі жарцік, не раз чулы дома: “А за Гомелем людзі е?” – “Е. Толькі дробненькія”* (І. Мележ). У антыподных характарыстыках “буйнасці – дробнасці” пярэатрыўныя сэнсы спадарожнічаюць здрабнеласці. Дробнае ўсведамляецца як нявартае: *Дамашнія спрэчкі і ўсё іншае... не мае ніякай вартасці; усё гэта дробязь* (К. Чорны); *Пасядуць /Галяш і Зоська/ адно насупраць другога і перапытваюць усялякую драбязу* (К. Чорны).

Ужыванне пярэатрыўных назоўнікаў пашырана ў сферы сацыяльнай стратыфікацыі. Нярэдка такія дэрываты прысутнічаюць у ідэалагізаваных кантэкстах: – *Дражніць будучы... Там адны буржуйчыкі вучацца* (А. Асіпенка); – *Каровы нядоеныя і някормленыя равуць, вераіма, свінні, а наваўленыя калгаснічкі нашы чацвёрты дзень гуляюць* (А. Асіпенка); – *Адных “контрыкаў” – налева, другіх, бытавікоў, – направа* (Г. Далідовіч); – *Слабец афіцэрск, – сказаў Каварскі, – але перакуем і загартуем...* (А. Асіпенка); – *А ты не больна страішай, камісарык, – вызьверыўся афіцэр (С. Грахоўскі); У інстытутах знайшліся аслепленыя, страціўшыя класавае чуццё інтэлігенцікі...* (А. Асіпенка); *“Змылачак ты фюрэрскі”, – усміхнуўся ў думках (Я. Брыль); Сказала: “Толькі не з гэтым фрыцыкам”* (К. Каліна); – *Сярод немчыкаў е такія хлопцы, што хоць ты іх у зводных бяры, – азваўся Максім Ус. – Самі гэтага каменданціка на растанцовым крыжы разануць* (С. Грахоўскі); – *А гэты шафярок... Ён тыдзень назад атрымаў правы, які ў яго вопыт...* (М. Герчык). Пагардлівы сэнс выяўляюць назоўнікі, якія характарызуюць рэфэрэнтаў паводле іх паводзін, ладу жыцця, сілы і да т.п., напрыклад: *Напэўна, і сірату з дзетдома гэтая лярвачка не прыняла б, каб усынавіць – нашто ёй клопат лішні* (А. Карпюк); *Усмехаецца нармальнай жаночай усмешкаю – ладная фіфачка, далібог* (Г. Далідовіч); – *Я ж сапраўды побач з ёю – звычайная мяшчаначка* (М. Герчык); – *Ах, праведнік! Падсілачку сабе знайшоў...* (У. Міхно); *Сцяпан Мікалаевіч пахістаў галавой: маўляў, слабачок ты, Сіма* (А. Асіпенка); *Як і кожны раз, калі ўпыхалі новага чалавека, падскочыў нахабна нізкарослік...* (Г. Далідовіч). Пафас сацыяльнай пагарды ўласцівы вытворным назоўнікам, звязаным з інстытуцыянальнай рэальнасцю. Паказальным у гэтых адносінах з’яўляецца ўжыванне пярэатрыўных дэрыватаў ад слоў *дух, тып, суб’ект*, напрыклад: *Душок нядобры! – прамовіў ён /Башлыкоў/ значна... Позірк, якім навёў да Глушака, да Дубадзела, казаў, як гэта важна: “душок”* (І. Мележ); – *А прадукт твайёй галавы гоніць брак з буржуазным душком* (А. Асіпенка); – *Напрыклад, перада мною стаяў не страшна запушчаны Іван Дулька, а зусім мала на яго падобны чысценькі, прылізаны, як бы намазаны алеем, прыгладжаны тыпчык Кірэнка; – Гэты субчык мне адразу не спадабаўся* (Л. Левановіч).

Сярод суфіксаў, якія ўжываюцца ў вытворных прыметніках з адчужальным сэнсам, найбольш частотным аказваецца суфікс *-еньк-*. Прыметнік з гэтым суфіксам ужываецца пры выказванні здэкліва-пагардлівага пачуцця, напрыклад: – *Далёка твайму Барысу да яго [Івана]. Гэты шанавачы не будзе, сам любіць, каб яго*

шанавалі. А як жа! Рос у мамачкі адзіненкі ды любіменькі (Л. Гаўрылкін); – Ну і дурны ты, – выпаліў Сцёпка і пайшоў, кінуўшы напаследак: *Свяценькая душа* (А. Асіпенка); *Апейка глядзеў на здаровы, загарэлы твар, на гладкія чырвоныя ічокі і тоўстыя губы, якія, мабыць, любілі смачненькае, і думаў: “Хітры, разумны. Ліс...”* (І. Мележ); ... і нейкі немчык, *дохленькі, дробненькі, паўтара метра з шапкай* (М. Герчык).

Пры ўжыванні пярэратыўных дэрыватаў нярэдка сустракаюцца выпадкі, калі пярэратыўную форму мае не толькі прыметнік, але і назоўнік, да якога ён дапасуецца, напрыклад: *Завязалася гамонка. Граптам адзін немчык, гэткі дробненькі, пусценькі і рудзенькі, як абмалочаны жытнёвы каласок, зірнуў на мае баявыя медалі ды пытае: “Дзе, пан, пух-пух і бах-бах?”* (М. Капыловіч); – *Смерць не люблю такіх, што беленькія ручкі баяцца запэцаць у чорнай варожай крыві* (А. Асіпенка); *Побач з ёю сыноч – даволі тоўсценькі, мардасценькі* (М. Герчык).

Характэрнае этычнае адценне прыўносіцца ў выказванні дэрыватамі, утворанымі ад форм множнага ліку назоўнікаў, напрыклад: – *Без разгаворчыкаў таксама нельга, – сказаў ён [Дубадзел] навучальна, значна. “Разгаворчыкі”, – вымавіў з насмешкай* (І. Мележ); – *Не ведаю вашых настройчыкаў, а я настроены працаваць як трэба; – А не нашы настройчыкі каціньце пры сабе* (С. Грахоўскі); – *Нельга ісці на паваду! Нельга патакаць усякім настройчыкам! Весці за сабой – вось што трэба!* (І. Мележ); – *Ведай, як мы жывем, як ваюем. Гэта табе не па тратуарчыках хадзіць* (І. Шамякін); – *Гэты, пэўна, дэкрэцікаў бальшавіцкіх навёз* (С. Грахоўскі).

Такім чынам, тактыка міёзісу заснаванна на наўмыснай прэзентацыі дробнасці рэфэрэнта, мае пашыранае выкарыстанне ў сферы сацыяльных стасункаў і накіравана на адмаўленне сацыяльнай вартасці людзей, якімі часцей за ўсё выступаюць прадстаўнікі пэўных сацыяльных слаёў.

Тактыка парадзіравання можа быць названа тактыкай скажонага цытавання. Гэтая тактыка заснаванна на характэрным для мастацтва прынтцыпе мімесісу (пераймання). Адчужальнае перайманне адзначаецца ў беларускай мове дзеясловамі *дражніць* ‘паўтараць у смешным выглядзе чые-небудзь словы, рухі і пад.’ (ТБСМ (2, 194), *перакрывіць* – падрабляючыся пад каго-н., падаць у наўмысна смешным, з’едлівым тоне чые-небудзь рухі, голас, мову і інш. Часцей за ўсё перакрыўленню падлягаюць ідыялектныя рысы гаворкі другога чалавека. Паводле манеры гаварыць ствараюцца этычныя характарыстыкі моўцы, напрыклад: – *Пішу. А што? – Іш ты яго, што ...штокала* (М. Лынькоў); – *Ты каго, даўганосы экала, клікаў? – Я, э-э, секвестратара тут чакаў...* (А. Бажко); *І працуюць, усе ў гурце адным... – Ну? – Ой жа нелюдзь ты, нукала...* (М. Лынькоў). Перакрывляюцца асобныя элементы выказвання, напрыклад: – *Ну, хлеб здаецца патроху. – Ты мне, дорогой, не патрохай, а іди и буди мещан – пусть молотят* (Я. Брыль); *Браточкі, злітуйцеся, не сіраціце дзетак! – От эта “браточки” знайшліся! У ваўчынай зграі вашы браточкі* (С. Грахоўскі); – *Я баюсь, як г-р-ы-м-л-іць, – тонкім дзіцячым голасам перакрывіў Кузьма дзяўчынку* (М. Хведаровіч); – *Бу-бу-бу!* – *перадражнівала Лідзін голас Люся* (А. Карпюк); – *Паснею, паснею, – дражніць бурклівая маці, – глядзі, каб не пераспеў ужо* (В. Гігевіч); – *Ладна, паверым! – кінуў я паблажліва, бесцырымонна адабраў канец вяроўкі і перадражніў яшчэ нават: “Уме-ю”, “Сама-а”. “Як бога ко-о-о-хам...”* (А. Карпюк).

Падставай тактыкі парадзіравання выступае пашыраны шлях пазнання – аналогія. Калі чалавек чуе нешта незнаёмае, то ён, імкнучыся зразумець гэта, шукае яму аналогію – прыпадабняе да ўжо знаёмага. Чужая мова ўспрымаецца нечленараздзельнай суцэльнай плыню, у якой механічна паўтараюцца адназначныя элементы: – *Чужыя людзі, – махнуў рукой Забела. – Зразумей, што ён там гергеча* (І. Навуменка). У шматлікіх выпадках аналогія ў сваёй мове не знаходзіцца. Гэта можа паслужыць зачэпкай для таго, каб строіць кпіны з чужой гаворкі і яе элементаў, якія падаюцца для ўспрымальніка анамальнымі. Нехта не ў стане прыняць нехарактэрнае для сваёй мовы гучанне: – *Во, з пушчанцамі ў падсуседзях будзем? – засмяялася Уліта. – Чуеце, як вукае? – шэптам перакрывіла мужчыну “Кунь, вуз! Пушоў-пухаў”. Але ж слухала і Тэафілія тое нязвычайнае для жабінкоўцаў вуканне пушчанца. Ёй было трохі смешна, бо ў Глінках інакш гаварылі: вакалі* (К. Каліна); *“Ой, я толькі на хвілінкачку адышлася, пані Юзя!” – “Не пані Юзя, а фраў Юзя! Колькі я буду вас вучыць?” – “Але ж, добранька! Няхай ужо будзе храў, пані Юзя. Храў дык храў!”* (К. Каліна).

Адчужальнасць выяўляецца нехарактэрным для беларускай мовы спалучэннем гукаў [шм] – фанетычнай прыметай слоў нямецкага паходжання (напрыклад, *schtachlig* ‘хілы’, *schtutzig* ‘запэцканы’ і інш.). Славяне перадражніваюць немцаў: *Немец-каўбаса, немец-зашмерац* (У. Даль). Разыходжанне з сінтагматыкай гукаў беларускай мовы робіць гукаспалучэнне [шм] інструментам адчужэння: – *Ого, немец! Ты з ім зраўняеся? Культура, парадак!.. Анкеты-шманкеты!..* (Я. Брыль); – *Марыхен-Шмарыхен... Ты дзеўку гэтым не пужай, – не мог сцяраць Іван* (В. Супрунчук); – *Якая мне розніца, хто ён. Ну і што, што Вронскі. Вронскі-Шмонскі-Дронскі. Абы чалавекам быў* (П. Місько); *Танцы-шманцы-абдыманцы* *началіся ўжо каля поўначы. Да гэтай пары дзяўчыны гаварылі і спявалі песні* (Л. Галубовіч); – *Курс-шмурч. Даўно трэба было ўжо спрабаваць, а то ўсё адкладваеш на потым* (П. Місько). Пагардліва ганебны сэнс характэрны словам з гукаспалучэннем [шм] – *шмара, шмэндрык, шмакадзяўка: – Я не такая, як ты падумаў тут. І не трэба трымаць мяне за шмару. Прывык усіх дзяўчын мераць адной меркай* (М. Клебановіч); *Сват павінен быць чалавекам пажылым, які мае вопыт у справе сватаўства, яму павінны давяраць, а не які-небудзь нястальны шмэндрык, якога ніхто не ведае* (Л. Галубовіч); *Нехта з пракуранных забулдыг прасіпеў прапітым голасам, які гучыць у вушах Алеся і зараз: “Папалася, шмакадзяўка”* (П. Місько). Нікчэмнасць чалавека прэзентуецца таксама гукаспалучэннем [чм]: – *Так і будзе, якога-небудзь чмыра, што не праслужыў яшчэ і паўгода, пашлюць на дальні фарпост, дзе яго дастануць або свае, або духі* (Л. Галубовіч).

Паводле мімесіснай мадэлі творацца рыфмаваныя “дражнілкі”, пашыраныя ў вуснай штодзённай мове: – *А ўсё гэты дзед-барадзед-на кол уздзет. Усе беды ад яго. Каб у мяне быў законны бацька, то ніхто б не зачэпіў, не крануў. А так... Дзед-людэед* (П. Місько); *А на вёсцы людзі перажывалі: “От, знайшоўся на нашу гававу нейкі*

карла-шмарла (А. Асіпенка). Для нязмушанай мовы характэрны мімізісныя паўторы-адгалоскі, якія прысутнічаюць у сітуацыі зносін і абавязаны ім сваім узнікненнем: **Коржыкі-шморжыкі, булачкі-шмулачкі розныя там.** Але ж **наляпана-нашляпана**, зусім сюды не падыходзіць, не гарманіруе. Зноў сёння будуць гэтыя **лямучкі-шмучкі-цягучкі.** (3 разм.). Да сферы прастаноўна належаць рознага роду пароды ўласнага імені, напрыклад: «*Эй ты, апоўзлік, чаго вытараішчыўся, – падбягала да яго задзірыстая, ваяўнічая Наталка-Маталка. – Нечага за дзеўкамі падглядаць!*» (А. Асіпенка); – *А-а-а, хто да нас завітаў?! Анёл боскі!.. Херувімчык-Серафімчык!.. Здароў і не кашляй* (А. Асіпенка); «*А што мне гэты Карпуша-Гарбуша, – узлаваўся Канстанцін Вячаслававіч. – Ён на маіх харчах жыве ды яшчэ ўяўляе сябе гаспадаром!*» (А. Асіпенка); *А ты, Жэня-Жэньшэня, слухай* (П. Місько); *Імя цешчы хвакцічаскі блытаў: не Гаўрона Люцыянаўна гаварыў, а Гаргона Люцыфараўна* (П. Місько).

Тактыка легітымацыі заключаецца ў тым, што жывучы ў грамадстве, чалавек як бы паварочваецца рознымі бакамі да людзей і атрымлівае іх водзвывы аб сабе. Прызнанне надае ўсім і ўсяму вартасць. Аспект прызнання-непрызнання чалавека з боку другіх уплывае на самога чалавека і абумоўлівае яго паводзіны. Па сутнасці, у чалавека столькі эйдасаў (абліччаў), колькі індывідуумаў яго прызнаюць – “трымаюць” яго за кагосьці.

Грамадства патрабуе ад чалавека “трымаць марку” – апраўдваць сваё званне: *Ну які ён дырэктар, – мільганула думка ў Мішы. Хіба можа быць такім дырэктар. Усё ў яго не так – голас, паводзіны. – “Не дырэктар” сказаў: “У нас тут быў адзін, пасяліўся (А. Кажадуб); – Хіба ты жаніх! – залаваўся бацька. – Жаніх мне тут знайшоўся* (І. Мележ); – *Вярні хлопца! Вяжкі чортаў! Карп упэўнена крануў рукою плячо паліцэйскага* (У. Караткевіч).

Неапраўданне свайго звання імплікуецца безасабовым дзеясловам *назваецца* і словазлучэннем *так званы*: *Калі ўжо прывязуць будаўнічыя матэрыялы? Надакучыла гэтая незабярыха. Майстра называецца, зусім не клапоціцца пра справу* (А. Кажадуб); *На жаль, зараз толькі такія так званыя пісьменнікі маюць доступ да СМІ* (В. Гракун); *Радаслаў Астроўскі – так званы прэзідэнт Беларускай цэнтральнай рады* (Л. Прокша); *Інжынер называецца. Заслугоўвае, калі не даюць грошай* (Л. Прокша); *Так званы каментатар Румбуціс дагаварыўся да таго, што палякі славянамі ўжо не з’яўляюцца, таму што яны не нашы* (І. Месага).

Неапраўданасць статуснага становішча чалавека на пісьме перадаецца двукоссем, напрыклад: *А пазней некаторыя савецкія “гісторыкі” нават далучылі “Нашу ніву” да чарнасоценнага лагера (“100 пытанняў і адказаў з гісторыі Беларусі”); Беларускія “каментатары” падчас працы ў прамым і не толькі эфіры шчыра паказалі сваю поўную прафесійную імпатэнцыю* (І. Месага); *Што раіў “агент” Міколу, чаго хадзіў да каменданта Радашковіч Шнейдэра, ніхто дакладна не ведае* (Л. Прокша); *Я глыбока перакананы, калі б заробкі і пенсіі нашых людзей залежалі ад колькасці слоў, выказаных гэтым “змагаром”, то мы былі б ужо самай заможнай краінай у свеце* (В. Домаш); *Афіцэр далажыў, што ў яго роце паявіўся служыцель культуры і катэгарычна запатрабаваў забраць “папа” прэч* (І. Зданюк).

Сацыяльнае прыніжэнне агента дасягаецца заменай яго прафесійнай назвы на менш прэстыжную, якая аказваецца для яго характарыстычнай, напрыклад: *рамеснік* ‘чалавек, які працуе фармальна, не творча, шаблонна’, *маляр* ‘мастак, які адносіцца да мастацтва як да штодзённай працы [ТСБМ, 3, 234], *канавал* ‘пра дрэннага ўрача, невука ў медыцыне’ [ТСБМ, 2, 609].

Тактыка элімінавання (лац. *eliminare* ‘аддаляць’) выяўляе антыподнасць “свайго” і “чужога” і мае відавочнае праксематычнае вымярэнне, у якім этычную рэлевантнасць набываюць параметры “блізкае” і “далёкае”. Незнаёмае “чужое” знаходзіцца па-за полем непасрэднага ўспрымання моўцаў. Больш таго, дамінуючай інтэнцыяй чалавека аказваецца аддаленне ад сябе ўсяго непрымальнага для яго. Моўная элімінацыя не з’яўляецца маўленчым актам па дзеяслову “гнаць”. Элімінацыі тыпу “*Вымятайся*”, “*Шуруй адсюль*”, “*Вон*”, “*Рукі прэч*” не азначаюць, што хто-небудзь каго-небудзь гоніць: – **Вымятайцеся** *зараз жа, каб я вас ні аднаго не бачыў!* (П. Пестрак). Элімінацыя – не каўзатыўны стымул, а інтэнцыянальны імпульс, які пасылаецца адрасату.

Феномен пасылу характарызуецца канкрэтызуючай адрасацыяй (пасылка для каго, пісьмо для каго). Дзеяслоў *наслаць* у беларускай мове мае герменеўтычны сэнс, параўн.: *Бог наслаў, насланец багоў, наслаць паветраны пацалунак, наслаць прывітанне* і г.д. У сэнсавым полі дзеяслова *наслаць* нязменна прысутнічаюць сэнсы “бліжэй” і “далей”. У спалучэнні з некаторымі лаянкавымі словамі “пасылы” набываюць пеяратаўны характар (сэнс ‘пазбавіцца чагосьці-кагосьці, стаць абыякавым’): – **А пайшло яно да чорта.** *Абрыдла. Сколькі ўжо можна....* (Разм.). Пеяратаўнымі пасыламі прэзентуецца моўная ідыяматыка, напрыклад: *Пайшоў к чарціям сабачым...* (Разм.). Разнастайныя адсыланні па мадэлі “Пайшоў ты...” звязаны са “знешнімі” месцамі, часцей нячыстымі. Назвы іх у вуснай мове табуіруюцца: *Пайшоў ты ў баню. Ідзі ты ў Прастаквашына* (Разм.). Пасылаюць туды, “куды людзі не ходзяць”. На пісьме ўсё непрымальнае для этычнага пачуцця чалавека табуіруецца шматкроп’ем.

Заклучэнне. У вербальных паводзінах моўцы выяўляюцца неспецыфічныя пеяратаўныя тактыкі. Рэалізаваныя ў іх феноменалагічныя імплікацыі могуць быць спраектаваны на шкалу ацэнкі, аднак, па сутнасці, яны ўспрымаюцца ў святле параметраў “верх – ніз” і аказваюцца рэлевантнымі ў аспекце феномена вартасці, якому спадарожнічаюць пеяратаўныя сэнсы. Феномен пеяратаўнасці ўзнікае ў сітуацыі жывога маўлення і характарызуецца свядомым прыніжэннем яго складнікаў. Чужое падаецца анамальным і атрымлівае крытычную характарыстыку. Скажонай цытацыяй і шматлікімі дэрыватамі, утворанымі на падставе аналогіі, не даецца ацэнка і не выражаюцца ацэначныя адносіны да чужога. У этычных інструментах выяўляецца крытыка, якая ажыццяўляецца шляхам перакрыўлення ўсяго незнаёмага і аддаленага ад свайго свету чалавека. Слова-карыкатуры належаць да вобласці сітуацыйнай славеснай творчасці і гавораць пра дасціпнасць, такт і талент іх творцаў.

ЛИТАРАТУРА

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М., 2001. – 208 с.
2. Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 35–49.
3. Лескина С.В. Категория пейоративности в русском и английском языках в аспекте лингвокультурологического сопоставления (на материале фразеологических единиц): дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 447 л.
4. Ковалевская А.В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2008. – 12 с.
5. Балли Ш. Французская стилистика: пер. с фр. К.А. Долинина. – 2-е изд., стер. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Пастушій 01.03.2023

ФЕНОМЕН ПЕЙОРАТИВНОСТИ И ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО

Ю.А. КОПЦОВА

(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

В статье исследуется пейоративность в феноменологическом аспекте. Раскрывается сущность пейоративных тактик и их характер. Описываются белорусскоязычные пейоративные тактики, влияющие на ход и характер общения говорящих. Отмечается их связь с категорией стоимости и аспектом восприятия мира говорящим.

Ключевые слова: пейоративность, пейоративные тактики, вербальное поведение, феноменология восприятия.

THE PHENOMENON OF PEJORATIVENESS IN THE SPEAKER'S BEHAVIOR

Yu. KAPTSOVA

(Brest State A.S. Pushkin University)

The article explores pejorative in the phenomenological aspect. The essence of reparative tactics and their nature are revealed. The article describes the Belarusian-speaking iterative tactics that affect the course and nature of the speakers' communication. Their connection with the category of value and the aspect of the pagan perception of the world is noted.

Keywords: pejorative, pejorative tactics, verbal behavior, phenomenology of perception.

УДК 811.161.3'373.421

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-60-64

**СЛОВАЎТВАРАЛЬНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ ЦІ СІНАНІМІЯ?
(ДА ПЫТАННЯ АБ СТАТУСЕ АДНААСНОЎНЫХ ДЭРЫВАТАЎ З ТОЕСНАЙ СЕМАНТЫКАЙ)**

А.І. ДЗІНГЛЕЎСКАЯ

(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы)

У артыкуле разглядаюцца розныя падыходы да вызначэння паняццяў варыянтнасці і сінаніміі. Даследуюцца вытворныя прыметнікі беларускай літаратурнай мовы, якія ўтвораны ад адной асновы (прыметнікі-кадэрываты) і маюць тоесныя значэнні. Прыметнікі-кадэрываты, якія з'яўляюцца тоеснымі ў плане зместу (часткова або поўнасцю), разглядаюцца як словаўтваральныя сінонімы. Адзначаецца, што тоеснае словаўтваральнае значэнне (а таксама і лексічнае), выражаецца праз розныя афіксы, ці нават праз аднолькавыя – калі вытворныя словы маюць аднолькавую марфемную структуру, але адрозны націск. Падкрэсліваецца, што адрозны націск можа абумоўліваць як стылістычныя, так і семантычныя адрозненні паміж прыметнікамі-кадэрыватамі. Сцвярджаецца, што аднаструктурныя дэрываты з адрозным націскам утвараюцца паводле розных словаўтваральных мадэляў, што дазваляе кваліфікаваць іх як самастойныя адзінкі, якія выяўляюць сінанімічныя адносіны.

Ключавыя словы: прыметнікі-кадэрываты, варыянтнасць, сінанімія, словаўтваральныя сінонімы.

Уводзіны. Вытворныя словы з'яўляюцца аб'ектам даследавання не толькі як словаўтваральныя адзінкі, але і як лексічныя. Маючы лексічную семантыку, яны могуць знаходзіцца паміж сабой у адносінах тоеснасці, блізкасці або адрознення, выяўляючы сябе ў гэтых узаемадачынэннях або як сінонімы, або як паронімы. Сярод слоў з тоеснымі значэннямі можна вылучыць вялікую колькасць прыметнікаў-кадэрыватаў, гэта значыць такіх прыметнікаў, што ўтвараюць аб'яднанні з дзвюх (радзей – трох і больш) адзінак, кожная з якіх (у межах адпаведнага аб'яднання) утворана ад адной і той жа асновы. Адносна такіх аб'яднанняў застаецца спрэчным пытанне: лічыць іх складнікі варыянтамі аднаго слова ці асобнымі словамі-сінонімамі? Неабходнасць выпрацоўкі абгрунтаванага рашэння для пераканаўчага адказу на гэтае пытанне абумоўлівае актуальнасць даследавання.

Аб'ектам аналізу з'яўляюцца вытворныя прыметнікі-кадэрываты з тоеснай семантыкай.

Мэта артыкула – вызначыць статус прыметнікаў-кадэрыватаў, якія з'яўляюцца тоеснымі (часткова або поўнасцю) у плане зместу.

Асноўная частка. Першымі выказалі меркаванне пра тоеснасць на ўзроўні лексемы адзінак з нязначнымі (неістотнымі) адрозненнямі ў плане выражэння В.У. Вінаградаў [1] і А.І. Смірніцкі [2], якія называлі «мадыфікацыі» адной і той жа лексічнай адзінкі «варыянтамі». Даследчыкі адзначалі ў сваіх працах, што фанетычнае вар'іраванне ў межах аднаго і таго ж слова з'яўляецца магчымым і варыянты слова могуць заставацца тоеснымі, нягледзячы на змяненне іх знешняй формы [1; 2]. У прыватнасці, А.І. Смірніцкі варыянтамі слова называў «гласы» аднаго і таго ж слова. [2, с. 20]. Але пра тоеснасць можна сцвярджацца і ў адносінах да вытворных слоў, калі яны адрозніваюцца не толькі нейкім гукам, але і маюць розныя афіксальныя часткі. На гэта звярнула ўвагу В.С. Ахманав. Мовазнаўца адзначала, што калі марфемы не абумоўліваюць семантычнага адрознення паміж адзінкамі, то апошнія з'яўляюцца словаўтваральнымі варыянтамі (як у пары *луса – лусіца*). А калі афіксальныя марфемы маюць сэнсавае адрозненне, то тады можна сцвярджаць пра словы-сінонімы [3, с. 215]. На думку ж Ф.П. Філіна, варыянтамі слоў з'яўляюцца аднакаранёвыя ўтварэнні, якія адрозніваюцца формаўтваральнымі марфемамі. Словаўтваральныя ж марфемы, як лічыў даследчык, служаць для ўтварэння новых лексіка-семантычных адзінак [4, с. 132–133].

У беларускай лінгвістыцы да пытання варыянтнасці ў сваіх працах звярталіся Т.П. Піліповіч [5], І.Р. Шкраба [6], Т.І. Юхо [7], В.П. Красней [8], З.І. Бадзевіч [9], С.С. Клундук [10] і іншыя мовазнаўцы. І.Р. Шкраба ў сваёй манаграфіі трактуе варыянты як «рэгулярна ўзнаўляльныя мадыфікацыі гукавой абалонкі аднаго і таго ж слова, аб'яднання генетычнай агульнасцю і тоеснасцю марфалагічна-словаўтваральнай структуры пры абсалютным супадзенні лексічнага і граматычнага значэння» [6, с. 21]. Аўтар звяртае ўвагу таксама на праблему размежавання варыянтнасці і асобных слоў, адзначаючы, што гэта «абумоўлена тым, што словаўтваральныя варыянты знаходзяцца на мяжы паміж лексічнымі і граматычнымі з'явамі, правесці ж выразнае размежаванне граматычнай і лексічнай семантыкі вельмі няпроста, тым больш што ўтваральныя марфемы ў большай ці ў меншай ступені захоўваюць рэшткі лексічнай самастойнасці» [6, с. 81]. На думку Т.І. Юхо, словаўтваральнымі варыянтамі трэба лічыць «аднакаранёвыя словы-варыянты з тоесным ці блізім лексічным значэннем, у якіх суфіксальныя элементы выконваюць ролю толькі гукавых дыферэнцыятараў слова» [7, с. 37]. З.І. Бадзевіч таксама адносіць да словаўтваральных варыянтаў «словы, якія супадаюць па значэнні і тоесныя па каранёвай марфеме, але аформленыя рознымі афіксамі» [9, с. 33]. Т.П. Піліповіч у сваім даследаванні пры разглядзе вытворных прыметнікаў у якасці дастатковай умовы прызнання тых ці іншых з іх словаўтваральнымі варыянтамі прымае «тоеснасць паралельных утварэнняў хоць бы ў адным лексічным значэнні» [5, с. 6] і адзначае, што «семантычны аб'ём кампанентаў, якія належаць да аднаго (агульнага для іх) варыянтнага рада неаднолькавы: ад поўнага супадзення ў кожным кампаненце аднаго варыянтнага рада да супадзення толькі асобных лексічных значэнняў» [5, с. 5].

Аднак трэба заўважыць, што поўнае ці частковае супадзенне лексічных значэнняў слоў характэрнае і для з’явы сінаніміі. Так, у «Лингвистическом энциклопедическом словаре» сінонімы тлумачацца як «словы той самай часціны мовы, якія поўнасцю ці часткова супадаюць сваім значэннем» [11]. І паколькі паводле структуры сінонімы бываюць рознакаранёвыя і аднакаранёвыя, то выходзіць, што гэта сцверджанне датычыць не толькі рознакаранёвых адзінак, але і тых, што ўтвораны ад адной асновы.

На адрозненне аднакаранёвых слоў ад варыянтаў звярнула ўвагу Р.П. Рагожнікава, якая сцвярджае, што сутнасць варыянтных слоў заключаецца ў «відазмяненні знешняга боку слова – фанетычнага і граматычнага, не закранаючы яго ўнутраны бок, лексічны, значэнне слова». Пры гэтым даследчыца адзначае, што аднакаранёвыя словы – гэта розныя словы аднаго караня, утвораныя пры дапамозе афіксаў, дзе афіксы выконваюць не граматычную, а словаўтваральную функцыю [12, с. 156]. Згодна з Р.П. Рагожнікавай, такія словы могуць быць як блізкімі па сваіх значэннях, так і супадаць імі, што датычыць і рознакаранёвых слоў. Мы падзяляем пункт погляду Р.П. Рагожнікавай адносна разглядаанай праблемы і лічым асобнымі аднакаранёвымі лексемамі «словы, якія хоць і не заўсёды адрозніваюцца семантычна, але ўяўляюць сабой розныя словаўтваральныя адзінкі» [12, с. 157]. Тое-насаць значэнняў аднакаранёвых слоў – гэта тое, што збліжае асобныя словы з варыянтамі, «але адрозненне іх марфалагічнай структуры, наяўнасць словаўтваральных афіксаў не дае магчымасці лічыць іх варыянтамі слоў» [12, с. 163].

Аб адсутнасці ў мове словаўтваральных варыянтаў сцвярджаў і В.М. Немчанка. Даследчык адзначаў, што словаўтваральныя афіксы маюць дадатковае лексічнае значэнне і гэтым яны падобныя да каранёвай марфемы. Паводле В.М. Немчанкі, словы з рознымі па форме, але аднолькавымі па лексічным значэнні словаўтваральнымі афіксамі трэба лічыць лексічнымі сінонімамі, як і рознакаранёвыя словы, якія маюць адно лексічнае значэнне [13, с. 59]. С.Г. Беражан таксама сцвярджаў, што тое-насаць значэннем аднакаранёвыя словы з рознымі афіксальнымі марфемамі могуць быць прызнаны сінонімамі, гэтаксама як і словы, якія маюць розныя карані. Акрамя таго, даследчык адзначаў, што «сам факт суіснавання ў мове розных афіксальных утварэнняў сведчыць, відаць, аб тым, што гэта сінонімы, а не варыянты, бо абсалютна тое-насаць элементы, як правіла, выходзяць з ужытку» [14, с. 151].

Падтрымліваючы кваліфікацыю аднаасноўных утварэнняў з тое-насаць ці блізкімі значэннямі як сінанімічных адзінак, засяродзім увагу на парах з аднолькавай суадноснасцю ў марфемна-структурным плане: утварэнні ў некаторых з іх маюць тое-насаць значэнні, а ў іншых істотна адрозніваюцца. Як, напрыклад, з аднаго боку, у пары *папірусны // папірусавы*, а з другога – у *пыльны // пылавы*. Дэрыват *папірусны* мае дэфініцыю «які мае адносіны да папіруса» [15, с. 21], а адпаведны яму прыметнік-кадэрыват *папірусавы* прадстаўлены праз адсылку да яго: «тое, што і п а п і р у с н ы» [15, с. 21]. Разглядаючы ж пару ўтварэнняў *пыльны // пылавы*, бачым, што прыметнік *пыльны*, акрамя асноўнага значэння «які пакрыўся пылам, увабраў у сябе пыл», мае яшчэ і адценне значэння «які адрозніваецца вялікай колькасцю пылу» [15, с. 531], а адпаведны яму кадэрыват *пылавы* прадстаўлены ў слоўніку з дэфініцыяй «які мае адносіны да пылу (у 1 знач.)» [15, с. 530]. Такім чынам, калі вярнуцца да першай пары, то на падставе семантычнай тое-насаць ўтварэнняў *папірусны // папірусавы* можна было б, на першы погляд, прыняць трактоўку іх статусу як варыянтных адзінак. Аднак калі прыняць пад увагу ўтварэнні *пыльны // пылавы*, якія складаюць пару з аналагічнымі афіксамі, але, маючы істотныя разыходжанні ў семантыцы, выяўляюць паранімічныя адносіны, а значыць, выступаюць як асобныя лексемы, то – дзеля ўніфікацыі падыходу – мэтазгодна статус самастойных лексем распаўсюдзіць і на ўтварэнні з першай пары. Бо, прызнаючы ўтварэнні ў адных парах самастойнымі лексемамі, бачыць адзінкі з аналагічнымі фармальна-структурнымі суадносінамі ў іншых парах ужо як варыянты было б нерацыянальна. І нават калі аддаўшы прыярытэт семантычным характарыстыкам утварэнняў паспрабаваць праігнараваць гэты аргумент, пры тое-насаць значэннях кадэрыватаў кваліфікуючы іх як варыянты, а пры паранімічных адносінах – як самастойныя лексемы, гэта б не пазбавіла такі падыход ад істотных праблем. Бо пры мнагазначнасці кадэрыватаў яны далёка не заўсёды супадаюць ва ўсіх сваіх значэннях: некаторыя лексіка-семантычныя варыянты (далей – ЛСВ) лексем могуць выяўляць сінанімічныя адносіны, а іншыя – паранімічныя (да таго ж аднаасноўныя ўтварэнні могуць адрознівацца і проста колькасцю значэнняў). А ў такім выпадку трэба было б суадносіць паміж сабой паасобныя ЛСВ лексем і вызначаць адносіны словаўтваральнай варыянтнасці ўжо паміж імі. У выніку шмат якія адзінкі характарызаваліся б падвойнай варыянтнасцю (узнікалі б варыянты варыянтаў), што, зноў жа, было б нерацыянальным.

На гэтай падставе мы мяркуем, што тое-насаць паводле лексічнага значэння ўтвораны ад адной асновы дэрываты, якія маюць у сваёй словаўтваральнай структуры розныя афіксы, рацыянальна лічыць не варыянтамі аднаго слова, а асобнымі словамі, якія знаходзяцца ў сінанімічных адносінах.

Аднакаранёвыя вытворныя словы з аднолькавым ці блізкім словаўтваральным значэннем, акрамя таго, разглядаюцца некаторымі мовазнаўцамі як словаўтваральныя сінонімы. Напрыклад, на думку А.М. Ціханова, словаўтваральнымі сінонімамі прынята называць «аднакаранёвыя вытворныя словы, якія валодаюць аднолькавым ці блізкім словаўтваральным значэннем, якое ў іх выражаецца праз розныя афіксы (прэфіксы і суфіксы) ці іх варыянты» [16, с. 457]. У сваю чаргу, А. І. Главацкая пад словаўтваральнымі сінонімамі разумее «рознафармантныя вытворныя, якія характарызуюцца агульным словаўтваральным значэннем і тое-насаць, або блізкім, лексічным значэннем» [17, с. 81]. Некаторыя даследчыкі (Г.А. Нікалаеў [18], В.У. Грыцкіх [19], Ю.А. Шэпель [20], Т.С. Графкова [21]) адзначаюць, што словаўтваральная сінанімія мае тыпавы характар. У прыватнасці, Г.А. Нікалаеў тлумачыць словаўтваральную сінанімію як «асаблівы тып сінаніміі, якая адлюстроўвае розныя ступені семантычнага збліжэння словаўтваральных тыпаў ад поўнай узаемазаменнасці да сумніўнага семантычнага падабенства» [18, с. 6]. Такім чынам, магчымасць (або неабходнасць) моўных адзінак са статусам як варыянтаў, так

і сінанімаў быць тоеснымі ў плане зместу (часткова або поўнасьцю) абумоўлівае тое, што ў мовазнаўчых працах ужываюцца розныя назвы-тэрміны для абазначэння слоў-кадэрыватаў з семантычным супадзеннем: “словаўтваральныя варыянты” [9, с. 6; 6; 5, с. 51; 22, с. 55], “словаўтваральныя сінанімы-варыянты” [10, с. 71], “аднакара-нёвыя словаўтваральныя сінанімы” [23, с. 234].

Аптымальнай для свайго даследавання мы бачым назву “словаўтваральныя сінанімы” і будзем лічыць **словаўтваральнымі сінанімамі** вытворныя ад адной асновы словы, якія валодаюць тоесным ці блізкім словаўтваральным (і, натуральна, лексічным) значэннем, якое ў іх выражаецца праз розныя афіксы, ці нават праз аднолькавыя афіксы – у выпадках, калі ўтварэнні з тоеснай марфемнай структурай адрозніваюцца месцам **націску**.

Магчымасць аднясення прыметнікаў з тоеснай марфемнай структурай і адрозным націскам да сінанімаў мы бачым, па-першае, у тым, што адрозненне ў месцы націску для такіх утварэнняў можа абумоўліваць і стылістычныя разыходжанні, і семантычныя – нават да ўзнікнення паранімічных адносін, а значыць, гэтае адрозненне ў плане выражэння мае не меншую функцыянальную значнасць, чым любое іншае, у тым ліку адрозненне ў марфемнай структуры.

Вытворныя прыметнікі-кадэрываты з тоеснымі ці блізкімі значэннямі, са стылістычным разыходжаннем або без яго, якія маюць тоесную марфемную структуру, але адрозніваюцца месцам націску, мы адносім да словаўтваральных сінанімаў, паколькі калі ў адных выпадках адрозны націск хоць і не абумоўлівае для вытворных слоў ніякіх разыходжанняў у плане зместу (як у парах *альсавы / алёсавы / футравы / футровы, ласкавы / ласкавы, літасцівы / літасцівы, люстраны / люстраны, расяны / расяны*), а ў некаторых выпадках розніца ў месцы націску дае стылістычную сінанімію (як у парах *лінавы¹ / ліновы, цыратовы / цыратавы, ядлоўцавы / ядлоўцавы, ясянёвы / ясеневы*), – у іншых (напрыклад, *сазанавы // сазановы, часткавы // частковы, часавы // часовы, прызыўны // прызыўны, нарыўны // нарыўны*) змяненне месца націску дае семантычную розніцу такога ўзроўню, які адпавядае, несумненна, паранімічным адносінам паміж дэрыватамі. Гэтыя адносіны выразна выяўляюцца праз спалучальныя характарыстыкі прыметнікаў, параўн: *сазанавая юшка*, але *сазановая галава*; ці, напрыклад: *часткавы падзел*, але *частковы ремонт*; або: *часавая залежнасць*, але *часовая праца*.

Па-другое, мы прытрымліваемся такога меркавання, што калі адрозны націск мае месца ў пары невытворных слоў (тыпу *віхар / віхор, доўгі / даўгі, касы / косы*), то гэта, як правіла, адрозненне несістэмнага, індывідуальна-лексічнага характару і ў такім выпадку яно не выходзіць па-за межы асобна ўзятай лексемы. А значыць, адзінкі тыпу *доўгі / даўгі* сапраўды могуць разглядацца як два варыянты адной лексемы. Для вытворных жа слоў адрозненне ў месцы націску можа закранаць **афіксы** як **серыйныя** адзінкі, таму ў такіх выпадках яно ўзыходзіць да маштабу дэрывацыйнай мадэлі, выходзячы на словаўтваральны ўзровень. Але калі ў межах пэўнай мадэлі адны аднаструктурныя адзінкі з розным націскам (напрыклад, *футравы / футровы*) з’яўляюцца абсалютна тоеснымі ў плане зместу, а другія выяўляюць яўнае разыходжанне (параўн. *часавы і часовы*), то гэта дастатковая падстава для таго, каб адпаведную мадэль не лічыць адзінай. Пры гэтым лагічна, што калі ўтварэнні *часавы і часовы* мэтазгодна лічыць утворанымі паводле розных словаўтваральных мадэляў (ці для такой сітуацыі можна было б выкарыстаць тэрмін “падмадэль”, што, праўда, нічога не мяняе ў сутнасці нашых разважанняў), то да адной з іх трэба адносіць не толькі дэрыват *часавы*, але і *футравы*, а да другой – не толькі *часовы*, але і *футровы*. І, такім чынам, адзінкі *футравы і футровы* трэба разглядаць як утвораныя паводле розных мадэляў, а значыць, як адзінкі з адрозным планам выражэння, які робіць іх утварэннямі, дастаткова самастойнымі для таго, каб іх можна было кваліфікаваць як сінанімы, а не варыянты адной лексемы.

Заклучэнне. Вытворныя аднаасноўныя прыметнікі, якія з’яўляюцца тоеснымі (часткова або поўнасьцю) у плане зместу, мэтазгодна лічыць асобнымі словамі, якія знаходзяцца ў сінанімічных адносінах. Гэта вынікае з прыведзенага вышэй аналізу пар з аднолькавай сьвядоўнасцю ў марфемна-структурным плане, дзе аднаасноўныя ўтварэнні ў некаторых з пар маюць тоесныя ці блізкія значэнні, а ў іншых істотна імі адрозніваюцца: вынікае на той падставе, што нерацыянальна адны дэрываты лічыць варыянтамі, а іншыя – асобнымі словамі, паколькі такія ўтварэнні мэтазгодна разглядаць з пункту гледжання адзінага падыходу, а гэта значыць, што статус самастойных лексем патрэбна распаўсюдзіць і на ўтварэнні з тоеснымі значэннямі.

Пры гэтым тоеснае значэнне аднаасноўных прыметнікаў можа выражацца як праз розныя, так і аднолькавыя афіксы (для апошняй сітуацыі – у парах вытворных слоў з аднолькавай марфемнай структурай, але адрозным месцам націску). Адрозны націск можа абумоўліваць як стылістычныя, так і семантычныя адрозненні паміж прыметнікамі-кадэрыватамі, а ў іншых выпадках ён не абумоўлівае для вытворных слоў ніякіх разыходжанняў у плане зместу. Для вытворных слоў адрозненне ў месцы націску можа закранаць афіксы як серыйныя адзінкі, таму ў такіх выпадках яно ўзыходзіць да маштабу дэрывацыйнай мадэлі, выходзячы на словаўтваральны ўзровень. І калі ў межах адной мадэлі адны аднаструктурныя адзінкі з розным націскам з’яўляюцца абсалютна тоеснымі ў плане зместу, а другія выяўляюць яўнае разыходжанне, то гэта дастатковая падстава для таго, каб адпаведную мадэль не лічыць адзінай. І паколькі аднаструктурныя дэрываты з адрозным націскам, як і ўтварэнні з рознымі афіксамі, утвараюцца паводле розных словаўтваральных мадэляў, гэта таксама дазваляе разглядаць іх як самастойныя словы, а не варыянты адной лексемы.

ЛІТАРАТУРА

1. Виноградов В.В. О формах слова // Известия. – М.: Изд-во АН СССР, ОЛЯ, 1941. – Т. 3. Вып. 1. – С. 31–45.

2. Смирницкий А.И. К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») // Тр. Ин-та языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С. 3–49.
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 296 с.
4. Филлин Ф.П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – С. 128–132.
5. Пилипович Т.П. Словообразовательные варианты прилагательных в современном белорусском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Минск, 1987. – 24 с.
6. Шкраба І.Р. Варыянтнасць у сучаснай беларускай мове : (структурна-граматычны і функцыянальна-дынамічны аспекты). – Мінск: Асар, 2004. – 240 с.
7. Юхо Т.І. Словаўтваральныя варыянты назоўнікаў, якія абазначаюць жывых істот (птушак, жывёл) у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Беларуская лінгвістыка. – Мінск, 1981. – Вып. 19. – С. 37–42.
8. Красней В.П. Аб сінонімах, дублетах і варыянтах у тэрміналогіі // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія. – 1995. – № 1. – С. 25–27.
9. Бадзевіч З.І. Словаўтваральныя варыянты адносных прыметнікаў з нулявым і матэрыяльна выражаным суфіксам у сучаснай беларускай мове. – Мінск: РІВШ БДУ, 2014. – С. 6–10.
10. Клундук С.С. Словаўтваральная сінанімія і варыянтнасць у беларускай мове XIX ст. (на матэрыяле назваў са значэннем асобы) // Весн. Брэст. ун-та. Сер. філал. навук. – 2006. – № 2(5). – С. 71–77.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
12. Рогожников Р.П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия: сб. ст. – М.: Наука, 1967. – С. 151–163.
13. Немченко В.Н. Словообразование и вариантность слова в русском языке // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка. – Омск: ОмГУ, 1988. – С. 57–59.
14. Бережан С.Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия: сб. ст. – М.: Наука, 1967. – С. 142–151.
15. Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / пад аг. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы); АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – Т. 4: П – Р / рэд. Г.Ф. Вештарт. – 1980. – 768 с.
16. Энцикл. сл.-справ. лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов и др. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: Флинта, 2008. – Т. 1. – 840 с.
17. Главацкая Е.И. Словообразовательная синонимия в сфере наименований лица современного русского языка (отадъективная производность) // Культура народов Причерноморья. – 2006. – Т. 1, № 82. – С. 80–82.
18. Николаев Г.А. Словообразовательная синонимия и обратная соотносительность // Развитие синонимичных отношений в истории русского языка. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1980. – С. 6.
19. Грицких О.В. Словообразовательная субстантивная синонимия в немецком и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Казань, 2005. – 19 с.
20. Шепель Ю.А. Антропоцентрический подход в области дериватологии современного русского языка (на материале морфологической асимметрии и изоморфизма адъективных словообразовательных рядов) // Лінгвістыка. Лінгвокультуралогія. – 2014. – Т. 7. – С. 110–127.
21. Графкова Т.С. К вопросу о словообразовательной синонимии слов с заимствованными и автохтонными прекомпонентами (на материале немецкого языка) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. – 2011. – № 4. – С. 201–209.
22. Уласевіч В.І. Прыметнікі з суфіксамі -ое- (-ав-, -ев-) і -н- у сучасным перыядычным друку // Беларуская лінгвістыка. – 2001. – Вып. 51. – С. 53–60.
23. Коженец Т.С. Словообразовательная синонимия в современном немецком языке // Труды БГТУ. Сер. 5, Политология, философия, история, филология. – 2009. – С. 234–236.

Паступіў 30.03.2023

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ИЛИ СИНОНИМИЯ? (К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ОДНООСНОВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ТОЖДЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ)

Е.И. ДИНГИЛЕВСКАЯ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий вариантности и синонимии. Изучаются производные прилагательные белорусского литературного языка, которые образованы от одной основы (прилагательные-кодериваты) и имеют идентичные значения. Прилагательные-кодериваты, тождественные в плане содержания (частично или полностью), рассматриваются как словообразовательные синонимы. Отмечается, что тождественное словообразовательное значение (как и лексическое) выражается посредством разных аффиксов или даже посредством одних и тех же, если производные слова имеют одинаковую морфемную структуру, но разное место ударения. Подчеркивается, что различие в месте ударения может обуславливать как стилистические, так и семантические различия между прилагательными-кодериватами. Утверждается, что одноструктурные производные с разным местом ударения образуются по разным словообразовательным моделям, что позволяет квалифицировать их как самостоятельные единицы, обнаруживающие синонимические отношения.

Ключевые слова: прилагательные-кодериваты, вариантность, синонимия, словообразовательные синонимы.

**WORDBUILDING VARIATION OR SYNONYMY?
(TO THE QUESTION OF THE STATUS OF THE SAME STEM DERIVATIVES
WITH IDENTICAL SEMANTICS)**

A. DZINHILEUSKAYA
(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article examines various approaches to the definition of the concepts of variation and synonymy. Derivative adjectives of the Belarusian literary language are studied, which are formed from the same stem (adjectives-coderivates), and which have identical meanings. Adjectives-coderivates that are identical in content (partially or completely) are considered as wordbuilding synonyms. It is noted that identical wordbuilding meaning (as well as lexical) is expressed through different affixes or even through the same ones, if the derived words have the same morphemic structure but different accent. It is emphasized that different accent can cause both stylistic and semantic differences between adjectives-coderivates. It is argued that monostructural derivatives with different accent are formed according to different wordbuilding models, which allows them to be qualified as independent units that reveal synonymous relations.

Keywords: *adjectives-coderivates, variation, synonymy, wordbuilding synonyms.*

УДК 81'367.624

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-65-69

ГІСТОРЫЯ ВYZНАЧЭННЯ ПРЫСЛОЎЯ ЯК САМАСТОЙНАЙ ЧАСЦІНЫ МОВЫ І АКРЭСЛЕННЯ ЯГО МЕЖАЎ

М.В. КУДЛАШ

(Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7666-5434>

У артыкуле пададзены падрабязны аналіз крыніц лінгвістычнага матэрыялу, прысвечаных вызначэнню часцін мовы ў цэлым і прыслоўя ў прыватнасці. Падыходы лінгвістаў да выдзялення і размежавання часцін мовы мяняліся на працягу гісторыі існавання лінгвістычнай навукі і не могуць лічыцца адназначнымі нават у цяперашні час. Прыслоўе як лексіка-граматычная катэгорыя з'яўляецца адным з найменш вывучаных і сістэматызаваных аб'ектаў вывучэння граматыкі. У артыкуле робіцца спроба кароткага выкладу лінгвістычных падыходаў да характарыстыкі прыслоўя з мэтай вызначэння яго месца ў сістэме часцін мовы ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве (рускім і беларускім).

Ключавыя словы: граматыка, марфалогія, часціны мовы, граматычная катэгорыя, прыслоўе.

Уводзіны. Прыслоўе з'яўляецца адной з найменш даследаваных часцін мовы. Пры вызначэнні межаў прыслоўя ў сістэме часцін мовы ўзнікае шмат пытанняў. Па-першае, словы гэтай часціны мовы не маюць уласна-катэгарыяльных паказчыкаў, паколькі асноўнай рысай прыслоўя з'яўляецца нязменнасць і адсутнасць канчаткаў. Па-другое, абсалютная большасць прыслоўяў у словаўтваральным плане супадаюць са знамянальнымі часцінамі мовы. У рускай мове якасныя прыслоўі фармальна супадаюць з кароткімі формамі прыметнікаў (у ніякім родзе). У англійскай мове, дзе ў прыметніка адсутнічаюць фармальныя паказчыкі роду, ліку і склону, значная частка якасных прыслоўяў наогул супадае з прыметнікамі. Прыметнік і прыслоўе супадаюць у плане магчымасці ўтварэння формаў ступеней параўнання. Па-трэцяе, прыслоўі з'яўляюцца крыніцай папаўнення лексічнага складу мовы, асабліва ў межах прыназоўнікаў, злучнікаў, часціц. Па-чацвёртае, існуюць альтэрнатыўныя спосабы перадачы лексічнага значэння, якое звычайна выражае прыслоўе (назоўнікі з прыназоўнікамі, дзеепрыслоўі, даданыя часткі складаназалежных сказаў і інш.). Па-пятае, сінтаксічная функцыя акалічнасці ў сказе таксама дапускае выражэнне сродкамі іншых часцін мовы. Трэба ўлічваць пастаянныя працэсы папаўнення класа прыслоўяў за кошт іншых часцін мовы, асабліва назоўнікаў і дзеепрыслоўяў. Акрамя гэтага, адкрытым застаецца пытанне аб прызнанні безасабова-прэдыкатыўных і мадальных слоў (слоў катэгорыі стану, прэдыкатыўных прыслоўяў) самастойнымі часцінамі мовы. Відавочна, што нявырашаных задач, звязаных з вызначэннем і вывучэннем прыслоўя, дастаткова і ў наш час.

Аб'ектам дадзенага даследавання з'яўляецца вывучэнне прыслоўя і вызначэнне яго статусу ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве. Прадметам даследавання сталі працы лінгвістаў на працягу з XVI ст. да нашага часу, у якіх даецца азначэнне і характарыстыка прыслоўя. Даследаванне праводзілася з мэтай выяўлення асаблівасцей прыслоўя і іх эвалюцыі ў плане дыяхраніі, а таксама вызначэнне спрэчных палажэнняў, якія могуць перашкаджаць асэнсаванню катэгарыяльнага статусу прыслоўя.

Прыслоўе як аб'ект вывучэння ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве. Усходнеславянская граматычная традыцыя звяртаецца да аналізу часцін мовы пачынаючы з “Граматыкі славенскай” Лаўрэнція Зізанія (1596 г.), у паясненні да назвы якой сказана, што граматыка – гэта “мастацтва васьмі частак слова [часцін мовы]” [1, с. 3]. Прыслоўю аўтар дае такое азначэнне: “Частка слова нескланяемая, перад дзеясловам ці пасля дзеяслова выказаная”. Зізаній адрознівае невытворныя (*вчєра, утро*) і вытворныя (*мвдрѣ, добрѣ*) прыслоўі. Паводле будовы прыслоўі дзеляцца аўтарам на простыя (*крѣпцѣ*) і складаныя (*благочиннѣ*) [1, с. 101–103].

Мялеці Смярыцкі ў сваёй “Граматыцы...” таксама адзначае нязменнасць прыслоўя ў якасці яго асноўнай характарыстыкі. У адрозненне ад Зізанія, Смярыцкі заўважае за прыслоўем здольнасць адносіцца не толькі да дзеясловаў, але і да імёнаў [1, с. 362]. Паводле будовы ім выдзяляюцца тры групы прыслоўяў: простыя (“простое начертание”), складаныя (“сложное начертание”), да якіх ён дадае яшчэ адну (“пресложенное начертание”) [1, с. 383]. Значнае месца ў Граматыцы Смярыцкага адводзіцца апісанню спалучальных асаблівасцей прыслоўяў. Аўтар адзначае, што прыслоўі могуць паясняць і ўдакладняць дзеясловы, імёны, дзеепрыметнікі і дзеепрыслоўі. Смярыцкі падрабязна аналізуе спалучальнасць прыслоўяў з назоўнікамі ва ўскосных склонах і заўважае, што прыслоўі могуць мець уласціваці прыназоўнікаў (*далече града, близ смерти*) [1, с. 439].

М.В. Ламаносаў у трактаце “Российская грамматика” у значнай меры абапіраецца на граматыку Смярыцкага і вызначае сістэму часцін мовы ў адпаведнасці з класічнай еўрапейскай традыцыяй універсальных граматык. Займеннік, дзеепрыметнік, прыслоўе, прыназоўнік, злучнік і выклічнік, якія “ў зносінах і ў скарачэнні гэтых [імён і дзеясловаў] служаць”, Ламаносаў называе “службовымі часцінамі слова”. Пра прыслоўе даследчык піша, што гэтая часціна “адлюстроўвае адзіным выразам акалічнасці” і служыць “для сціслага адлюстравання акалічнасцей” [2, с. 318]. Ламаносаў адзначае словаўтваральную сувязь прыслоўяў з назоўнікамі: “Часам імёны ў творным склоне прымаюць сілу прыслоўяў: *кругомъ з кругъ; даромъ з даръ*”. Вучоны апісаў выпадкі страты назоўнікам

магчымасці скланення і адносіў такіа адзінкі да прыслоўяў: *нарокомь, урывомь* [2, с. 439]. Сінтаксічныя асаблі-васці прыслоўя Ламанасаў разглядае ў главе “О сочинении вспомогательных частей слова”. Аўтар робіць цікавыя заўвагі: прыслоўі, утвораныя ад назоўнікаў, захоўваюць здольнасць кіраваць назоўнікам (*достойно воздаяния*); колькасныя прыслоўі спалучаюцца з назоўнікамі ў родным склоне (*довольно благоразумия*); “розныя прыслоўі па сваёй сіле розныя прымаюць склоны” (*поздно ночью*) [2, с. 439].

А.Х. Вастокаў пры азначэнні прыслоўя звяртаў увагу на яго суаднесенасць з дзеясловамі і прыметнікамі для выражэння акалічнасцей дзеяння ці стану, сапраўднасці якасці ці стану або меры якасці. У адпаведнасці з гэтым ім выдзяляліся тры групы прыслоўяў паводле лексічнага значэння: прыслоўі акалічнасцей, сапраўднасці і меры [3, с. 207]. Вастокаў пісаў пра відавочную матываванасць большай часткі прыслоўяў назоўнікамі, прыметнікамі, займеннікамі і дзеясловамі. Даследчык сцвярджаў, што кожны якасны прыметнік у форме ніякага роду можа быць аднесены да прыслоўяў [3, с. 210]. Слова *столько, много, мало, нѣсколько, сколько* даследчык адносіў да ўказальных колькасных займеннікаў, калі яны суадносяцца з назоўнікамі, або да колькасных прыслоўяў – у іх спалучэннях з дзеясловамі [3, с. 212].

М. Грэх разам з якаснымі адносіў да знамянальных часцін мовы і “нарѣчія дѣйствующія” (дзеепрыслоўі). Усе акалічнасныя прыслоўі вучоны ўключаў у разрад службовых часцін мовы, ці часціц. Да прыслоўяў мовазнаўца адносіў дзеепрыслоўі, настойваючы на тым, што ім не надаецца дастатковай увагі. “Яны [дзеепрыслоўі] адносяцца да прыслоўяў, так, як дзеепрыметнікі да прыметнікаў, азначаючы пабочнае дзеянне прадмета, у час якога, перад ці пасля, адбываецца галоўнае яго дзеянне” [4, с. 44].

Ф. І. Буслаеў сярод знамянальных часцін мовы выдзяляў “дзеяслоў, назоўнік, прыметнік і прыслоўі, утвораныя ад гэтых трох часцін”. Дзеепрыслоўе даследчык называў аддзеяслоўным прыслоўем [6, с. 317]. Буслаеў лічыў прыслоўі “старажытнымі імёнамі” галоўным чынам за тое, што ў іх відавочным з’яўляецца пераход іменнай флексіі ў суфікс прыслоўя, які вучоны называе “ўтваральным канчаткам” [5, с. 224]. Да службовых часцін мовы адносіліся Буслаевым займеннікі, лічэбнікі, прыназоўнікі і злучнікі ды, акрамя гэтага, займеннікавыя прыслоўі і дапаможныя дзеясловы [6, с. 318]. У асобную групу слоў вучоны выдзяляў прыназоўнікавыя прыслоўі, якія “нароўні з прыназоўнікамі могуць кіраваць склонамі” (*напротивъ собора*) [6, с. 473]. Займеннікавыя прыслоўі мовазнаўца разглядае ў раздзеле займеннікаў і выдзяляе сярод іх прыслоўі месца (*гдѣ, куда*), часу (*когда, тогда*) і якасці (*такъ, какъ*) [5, с. 232]. Даследчык падрабязна апісвае формы ступеняў параўнання прыметнікаў, ён лічыць дапушчальным іх утварэнне ад парадкавых лічэбнікаў [5, с. 255].

А.М. Пяшкоўскі адносіў прыслоўе да асноўных граматычных катэгорый [7, с. 102]. Займеннікавыя прыслоўі даследчык уключыў у клас займеннікаў, адносячы да ўказальных *там, тут*, да пыталых – *где, когда* і г.д. Мовазнаўца заўважаў, што прыслоўі не могуць спалучацца з назоўнікамі. Выпадкі спалучэння назоўніка з прыслоўем тыпу *ходьба пешком* толькі падкрэсліваюць сувязь прыслоўя з дзеясловам, таму што назоўнікі ў такіх спалучэннях маюць выразнае аддзеяслоўнае паходжанне [7, с. 68]. Вучоны пісаў, што прыслоўі выяўляюць прыметы гэтак жа, як і прыметнікі і дзеясловы. Але паколькі дзеясловы і прыметнікі самі выражаюць прымету назоўніка (які мае прадметнае значэнне), то прыслоўе паказвае прымету прыметы, якая належыць “чамусьці такому, што выказана аб прадмеце” і выражаецца прыметнікам ці дзеясловам [7, с. 95]. Пяшкоўскі сцвярджаў, што прэдыкатыўнымі могуць быць толькі якасныя прыслоўі, таму што пры акалічнасных прыслоўях дзеяслоў *быть* губляе значэнне звязкі і абазначае прысутнасць (*был вчера*). Вучоны заўважыў, што дзеясловы тыпу *сидеть, стоять* могуць губляць частку свайго прэдыкатыўнага значэння ў спалучэннях з акалічнаснымі прыслоўямі (*сидеть дома*). Такія спалучэнні былі названы ім “паўпрэдыкатыўнымі прыназоўнік-склонавымі спалучэннямі”, а прыслоўі ў іх складзе – “паўпрэдыкатыўнымі прыслоўямі”. У ролі выказніка прыслоўе ў асабовых развітых сказах амаль не сустракаецца: яно можа адносіцца да прапушчанага выказніка, але прыслоўе можа дапаўняць выказнікі, выражаныя дзеясловамі, прыметнікамі ці назоўнікамі [7, с. 248].

Як спосаб выражэння акалічнасці ў выказванні разглядаў прыслоўе А.А. Патэбня. Вучоны нават атаясамліваў акалічнасць з прыслоўем: “Пад акалічнасцю, ці прыслоўем, разумеем прымету (гэта значыць, знамянальную часціну мовы), якая звязваецца з другой прыметай, <...> і толькі праз яе адносіцца да прадмета (суб’екта, аб’екта), а сама па сабе не мае з ім ніякай сувязі” [8, с. 124]. Прыслоўі ў форме вышэйшай ступені параўнання Патэбня аб’ядноўваў з прыметнікамі, нягледзячы на іх адрозненні ў сінтаксічнай спалучальнасці. Даследчыку здавалася, што прыслоўе, утворанае ад дапасаванага слова, губляе здольнасць скланяцца і дапасоўвацца. Вучоны адзначае, што “калі дапаўненне, якое мае сваё дапаўненне, губляе значэнне аб’екта і пераходзіць у прыслоўе <...>, то гэтым самым яно становіцца звязкаю, якая звязвае сваё былое дапаўненне з тым, што дапаўняецца”. Вучоны лічыў, што такім чынам адбываецца пераход прыслоўяў у прыназоўнікі [8, с. 127]. Прыслоўі пры прыметніках ён называў “недапасоўваемым аtryбутам аtryбута”, таму што назоўнік не можа мець пры сабе акалічнасці [8, с. 125].

Вучоны І.І. Мешчанінаў называў прыслоўе “аtryбутыўным носьбітам прэдыкатыўнага значэння”. Асноўным крытэрыем выдзялення прыслоўяў у самастойны граматычны клас ён лічыў іх сінтаксічную функцыю: “Уяўляючы ў большасці выпадкаў вытворную з’яву, прыслоўі абавязаны сваім выдзяленнем у асобную групу слоў іх сінтаксічнаму значэнню” [9, с. 344]. Сінтаксічную ролю прыслоўя Мешчанінаў бачыў у выражэнні акалічнасцей пры выказніку: “Акалічнаснае слова ёсць спадарожнік дзеяслова, але не яго складовая частка”. [9, с. 340]. Слова, якія могуць з’яўляцца “выказнікам галоўнага сказа”, Мешчанінаў адносіць да катэгорыі стану [9, с. 349]. Слова катэгорыі стану могуць быць выражаны не толькі прыслоўямі, але часцей за ўсё яны суадносяцца менавіта з гэтай часцінай мовы. Мешчанінаў лічыў, што “прыслоўе не перастае быць прыслоўем, калі самастойна выступае выказнікам” [9, с. 331]. Мадальныя словы, якія выконваюць у сказе функцыю пабочных, даследчык не раіў адносіць да прыслоўяў, таму што пры сваім фармальным падабенстве яны адрозніваюцца ад прыслоўяў сінтаксічнымі функцыямі [9, с. 360].

Л.У. Шчэрба лічыў прыслоўе выключна “фармальнай катэгорыяй, бо значэнне яе супадае са значэннем катэгорыі прыметнікаў”. Вучоны адзначаў, што прыслоўі можна было б лічыць “формай адпаведных прыметнікаў, калі б у той жа функцыі не ўжывалася вялікай колькасці нязменных слоў, якія не з’яўляюцца вытворнымі ад прыметнікаў” [10, с. 72]. Фармальнымі прыметамі прыслоўя Шчэрба лічыў: аднесенасць да прыметніка, дзеяслова ці другога прыслоўя; немагчымасць азначацца прыметнікам; нязменнасць. Вучоны прызнаваў суфіксы ў формах ступеняў параўнання ў адпрыметніковых прыслоўяў канчаткамі. Шчэрба лічыў, што дзеепрыслоўі не трэба адносіць да прыслоўяў, але выдзяляў “дзеяслоўныя прыслоўі”, якім прыпісваў наяўнасць асобных канчаткаў, і заўважаў пра лёгкасць, з якой некаторыя дзеепрыслоўі пераходзяць у разрад прыслоўяў: *стоя, лежа*. Самым складаным пытаннем вучоны лічыў размежаванне прыслоўя з назоўнікамі. [10, с. 73–74]. Вучоны дапускаў выдзяленне слоў тыпу *нельзя, можна, надо, пора, жаль* у асобную групу, якую прапанаваў назваць катэгорыяй стану. Да гэтай групы аўтар адносіў адзінкі тыпу *холодно, весело*, калі яны ўваходзяць у склад галоўнага члена аднастаўнага безасабовага сказа. На думку даследчыка, гэтыя словы немагчыма лічыць прыслоўямі, таму што яны не адносяцца ні да дзеяслова, ні да прыметніка, ні да другога прыслоўя. Прыметнікамі іх таксама нельга лічыць, бо яны не спалучаюцца з назоўнікамі. Фармальнымі прыметамі згаданай групы слоў Шчэрба лічыў “нязменнасць, з аднаго боку, і ўжыванне са звязкамі – з другога: першым яна адрознівалася б ад прыметнікаў і дзеясловаў, а другім – ад прыслоўяў” [10, с. 74].

Падрабязнае і грунтоўнае апісанне прыслоўя даецца ў манаграфіі В.У. Вінаградава “Русский язык (Грамматическое учение о слове)”. Акадэмік матывуе вылучэнне прыслоўя ў самастойную часціну мовы сукупнасцю марфалагічных, сінтаксічных і семантычных прымет [11, с. 282]. Асноўнымі марфалагічнымі асаблівасцямі катэгорыі прыслоўяў даследчык лічыць словаўтваральную суадноснасць прыслоўяў з імёнамі і дзеясловамі, з чаго вынікае сістэма граматычных разрадаў прыслоўяў са спецыфічным наборам марфем; адрозненні ў значэнні аманімічных граматычных элементаў прыслоўяў ад іншых класаў слоў; абмежаванасць граматычнага аб’ёму слова; адсутнасць формаў словазмянення; абмежаванае перамяшчэнне слоў з аднаго разраду прыслоўяў у другі. Рознабаковасць марфалагічных рысаў аб’ядноўваецца адзінствам семантыкі і аднастайнасцю сінтаксічнага ўжывання прыслоўяў [11, с. 284]. На аснове сувязі прыслоўяў з іншымі часцінамі мовы даследчык выдзяляе чатыры лексіка-марфалагічныя разрады прыслоўяў: прадметна-акалічнасныя; якасныя, або якасна-адносныя; лікавыя, або колькасныя; працэсуальныя, або дзейнасныя [11, с. 285]. Вінаградаў прапаноўвае “далучыць да класаў якасных і акалічнасных прыслоўяў яшчэ асаблівы клас прыслоўяў колькасных” [11, с. 307]. Як самастойную часціну мовы Вінаградаў выдзяляў словы катэгорыі стану, куды адносіў нязменныя іменныя словы і прыслоўі, якія ўжываюцца толькі ў функцыі выказніка. Словы катэгорыі стану знешне адрозніваюцца ад прыметнікаў і назоўнікаў “адсутнасцю формаў скланення і наяўнасцю формаў часу, ад прыслоўяў – формамі часу і няздольнасцю якасна або акалічнасна азначаць дзеяслоў і прыметнік” [11, с. 332].

Акадэмічная “Русская грамматика” характарызуе прыслоўе як “часціну мовы, якая абазначае непрацэсуальную прымету дзеяння, прадмета ці іншай непрацэсуальнай прыметы – якасці або ўласцівасці”. Асноўнай фармальнай прыметай прыслоўя прызнаецца адсутнасць словазмянення. “Русская грамматика” да якасных прыслоўяў адносіць “прэдыкатыўныя словы і прэдыкатывы – словы, якія выступаюць у функцыі галоўнага члена аднастаўнага сказа”. Значэнне стану, якое выражаецца прэдыкатыўным прыслоўем, збліжае іх з кароткімі формамі прыметнікаў і дзеепрыметнікаў. Дэрывацыйна прыслоўе цесна звязана з іншымі часцінамі (матывуецца словамі іншых знамянальных часцін мовы) альбо само служыць асновай для ўтварэння службовых часцін мовы (часціц, прыназоўнікаў і злучнікаў) [12, с. 701].

Такім чынам, згаджаючыся, што прыслоўе выражае другасную прымету, мовазнаўцы не дасягаюць узаемапаразумення ў шматлікіх спрэчных палажэннях: прыслоўе – гэта граматыкалізаваная акалічнасць; прыслоўе можна разглядаць як разнавіднасць прыметніка; займеннікавыя прыслоўі адносяцца да займеннікаў; словы катэгорыі стану ўтвараюць асобную часціну мовы і г.д. Сістэмны аналіз такіх фактаў прыводзіць да высновы неабходнага рознабаковага марфалагічнага, сінтаксічнага, семантычнага і функцыянальнага аналізу сучаснага прыслоўя.

Прыслоўе ў беларусазнаўстве. У беларусазнаўстве таксама ёсць значная колькасць даследаванняў, па якіх мы можам даведацца аб эвалюцыі поглядаў на катэгорыю прыслоўя. Важна адзначыць, што на погляды беларускіх лінгвістаў значны ўплыў аказалі працы расійскіх мовазнаўцаў. Так, Я.Ф. Карскі заўважаў, што большая частка беларускіх прыслоўяў, як і ў рускай і іншых славянскіх мовах, уяўляюць сабой “закасянелыя формы зменных часцін мовы: імёнаў і дзеясловаў”. Даследчык прапаноўваў дзеепрыслоўі адносіць да прыслоўяў па прычыне іх нязменнасці [13, с. 90–91]. Акрамя вытворных прыслоўяў даследчыкам апісваліся і іншыя адзінкі, “у якіх цяжка ўбачыць якую-небудзь са зменных часцін мовы; гэта ў большай частцы аднаскладовыя прыслоўі”. У якасці прыкладаў Карскі прыводзіць *каля, скрозь, якь* і іншыя [13, с. 91].

Б. Тарашкевіч галоўнай функцыяй прыслоўя прызнаваў значэнне “асаблівасцей асаблівасці”. Прыслоўем ён называў “нязменную часціну мовы, што азначае розныя акалічнасці: месца, часу, прычыны, спосабу”. Тарашкевіч прызнаваў суаднесенасць прыслоўяў з іншымі часцінамі мовы, лічыў іх “закасянелымі формамі зменных часцін мовы” і адзначаў, што прыслоўі маюць уласную сістэму спецыфічных “прыслоўных канчаткаў”. Згодна з поглядамі Тарашкевіча, часціцы *не (ня)* і *ні* адносяцца да прыслоўяў [14, с. 90].

Я. Лёсік называў прыслоўямі “нязменныя словы, што выражаюць розныя акалічнасці, у якіх адбываюцца дзеянне ці стан прадмета” [15, с. 163]. Даследчык бачыў сувязь большасці прыслоўяў з самастойнымі часцінамі

мовы: “Прыслоўі, што раскладаюцца на аснову і канчатак спосабам параўнання з падобнымі зменнымі словамі, называюцца граматычнымі. Усе іншыя прыслоўі, як *тут, там, як, дзе, тады* і падобныя, называюцца неграматычнымі”. У выдзеленых ім граматычных прыслоўях Лёсік адзначаў фармальную суаднесенасць з рознымі склонавымі формамі іменных часцін мовы і дзеепрыслоўямі [15, с. 166].

Манументальныя даследаванні прыслоўя беларускай мовы былі праведзены Паўлам Паўлавічам Шубай. Беларускі лінгвіст характарызаваў прыслоўе як “знамянальную часціну мовы, якая абазначае непрацэсуальную прымету іншай прыметы” [16, с. 243]. Даследчык канстатуе, што прыслоўе звычайна адносіцца ў сказе да дзеяслова, прыметніка або іншага прыслоўя, зрэдку – да назоўніка. Шуба адзначае адсутнасць у прыслоўя “спецыяльнага фармальнага ўказання на аднесенасць агульнага значэння прыметы да дзеяння, стану ці іншай прыметы”. Вучоны адзначаў, што выразнай асаблівасцю прыслоўя з’яўляецца суаднесенасць з усімі знамянальнымі часцінамі мовы ў словаўтваральным аспекце. Асноўная сінтаксічная функцыя прыслоўя – акалічнасць, зрэдку прыслоўе можа быць азначэннем або выступаць часткай састаўнога іменнага выказніка [16, с. 244].

Азначэнне прыслоўя ў акадэмічнай “Беларускай граматыцы” супадае з трактоўкай прыслоўя ў “Русской грамматике” і вызначаецца як “часціна мовы, якая абазначае непрацэсуальную прымету дзеяння, прадмета ці іншай непрацэсуальнай прыметы – якасці або ўласцівасці”. У адрозненне ад расійскіх лінгвістаў, беларускія даследчыкі ўвогуле не разглядаюць прыслоўі з прэдыкатыўным значэннем як спецыфічную моўную з’яву [18, с. 194].

У энцыклапедыі “Беларуская мова” прыслоўе характарызуецца як “часціна мовы, якая абазначае непрацэсуальную прымету іншай прыметы” [19, с. 437]. “Лексіка-граматычны клас знамянальных слоў, якія маюць значэнні стану ці ацэнкі і выконваюць ролю адзінага галоўнага члена ці яго асноўнага кампанента ў безасабовых сказах”, складальнікі Энцыклапедыі называюць прэдыкатывамі. Аўтары лічаць, што нерацыянальна аб’ядноўваць у адзін клас словы з выразнымі адрозненнямі ў сінтаксічных функцыях і з розным лексічным аб’ёмам [19, с. 439].

“Кароткая граматыка беларускай мовы” пры азначэнні прыслоўя ўлічвае толькі семантычныя асаблівасці гэтай катэгорыі слоў, называючы прыслоўе “знамянальнай часцінай мовы, якая абазначае прыкметы дзеянняў, ступень якасці або колькасці і розныя акалічнасці, пры якіх адбываюцца дзеянні або праяўляюцца прыметы” [20, с. 306]. У раздзеле “Прыслоўе” аўтарамі “Кароткай граматыкі...” выдзяляецца “група слоў, якія з’яўляюцца нязменнымі, але абазначаюць не прымету дзеяння ці якасці, а стан ці ацэнку чаго-небудзь ці каго-небудзь”. Такія словы называюцца безасабова-прэдыкатыўнымі (словамі катэгорыі стану). Нягледзячы на фармальнае падабенства паміж прыслоўямі і словамі катэгорыі стану, “Граматыка ...” адзначае відавочныя адрозненні паміж двума граматычнымі класамі як у лексічным значэнні, так і ў сінтаксічных функцыях, “што і дазваляе выдзеліць іх у асобны разрад слоў” [20, с. 313].

У выніку вывучэння прац беларускіх мовазнаўцаў высвятляецца бяспрэчны ўплыў расійскай моўнай традыцыі. Вызначэнне месца прыслоўя ў беларускай моўнай сістэме характарызуецца такімі ж недахопамі і адсутнасцю сістэматычнага рознаўзроўневага апісання. Думаецца, што мае сэнс правядзенне дэталёвага даследавання марфалага-сінтаксічных і семантычных асаблівасцей беларускага прыслоўя з улікам яго функцыянавання ў маўленчай практыцы.

Заклучэнне. Аналіз лінгвістычных прац дазваляе зрабіць пэўныя высновы наконт месца прыслоўя ў сістэме часцін мовы. Найважнейшая з іх заключаецца ў тым, што пры вызначэнні прыслоўя немагчымы аднабаковы падыход – абавязкова патрэбна ўлічваць як лексіка-семантычную напоўненасць, так і фармальна-марфалагічныя асаблівасці, а таксама сінтаксічную валентнасць і функцыі, якія словы, што можна аднесці да прыслоўяў, выконваюць у сказе. Большасць даследчыкаў адзначае, што прыслоўе выражае значэнне другаснай прыметы, паясняе і ўдакладняе дзеясловы і іх формы (дзеепрыслоўі і дзеепрыметнікі), прыметнікі, іншыя прыслоўі і назоўнікі. На практыцы пры вызначэнні межаў прыслоўя даводзіцца сутыкацца з рознага роду спрэчнымі момантамі, што дазваляе зрабіць выснову аб неабходнасці дасканаллага і падрабязнага даследавання прыслоўя беларускай мовы ў кантэксце сучасных сусветных даследаванняў і з улікам нацыянальнамоўных асаблівасцей.

ЛІТАРАТУРА

1. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого: сб. / сост. Е.А. Кузьмина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 526 с.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 10 т. – 2-е изд. – М.; СПб.: Наука, 2011. – Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. – 2011. – 863 с.
3. Востоков А.Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб.: Тип. В. Глазунова, 1831. – 409 с.
4. Греч Н. Чтения о русском языке. Часть вторая. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1840. – 404 с.
5. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.
6. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 7-е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – М.: Учпедгиз, 1958–1977. – Т. 1–2. – 535 с.
9. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи; отв. ред. П.Я. Скорик, В.З. Панфилов. – Л.: Наука, 1978. – 368 с.
10. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 187 с.
11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

12. Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова и др. – 1980. – 788 с.
13. Карский Е.Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи. – М.: Университетская тип., 1885. – 170 с.
14. Тарашкевіч Б.А. Беларуская граматыка для школ. – 5-е выд. – Мінск: Нар. асветы, 1991. – 132 с.
15. Лёсік Я. Граматыка беларускай мовы: марфалогія: для настаўнікаў педтэхнікумаў і самаасветы. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1927. – 190 с.
16. Шуба П.П. Сучасная беларуская мова. Марфаналягія. Марфалогія: вучэб. дапам. для філал. фак. ун-таў. – Мінск: Універсітэцкае, 1987. – 334 с.
17. Шуба П.П. Прыслоўе ў беларускай мове: марфалагічны нарыс. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1962. – 193 с.
18. Беларуская граматыка: у 2 ч. / рэдкал.: М.В. Бірыла (гал. рэд.). – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / М.В. Бірыла і інш. – 1985. – 431 с.
19. Беларуская мова: Энцыкл. / А.Я. Міхневіч і інш.; пад рэд. А.Я. Міхневіча; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.). – Мінск: Бел. энцыкл., 1994. – 655 с.
20. Кароткая граматыка беларускай мовы: у 2 ч. / навук. рэд. А.А.Лукашанец. – Мінск: Беларуская навука, 2007–2009. – Ч. 1: Фаналогія. Марфаналягія. Марфалогія. – 2007. – 351 с.

Паступіў 21.03.2023

ИСТОРИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРЕЧИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ И ОБОЗНАЧЕНИЯ ЕГО ГРАНИЦ

М.В. КУДЛАШ

(Гродненский государственный аграрный университет)

В статье дается подробный анализ источников лингвистического материала, посвященных определению частей речи в целом и наречия в частности. Подходы лингвистов к выделению и разграничению частей речи менялись на протяжении истории существования лингвистической науки и не могут считаться однозначными даже в настоящее время. Наречие как лексико-грамматическая категория является одним из наименее изученных и систематизированных объектов изучения грамматики. В статье делается попытка краткого изложения лингвистических подходов к характеристике наречия и определению его места в системе частей речи в восточнославянском языкознании (русском и белорусском).

Ключевые слова: *грамматика, морфология, части речи, грамматическая категория, наречие.*

HISTORY OF THE DEFINITION OF AN ADVERB AS AN INDEPENDENT PART OF LANGUAGE AND OUTLINE OF ITS BOUNDARIES

M. KUDLASH

(Grodno State Agrarian University)

The article provides a detailed analysis of the sources of linguistic material devoted to the definition of parts of speech in general and adverbs in particular. The approaches of linguists to the allocation and differentiation of parts of speech have changed throughout the history of linguistic science and cannot be considered unambiguous even at the present time. Adverb as a lexical and grammatical category is one of the least studied and systematized objects of grammar study. The article attempts to summarize linguistic approaches to the characterization of an adverb and the definition of its place in the system of parts of speech in East Slavic linguistics (Russian and Belarusian).

Keywords: *grammar, morphology, parts of speech, grammatical category, adverb.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

канд. фил. наук, доц. О.А. КЛИМКОВИЧ
(Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1785-6507>

В статье представлен обзор истории развития исторической стилистики как одного из направлений русского языкознания. Указаны основные работы, обосновывающие появление исторической стилистики, определены и охарактеризованы этапы формирования этого лингвистического направления. В работе описаны отличительные признаки каждого из названных этапов, обозначены жанры текстов, охарактеризованные с позиций исторической стилистики, выявлены особенности стилистической характеристики письменных памятников. В работе приведены примеры наиболее значимых теоретических и практических исследований, выполненных с позиций исторической стилистики, и обозначены возможные направления дальнейшего изучения разножанровых текстов в историко-стилистическом аспекте. Среди возможных направлений развития исторической стилистики указаны исследования с применением компьютерных программ семантического анализа текста и сопоставительные исследования стилистической организации текстов в близкородственных языках.

Ключевые слова: историческое языкознание, история языка, историческая стилистика, жанр, текст, письменный памятник.

Введение. Историческая стилистика – относительно новое направление в языкознании, основы которого были заложены в середине XX века. По определению М.Н. Кожинной, «стилистика историческая, или диахроническая, – одно из направлений общей стилистики, изучающее процессы становления стилистических ресурсов языка в ходе развития последнего, его стилистической системы и средств выразительности, а также формирование функциональных стилей и более частных жанрово-речевых разновидностей в связи с изменением их экстралингвистических основ» [1, с. 416]. Цель представленной работы – описать этапы становления исторической стилистики как области диахронического русского языкознания. Актуальность такого исследования определяется тем, что подобное описание поможет определить важные направления современных историко-стилистических исследований и установить степень разработанности вопросов сравнительно-сопоставительного историко-стилистического анализа текстов разных жанров в близкородственных языках. Материалом послужили работы русских лингвистов, созданные в период с 40-х гг. XX века до настоящего времени.

Основная часть. Развитие диахронической стилистики в русском языкознании условно можно представить тремя этапами: первый этап – 40-е гг. XX в. – начало 90-х гг. XX в. (формирование теоретических основ нового направления, выполнение практических исследований в русле исторической стилистики); второй этап – 90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в. (развитие методологической базы историко-стилистических исследований, формирование отдельных школ источниковедческого и историко-стилистического изучения текстов); третий этап – с 2010 г. по настоящее время (создание учебных пособий по исторической стилистике, появление работ в русле сопоставительных историко-стилистических исследований, анализ текстов разных стилей с помощью возможностей различных компьютерных программ).

I этап (40-е гг. XX в. – начало 90-х гг. XX в.). В этот период появился термин «историческая стилистика», который был впервые употреблен Г.О. Винокуром в работе «О задачах истории языка», опубликованной в 1941 г., хотя проблему изучения истории стилей ученый поднял еще в работе 1925 г. «Культура языка». Исследователь определяет место новой дисциплины в историческом языкознании, считая её четвертым важным отделом после фонетики, грамматики и семасиологии, указывает на важнейшее отличие стилистики от других разделов языкознания – это изучение только тех элементов языковой системы, которые обладают стилистической выразительностью [2, с. 221–226]. В течение более сорока лет шло формирование теоретических основ нового направления: во-первых, разграничиваются области исследования исторической стилистики и истории языка; во-вторых, осуществляется историко-стилистический анализ текстов, относящихся к различным жанрам; в-третьих, появляются теоретические работы, в которых определяются цели и задачи исторической стилистики, выявляются особенности предмета её изучения, вырабатываются принципы стилистического анализа исторических памятников. Вопросы определения понятий истории языка, стиля поднимаются в работах Г.О. Винокура «Об изучении языка литературных произведений», А.И. Горшкова «О предмете истории русского литературного языка», В.В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.», А.И. Ефимова «История русского литературного языка» [3], рассматриваются в работах Б.А. Ларина, который указывает, что «одна из задач курса истории русского литературного языка – выяснение стилистического использования языковых средств, ибо стилистика является предметом истории литературного языка» [4, с. 8], А.И. Ефимов подчеркивает, что существует два аспекта изучения литературного языка – «исторический и стилистический, которые не должны противопоставляться друг другу, а наоборот – органически сочетаться» [3, с. 15].

Период 50-х – начала 90-х гг. XX в. отличается также появлением значительного числа работ, выполненных в русле диахронической стилистики. Это мог быть как анализ особенностей стилистического функционирования отдельных языковых единиц, так и описание стилистического своеобразия текстов определенного жанра.

Безусловно, стилистический аспект является одним из основных при характеристике языка летописей. Как правило, о стиле летописей и его особенностях в указанный период пишут больше литературоведы, а не лингвисты. Широко известны работы Д.С. Лихачева, А.А. Пауткина. Задачи изучения литературных формул в русских летописях как одного из важнейших признаков древней книжности рассматриваются в работах О.В. Творогова [5]. Активно развивается историко-стилистическое направление при изучении языка памятников деловой письменности. Работы О.В. Горшковой [6] посвящены описанию фразеологии московских грамот XIV – XV вв. как одной из характерных особенностей делового стиля русского языка, Л.Я. Костючук [7] – процессам становления и функционирования устойчивых единиц в псковской деловой письменности, очерки М.А. Соколовой [8] – языку «Домостроя», А.И. Сумкиной [9] – связи синтаксического строя памятников деловой письменности XVIII в. с их содержанием. Комплексный лингвостилистический анализ деловых текстов представлен в работе С.С. Волкова, который анализирует формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства на материале челобитных XVII в. [10]. В.Я. Дерягин исследует стилистические особенности купчих Двины и важских порядных записей, уделяя внимание разработке понятия формулы в деловом тексте¹. И.Б. Токмачева характеризует поручные записи как памятники русского языка². Особенности стиля эпистолярных текстов, имеющих самые разные названия, анализируются в работах А.А. Зализняка, который характеризует текстовую структуру грамот [11], формулы в эпистолярных текстах описываются в работах Н.А. Мещерского [12], Н.П. Панкратовой³. Интересна работа А.С. Демина [13], который рассматривает вопросы изучения русских письмовников XV – XVII вв., отдельно останавливаясь на характеристике материала, пригодного для стилистического анализа [13, с. 97].

Изучению истории развития научного стиля посвятила свои работы Л.Л. Кутина [14], которая описывает особенности становления языка русской науки на примере формирования терминологии математики, астрономии и географии в первой трети XVIII в., Т.Б. Трошева рассматривает особенности функционирования предложений в русских научных текстах XVIII – XX вв.⁴, В.В. Веселитский описывает отвлеченную лексику в русском языке XVIII – начала XIX в. и говорит о составе произведений ученой литературы, их отношении к среднему стилю и несомненном влиянии этого стиля на развитие русского литературного языка [15, с. 11–12]. Особенности публицистического стиля второй половины XIX в. и его влияние на развитие лексики русского языка проанализировано в работе А.И. Дубяго [16].

В 1990 г. выходит межвузовский сборник научных трудов, в котором различные стилистические средства в письменных памятниках рассмотрели Л.В. Савельева, В.Б. Крысько, С.А. Аверина, Е.В. Маркасова, а свои размышления о новой области лингвистики представили З.К. Тарланов и В.В. Колесов. З.К. Тарланов подчеркивает усиление интереса к стилистическим исследованиям с 50-х гг. XX в. и останавливается на проблемных вопросах исторической стилистики, среди которых он называет определение объекта и предмета исследования, категориальные признаки, существование / отсутствие единых принципов и понятий для описания стиля письменных памятников разных исторических этапов, соотношение понятий стиля и жанра и др. Ученый говорит о том, что «стилистический анализ текста, стилистическое исследование, описание, объяснение текста наряду с другими стилистическими изысканиями выдвинуты на передний план потребностями русской исторической филологии и истории культуры» [17, с. 15]. В.В. Колесов рассматривает задачи исторической стилистики, среди которых называет «исследование возникновения коннотаций как неслучайных «со-значений»», определяет исходное понятие исторической стилистики – это «стиль – исторически образовавшееся усложнение системы языка на основе функционально оправданного использования вненормативных вариантов» [18, с. 19].

II этап развития исторической стилистики в русском языкознании можно датировать периодом с 1990-х гг. и первым десятилетием XXI в. Особенности этого этапа являются, во-первых, разработка методологической базы диахронической стилистики, во-вторых, увеличение количества историко-стилистических исследований, охватывающих широкий круг письменных памятников, и расширение проблемного поля стилистического описания, в-третьих, формирование отдельных исследовательских школ в русском языкознании, занимающихся историко-стилистическим описанием текстов разных жанров. Продолжается историко-стилистическое исследование летописных, деловых, эпистолярных, научных и публицистических текстов различных жанров в исторической динамике. В различных университетах издаются сборники научных работ, посвященных исторической стилистике: «История русского языка. Стилистика. Текст» (Казанский государственный университет, 1992 г.), «Историческая стилистика русского языка» (Пермский государственный университет, 1998 г.) [26], в котором представлены статьи З.К. Тарланова «Место и своеобразие стилистики в парадигме историко-лингвистических дисциплин», Пименовой Л.В. «О стилистических функциях прилагательных со значением ‘красивый’ в древнерусских портретных описаниях», С.В. Друговейко «Лингвостилистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского» и др. Теоретические проблемы исторической стилистики становятся предметом

¹ Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1980. – 50 с.

² Токмачева И.Б. Поручные записи как памятники русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1984. – 17 с.

³ Панкратова Н.П. К истории лексики и фразеологии XVII в. (на материале частной переписки): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1970. – 16 с.

⁴ Трошева Т.Б. Функционирование предложений в русских научных текстах XVIII – XX вв. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.; Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола. – Воронеж, 1988. – 17 с.

рассмотрения в исследованиях М.Н. Кожинной, которая вместе со своими коллегами из Пермского государственного университета В.А. Салимовским, М.П. Котюровой, Е.А. Баженовой, Т.Б. Трошевой занималась изучением истории формирования научного стиля в русском языке. Итогом огромной исследовательской работы стало издание «Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв.» под редакцией М.Н. Кожинной, в первом томе которого ученые обозначили общие проблемы истории формирования научного стиля, проанализировали функционально-стилистические особенности лексики научного стиля, специфику функционирования некоторых существительных, прилагательных, глагольных форм в диахроническом аспекте. Именно М.Н. Кожина отметила, что «функциональная лингвистика в конкретных исследованиях может ограничиться исследованием функционирования языка в том или ином аспекте ... в первом случае исследуется обычно поведение языковой единицы ... во взаимосвязях с единицами других уровней языковой системы, при этом преимущественно в пределах синтагмы или предложения-высказывания, ... во втором – анализу подвергается целый текст (группа текстов общей или близкой функционально-стилевой направленности)» [20, с. 7]. Функциональный аспект изучения языка обязательно предполагает выход в диахроническую стилистику, целью которой является изучение истории формирования отдельных функциональных стилей [20, с. 9].

В 2000 г. появляется работа Т.М. Николаевой «Очерки по исторической стилистике и словообразованию», где анализируются стилистические особенности русской повести XII – XVIII вв, приемы организации публицистического стиля на примере сочинений протопопа Аввакума. Эволюцию стилистических категорий в русском литературном языке предпушкинского периода рассматривает в своей диссертации П.А. Семенов, подробно останавливаясь на славянизмах и просторечиях как стилистических категориях, их стилистических функциях⁵. Особенности языка летописных источников с учетом стилистической составляющей анализируются в работах О.Н. Кияновой [21], которая рассматривает проблемы языковой нормы в летописях XVI – XVIII вв., Е. Б. Рудомазиной⁶, представившей жанрово-стилевой анализ летописных повествований о княжеской смерти. В этот же период формируются центры историко-стилистического описания деловых документов. Во-первых, повышается внимание к региональному аспекту изучения деловых документов, во-вторых, возникает тенденция к превалированию исследований, в которых рассматриваются стилистические особенности текстов определенного жанра или определенного региона, над исследованиями, связанными с анализом особенностей функционирования отдельных текстовых единиц. Е.Н. Рудозуб рассматривает стилообразующие средства в деловом и бытовом общении XVIII в. [22]. В монографиях и докторских диссертациях Е.И. Зиновьевой анализируются кабальные книги [23], О.В. Бараковой – таможенные книги⁷, М.С. Выхрыстюк⁸ рассматривает тобольскую письменность XVII – XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики, южноуральский деловой эпистолярный текст XVIII – начала XIX в. проанализирован в работе Н.В. Глухих⁹, жанрообразующие особенности тюменских деловых документов XVIII в. описаны в работе О.В. Трофимовой¹⁰. В университетах Тюмени, Нижневартовска, Челябинска, Пскова, Смоленска, Архангельска и др. городов защищены кандидатские диссертации, посвященные вопросам анализа отдельных жанров деловой письменности: О.И. Головановой¹¹ о тюменских следственных делах XVIII в., Ю.В. Безбородовой¹² о приходно-расходных книгах Свято-Троицкого мужского монастыря конца XVIII – начала XIX века, Ю.В. Кириллова¹³ о становлении языковых норм в псковских таможенных книгах, Н.В. Стагиной¹⁴ исследованы учетно-регистрационные документы Флоро-Лаврской церкви села Белоярского, Е.Г. Ганькова¹⁵ описывает жанровые особенности приходно-расходных книг севернорусских монастырей,

⁵ Семенов П.А. Эволюция стилистических категорий в русском литературном языке предпушкинского периода: на материале драматургических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 35 с.

⁶ Рудомазина Т.Б. Летописные повествования о княжеской смерти: жанрово-стилевой анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01; Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2007. – 22 с.

⁷ Баракова О.В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 548 л.

⁸ Выхрыстюк М.С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 49 с.

⁹ Глухих Н.В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX вв. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 48 с.

¹⁰ Трофимова О.В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762 – 1796 гг.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; Тюмен. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 507 л.

¹¹ Голованова О.И. Тюменские следственные дела 1782 – 1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2008. – 24 с.

¹² Безбородова Ю.В. Приходно-расходные книги Свято-Троицкого мужского монастыря (к. XVIII – н. XIX вв.) как лингвистический источник: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 203 л.

¹³ Кириллов Ю.В. Псковские таможенные книги как лингвистический источник (общерусские и местные особенности в аспекте становления языковых норм): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 22 с.

¹⁴ Стагина Н.В. Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения (по архивным материалам конца XVIII – начала XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 23 с.

¹⁵ Ганькова Е.Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени: на материале рукописей Николо-Корельского монастыря: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Поморский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2006. – 235 л.

А.Е. Белькова – метрические книги XIX в.¹⁶, А.Г. Косов¹⁷ рассматривает эволюцию документных жанров в XVIII в. При анализе материала важным становится антропоцентрический подход к материалу, А.П. Майров рассматривает особенности формуляра и лексической содержательности явочных челобитных [24].

III этап в развитии исторической стилистики датируется периодом с 2010-х гг. по настоящее время. В данном этапе в целом продолжают историко-стилистические исследования отдельных жанров письменных памятников, рассматриваются теоретические проблемы этого направления исторического языкознания. Особенности этого этапа развития исторической стилистики заключаются в следующем: 1) появляются исследования в области сопоставительной исторической стилистики; 2) разрабатываются программы и учебные пособия по исторической стилистике как самостоятельной учебной дисциплине; 3) поднимается вопрос о возможности использования различных компьютерных программ для более точного анализа особенностей функционирования текстовых единиц, которые могут быть использованы и в исторической стилистике.

Формулы русских летописей описываются в работе С.Р. Зайнуллиной¹⁸, А.Д. Экономова¹⁹ в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах характеризует описные книги севернорусских монастырей XVI – XIX вв., М.В. Чернякова²⁰ в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики исследует «Запись астрономических явлений в небе над городом Тобольском» – рукописный памятник XVIII в. В сопоставительном аспекте русские и английские грамоты рассматривает Т.Ю. Белоногова [25], характеризуя важнейшие стилевые черты документного текста. Исследователь в качестве параметров сравнения избирает структурную, лексическую, морфологическую и синтаксическую доминанты.

В 2018 г. была разработана программа дисциплины «Историческое словообразование и историческая стилистика» в Казанском федеральном университете, И.В. Ерофеевой подготовлено учебное пособие «Словообразование и стилистика в истории русского языка» [26], в котором определены особенности терминов историческая стилистика и история русского литературного языка, предмет и задачи исторической стилистики, специфика исторической стилистики, рассматривается формирование стилистической системы русского языка, словообразование и стилистическая организация древнерусского текста.

Функционирование в рамках Национального корпуса русского языка исторического корпуса церковнославянских, древнерусских (XI – XIV вв.) и среднерусских текстов (XV – начало XVIII в.), расширение сферы использования компьютерных программ, связанных с автоматической обработкой текстового материала, ставит вопрос о возможностях применения современных технологий для лингвистического анализа текстов, в том числе и с позиций исторической стилистики. В работе В.Г. Сибирцевой, Н.Х. Фроловой [35] представлен обзор компьютерных программ, которые могут быть использованы для стилистического анализа текстов.

Заключение. Анализ работ русских лингвистов периода с 40-х гг. прошлого века до настоящего времени показывает, что историческая стилистика находится на этапе включения её как отдельной дисциплины в программы обучения студентов филологических специальностей, что свидетельствует о высоком статусе дисциплины и её актуальности. Перспективными направлениями исторической стилистики остаются исследования, направленные на анализ стилистических особенностей языка отдельных письменных памятников, сопоставительные исследования и исследования, связанные с применением компьютерных программ при проведении стилистического анализа текстов разных временных срезов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др.; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 694 с.
2. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур; Акад. наук СССР, Отд. лит. и яз. – М., 1959. – С. 207–226.
3. Ефимов А.И. История русского литературного языка. – М., 1961. – 322 с.
4. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1975. – 327 с.
5. Творогов О.В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» // Тр. отд. древнерус. лит. / АН СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. XVIII. – С. 277–284.

¹⁶ Белькова А.Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского духовного правления как жанр деловой письменности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т. – Сургут, 2009. – 21 с.

¹⁷ Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII в. (на материале рукописных и печатных текстов объединенного государственного архива Челябинской области): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2004. – 273 л.

¹⁸ Зайнуллина С.Р. Традиционные формулы русских летописей: структура и семантика (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Удмурдский гос. ун-т. – Ижевск, 2015. – 20 с.

¹⁹ Экономова А.Д. Описные книги севернорусских и среднерусских монастырей XVI – XIX веков в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Северный (Арктический) федер. ун-т имени М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2018. – 20 с.

²⁰ Чернякова М.В. Рукописный памятник начала XVIII в. «Запись астрономических явлений в небе над городом Тобольском» в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики: по данным библиотеки редкой книги г. Тобольска: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Северный (Арктический) федер. ун-т имени М. В. Ломоносова. – Тобольск, 2016. – 20 с.

6. Горшкова О.В. Фразеология московских грамот XIV–XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка // Сб. ст. по языкознанию: проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову [в день его 60-летия] / Моск. гос. ун-т; под общ. ред. А.И. Ефимова. – М., 1958. – С. 125–130.
7. Костючук Л.Я. Некоторые наблюдения над трафаретными выражениями в древнерусских деловых документах (по грамотам XI – XIV вв.) // Теория и методика преподавания русского языка / Ленингр. гос. пед. ун-т; редкол.: А.Г. Руднев (отв. ред.). – Л., 1968. – С. 156–169.
8. Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 191 с.
9. Сумкина А.И. Зависимость синтаксического строя некоторых памятников деловой письменности XVIII в. от их содержания // История русского языка: памятники XI – XVIII вв.: сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. С.И. Коткова, Н.П. Панкратова. – М., 1982. – С. 232–257.
10. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.
11. Зализняк А.А. О текстовой структуре берестяных грамот // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. – М.: Наука, 1988. – С. 14–16.
12. Мещерский Н.А. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот // Избранные статьи; отв. ред. и сост. Е.Н. Мещерская. – СПб.: Из-во СПбГУ, 1995. – С. 108–147.
13. Демин А.С. Вопросы изучения русских письменников XV – XVII вв. (из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) [Электронный ресурс]. – URL: demin.pdf (pushkinskijdom.ru). (дата обращения: 05.03.2023).
14. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). – М.-Л.: Наука, 1964. – 220 с.
15. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века. – М.: Наука, 1972. – 319 с.
16. Дубяго А.И. Публицистический стиль во второй половине XIX века и его влияние на развитие лексики русского литературного языка: учеб. пособие. – Калининград: КГУ, 1983. – 79 с.
17. Тарланов З.К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка: межвуз. сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т; редкол.: З.К. Тарланов (отв. ред.). – Петрозаводск, 1990. – С. 4–15.
18. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: межвуз. сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т; редкол.: З.К. Тарланов (отв. ред.). – Петрозаводск, 1990. – С. 16–36.
19. Историческая стилистика русского языка: сб. науч. тр. / Мин-во общего и профессионального образования Росс. Фед. Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1998. – 320 с.
20. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX в.: в 3 т. / Под ред. М.Н. Кожинной. – Пермь: Из-во Перм. ун-та, 1994. – Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. – 304 с.
21. Киянова О.Н. Поздние летописи в истории русского литературного языка: конец XVI – начало XVIII веков. – СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2010. – 319 с.
22. Рудозуб Е.Н. Стилеобразующие средства на уровне слова в документах XVII века (на примере жанра «Память») // Вестн. Омск. ун-та. – 1998. – Вып. 3. – С. 51–54.
23. Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI – XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. – 236 с.
24. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Азбуковник, 2006. – 261 с.
25. Белоногова Т.Ю. Стилеобразующие параметры синтаксиса англосаксонских и древнерусских грамот [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stileobrazuyuschie-parametry-sintaksisa-anglosaksonskih-i-drevnerusskih-gramot>. (дата обращения: 10.03.2023).
26. Ерофеева И.В. Историческое словообразование и историческая стилистика русского языка: учеб.-метод. пособие по спецкурсу. – Казань: КФУ, 2016. – 64 с.
27. Сибирцева В.Г., Фролова Н.Х. Исследование потенциала компьютерных программ для стилистического и переводческого анализа текста и его практическое применение [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-potentsiala-kompyuternyh-programm-dlya-stilisticheskogo-i-perevodcheskogo-analiza-teksta-i-ego-prakticheskoe-primenenie>. (дата обращения: 10.03.2023).

Поступила 21.03.2023

HISTORICAL STYLISTICS IN RUSSIAN LINGUISTICS

V. KLIMKOVICH

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article presents an overview of the development of historical stylistics as one of the directions of Russian linguistics. The main works substantiating the appearance of historical stylistics are indicated, the stages of the formation of this linguistic direction are defined and characterized. The paper describes the distinctive features of each of these stages, identifies the genres of texts characterized from the standpoint of historical stylistics, establishes the features of the stylistic characteristics of written records. The paper provides examples of the most significant theoretical and practical studies carried out from the standpoint of historical stylistics, and indicates possible directions for further study of multi-genre texts in the historical and stylistic aspect. Research using computer programs for semantic text analysis and comparative studies of the stylistic organization of texts in closely related languages are indicated among the possible directions for the development of historical stylistics.

Keywords: historical linguistics, history of language, historical stylistics, genre, text, written monument.

УДК 82-312.6+929(410.1)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-75-79

**ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА БИОГРАФИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ОТ АГИОБИОГРАФИИ К ГЕОБИОГРАФИИ****М.В. ХОДИНСКАЯ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье рассматриваются этапы развития биографического жанра в английской литературе от Средневековья до начала XXI века и выявляются истоки геобиографического жанра. Прослеживается постепенный переход от схематических жизнеописаний Средневековья к литературным биографиям, в которых создается глубокий психологический портрет героя. Отмечается возрастание субъективной роли автора: на смену биографу-историку, главная задача которого заключается в компиляции фактов из жизни героя, постепенно приходит автор-творец, уделяющий внимание внутреннему миру героя и предлагающий свою субъективную интерпретацию его чувств и поступков. Утверждается, что сходные этапы на пути своего становления проходила и геобиографическая литература: от произведений, в которых в хронологическом порядке излагается история города, к субъективно-авторским художественным «жизнеописаниям», цель которых – постичь душу города, его «genius loci».

Ключевые слова: биография, геобиография, биография города, жизнеописание, литературная биография, эволюция жанра.

Введение. Несмотря на то, что биографический жанр является одним из самых востребованных во всем мире, на сегодняшний день не существует четкого определения литературной биографии. Уже не одно десятилетие литературоведами обсуждается проблема теории жанра: ставятся вопросы о его эволюции и границах, внутржанровой классификации, а также соотношении факта и вымысла в биографических произведениях и роли автора в повествовании. Долгое время составление биографий воспринималось как научная деятельность: строгая документальность, хронологический порядок изложения, лаконичность, научный подход к отбору фактов позволяют отнести биографию к области историографии. Вместе с этим, многие исторические труды отличаются образностью и эмоциональностью изложения, драматизацией отдельных сцен, субъективностью толкования тех или иных событий, что свойственно, скорее, художественной литературе. XX век становится периодом расцвета биографического и автобиографического жанров. Глобальные перемены во многих сферах человеческой жизни способствовали поиску новых путей в литературе и искусстве. «Новая биография» ориентирована на исследование психологического состояния героев в тех или иных жизненных обстоятельствах. В середине XX века в Великобритании появляются первые биографии городов и быстро набирают популярность, что объясняется расцветом туризма в эпоху глобализации, растущим интересом людей к осмыслению своих культурных корней, а также распространением цифрового кочевничества и тенденции искать «свой», «близкий по духу» город.

Цель данной работы – выявить истоки геобиографии как жанра в контексте эволюции биографического жанра в английской литературе с момента его зарождения до современности.

Основная часть. В русскоязычном литературоведении вопросами биографии занимались многие ученые XX века. М.М. Бахтин и С.С. Аверинцев работали над изучением истоков биографии и представили свои классификации жизнеописаний античности. Различные вопросы изучения биографии поднимались в работах И.Л. Беленького, А.Л. Валевского, Л.Я. Гинзбурга, Ю.М. Лотмана, Н.П. Морозова. Из недавних исследований можно отметить развернутый аналитический обзор М.Б. Раренко [1], посвященный эволюции биографии и гибридизации жанра. О биографическом подходе к изучению города как социокультурного феномена говорилось в трудах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова начала XX века, а также в современных философских и культурологических исследованиях И.А. Поляковой, И.В. Голубович.

Немало ученых изучали историю английской биографии на различных этапах её становления. Специфике английской биографии XVIII–XIX вв. посвящены исследования Т.Н. Потницевой и Д.Ю. Ковряковой. Писательская биография в современной английской литературе (50-е – 70-е гг. XX в.) исследовалась в трудах В.Д. Лопатиной. В последние годы в русскоязычном литературоведении усиливается интерес к современному состоянию биографического жанра в английской литературе и, в частности, к творчеству Питера Акройда как одного из самых ярких авторов XX – начала XXI века, работающих в жанре биографии. Для нашего исследования особую ценность представляют работы Е.В. Ушаковой [2], А.В. Шубиной [3], М.В. Дубковой [4], посвященные изучению специфики литературной биографии и трансформации биографического жанра в произведениях Акройда, а также включающие краткий экскурс в историю развития английской биографии. Современные биографические произведения Акройда также рассматриваются в исследованиях И.В. Липчанской [5], Е.Г. Петросовой [6].

В зарубежном литературоведении XX века анализируется биография в контексте литературы постмодернизма, изучаются функции биографической прозы. Истории биографии посвящено развернутое исследование Н. Гамильтона, выдающегося английского биографа [7]. Специфике литературной биографии посвящено исследование М. Дж. Бентона [8]. К анализу историко-биографических сочинений Акройда обращались в монографических

работах С. Онега [9], Дж. Гибсон и Дж. Волфрей [10], в диссертационном исследовании – У. Ханнинен, в научных статьях – Б. Финни, Б. Эпплеярд и др. Зарубежных исследователей в первую очередь интересует, как в творчестве Акройда реализуются принципы постмодернизма, а также как в его исторических романах раскрываются вопросы национальной идентичности и английскости. С. Онега утверждает, что прошлое в романах Акройда выступает не только как художественный объект, но и как творящий субъект, определяющий современную жизнь британцев.

Перспективным современным жанром, который продолжает завоевывать популярность во всем мире, является геобиография. Термин «геобиография», т.е. биография города, был предложен М.В. Дубковой [4] для обозначения историко-литературного жанра, в котором город является главным действующим лицом, одновременно вымышленным и реальным. Нам этот термин представляется удачным и емким, и мы используем его наряду с закрепившимся в гуманитарных дисциплинах обозначением «биография города». На данный момент практически нет исследований, посвященных классификации и систематизации геобиографической литературы, специфика которой, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем научном осмыслении. Для лучшего понимания истоков геобиографического жанра нам представляется целесообразным проследить эволюцию биографического жанра в английской литературе от Средневековья до начала XXI века.

Этапы развития биографического жанра в английской литературе. В средневековой христианской Европе первыми произведениями биографического жанра стали жития святых. Поскольку агиографическая литература восходит к Евангелию как первооснове, жития святых писались по строго определенным канонам: создавался некий идеальный образ надмирного безгрешного человека, который уже в раннем детстве посвящал себя служению Богу, отличался благочестивым нравом и обладал особыми дарованиями, а во взрослом возрасте творил чудеса и исцелял немощных. Идеализированные образы святых прописывались достаточно трафаретно, абсолютная историческая достоверность играла второстепенную роль.

В английской агиографической литературе раннего Средневековья особенно стоит отметить труды Беда Достопочтенного: жития блаженного Феликса Ноланского, святого Катберта, а также обширный труд «Церковная история народа англвов» (731), включающий в себя жизнеописания служителей церкви. Основопологающим принципом Беда при фиксации тех или иных исторических фактов стала установка на извлечение глубокого духовного смысла из всего происходящего. Беда включал в жизнеописания те факты из жизни героев, которые считал достойными подражания и заслуживающими памяти, намеренно отбрасывая все, что не укладывалось в эти рамки. При этом повествование выстроено так, что в нем не видно пропусков, неестественности и «грубых стыков»: благодаря блестящему таланту рассказчика и тщательной продуманной концепции прошлого создается ощущение целостности, непрерывности и исторической достоверности описываемых событий.

Также у истоков биографического жанра в английской литературе стоят такие ранние исторические труды, как генеалогии англо-саксонских королей, перечни правителей с указанием сроков правления. В конце IX в. на древнеанглийском языке создается Англо-Саксонская хроника, которая пополнялась и редактировалась в разных монастырских центрах в течение последующих двух столетий. Значимой вехой в развитии средневековой английской литературы стала «История королей Британии» (1136) Гальфрида Монмутского, которая представляет собой мифологизированную хронику правления британских королей, начиная от заселения Британии троянцами и вплоть до VII в. «История королей» включает в себя ранние версии легенд, ставших впоследствии популярными литературными сюжетами (историю короля Лира, короля Артура и Мерлина), и в настоящее время трактуется, скорее, как художественное, нежели историческое произведение.

В эпоху Возрождения жанр биографии получает новый импульс для развития. Появляются светские биографии, герои которых описываются как творцы собственной судьбы: подчеркивается, какие личные усилия они приложили, чтобы развивать свой дарованный свыше талант. Образцами для таких биографий служили в первую очередь творения античности (и в частности, жизнеописания Плутарха).

В английской литературе Возрождения среди первых индивидуализированных биографий исследователи отмечают «Историю короля Ричарда III» Т. Мора (1513). Можно сказать, что именно отсюда начинается отсчет истории английской литературной биографии. Велось немало споров о жанровой принадлежности и исторической достоверности «Истории короля Ричарда III». Нельзя отрицать важность «Ричарда III» как исторического источника, на который опирались как современники Мора, так и многие последующие поколения историков. С другой стороны, Т. Мор пошел гораздо дальше в драматизации и литературной обработке истории, чем средневековые историки и агиографы. Нам ближе точка зрения, согласно которой «Историю короля Ричарда III» следует рассматривать, скорее, как литературно-философское произведение, построенное на использовании исторического материала. Взяв за образец античные источники, Т. Мор воссоздавал целые драматические сцены, полные мельчайших нюансов, предлагал читателю длинные речи ключевых персонажей, описывал их мысли и чувства, давал развернутые авторские характеристики героев и происходящих событий; при этом Мор достаточно вольно обращался с историческими фактами: повествование изобилует явными неточностями. Мор настойчиво подводил читателей к мысли о врожденной аморальности и порочности короля, о чем было якобы известно многим его современникам. Складывается впечатление, что в первую очередь Мор стремился создать психологический портрет тирана на примере короля Ричарда III, а также, опираясь на реальные исторические события, сформулировать свои собственные гуманистические философские убеждения.

В эпоху Просвещения жизненный путь человека и его место в обществе окончательно перестают восприниматься как нечто заданное свыше, а потому неизменное. В биографической литературе того времени подчеркиваются жизненные достижения конкретного человека, а героями биографий становятся известные люди, чья

творческая или общественная деятельность оказала воздействие на эпоху. Получила распространение писательская биография, когда автором жизнеописания писателя является другой писатель; в таких биографиях жизнь писателя рассматривается в неразрывной связи с его творчеством, соответственно, биограф также берет на себя роль литературного критика. Самыми яркими английскими биографическими произведениями XVIII в. стали «Жизнеописания выдающихся английских поэтов» (1779 – 1881) Сэмюэля Джонсона и «Жизнь Сэмюэля Джонсона» (1791) Джеймса Босуэлла.

«Жизнеописания поэтов» Джонсона являются своеобразной литературной энциклопедией XVIII в. В книгу входят 52 критических очерка, в которых Джонсон проанализировал творчество нескольких поколений английских поэтов и очертил основные вехи развития английской поэзии XVII – XVIII вв. Очерки включают в себя биографические сведения, портретные зарисовки героев и анализ поэтических сочинений, рассматриваемых в хронологической последовательности. «Жизнеописания поэтов» Джонсона представляют собой не только глобальный литературоведческий труд, в котором закладываются основы критического анализа и комментирования поэтического текста, но также являются этапным произведением в развитии литературной биографии. Происходит постепенная романизация биографического повествования: анализируются и интерпретируются детали повседневного быта героев в широком историческом контексте, более развернутой и «художественной» становится авторская характеристика внешности и поступков героев.

Еще один знаменитый шедевр биографического жанра XVIII в. – фундаментальный труд Босуэлла «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Босуэлл является учеником и последователем Джонсона и выстраивает свое повествование в виде диалога с великим учителем, а также бесед с Джонсоном и другими творческими личностями и учеными; зафиксированы суждения ярких представителей английской интеллектуальной элиты того времени. Такая биографическая форма была новаторской и еще больше раздвигала рамки биографического жанра. Стоит также отметить элементы автобиографии в повествовании Босуэлла: стараясь нарисовать объективный портрет великого учителя, Босуэлл в то же время ведет рассказ о себе самом и анализирует свои собственные суждения и поступки.

В трудах биографов XVIII в. усиливается тенденция к психологизации описания личности, противоречивых начал в характере человека. Возрастает субъективная роль автора в интерпретации персонажей. Тем не менее, повествование, созданное в соответствии с запросами рационалистического века, в целом носит дидактический, морализаторский характер.

Разочарование в идеалах эпохи Просвещения и нарастание социальных противоречий в буржуазной Англии конца XVIII в. заложили почву для формирования романтической культуры, которая сосредоточила внимание на внутреннем мире человека. В биографической литературе периода романтизма писателей занимает духовное становление личности (как правило, яркой, выдающейся), влияние чувств и интуиции на поступки человека, изучение частной жизни во всех её подробностях и воздействие среды на формирование человека. Несмотря на большую свободу формы по сравнению с биографиями прошлых веков, в биографических произведениях XVIII в. все равно присутствовал некий канон: описание мятущегося «романтического» героя, который вступает в конфликт с внешним миром или находит утешение в том, что творит свой идеальный внутренний мир. В беллетризованных биографиях реализовывалась творческая индивидуальность автора, проявлялось его личное видение мира.

В английской литературе начала XIX в. особое место занимают исторические биографии Вальтера Скотта (жизнеописания Свифта, Драйдена, Наполеона). С одной стороны, писатель выступает как внимательный историк, рисующий широкую панорамную картину быта описываемого времени; с другой стороны, Скотт дает психологический анализ личности героя, изучает мотивы поступков, описывает чувства и мысли героев в различных ситуациях. В отличие от дидактичных биографий эпохи Просвещения, герой нередко изображается как противоречивая личность – человек, переживающий мучительный разлад с самим собой. Вторая половина XIX в. – расцвет английского реалистического романа. Однако, несмотря на то, что сближение биографии и реалистического романа, казалось бы, должно было обогатить биографический жанр, способствовать большей глубине психологического анализа, XIX век не стал веком биографических шедевров. В чопорную викторианскую эпоху, знаменитую своими строгими нравами, биографии носили морализаторский характер и в основном представляли собой безжизненные собрания фактов.

В начале XX в. в развитии биографического жанра произошел перелом. К этому времени назрел кризис биографии, возвеличивающей великих людей и великие дела.

Коллекция жизнеописаний «Знаменитые викторианцы» Литтона Стрэчи (1918) стала новой вехой в развитии английского биографического жанра. В центре повествования по-прежнему находятся яркие исторические личности, однако автор беспощадно иронизирует над ними. Тем не менее, ирония не была самоцелью: Стрэчи не стремился низвергать авторитеты. Полемицируя с нравоучительными биографиями предшествующих эпох, писатель ставил перед собой задачу изобразить живых людей, отнюдь не идеальных – не героев, но простых смертных, в которых есть и прекрасное, и низкое, и смешное. Еще одной особенностью биографий Стрэчи стал свободный художественный стиль повествования, образный и эмоциональный, близкий к эссеистическому.

Вирджиния Вулф также была убеждена, что литературная биография нуждается в трансформации, поскольку не существует и не может существовать единой интерпретации человеческих поступков. В своем эссе «Новая биография» писательница критикует жизнеописания, построенные по определенному канону, под который подгоняются факты из жизни героя. Вулф ставит под сомнение наличие в жизнеописании объективной правды как таковой, так как любые жизненные факты биограф может интерпретировать удобным ему образом, и любую ложную точку

зрения можно подкрепить изобилием исследований. Следовательно, литературная биография имеет право на жизнь лишь как субъективное рассуждение автора об исторической (или вымышленной) личности; в повествовании акцент делается на внутреннем мире героя, и свободное использование авторского вымысла для интерпретации поступков и чувств героя абсолютно оправдано. Такое толкование биографии и экспериментальные биографические произведения Вулф, роман «Орландо. Биография» (1928) и повесть «Флаш. Биографический очерк» (1933) предвосхитили дальнейшие постмодернистские эксперименты в биографическом жанре. «Биография становится гибридной формой, которая воссоздает возможную, но в итоге вымышленную версию жизни героя. <...> Невозможность постижения абсолютной истины приводит к невозможности написания достоверной биографии; <...> авторская биография может предложить лишь одну из множества интерпретаций». [3, с. 11].

С середины XX в. популярность биографического жанра возрастала все больше и больше. После страшных мировых войн, холокоста, концентрационных лагерей человечеству нужно было осмыслить произошедшее и учиться жить заново. Неудивительно, что стала пользоваться спросом биографическая и автобиографическая литература, повествование о жизни простого человека, позволяющее людям заглянуть в чужую жизнь, понять, как со сходными сложностями справлялись другие, как другие смогли пережить невыносимое. Религия как одна из важных жизненных опор во многих странах оказалась оттеснена на периферию, и в ситуации, когда многие люди теряли для себя жизненные ориентиры, именно биографии нередко могли ответить на вопрос, как жить, дать опору, помочь людям лучше понять самих себя и обрести новые жизненные смыслы. Эту функцию биографии и автобиографии успешно выполняют и по сегодняшний день, эволюционируя и приспосабливаясь к требованиям эпохи. Для Великобритании одним из глобальных болезненных событий середины века стал окончательный распад Британской империи, что спровоцировало волну интереса к национальному культурному наследию, феномену «английскости». Биографический жанр дает как автору, так и читателям удобную возможность прикоснуться к истории для переосмысления собственной жизни в контексте английской культуры. Из синтеза биографической и страноведческой литературы, научно-исторических и социологических исследований, дневниковой прозы и публицистики постепенно формировался интересный гибридный геобиографический жанр, который играет значимую роль в современном литературном процессе.

От биографии к геобиографии. Идея биографии города не нова: мысль о биографическом подходе к изучению городов высказывалась еще в середине XIX века немецким историком И. Г. Б. Дройзенем в курсе лекций по методологии истории. Ученый утверждал, что результаты исследования удобно представить в виде биографии, когда речь идет об исторических феноменах (как исторических личностях, так и городах), в которых «четко проявляется своеобразие, импульсивный тип их бытия и деяний». [11, с. 417] При этом задача геобиографии как способа исторического повествования – не просто реконструирование дат и фактов, но своеобразное «вживание» в душу города, понимание духа эпохи.

Родоначальником геобиографического жанра в английской литературе можно назвать К. Хибберта, автора первого произведения, самим автором жанрово обозначенного как «биография города». За книгой «Лондон. Биография города» (1969) [12] последовали биографии Венеции, Рима, Флоренции того же автора. Геобиографии Хибберта представляют собой обстоятельное описание истории города, написанное для рядового читателя, не профессионального историка. Текст сопровождается яркими иллюстрациями. В своем развитии геобиография, как нам кажется, прошла эволюцию, сходную с эволюцией биографического жанра. Геобиографии Хибберта подобны ранним жизнеописаниям английской литературы: несмотря на легкость изложения, они более наукообразны, нежели художественны, а также в некотором роде дидактичны, поскольку их функция заключается в просвещении читателя. Например, в предисловии к биографии Лондона Хибберт выражает надежду на то, что его книга принесет практическую пользу и поможет жителям Лондона глубже понять историю родного города, а для туристов станет своеобразным путеводителем по значимым историческим местам. Повествование выстроено в хронологическом порядке и ориентировано на то, чтобы охватить наиболее значимые события из истории Лондона; также предоставляется информация о достопримечательностях города. Субъективная роль автора выражается в отборе фактов, однако в своем рассказе Хибберт воздерживается от оценочных суждений и авторской интерпретации событий и стремится по возможности сохранять нейтралитет.

Другим английским автором, создавшим ряд геобиографических произведений, является Питер Акройд, один из наиболее ярких современных представителей английской биографической литературы. В своих произведениях Акройд занимался философским осмыслением национального культурного наследия, анализировал ставшие актуальными для многих проблемы памяти и забвения, национального самосознания. Начиная с биографий знаковых фигур английской истории, по сути определивших историческое развитие нации, писатель перешел к биографиям городов. Популярность одного из самых знаменитых произведений Акройда «Лондон: биография» (2004) [13] вышла далеко за пределы Великобритании, и у Акройда появилось множество последователей во всем мире. Геобиография в интерпретации Акройда по своему психологизму и авторской свободе подачи материала ближе к поздним литературным биографиям, ориентированным на изучение внутреннего мира героев. Лондон в повествовании очеловечивается и становится полноправным историческим персонажем, способным влиять на те или иные события. Геобиография Акройда, как нам кажется, более нацелена именно на то, чтобы понять душу города, нежели перечислить факты из его истории: в ней меньше строгих цифр, больше субъективных авторских суждений и наблюдений, больше легенд и мифов, собранных для того, чтобы постичь «гений места», дух города. Стиль повествования не столько наукообразный, сколько поэтично-художественный. В предисловии Акройд

формулирует свою авторскую задачу: «Я всего-навсего спотыкающийся лондонец и хочу провести других маршрутами, по которым ходил всю жизнь» [13]. Провести других знакомыми маршрутами – т.е., скорее, поделиться своим видением города, нежели просвещать и наставлять. Акройд описывает Лондон как яркую противоречивую личность и близкого человека, с которым автор общается всю жизнь.

Заключение. Английская литературная биография развивалась от схематических жизнеописаний, выстроенных по определенному канону, до литературных биографий, в которых выходило на первое место создание психологического портрета героя. Усиливалась тенденция к описанию противоречивого внутреннего мира героев, постепенно повышался интерес к частной жизни человека на фоне эпохи, изучалось воздействие окружающей среды и обстоятельств на становление характера героя. При этом возрастала субъективная роль автора как создателя биографии: от безвестного компилятора исторических фактов в рамках заданной схемы до внимательного историка, представляющего свою интерпретацию исторических событий, и, наконец, творца и психолога, который, конструируя полувывымышленный, полуреальный портрет своего героя, следует, в первую очередь, художественной правде и во многом вкладывает в произведение самого себя и свое видение мира. В литературной биографии в ее современном понимании можно выделить такие, на наш взгляд, значимые черты, как авторскую свободу в интерпретации фактов и последовательности их изложения, внимание к внутреннему миру героя, «художественность» стиля, литературность изложения. Сходные этапы в своем развитии проходит и геобиографическая литература, которая представлена как наукообразными историческими произведениями, являющими собой компиляцию фактов, изложенных в хронологическом порядке, так и субъективно-авторскими художественными жизнеописаниями города, цель которых – постичь душу города, «genius loci», что, следовательно, помогает и автору, и читателям глубже понять свое собственное место в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раренко М.Б. Биография: Эволюция и гибридизация жанра: аналит. обзор. – РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. – М., 2017. – 68 с.
2. Ушакова Е.В. Литературная биография как жанр в творчестве Питера Акройда: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2001. – 210 л.
3. Шубина А.В. Проблема биографического жанра в творчестве Питера Акройда: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2009. – 183 л.
4. Дубкова М.В. Трансформация жанра биографии в творчестве П. Акройда: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2015. – 178 л.
5. Липчанская И.В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Саратов, 2014. – 184 л.
6. Петросова Е.Г. Концепция «английскости» в современном постмодернистском романе: Г. Свифт, П. Акройд. – М., 2005. – 146 с.
7. Hamilton, N. Biography: a brief history. – Cambridge, Harvard University Press, 2007. – 360 p.
8. Benton M. J. Literary biography: an introduction. – West Sussex, Wiley-Blackwell, 2015. – 280 p.
9. Onega S. Metafiction and myth in the novels of Peter Ackroyd. – Camden House, 1999. – 190 p.
10. Gibson J., Wolfreys J. Peter Ackroyd: The Ludic and Labyrinthine Text. – N.Y., St. Martin's Press, 2000. – 311 p.
11. Дройзен И. Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 582 с.
12. Hibbert C. London: the biography of a city. – London: Penguin books, 1980. – 290 p.
13. Акройд П. Лондон: Биография. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2007. – 896 с.

Поступила 17.04.2023

THE EVOLUTION OF THE GENRE OF BIOGRAPHY IN ENGLISH LITERATURE: FROM HAGIOBIOGRAPHY TO GEOBIOGRAPHY

M. KHADZINSKAYA
(Belarusian State University, Minsk)

The article examines the stages of development of the biographical genre in English literature from the Middle Ages to the beginning of the 21st century and identifies the origins of the geobiographical genre. There is a gradual transition from schematic biographies of the Middle Ages to literary biographies, in which a deep psychological portrait of the hero is created. An increase in the author's subjective role is noted: the biographer-historian, whose main task is to compile facts from the hero's life, is gradually being replaced by the author-creator, who pays attention to the hero's inner world and offers his own subjective interpretation of the hero's feelings and actions. The article argues that geobiographical literature went through similar stages in its formation: from works describing the history of the city in chronological order to subjective author's "life stories", the purpose of which is to comprehend the soul of the city, its "genius loci".

Keywords: biography, geobiography, city biography, life story, literary biography, genre evolution.

**НАВЕЛИСТЫЧНАЯ МІНІЯЦЮРА Ў ТВОРЧАСЦІ У. СЦЯПАНА
(НА МАТЭРЫЯЛЕ ЦЫКЛА “САЛДАЦКІ ГУЗІК”)**

*канд. філал. навук М.М. ВОІНАВА-СТРАХА
(Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9133-9750>*

Артыкул прысвечаны вызначэнню жанравых асаблівасцей навелістычнай мініяцюры ў творчасці сучаснага беларускага пісьменніка Уладзіміра Сцяпана (на матэрыяле цыкла “Салдацкі гузік”, зборнік “Хвалі”, 2019 г.). Выяўлены агульныя і адметныя рысы навелістычнай мініяцюры: цыклічнасць, адзінства агульнага праблемна-тэматычнага поля, лаканічнасць, мінімалісцкі аб’ём, навелістычная парадаксальнасць, кантрастнасць, засяроджанасць на яркім незвычайным моманце, дынамічнасць і нечаканы наварот сюжэтнай лініі. Спецыфікай навелістычных мініяцюр цыкла «Салдацкі гузік» У. Сцяпана з’яўляецца наяўнасць экзістэнцыйных матываў, сімвалізму, увага да дэталю.

Ключавыя словы: *навела, мініяцюра, малая проза, У. Сцяпан, жанр, мадыфікацыя, беларуская літаратура.*

Уводзіны. Адною з вядучых адзнак развіцця жанравай сістэмы сучаснага беларускага прыгожага пісьменства з’яўляецца зварот да малых форм: навела, апавяданне, мініяцюра і інш. Дадзеная акалічнасць невыпадковая: хуткаплынны рытм жыцця ў прасторы XXI стагоддзя вымушае аўтараў знаходзіць аптымальныя спосабы і сродкі апэратыўнага водгуку на зменлівае аблічча сучаснага свету ў цэлым і асобнага чалавека ў прыватнасці.

Так, праявілі мініяцюра даўно заняла трывалае месца ў нацыянальнай мастацкай прасторы. Пытаннем станаўлення і развіцця гэтага адметнага жанру прысвечаны шэраг навуковых прац айчыннага літаратуразнаўцы Р.К. Казлоўскага, які вызначыў не толькі спецыфіку функцыянавання мініяцюры ў творчасці такіх аўтарытэтных пісьменнікаў, як З. Бядуля, М. Гарэцкі, Я. Брыль, Б. Сачанка, Ф. Янкоўскі і інш., але і выявіў адметнасці яе “пераходных форм” – мініяцюра і апавяданне, мініяцюра і абразок¹. Аналіз развіцця айчыннага літаратурнага працэсу сведчыць аб тым, што ўвагі заслугоўваюць не толькі ўзаемадзейне мініяцюры з вышэйгадыманымі жанрамі, але і з навелай, суіснаванне з якой у тэкставай прасторы вылучаецца даволі прадуктыўным характарам. Перакрыжаванне мініяцюры і навелы перыядычна апыналася ў фокусе ўвагі навукоўцаў з пункту гледжання выяўлення некаторых адметнасцей яго рэалізацыі ў творчай прасторы асобных пісьменнікаў (праблемна-тэматычны, сюжэтно-кампазіцыйны, стыльовы аспекты) [1]. Аднак на дадзены момант у беларускім літаратуразнаўстве адсутнічае асобнае грунтоўнае даследаванне, у якім былі б вызначаны асаблівасці функцыянавання акрэсленай мадыфікаванай формы ў сучасным айчынным прыгожым пісьменстве. Аналіз мастацкай рэалізацыі навелістычнай мініяцюры ў творчасці сучаснага беларускага пісьменніка У. Сцяпана дазволіць выявіць адметнасці яе развіцця ў кантэксце актуальных тэндэнцый айчычнай малой прозы XXI ст. Для дасягнення вышэйакрэсленай мэты звернемся спачатку да вызначэння асаблівасцей мініяцюры і навелы як самастойных жанраў.

Асноўная частка. Рускія літаратуразнаўцы А. Полева [2], В. Байміева [3] акцэнтуюць увагу на адсутнасці строга вызначаных параметраў жанравай формулы мініяцюры. Разам з тым, пэўная “размытасць” межаў не перашкаджае вылучыць спецыфічныя прыкметы, якія дазваляюць сцвярджаць самастойнасць разглядаемага жанру.

Лічыцца, што жанр мініяцюры запазычаны ў літаратуразнаўстве з жывапісу, дзе абазначае выкананы фарбамі невялікіх памераў малюнак, кніжную застаўку, канцоўку і г.д. Паходжанне тэрміна даследчыкі звязваюць са словам “мінімум” – назва чырвонай фарбы (кінавар ці сурь), якая ўжывалася старадаўнімі майстрамі мініяцюры². Аналізуючы гісторыю развіцця мініяцюры, даследчык Ю. Арліцкі знаходзіць аналагі праявілічных мініяцюр у творчай спадчыне рускіх майстроў слова XIX стагоддзя: К. Бацюшкава, В. Жукоўскага, В. Цеплякова, А. Сомова. Разглядаючы станаўленне дадзенага жанру ў рускай літаратуры, навукоўца выказвае думку аб магчымасці выдзялення падтыпаў у залежнасці ад перавагі той ці іншай структурна-жанравай традыцыі. У аснову такога размежавання закладаецца функцыя фэбулы: бесфэбульныя, чыста лірычныя вершы ў прозе Ю. Арліцкі прапаноўвае назваць “лірычнымі мініяцюрамі” [4], фэбульныя – кароткімі апавяданнямі. Асобна вылучаюцца міні-эсэ, якія ўзыходзяць каранямі ў дэнінікавыя нататкі. А. Полева акрэсліваецца адметная роля праявілічнай мініяцюры ў дзіцячай літаратуры. Аўтарам разглядаецца шлях станаўлення і развіцця мініяцюр-казак і іх разнавіднасцей у рускім прыгожым пісьменстве XIX – XXI стагоддзяў [2].

Некаторыя навукоўцы ўказваюць на важнасць захавання паміж складнікамі мініяцюры тых жа прапорцый, што і ў творы вялікага памеру. Так, у Слоўніку літаратурных тэрмінаў акрэсліваецца, што “мініяцюрай можа быць названы твор, які ахоплівае па аб’ёме сваіх вобразаў ці ідэй такую ж шырокую вобласць, што і буйны літаратурны твор, а не абмяжоўваецца адным якім-небудзь момантам, выхапленым з жыцця, па-за яго агульнажыццёвым сэнсам².”

¹ Казлоўскі Р.К. Беларуская праявілічная мініяцюра XX стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – 22 с.

² Дынік В. Мініатюра [Электронны ресурс]. – URL: <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/l1/l1-4434.htm>.

Айчынны літаратуразнаўца Р. Казлоўскі акцэнтуюе ўвагу на такіх складніках праявінай мініяцюры, як “невялікі аб’ём, свабодная кампазіцыя, бессюжэтнасць, суб’ектыўнасць, выразнасць мастацка-выяўленчых сродкаў пры моцнай насычанасці ідэяна-філасофскім зместам, а таксама спалучэнне асаблівасцей эсэістычнага стылю. Паводле сэнсавых уласцівасцей мініяцюра ў сваім змесце ўтрымлівае імгненны фрагмент (малюнак) рэчаіснасці, думкі”¹. Згодна з В. Рагойшам, спецыфічнай адзнакай мініяцюры з’яўляецца не толькі невялікі аб’ём, але і абавязковая завершанасць па форме і думцы [5, с. 111].

Асаблівая роля ў жанры мініяцюры надаецца цыклічнасці, якая прадугледжвае адмысловую ўзаемасувязь паміж тэкстамі, аб’яднанымі адзінствам тэмы, ідэі, вобразнай сістэмай, сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыі, адзіным загатоўкам і лагічным завяршэннем. Так званыя цыклаўтваральныя сувязі не выключаюць, аднак, магчымасці ўзнаўлення мініяцюры як самастойнай тэкставай адзінкі. Літаратуразнаўца В. Байміева акрэслівае прамую залежнасць паміж адрознасцю форм выражэння аўтарскай свядомасці і прасторава-часавымі каардынатамі. Як слушна акрэслівае даследчыца, “у мініяцюрах жыццё можа паўстаць як імгненне, імгненне як інтэнсіўны згустак і імгненне як імгненне, якое доўжыцца, імгненне трагічнае, таму што чалавечы жыццё мае свой канец. Пры гэтым аўтары могуць пашыраць імгненне да вечнасці” [3]. Сярод адметных рыс жанравай прыроды мініяцюры вылучаюцца невялікі аб’ём, кампазіцыйная завершанасць, неад’емным складнікам якой даследчыкі лічаць “перавагу аднаго кампазіцыйнага элемента – кульмінацыі, узмоцненай аўтарскай экспрэсіяй і дамінуючым вобразам аўтара, які зліваецца часцей за ўсё з апавядальнікам” [3].

Гэтымі рысамі праявіная мініяцюра набліжаецца да навелы, сярод асноўных прынцыпаў паэтыкі якой вылучаюцца лаканізм, дынамізм, кантрастнасць, парадаксальнасць, “пуэнтнасць” (востры, рэзкі, нечаканы паварот), прасторава-часавая лакалізацыя, сфакусаванасць на адзінай незвычайнай падзеі. Дадзены жанр у беларускай літаратуры сфарміраваўся на аснове класічнай навелы пад уздзеяннем нацыянальных фактараў развіцця мастацтва слова: узрасла на грунце народных забаўляльных апавяданняў, гісторый, анекдотаў, легенд, паданняў, міфаў, казак, увабрала здабыткі розных мастацка-эстэтычных эпох і стыляў, пачынаючы ад Рэнесансу і да Постмадэрнізму. Захоўваючы класічныя прынцыпы арганізацыі навелістычнага тэксту (лаканізм, дынамізм, кантрастнасць, парадаксальнасць, “пуэнтнасць” (востры, рэзкі, нечаканы паварот), прасторава-часавая лакалізацыя, сфакусаванасць на адзінай незвычайнай падзеі), беларуская навела набыла шэраг спецыфічных прыкмет: імкненне да эпічнай шырыні, фрагментарнасць арганізацыі наратывнай прасторы, мазаічнасць і незавершанасць карціны, сінкрэтызм, філасафічнасць, псіхалагічнасць, ускладненасць кампазіцыі і пуэнтнасць развязкі³.

Варта адзначыць, што ў замежным літаратуразнаўстве тэрмін “мініяцюра” не назіраецца ў шырокім навуковым ужытку. У шэрагу англамоўных слоўнікаў літаратурных тэрмінаў⁴ дадзенае паняцце альбо ўвогуле не прадстаўлена, альбо згадваецца ў значэнні “маленькага рознакаляровага малюнка ў рукапісе, невялікага завершанага партрэта ці выявы, прадстаўленай у невялікім маштабе”⁵. Не знайшло ў замежным літаратуразнаўстве сталага замацавання і паняцце навелістычнай мініяцюры, што, з нашага пункту гледжання, прадвызначае шырокую перспектыву падобных даследаванняў, у тым ліку ў кампаратыўным аспекце, у далейшым.

Разам з тым, аналіз асаблівасцей навелы і мініяцюры дазваляе прыйсці да высновы, што іх узаемадзеянне – натуральны вынік жанравай эвалюцыі. Як сведчыць даследаванне творчасці Уладзіміра. Сцяпана, такі сінтэз надзвычай прадуктыўны з пункту гледжання рэалізацыі жанравых магчымасцей, бо стварае для пісьменнікаў плённую глебу для імгненнага занатавання ў мастацкай прасторы зрухаў у светапогляднай сістэме грамадства ў цэлым і асобы ў прыватнасці з улікам хуткаплынных павеваў часу. Перакрыжаванне элементаў навелы і мініяцюры дазваляе выявіць такое мадыфікацыйнае ўтварэнне, як навелістычную мініяцюру. У прадстаўленым артыкуле скіраем увагу на вызначэнне жанравых адметнасцей дадзенай формы ў творчасці сучаснага беларускага пісьменніка Сцяпана з улікам індывідуальна-аўтарскага ўвасаблення навелістычнай мініяцюры ў яго мастацкай прасторы. У якасці аб’екту аналізу абраны цыкл навелістычных мініяцюр “Салдацкі гузік” (зборнік “Хвалі”, 2019 г.).

Уладзімір Сцяпан (нар. у 1958 г.) вядомы як майстар кароткага жанру. Яго пяру належаць зборнікі “Вежа” (1990), “Сам-насам” (1990), “Адна капейка” (2012), кнігі “Настаўнік. Сяргей Пятровіч Каткоў” (2013), “Папяровая шапка” (2018), “Хвалі” (2019). Адметнасцю яго індывідуальна-творчага стылю з’яўляецца “выяўленчасць” пісьма, “калі маляванне (як працэс і мэта адначасова) становіцца сюжэтным грунтам (“Мінскі альбом”) альбо аб’ектам мастацкай інтэрпрэтацыі” [1], што цалкам выглядае лагічным з улікам яго прафесійнага вопыту, набытага падчас вучобы ў мастацкім вучылішчы. Навелістычныя мініяцюры з цыкла “Салдацкі гузік” У. Сцяпана ўтрымліваюць элементы абодвух жанраў, якія праяўляюцца ў рознай ступені інтэнсіўнасці, аднак з’яўляюцца дастаткова акрэсленымі для вызначэння дадзенай міжжанравай формы.

Так, творы з акрэсленага цыкла аб’яднаны адзінай скразной тэмай і сістэмай вобразаў. “Салдацкі гузік” складаецца з шэрагу “замалёвак” з салдацкага жыцця, праявіных мініяцюр, значная частка якіх – навелістычныя

³ Воінава-Страха М.М. Навела ў беларускай літаратурнай традыцыі: генезіс, эвалюцыя, тэндэнцыі развіцця : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ім. Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск, 2011. – 26 с.

⁴ Cuddon J. A. A dictionary of literary terms and literary theory. – 5th ed. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. – 784 p.; Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. – 4th ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2015 – 448 p.; Childs P., Fowler R. The Routledge Dictionary of Literary Terms. – London: Routledge, 2006 – 254 p.; Quinn E. A dictionary of literary and thematic terms. – 2nd ed. – New York: Checkmark Books, 2006. – 474 p.

⁵ Scott A. F. Current literary terms. A concise dictionary of their Origin and Use. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. – 324 p.

па сваім характары. Тэксты ў прамым сэнсе слова мінімалістычныя па аб'ёме: ад двух – трох абзацаў (“Вока”, “Кісель”, “Каранцін”) да паўтары старонкі (“Гашак”, “Цыгарэта”, “Белавежская”, “Таіці”, “Кухар”, “Рэмарк”, “Гузик”). У цэнтры аўтарскіх навелістычных мініяцюр – выпадак, які вылучаецца на фоне шараговай паўсядзённасці сваёй незвычайнасцю, неардынарнасцю, “навізнай”, здольнай захапіць увагу чытача адным штрыхом, трапнай дэталлю, адмыслова акрэсленым акцэнтам. Наратыўная прастора мініяцюры не прызначана для маштабнага разгортвання падзеі і падрабязна выбудаванай псіхалагічнай характарыстыкі персанажаў. З аднаго боку, здаецца, што пісьменнік абмежаваны ў мастацкіх рэсурсах для стварэння “паўнаwartаснай” карціны. Аднак У. Сцяпан – навеліст, надзелены асаблівым талентам. Ён здольны ўздзейнічаць на чытача, уздымаючы на паверхню цэлую гаму нечаканых эмоцый.

Так, навелістычная мініяцюра “Вока” вылучаецца лаканічнасцю структуры, аднак, такога сціслага фармату дастаткова, каб перадаць і драматызм, і камізм сітуацыі адначасова. Пісьменнік, не маючы магчымасці дэтэлізацыі сюжэтнай карціны з прычыны спецыфікі жанру, тэзісна перадае змест дзеяння, факуючы ўвагу чытача на ключавых аспектах падзеі ў парадку пераліку. Пры гэтым, аднак, захоўваюцца дамінуючыя складнікі навелістычнага жанру: кантрастнасць, парадаксальнасць, нечаканы паварот. Уступная частка тэксту пабудавана па прыцыпе градацыі з мэтай узмацнення эфекту ўражання ад далейшага павароту дзеяння: “У першы дзень службы Толік Бохан змог напісаць адзін ліст. У другі – два. На трэці ліст напісаў, але не было капэрты, каб даслаць. За чацвёрты тыдзень ён напісаў яшчэ два лісты і пазычыў тры капэрты ў земляка” [6, с. 104]. Навелістычны кантраст прадстаўлены на ўзроўні характарыстыкі псіха-эмацыянальнага стану персанажаў (“казарма рагатала” – “Толік заплакаў” [6, с. 104], вясёлысць салдат – раз’юшанасць Толіка) і іх экзістэнцыйных мадэлей. Сістэмы маральных каардынат такіх прадстаўнікоў грамадства, як Толік, і такіх, як сяржант і Валя Гурок, цалкам антытэтычныя. З гэтай прычыны і парадаксальнасць бачыцца нам як на павярхоўным падзейным, так і на сутнасным унутраным узроўнях: Толік выбіў вока сяржанту, але завяршыў службу не з сорамам, а з гонарам, атрымаўшы медаль “За адвагу на пажары”. Відавочна, што гаворка ідзе пра розныя па змесце і часе ўчынкi, але лічым невыпадковым характар расстаўленых акцэнтаў: Толік – чалавек, надзвычай чулівы да заганных праяў акаляючага свету, такіх як абраза чалавечай годнасці і несправядлівасць. Акрамя таго, яму ўласціва ўсведамленне важнасці жыцця асобы. Ён гатовы адстойваць свае каштоўнасці прыярытэты любой цаной. У акрэсленым кантэксце загаловак твора “Вока” набывае дадатковае сімвалічнае адценне.

Адной з неад’емных адзнак навелістычнага жанру з’яўляецца ўтрымліванне загадкавага элемента, на раскрыццё якога накіраваны сюжэт твора. У аналізаваным цыкле аўтарам выкарыстаны такі прадуктыўны з пункту гледжання дасягнення вышэйакрэсленай мэты прыём, як сімвалізм загадоўка. Прапанаваны пісьменнікам загадоўкі – “Фрэнсіс Скот Фіцджэральд”, “Вока”, “Цыгарэта”, “Белавежская”, “Таіці” – двухузроўневыя па закладзеным у іх сэнсе. З аднаго боку, яны нагадваюць верхавіну айсберга, якая толькі адцягвае ўвагу ад сутнасці і ўводзіць чытача ў зман, з іншага ж, змяшчае ў сабе ключ да разгадкі, стаць уладальнікам якога магчыма толькі праз паглыбленне ў кантэкстуальны пласт схаваных значэнняў.

Так, у навелістычнай мініяцюры “Таіці” створаны “каларытны” малюнак – толькі фон для разгортвання па-сапраўднаму экзістэнцыяльнай сітуацыі. Герой твора атрымаў загад стварыць у доўгім пакоі фотастудыі вальеру для маленькіх папугайчыкаў, продажам якіх займаўся начальнік клуба. Догляд птушак быў давераны сталяру Ігару Січкару, які добрасумленна выконваў свае абавязкі, тым больш што за гэта яму быў абяцаны дадатковы бонус: начальнік клуба, нягледзячы на ​​непрацяглы тэрмін службы, паабяцаў адпусціць яго на цэлыя тры дні і дзве ночы для сустрэчы з жонкай. Для ўзмацнення навелістычнага кантрасту пісьменнік плённа выкарыстоўвае дэталі рэчыўнага свету і характарыстыкі персанажаў. Так, пісьменнік быццам зусім нязмушана згадвае пра тое, што салдата перавялі ў клуб з прычыны моцнага заікання. Гэты, здавалася б, дробны штрых стварае сітуацыю нявольнага суперажывання герою, а намаляваныя на вялікім задніку рукой мастака “пальмы, лісце дробнае і вялікае, кветкі, ліяны, дзівосныя расліны, блакітнае неба, мора” [6, с. 113] надуюць больш выразны акцэнт агульнай панараме, на фоне якой будзе разгортвацца далейшае трагічнае дзеянне: “У фотастудыі было цёпла і ціха. Пад намаляванымі ярка-зялёнымі пальмамі, бананамі, ліянамі, кветкамі і рознымі іншымі раслінамі ляжалі, як ападкі, стракатыя пташкі” [6, с. 114]. Ігар Січкара, эмацыянальна спустошаны з прычыны няздзейсненых чаканняў сустрэчы з жонкай, бо спажывецкія памкненні прапаршчыка да атрымання матэрыяльнай выгады аказаліся мацнейшымі за пачуццё чалавечай спагады і ўмення трымаць дадзенае слова, стварыў умовы для гібелі маленькіх птушак. Уладзімір Сцяпан не дае прамой ці ўскоснай ацэнкі ўчынку ні Ігара Січкара, ні іншых герояў. Пісьменнік, падобна мастаку, стварае кантрасную мазаіку, вядучая роля ў якой належыць штрыху, імгненню, фрагменту, адмыслова выхапленаму з жыцця, пакідаючы чытачу прастору для шматбаковай рэфлексіі.

Уладзімір Сцяпан у цыкле праявіў мініяцюр “Салдацкі гузік” праявіў сябе як выключны майстар дэталі. Пісьменнік факуючы ўвагу на, здавалася б, другасных аб’ектах рэчаіснасці: цыгарэту (“Рэмарк”), ножык (“Кухар”), птушак (“Таіці”), пляшку гарэлкі (“Белавежская”), кнігу (“Фрэнсіс Скот Фіцджэральд”, “Томас Ман”, “Флабер”), кавалак сала (“Сала”), гузік (“Гузик”). Аднак за гэтымі дэталямі хаваецца цэлы свет чалавечых лёсаў, раскрываецца сістэма духоўна-маральных арыенціраў і філасофскіх поглядаў самога аўтара і сучаснага яму грамадства ў цэлым.

Так, у цэнтры навелістычнай мініяцюры “Гузик” кранальныя моманты сустрэчы салдата з жонкай, якія замест доўгачаканых гадзін вымушаны правесці разам усяго некалькі хвілін у сувязі з пераходам брыгады на

ўзмоцнены рэжым. Тэкст пабудаваны на кантрастных замалёўках псіха-эмацыянальнага стану герояў, перададзеных прама: “Жонка прамаўляла ўсхвалявана і радасна, я ж рабіўся ўсё болей і болей змрочны, амаль пачарнеў, а рука калацілася...” [6, с. 125] і апасродкавана: перашытыя героем сумленна гузікі шыняля ў пачатку апаведу, да сустрэчы з жонкай, і адарваны гузік у канцы: “Я ішоў ад КПП у клуб. Ішоў і круціў гузік на сваім шынялі. Калі дайшоў да пляца, то бліскучы гузік з зоркай быў у мяне ў кулаку, а з шыняля, як джала, тырчалі чорныя ніткі” [6, с. 126]. Адарваны гузік апавядальнік захаваў на ўсё жыццё як сімвал памяці пра яркія імгненні свайго мінулага. Адметнасцю сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыі дадзенага тэксту з’яўляецца наяўнасць беглай рэтраспекцыі (кароткі апавед жонкі пра непрыемнае здарэнне па дарозе на спатканне), а таксама імклівы паварот дзеяння, выкліканы нечаканым з’яўленнем прусака на падваконні. Здавалася б, такая дробная дэталі, якую ў маштабах вялікага тэксту можна было б пакінуць незаўважнай, аднак, у рамках мініяцюры любові, нават самы другасны, на першы погляд, аспект здольны напаяўняцца сэнсам.

Аналіз многіх тэкстаў з цыкла “Салдацкі гузік” сведчыць аб надзеленасці рэчыўнага свету У. Сцяпана адмысловай красамоўнай глыбінёй. Дэталі ў мастацкай прасторы аўтара набываюць значэнне сімвалаў памяці, якія клапатліва аберагае герой-апавядальнік. Ён з цеплынёй згадвае “кніжку Фрэнсіса Скота Фіцджэральда” [6, с. 107] (“Фрэнсіс Скот Фіцджэральд”), з ножыкам, падараваным у знак глыбокай удзячнасці (“Кухар”), “прахадзіў гадоў дваццаць пяць”, а гузік з зоркай з аднайменнай мініяцюры прывёз дадому і клапатліва аберагаў на працягу ўсяго жыцця: “Ён і сёння ёсць, недзе ў скрынях, у шафе з рознымі паперамі і дробнымі, збольшага непатрэбнымі рэчамі. Ляжыць учарнелы, пазелянелы...” [6, с. 126]. Дэталі рэчыўнага свету дапаўняюць мастацкую карціну сэнсамі, пачуццямі, прыадкрываючы чытачу тое, што з прычыны спецыфікі мінімалістычнага фармату жанру застаецца “за кадрам”, але без чаго прастора тэксту аказваецца няпоўнай.

Нягледзячы на пэўную сфакусаванасць аўтара на розных эпізодах і імгненнях салдацкага жыцця навелістычныя мініяцюры з цыкла “Салдацкі гузік” вылучаюцца цэльнасцю створанай аўтарам мастацкай карціны свету. Прадстаўленыя тэксты аб’яднаны не толькі сістэмай вобразаў і тэмай салдацкага жыцця. З дробных перыпетый будзённага побыту салдат фарміруецца пярэстая карціна экзістэнцыйных мадэлей чалавечага жыцця, мінімалістычная толькі па форме, па змесце ж – глыбока скіраваная ў самую сутнасць асобаснага быцця.

Заклучэнне. Такім чынам, выразная наяўнасць прыкмет, уласцівых жанрам навелы і мініяцюры, дазваляе вызначыць жанравую прыроду твораў з цыкла “Салдацкі гузік” У. Сцяпана як навелістычныя мініяцюры. Цыклічныя, паяднаныя агульным праблемна-тэматычным полем, дадзеныя творы адрозніваюцца лаканічнасцю і мінімалістычным аб’ёмам. Ім уласцівы навелістычная парадаксальнасць, кантрастнасць, сфакусаванасць на яркім, незвычайным моманце, дынамічнасць і нечаканы паварот сюжэтнай лініі. Спецыфікай навелістычных мініяцюр дадзенага цыкла У. Сцяпана з’яўляецца наяўнасць экзістэнцыйных матываў, сімвалізм рэчыўнага свету, адметная выразнасць, маляўнічасць і вобразнасць мастацкай дэталі.

ЛІТАРАТУРА

1. Шаўлякова І. Капаэйра ў сутонні // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 327–332. – Рэц. на кн.: Сцяпан, У. Адна капейка / У. Сцяпан. – Мінск: ЛіМ, 2012. – 224 с.
2. Полева Е.А. Художественное своеобразие прозаических миниатюр-сказок Татьяны Мейко [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoebrazie-prozaicheskikh-miniatur-skazok-tatyany-meyko>. (дата обращения: 22.03.2023).
3. Баймиева В.Ю. Жанр миниатюры в русской литературе XX века [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-miniatury-v-russkoy-literature-hh-veka>. (дата обращения: 22.03.2023).
4. Орлицкий Ю. Большие претензии малого жанра: (по итогам первого Тургеневского фестиваля малой прозы) [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/4/bolshie-pretenzii-malogo-zhanra.html>. (дата обращения: 10.02.2023).
5. Рагойша В.П. Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці. – Мінск: Нар. асвета, 2009. – 303 с.
6. Сцяпан У. Хвалі: апавесці і апавяданні. – Мінск: Маст. літ., 219. – 278 с.

Паступіў 04.04.2023

НОВЕЛЛИСТИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА В ТВОРЧЕСТВЕ В. СТЕПАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА “СОЛДАЦКАЯ ПУГОВИЦА”)

канд. филол. наук **М.М. ВОИНОВА-СТРЕХА**
(Минский государственный лингвистический университет)

Статья посвящена определению жанровых особенностей новеллистической миниатюры в творчестве современного белорусского писателя Владимира Степана (на материале цикла «Солдатская пуговица», сборник «Волны», 2019 г.). Выявлены общие и отличительные черты новеллистической миниатюры: цикличность, единство общего проблемно-тематического поля, лаконичность, минималистский объем, новеллистическая пара-

доксальность, контрастность, сосредоточенность на ярком, необычном моменте, динамичность и неожиданный поворот сюжетной линии. Спецификой новеллистических миниатюр цикла «Солдатская пуговица» В. Степана является наличие экзистенциальных мотивов, символизма, внимание к деталям.

Ключевые слова: новелла, миниатюра, малая проза, В. Степан, жанр, модификация, белорусская литература.

**NOVELLA-MINIATURE IN THE WORKS OF V. STEPAN
(BASED ON THE TEXTS OF THE CYCLE "SOLDIER'S BUTTON")**

M. VOINOVA-STREKHA
(Minsk State Linguistic University)

The article is devoted to the revealing of the genre features of the novella-miniature in the works of the contemporary Belarusian writer Uladzimir Stepan (based on the texts of the cycle "Soldier's Button", collection "Waves", 2019). The general and distinctive features of the novella-miniature are revealed: cyclicity, unity by a common problem-thematic field, brevity, minimalist volume, novelistic paradox, contrast, focus on a bright, unusual moment, dynamism and an unexpected turn of the storyline. The specificity of the novella-miniature of the cycle "Soldier's Button" by U. Stepan is the presence of existential motifs, symbolism, and attention to a detail.

Keywords: novella, miniature, short prose, V. Stepan, genre, modification, Belarusian literature

УДК 811.161.1.06'373

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-85-89

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ СМИ
ЗАПАДНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Е.А. ЛЕБЕДЕВИЧ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0194-9203>

В данной статье рассматриваются особенности словообразования общественно-политической лексики, выявленной на страницах западнороссийских СМИ. В статье автор приводит краткую аналитическую справку об ученых, которые занимались проблемами словообразования; рассматривает основные способы образования общественно-политической лексики и определяет их степень продуктивности. С опорой на словообразовательные словари выделено 5 способов образования новой общественно-политической лексики, представленной в западнороссийских газетах, а также определены степень их продуктивности и частотность употребления морфем. Словообразовательный анализ единиц общественно-политической лексики западнороссийских СМИ демонстрирует, что самым продуктивным типом образования новой ОПЛ является суффиксация.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, западнороссийские СМИ, словообразование, суффиксация, префиксация, аббревиация, словосложение, субстантивация.

Введение. Несмотря на внушительное количество трудов, посвященных изучению и описанию общественно-политической лексики, ряд вопросов до сих пор остается нерешенным. В частности, проблематика пополнения состава общественно-политической лексики (ОПЛ) нуждается в дальнейших разработках.

Цель данного исследования – описание морфологического способа пополнения состава ОПЛ. Объект исследования – словообразовательные модели общественно-политической лексики, представленной в западнороссийских СМИ. Предмет исследования – словообразовательные типы общественно-политической лексики в текстах западнороссийских СМИ. Источниками исследования послужили электронные версии региональных изданий «Рабочий путь»¹, «Смоленская газета» (г. Смоленск)², «Гжатский вестник» (Гагаринский р-н, Смоленской обл.)³.

Основная часть. Проблема словообразования на разных этапах формирования лингвистической науки были посвящены исследования таких ученых, как В.В. Виноградов [1], Г.О. Винокур [2], Е.А. Земская [3–7], В.П. Изотов [8], Г.П. Нецименко [9], И.С. Улукханов [10] и др. Процесс образования лексики, используемой в СМИ, исследовали лингвисты С.В. Ильясова [12], Л.И. Плотникова [13–16], Р.Н. Попов [17; 18], А.В. Федосеева [19] и т.д. Большое количество современных работ направлено на исследование путей пополнения состава новой общественно-политической лексики ближнего и дальнего зарубежья [20; 21], при этом проблема создания новой русскоязычной общественно-политической лексики остается нерешенной и нуждается в разработке.

В русском языке новые единицы общественно-политической лексики образуются при помощи внутренних средств языка, в частности, средствами словообразовательной системы. По Н.М. Шанскому, в современном русском языке выделяют четыре способа словообразования: лексико-семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, морфологический [22, с. 62–72]. Лингвисты выделяют 3 наиболее используемых при образовании ОПЛ словообразовательных типа – префиксация, суффиксация, словосложение. Казахстанский филолог Ж.О. Сагындыкова выделяет в качестве наиболее продуктивного способа аффиксацию. В своей статье, посвященной анализу способов образования новой общественно-политической лексики, она пишет о том, что «префиксация новой ОПЛ в русском языке в процентном соотношении несколько превышает суффиксацию, так как в последнее десятилетие именно префиксация стала занимать заметное место, что связывают с определенными внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами <...> иноязычные препозитивные единицы типа анти-, де-, контр-, супер-, ультра-, экс- и некоторые другие стали исполнять роль префиксов. Самым распространенным является заимствованный префикс анти- <...> Также продуктивным является префикс меж-; ультра-; псевдо-; экс-» [23]. Ж.О. Сагындыкова отмечает также, что «среди суффиксов на первом месте по частотности употребления стоит суффикс -ация/-изация. Новые, социально-значимые, процессы действительности активно именуется существительными на -изация/-ация (американизация, компьютеризация). Также продуктивным можно назвать суффикс -ство, например: президентство, вице-премьерство, рейдерство» [23]. Земская Е.А. говорит о широкой представленности среди ОПЛ новых лексем, образованных при помощи суффиксов абстрактных явлений со значением «наделение теми или иными свойствами того, что обозначает базовая основа» [3].

После аффиксации наиболее продуктивным способом образования новых слов общественно-политической сферы Ж.О. Сагындыкова предлагает считать словосложение и говорит о том, что «...один из типов сложных

¹ URL: <https://www.rabochy-put.ru/>.

² URL: <https://smolgazeta.ru/>.

³ URL: <http://gagarin-gazeta.ru/>.

единиц – образование нового слова, объединяя в одно новое слово две или более основы, к примеру, *страна-изгой, министры-силовики* [23]. Большое количество слов было создано при помощи аббревиации. «Аббревиация становится в наши дни одним из наиболее продуктивных способов образования новых единиц. Она является характерной чертой напряженных, переломных периодов в развитии общества (20-е годы, 60-е, и наконец, 90-е), когда само время требует от языка динамики и лаконичности» [23]. Отдельную группу составляет непроемкая общественно-политическая лексика, среди которой можно выделить исконно русские и заимствованные единицы. Они, в свою очередь, становятся базой для образования новых лексем.

С опорой на словообразовательные словари [24–27] мы выделили 5 способов образования новой общественно-политической лексики, представленной в западнороссийских газетах, в порядке уменьшения степени продуктивности. Продуктивность словообразовательных моделей можно представить в виде диаграммы (рисунок).

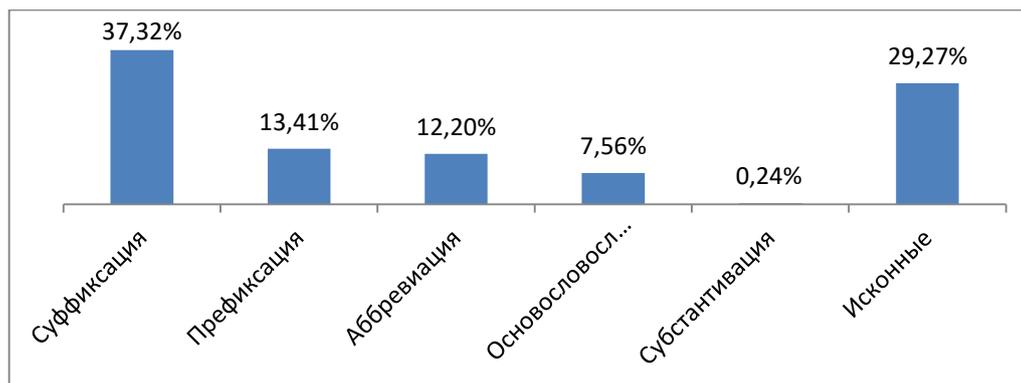

Рисунок. – Процентные показатели продуктивности словообразовательных моделей

Суффиксация – данным способом было образовано 153 лексемы (т.е. 37,32% от выявленной ОПЛ). Словообразовательный анализ единиц общественно-политической лексики западнороссийских СМИ демонстрирует, что суффиксация является наиболее продуктивным словообразовательным типом для общественно-политической лексики исследуемой прессы. Все лексемы, образованные при помощи суффиксации, можно разделить на 2 группы: 1) образованные от глагольной основы при помощи суффиксов:

- -ний- / -ий-: *голосовать* → *голосова-ний(э)*; *заседа/ть* → *заседа-ний(э)*;
- -аций- / -ций- / -изаций-: *агит\ирова\ть* → *агит-аций(а)*;
- нулевой суффикс: *за-стоят ь-ся* → *застой*;
- -ник-: *участ\вова\ть* → *участ-ник*;
- -тель-: *избирать* → *избира-тель*;
- -ант- / -ент-: *эмигр\ирова\ть* → *эмигр-ант*;
- -енн-: *уполномочить* → *уполномоч-енн(ый)*;
- -ец-: *выходить* → *выход-ец*;
- -ор- / -ер-: *инвестировать* → *инвест-ор*;

2) образованные от именной основы при помощи суффиксов:

- -ник-: *союз* → *союз-ник*;
- -ость-: *ответствен(ый)* → *ответствен-ость*; *собствен(ый)* → *собствен-ость*;
- -н-: *доход* → *доход-н(ый)*;
- -ств-: *министр* → *министер-ств(о)*; *правитель* → *правитель-ств(о)*;
- -ист-: *журнал* → *журнал-ист*;
- -к-: *забастовать* → *забастов-к(а)*;
- -итет-: *суверен* → *суверен-итет*;
- -изм-: *террор* → *террор-изм*.

Частотность употребления суффиксов можно представить в виде таблицы.

Таблица. – Частотность употребления суффиксов

Суффикс	Значение	Частеречная принадлежность мотивированной лексемы	Количество лексем
1	2	3	4
-ний-/-ий-	действие	нарицательные отглагольные субстантивы, ср. р., ед. ч.	27
-аций- /-ций- /-изаций-	процессуальность либо результат действия	нарицательные отглагольные субстантивы ж. р., ед. ч.	21
-ость-	Отсутствует значение отвлеченного признака; обозначают явления, характеризующиеся качеством, названным мотивирующим именем прилагательным	нарицательные субстантивы ж. р., ед. ч.	17

Окончание таблицы.

1	2	3	4
Нулевой суффикс	значение исполнителя действия; значение абстрактного понятия	нарицательные отглагольные субстантивы м. р., ед. ч.	15
-ник-	лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом, и образованные от глагольной основы	субстантивы	14
	лицо, характеризующееся качеством либо признаку, непосредственно относящимися к мотивирующему слову	нарицательные субстантивы м. р.	
-ств-	союз, объединение лиц; результат действия	нарицательные отглагольные субстантивы, ср. р., ед. ч.	12
-н-	признак или свойство, относящиеся к предмету, явлению, действию, месту, времени или числу, названному исходным словом	относительные субстантивы	10
-ор/-ер-	отнесенность к мотивирующему слову	нарицательные субстантивы м. р.	7
-тель-	характеристика лица по профессиональной принадлежности или сфере деятельности	нарицательные субстантивы м. р.	7
-ист-	лицо, которое характеризуется отношением к определенной сфере занятий	субстантивы м. р.	5
-ант/-ент-	обозначение лиц по роду их занятий и деятельности	нарицательные субстантивы	4
-к-	действие, названное мотивирующим глаголом	нарицательные субстантивы ж. р.	4
-итет-	отвлеченный признак	нарицательные субстантивы м. р.	3
-изм-	названия учений и общественных течений	нарицательные субстантивы	2
-енн-	исполнитель действия	адъектив	1
-ец-	отношение к определенному процессу	нарицательные субстантивы м. р.	1

Префиксация (т.е. способ образования слов путем присоединения префикса) – также достаточно продуктивный способ образования ОПЛ, представлен 55 лексемами (т.е. 13,41% от всей ОПЛ).

– Приставка не- выявлена в 26 лексемах – относительными адъективами либо абстрактными субстантивами со значением, прямо противоположным значению мотивирующего адъектива: *зависимый* → *не-зависимый*; *законный* → *не-законный*.

– Приставка анти- представлена 5 лексемами – адъективами со значением ‘противоположность тому, что названо словом без приставки’: *буржуазные* → *анти-буржуазные*; *лидер* → *анти-лиде*.

– Приставка без- представлена 22 лексемами – абстрактными адъективами со значением ‘противоположность тому, что названо словом без приставки’: *опасный* → *без-опасный*; *визовый* → *без-визовый*.

– Приставка а- представлена 2 лексемами – относительными адъективами со значением ‘противоположность тому, что названо словом без приставки’: *моральный* → *а-моральный*; *социальный* → *а-социальный*.

Продуктивным способом образования общественно-политической лексики является **аббревиация** – искусственное образование слов путем сложения начальных (иногда других) элементов слов. Данный способ представлен 50 лексемами, что составляет 12,2% от всей ОПЛ. В данной прессе были выявлены следующие виды аббревиации:

1. Звуковые – *АПЭК, ГИА, СМИ, ФСБ, ЦИК, КАСКО, ОСАГО, СОГБУ*;

2. Буквенные – *КПРФ, ЛДПР, МПА, МЧС, ОНФ, СНГ, ЦПП, ЦПЭ, ЦКР* и др.;

3. Буквенно-звуковые – *ГИБДД, ЕГЭ, УФССП, СНИЛС*;

4. Слоговые: *Зампред* <– *заместитель* + *председателя*; *Избирком* <– *избирательный* + *комитет*;

5. Слогово-словные: *Генпрокуратура* <– *генеральная* + *прокуратура*; *Генплан* <– *генеральный* + *план*; *Гос-услуги* <– *государственные* + *услуги*; *Роспотребнадзор* <– *Российский* + *потребительский* + *надзор*.

Чаще всего путем аббревиации образуются наименования общественных объединений либо ведомственных учреждений. Также следует отметить, что в текстах статей параллельно с аббревиатурами встречаются и полные формы данных лексем, причем эти единицы могут употребляться в полной либо сложносокращенной форме как в разных статьях, так и в пределах одной (например, «... таким же предложением ко мне обратились руководители ряда политических партий, представленных в региональном парламенте: «Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), другие политические силы»).

Основословосложение / основословосложение с суффиксацией является активным способом образования ОПЛ. Этот способ представлен 31 лексемой (т.е. 7,56% от выявленной ОПЛ). В рамках этого способа мы выделили 4 типа:

1) сложение основ, в результате которого образуются составные наименования с дефисным написанием: *пресс-атташе* <– *пресс* + *атташе*; *пресс-конференция* <– *пресс* + *конференция*; *экс-губернатор* <– *экс* + *губернатор*; *пси-фактор* <– *пси* + *фактор*;

2) сложение основ при помощи интерфикса: *законопроект* <– *закон* + *о* + *проект*; *налогоплательщик* <– *налог* + *о* + *плательщик*;

3) сложение основ без помощи интерфикса: *культуротник* <– *культура* + *работник*; *медиарейтинг* <– *медиа* + *рейтинг*; *ультрамарафон* <– *ультра* + *марафон*; *псевдоволонтер* <– *псевдо* + *волонтер*.

4) сложно-суффиксальный способ: *единоросс* <– *единая* + *о* + *Россия* + *нулевой суффикс*; *работодатель* <– *работа* + *о* + *дать* + *-тель*.

Субстантивация (т.е. переход в разряд имен существительных других частей речи) – самый малочисленный способ образования ОПЛ, представлен всего 1 лексемой (т.е. 0,24% от всей ОПЛ). *Присяжный (суц.) <– Присяжный (прич.)*.

120 лексем (29,27% от всей ОПЛ) из представленных в картотеке оказались непроизводными. Значительная часть данных слов служат базой для образования производной общественно-политической лексики. Большинство из них по происхождению являются заимствованными (например, *бренд, бюджет, интернет, кампания, сфера, декларация, инвестиция, модернизация, реализация* и др.), из чего можно сделать вывод о том, что современная общественно-политическая лексика активно пополняется не только при помощи словообразования, но и за счет заимствований.

Заключение. Словообразовательный анализ единиц общественно-политической лексики западнороссийских СМИ демонстрирует, что самым продуктивным типом образования новой ОПЛ является суффиксация. Префиксация для западнороссийских СМИ оказалась также продуктивным способом образования новых единиц. Наиболее активными суффиксами в русской ОПЛ являются -аций/-ций, -,ний/-ий, -ник и нулевой суффикс. Нами было выявлено 5 видов аббревиации (звуковые, буквенные, звуко-буквенные слоговые и слогово-словные аббревиации). В рамках основословосложения либо основословосложения с суффиксацией в русской общественно-политической лексике было выделено 4 типа (сложение основ, в результате образуются наименования, которые пишутся через дефис, сложение основ при помощи интерфикса, сложение основ без помощи интерфикса и сложно-суффиксальный способ). Непродуктивным типом оказалась субстантивация. Большая часть слов (120 лексем) в западнороссийской ОПЛ оказались непроизводными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 414 с.
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1959. – 451 с.
3. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – С. 46–78.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Высш. шк., 1992. – 220 с.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
6. Земская Е.А. Как делаются слова. – М., 1963. – 278 с.
7. Земская Е.А. Новое в лексике – новое в словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы VII Междуна. научн. конф., посвящ. 70-летию проф. А.Н. Тихонова. – Елец, 2001. – С. 68–105.
8. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. – Орел, 1998. – 400 с.
9. Нецименко Г.П. Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – 278 с.
10. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 330 с.
11. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
12. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. – Ростов-н/Д., 2002. – 360 с.
13. Плотникова Л.И. Процесс порождения нового слова в условиях коммуникации // Язык. Система. Личность: материалы Междунар. научн. конф. – Екатеринбург, 1998. – С. 124–128.
14. Плотникова Л.И. Динамический аспект исследования не узуальных образований // Лексическая и грамматическая семантика: материалы Междунар. научн. конф. – Белгород, 1998. – С. 127–130.
15. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. – Белгород, 2000. – 374 с.
16. Плотникова Л.И. Словообразование как феномен языковой личности. – Белгород, 2003. – 374 с.
17. Попов Р.Н. Новые слова на газетной полосе // РЯШ. – 1993. – № 4. – 11 с.
18. Попов Р.Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы // РЯШ. – 1996. – № 1. – С. 15–16.
19. Федосеева А.В. Игра с именем собственным в языке газеты: возможности аббревиации БАБ и другие // Журналистика: информационное пространство. – 2004. – № 5. – С. 20–23.
20. Чимитова С.Д. Особенности новообразования в современных средствах массовой информации (на примере бурятского языка) // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 6 (25). – С. 12–15.
21. Абдул-Хамид Муджахид Ахмад Политическая лексика в современном русском языке и в современном иврите (словообразование): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2005. – 260 л.
22. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1975. – 239 с.
23. Сагындыкова Ж.О. Формирование общественно-политических неологизмов в русском языке. – URL: <https://articlekz.com/article/22964>. (дата обращения: 20.03.2023).
24. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразоват. единиц. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 636 с.
25. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка: пособие для учащихся. – М.: Культура и традиции, 1997. – 576 с.
26. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М., 1985.
27. Ульянова О.А. Словообразовательный словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2013. – 512 с.

Поступила 04.04.2023

SOCIO-POLITICAL VOCABULARY FORMATION IN THE MEDIA OF WESTERN RUSSIAN REGIONS

L. LEBIADZEVICH*(Yanka Kupala State University of Grodno)*

This article is devoted to the peculiarities of the word-formation of socio-political vocabulary, revealed on the pages of the Western Russian media. In the article the author provides a brief analytical reference about scientists who have dealt with the problems of word formation; examines the main ways of forming socio-political vocabulary and determines their degree of productivity. Based on word-forming dictionaries, 5 ways of forming a new socio-political vocabulary presented in Western Russian newspapers are identified, and the degree of their productivity and frequency of morpheme use are determined. The word-formation analysis of the units of socio-political vocabulary of the Western Russian media demonstrates that suffixation is the most productive type of formation of a new socio-political vocabulary.

Keywords: *socio-political vocabulary; Western Russian media; word-formation; suffixation; prefixation; abbreviation; compounding; substantivation.*

УДК 821.161.3

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-90-95

ЗААМОРФНЫ КУЛЬТУРНЫ КОД У БЕЛАРУСКАЙ МАСТАЦКАЙ СВДОМАСЦІ

канд. філал. навук, дац. Л.Г. ДУКТАВА
 (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы
 і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5401-7932>

У артыкуле разгледжаны зааморфны код як адзін з культурных кодаў, вызначаны асаблівасці выкарыстання культурных кодаў як носьбітаў глыбінных сэнсаў нацыянальнай самасвядомасці. Разгледжаны асноўныя судкоды зааморфнага кода ў беларускай літаратуры XX – XXI стагоддзяў. Арніталагічны субкод прадстаўлены вобразамі і матывамі бусла, жураўля, крумкача, жаваранка, арла. Тэматычная група «дзікія жывёлы» тэрыялагічнага субкода прадстаўлена вобразамі ваўка, зубра, мядзведзя. Адным з распаўсюджаных вобразаў, які звязаны з тэматычнай групай «свойскія жывёлы» тэрыялагічнага субкода, з’яўляецца вобраз каня, які адлюстраваны як у творах класікаў («На ніве» Я. Коласа, «Араты» Я. Купалы, «Бацькаўшчына», К. Чорнага), так і сучаных аўтараў («Развітанне з бацькоўскім канём» А. Пісьмянкова, «Коні на праспекце» Я. Сіпакова). Рэпрэзентацыя зааморфнага кода ў мастацкай свядомасці звязана з філасофскай і інтымнай лірыкай, з сацыяльным зместам эпічных твораў, іх гуманістычнай і экалагічнай скіраванасцю.

Ключавыя словы: культурны код, зааморфны код, беларуская літаратура, арніталагічныя вобразы, тэрыялагічны субкод, іхтыялагічны субкод, герпеталагічны субкод, энтамалагічны субкод.

Уводзіны. Даследаванне выкарыстання культурных кодаў у творах прыгожага пісьменства, выяўленчага мастацтва, кінематографа і іншых відах мастацтва з’яўляецца адным з актуальных пытанняў у сучасным гуманітарным дыскурсе. На актуальнасць вызначэння культурных кодаў пры інтэпрацыі мастацкіх літаратурных твораў, твораў вуснай паэтычнай творчасці звярнулі ўвагу беларускія даследчыкі А. Мельнікава [1], Т. Шамякіна [2], І. Швед [3], Я. Грыневіч [4] і інш. У беларускай мастацкай свядомасці склалася свая сістэма вобразаў і матываў, якая звязана са светам фаўны. Вызначэнне асаблівасцей рэпрэзентацыі зааморфнага кода дазваляе больш выразна ахарактарызаваць асаблівасці нацыянальнага светапогляду.

Мэта дадзенай работы – вызначыць асаблівасці рэпрэзентацыі зааморфных культурных кодаў у творчасці беларускіх аўтараў. Задачы: вызначыць асаблівасці рэпрэзентацыі арніталагічнага субкода ў творах беларускіх аўтараў, ахарактарызаваць асноўныя складнікі тэрыялагічнага субкода ў мастацкіх творах беларускай літаратуры; выявіць асноўныя рысы іхтыялагічнага, герпеталагічнага, энтамалагічнага і крыптазаалагічнага субкодаў у мастацкай свядомасці.

Асноўная частка. Культурны код, які звязаны з адлюстраваннем свету жывёл, у розных класіфікацыях культурных кодаў мае наступныя назвы: жывёльны (С. Санько [5]), фаўністычны (Г. Мезенка [6]), заалагічны (Т. Лявонцьева [7]), зааморфны (В. Маслава і М. Піменава [8], В. Целя [9], Н. Сцяпанав [10]). Даследаванню асаблівасцей рэпрэзентацыі зааморфнага культурнага кода ў складзе моўнага вобразу свету прысвечаны работы Ф. Гукетлавай («Зааморфны код культуры ў моўнай карціне свету» [11]), Х. Разенковай, С. Шуставай («Анімалістычны код англійскай культуры ў лінгвадыдактычным аспекце» [12]), Л. Бойкі («Зааморфны код культуры ў семантыцы ўстойлівых параўнанняў» [13]), К. Сісе («Антрапацэнтрычны патэнцыял зааморфнага кода назваў жывёл у духоўным кругаглядзе носьбітаў рускага фальклора» [14]) і інш.

Вобразы жывёл і птушак шырока распаўсюджаны ў фальклорных творах усходніх славян, пра што сведчаць казкі пра жывёл («Лісічка-сястрычка і воўк», «Лісіца і жораў» і інш.), народныя песні («Ляцела зязюля», «Яшчур» і інш.). Сімваліка з анімалістычнымі выявамі прысутнічае на гербах беларускіх населеных пунктаў: выява ваўка – г. Ваўкавыск, г.п. Лагішын; выява зубра – Брэсцкая вобласць; выява бусла – г. Столін, г.п. Лельчыцы; выява лася – г.п. Расоны; выява рыб – г.п. Паставы, г.п. Падсвілле; выява лебедзя – г. Маёры, выява льва – г. Гарадок, г.п. Воранава, г. Ліда, г. Слонім; выява вавёркі – г.п. Вялікая Бераставіца, г.п. Акцябрскі; выява алены – г. Гродна; выява мядзведзя – г. Смаргонь; вобраз рысі – г. Гомель і інш. Сярод беларускіх мастакоў да выкарыстання зааморфнага кода звярнуліся С. Богуш-Сестранцэвіч (выява «Рысакі»), М. Беляніцкі (серыя жывапісных работ «Белавежская пушча»), Г. Вашчанка («Палеская песня», «Мацярынскія крылы») і інш.

Зааморфны код адыгрывае важную сэнсаўтваральную ролю ў ідэйна-мастацкай сістэме шэрагу твораў прыгожага пісьменства розных перыядаў, быў прааналізаваны шырокі пласт мастацкіх твораў беларускай літаратуры, выдзелены шырока распаўсюджаныя ў беларускай мастацкай свядомасці анімалістычныя вобразы і матывы. Вобразы жывёл падчас палявання адлюстраваны ў беларускай літаратуры пачынаючы са старажытнага перыяду. Яркім узорам з’яўляецца паэма М. Гусоўскага «Песня пра лібічча, дзікасць зубра і паляванне на яго», або скарачана «Песня пра зубра». У творы паказаны звер, які надзелены, з аднаго боку, такімі рысамі, як бяскрыўднасць, лагоднасць. З другога боку, падчас абароны ад ворагаў гэты волат выступае лютым, бязлітасным абаронцам. Навідавоку рысы характару гаспадара беларускай зямлі. Выкарыстанне зааморфнага кода ў беларускай літаратуры другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў (у апавесці «Ваўчыца з Чортавай Ямы», апавяданні «Дзік-

бадзяга» Б. Сачанкі, апавяданні «Львы» І. Пташнікава, аповесці «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Казько, паэме «Одзіўм» Я. Сіпакова, рамане «Літоўскі воўк» А. Наварыча і інш.) дазваляе творцам тлумачыць розныя з’явы ў жыцці грамадства, звяртацца да маральна-этычных праблем, гутарыць на экалагічную тэму.

У сучасным літаратуразнаўстве навукоўцы пры аналізе выкарыстання культурных кодаў акцэнтуюць увагу на спосабы іх рэпрэзентацыі ў мастацкім творы з дапамогай канцэптаў, матываў, вобразаў, ідэйнай скіраванасці твора. Метадалагічную аснову даследавання рэпрэзентацыі культурных кодаў у літаратурных творах складаюць работы А. Мельнікавай [1], Т. Шамякінай [2], А. Трубяцковай [15] і інш. На ўзроўні літаратурнага тэксту важным таксама з’яўляецца вызначэнне лінгвакультурнага кода праз аналіз мастацка-вобразных сродкаў (метафар, параўнанняў і інш.). На гэты конт зроблены значныя вынікі ў мовазнаўчых работах В. Целіі [9], В. Маславай, М. Піменавай [8], В. Красных [16], Д. Гудкова, М. Каўшовай [17], Т. Лявонцьевай [7] і інш. У даследаванні выкарыстаны структурна-семантычны, тыпалагічны, апісальны, гісторыка-літаратурны метады.

Субкодамі зааморфнага кода з’яўляюцца наступныя: арніталагічны (птушкі), тэрыялагічны (млекакормячыя), іхтыялагічны (рыбы), герпеталагічны (земнаводныя і паўзуны), энтамалагічны (насякомыя), крыптазаалагічны (невядомыя для навукі істоты-жывёлы). У беларускай літаратуры прадстаўнікі фаўны адлюстраваны як рэаліі прыроды, элементы пейзажных замалёвак, вобразы-алегорыі, вобразы-сімвалы.

Арніталагічны субкод у беларускай літаратуры прадстаўлены вобразамі птушак, якія распаўсюджаны на беларускіх землях (табліца 1). Гэта арол, бусел, ворона, крумкач, верабей, голуб, грак, драч, жаўранак, журавель, зязюля, каршун, кнігаўка, лебедзь, сініца, снягір, сойка, сокал, цецярук, чайка, чапля, шпак, ястраб і інш. Сярод сваіх птушак – гэта певень, качка, гусь.

Табліца 1. – Арніталагічныя вобразы ў мастацкіх творах беларускай літаратуры (напрыклад, вобразы арла, бусла, крумкача (ворана, гругана), жаўранка, жураўля)

Вобразы і матывы	Мастацкія літаратурныя творы беларускіх аўтараў
Арол	«Арол галодны і сыты» А. Вярцінскага; «Прылячу» А. Дзеружынскага; «Арліная крыніца» А. Зарыцкага; «Гусак і арол» А. Звонака; «Арол» Я. Коласа; «Ворану вышэй арла не лятаць» К. Крапівы; «Песня звана» Я. Купалы; «Дух мой узвіўся высока» Я. Пушчы; «Босыя на вогнішчы» Я. Чачота і інш.
Бусел	«Балада пра кожнага першага» Э. Акуліна; «Раніца ляжала на крыле...» Т. Бондар; «Ясны кут» П. Броўкі; «Буслы» С. Грахоўскага; «Народная казка пра бацяна» У. Дубоўкі; «Злом» А. Дударова; «Пад небам буслінным» А. Экава; «Бусел» А. Кажадуба; «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Казько; «Буслы вучаць дзяцей», «О мой цудоўны край...» У. Караткевіча; «Буслы» У. Карызы; «Як птушкі дуб ратавалі», «Новая зямля» Я. Коласа; «Буслы», «На Палессі» Я. Купалы; «Буслы, буслы...», «Чорны бусел» П. Панчанкі; «Буслы» У. Сыракомлі; «Бусел», «Узыход сонца» М. Танка і інш.
Крумкач (воран, груган)	«Кружаць над азяблаю зямлёю» Т. Бондар; «Ляцеў груган, сеў на курган...» А. Вярцінскага; «Салавей і груганы» М. Вяршыніна; «Чорны воран, белы лебедзь» С. Гаўрусёва, «Казка» С. Дзяргая; «Груган» С. Законнікава; «Крумкачы» У. Караткевіча; «Мінск і воран, Парыж і здань» А. Казлова; «Як птушкі дуб ратавалі» Я. Коласа; «Ворану вышэй арла не лятаць» К. Крапівы; «Груган», «Груган і салавей», «Нікому» Я. Купалы; «Воран кружыць» Н. Мацяш; «Груган», «Славянскі матыў» А. Пісьмянкова; «Чаму груган чорны» М. Танка і інш.
Жаўранак	«Як захлынуўся ад радасці жаўранак...» Р. Барадуліна; «Жаваранак» А. Бачылы; «Жаўранак» Д. Бічэль-Загнетавай; «Жаўрук вядзе за цэлы хор...» Т. Бондар; «Жаўрук» П. Броўкі; «Гуртавое» Я. Брыля; «Жаўранак над праспектам», «Жаўранак дражніцца са мной» Г. Бураўкіна; «Жаўрук прадзе сярэбраную нітку...», «Дзе ты, мой жаўрук?» А. Дзеружынскага; «Жаваранк» В. Віткі; «Жаўранкі» В. Зуёнка; «Вяртанне» П. Панчанкі; «На пахаванні жаўрука» М. Танка; «Аратаму» Я. Чачота і інш.
Журавель	«Без песні жураўлінай» Н. Арсеньевай; «Адлет жураўлёў», «Жураўлі» М. Адамчыка; «Ветраломная паласа» А. Ароцкі; «Мяжы» М. Багдановіча; «Вятрак», «Курлы-курлы» Р. Барадуліна; «Жураўліныя ключы», «Ляцяць журавы» А. Бачылы; «Тры жураўкі», «Жураўлік» Д. Бічэль-Загнетавай; «Лес. Дарога. Жураўлі...» Т. Бондар; «Журавы» П. Броўкі; «Ты пачуў маіх вясновых журавоў» Г. Бураўкіна; «Пераломнае лета» М. Ваданосава; «Журавель» В. Віткі; «Дзед і жораў» В. Вольскага; «Мяжа» Л. Галубовіча; «Жураў і лісіца» А. Гаруна; «Журба недаляцеўшых журавоў...» С. Гаўрусёва; «Агні гараць, агні гараць над краем», «Кругі» У. Дубоўкі; «Злом», «Парог» А. Дударова; «Вырай» А. Дзеружынскага; «Паляванне на апошняга жураўля» А. Жука; «За старым, закінутым млынам...» У. Караткевіча; «На перавале стагоддзя» У. Карызы; «Адлет жураўлёў» «Дзве дарогі», «Жураўліны вырай» Я. Коласа; «Граніца» А. Куляшова; «Ледзь скрыпнуў журавель» А. Лойкі; «Перавал» Е. Лось, «Жораў» М. Лужаніна, «Вяртанне журавоў» Н. Мацяш; «Жураўлі», «Жураўліны рэквіем», «Смерць жураўля» М. Мятліцкага; «Журавы», «На схіле часу», «Толькі голас», «Пагранічча» П. Панчанкі; «Жураўлі» П. Пестрака; «Жураўліны адлет» П. Прыходзкі; «Курлы, курлы» Я. Пушчы; «Мяжа», А. Разанавы; «Тры жураўлі» М. Рудкоўскага; «Жураўлі на Палессе ляцяць» А. Ставера; «Адлятаюць журавы», «Журавель і чапля» М. Танка; «Журавель» П. Труса; «На парозе свету» Я. Чыквіна і інш.
Зязюля	«Не кувай ты, шэрая зязюля...» М. Багдановіча; «Зязюля і дрозд» М. Вяршыніна; «Колькі год я зязюлю не чую...» С. Гаўрусёва; «Зязюля» А. Грачанікава; «Зязюля» С. Законнікава; «Аповесць пра залатое дно» А. Зарыцкага; «Закукавала зязюля ў лесе празрыста-зялёным...» У. Караткевіча; «А зязюля кукавала...», «Прычына» Я. Купалы; «Скупая зязюля» А. Лойкі; «Як зязюлі закукуюць», «Ты скажы мне, зязюля» П. Панчанкі; «Гаданне» Цёткі; «Ой, чаму ж ты, зязюльчэка...» і інш.

Адным з распаўсюджаных арніталагічных вобразаў-сімвалаў у беларускай літаратуры ХХ ст. з'яўляецца вобраз бусла, які сімвалізуе радзіму, чысціню, шчасце. Пра бусла складзены шэраг легенд і паданняў: «Пра паходжанне бусла», «Пакаранне бусла», «Бусел», «Лясныя манахі». Паводле паданняў, Бог ператварыў чалавека ў бусла за непаслухмянасць. Гэты сюжэт адлюстраваны ў нарысе «Зямля пад белымі крыламі» У. Караткевіча, апавесці «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Казько, апавяданні «Бусел» А. Кажадуба, дзе бусел разглядаецца як татэмная птушка, якая сімвалізуе паходжанне беларусаў. Вобраз бусла ў вераваннях беларусаў у многім пераклікаецца з вобразам жураўля, іх успрымаюць як птушак з іншага ствету ў стану афарбоўцы. Сялярным вобразам у беларускай мастацкай свядомасці з'яўляецца вобраз пеўня, які сімвалізуе шчасце, жыццёвыя сілы, урадлівасць, дабрабыт. Паводле паданняў, у спрэчцы аб тым, хто зробіць найлепшую птушку, д'ябал стварыў паўліна, а анёл – пеўня, які прагнаў паўліна сваім спевам. Гэты спеў сімвалізуе пачатак новага дня. У беларускіх народных казках, байках, эпічных творах беларускіх пісьменнікаў выкарыстоўваецца вобраз-алегорыя пеўня, які атаясамліваецца з такімі рысамі характару, як ганарлівасць, саманадзейнасць: «Певень і індук» А. Звонака, «Што сказаў певень» Ядвігіна Ш і інш.

Тэрыялагічны субкод прадстаўлены тэматычнымі групамі «дзікія жывёлы», «свойскія жывёлы». Сярод найбольш распаўсюджаных вобразаў прадстаўнікоў дзікай фаўны ў беларускім прыгожым пісьменстве – вобразы ваўка, зубра, лася, мядзведзя, дзіка (табліца 2). Амбівалентнай сімволікай надзелены вобраз ваўка. З аднаго боку, гэта драпежнік, які наводзіць страх на людзей: «Топчачы верас і мох / Цёмных імшараў і лоз, / Выбрыў на сонны разлог / На асляпнелы пакос. / Зубам ляскоча аб зуб, / Вочы палаюць агнём; / Стаў, як калода, як слуп, / Стаў і азваўся вышцём» [18, с. 55]. Драпежнік у рэальных умовах адлюстраваны на старонках апавесці «Зона павышанай радыяцыі» І. Шамякіна, апавядання «Ваўчыца з Чортавай Ямы» Б. Сачанкі. З другога боку, воўк выклікае спачуванне падчас палявання на яго, гэты вобраз сімвалізуе адзіноту і трагічны стан, у якім апынулася асоба («Воўчая згряя», «Аблава» В. Быкава). У казачным эпасе вобраз ваўка з'яўляецца алегорыяй на такія рысы характару, як глупства, лягота, саманадзейнасць: «Святы воўк», «П'яны воўк», «Бык і ваўкі», «Воўк, стары сабака і кот» і інш. Вобраз-алегорыя ваўка адлюстраваны ў байках беларускіх пісьменнікаў: Ф. Багушэвіча («Воўк і авечка»), К. Крапівы («Воўк і гуманіст»), А. Абуховіча («Воўк і лісіца»). Напрыканцы ХХ стагоддзя ў творах беларускіх аўтараў на экалагічную тэматыку прысутнічае вобраз ваўка, які выклікае спачуванне: паэма «Чорная быль» С. Законнікава, вершы «Ваўчыца ў звярынцы», «Скарга прыручанага ваўка» Я. Сіпакова.

Табліца 2. – Найбольш распаўсюджаныя вобразы дзікіх жывёл у мастацкіх творах беларускай літаратуры

Вобразы і матывы	Мастацкія літаратурныя творы беларускіх аўтараў
Воўк	«Воўк і лісіца» А. Абуховіча; «Ваўчыца» М. Арочкі; «Воўк і авечка» Ф. Багушэвіча; «Воўчая згряя», «Аблава» В. Быкава; «Воўк» З. Бядулі; «Ваўкоў баяцца – ў лес не хадзіць...», «Пра воўка памоўка» А. Вярцінскага; «Лісіца, Леў і Воўк» У. Дубоўкі; «Чорная быль» С. Законнікава; «Воўк і гуманіст» К. Крапівы; «Воўк», «Воўк і баран» Я. Купалы; «Воўк і сарокі» У. Паўлава; «Воўк-бізнесмен» А. Пісьмянкова; «Воўк» А. Разанава; «Воўк» А. Русецкага; «Ваўчыца з Чортавай Ямы» Б. Сачанкі; «Ваўчыца ў звярынцы», «Скарга прыручанага ваўка» Я. Сіпакова; «Воўк і ліса» Р. Яўсева; «Зона павышанай радыяцыі» І. Шамякіна і інш.
Зубр	«Зубру-равесніку» Р. Барадуліна; «Зубр» Д. Бічэль-Загнетавай; «Ода зубру» П. Броўкі; «Песня пра зубра» М. Гусоўскага; «Балада пра невядомага першага» У. Караткевіча; «Зубр» П. Панчанкі; «Адзінец» Я. Сіпакова і інш.
Лось	«Лось» А. Бялёвіча, «Ласіны след» С. Грахоўскага, «Паляўнічыя акварэльні з Палесся» Я. Лучыны, «Балада пра лася» А. Пісьмянкова, «Ласі» П. Прыходзькі, «Браканьер», «Найдорф», «Тартак» І. Пташнікава і інш.
Мядзведзь	«Мядзведзь» З. Бядулі; «Даклад і лад» М. Вяршыніна; «Супакойцеся, мядзведзяты...» С. Гаўрусёва; «Барсук і Мядзведзь» У. Дубоўкі; «Былі ў мяне мядзведзі» У. Караткевіча; «Астрыжаны вожык», «Мядзвелзі» К. Крапівы; «Арчыбал» І. Пташнікава; «Трава – мядзведзь мядзведзем», «Маналог мядзведзя, які пасля першай спячкі выйшаў з бярогі» Я. Сіпакова і інш.

Сярод свойскіх жывёл адным з самых распаўсюджаных вобразаў з'яўляецца вобраз каня (табліца 3). Калі ў рускай мастацкай свядомасці вобраз каня выступае сімвалам волі, руху, хуткасці, у беларускай літаратуры даволі пашыраны вобраз каня на пашы, які сімвалізуе працавітасць, адданасць лёсу: «Араты» М. Ганчарыка, «На ніве» Я. Коласа, «Араты» Я. Купалы, «Бацькаўшчына» К. Чорнага. Конь з'яўляецца важным памочнікам у сялянскай працы, таму гэты персанаж шырока адлюстраваны ў беларускіх песнях, прыказках, прымаўках. У беларускай міфалогіі вобраз каня звязаны не толькі з земляробамі, а і са святарамі і ваярамі.

Сімвалам дабрабыту, заможнай гаспадаркі выступае вобраз каровы, і наадварот, страта каровы – сімвал заняпаду гаспадаркі, трагедыі сям'і («Знак бяды» В. Быкава, «Эвакуацыя» Н. Рыбік).

Табліца 3. – Найбольш распаўсюджаныя вобразы свойскіх жывёл у мастацкіх творах беларускай літаратуры

Вобразы і матывы	Мастацкія літаратурныя творы беларускіх аўтараў
1	2
Карова (бык, вол)	«Цялушка» Р. Барадуліна; «Музыка-чарадзейнік» У. Дубоўкі; «Неруш» В. Казько; «Бежанцы» В. Карамазова; «Новая зямля» Я. Коласа; «Вол і авадзень», «Два каханні», «Рагуліна прамова да свайго гаспадара», «Старшыня» К. Крапівы; «Эвакуацыя» Н. Рыбік і інш.

Канчаток табліцы 3.

1	2
Конь	«Рамантычны верш» Р. Баравікова; «Буланы» Д. Бічэль-Загнетавай; «Яшчэ раз пра коней» Л. Галубовіча; «Араты» М. Ганчарыка; «Зіма запрагла сваіх коней...», «Вераснёўскія дні – на буланым кані» С. Гаўрусёва; «Аповесць пра каня», «Пасылка» П. Глебкі; «Ганарысты конь» У. Дубоўкі; «Тыя коні не пасвяцца ў травах ружовых» С. Законнікава; «Вязьмо» М. Зарыцкага; «Пара коней сівых» А. Кажадуба; «Мокрыя травы», «Месяц заснуў на коміне хаты...», «О мой цудоўны край» У. Караткевіча; «Адшчапенец», «На ніве», «Конь і сабака», «Тройка» Я. Коласа; «Вараны», «Саманадзены конь», «Стары і малады», «Пра цыгана і кабылу» К. Крапівы; «Араты», «Селянін і конь», «Сват», «Князь» Я. Купалы; «Дзе вы, коні?» Е. Лось; «Запішыце каня ў Чырвоную кнігу», «Коні», «Конь» П. Панчанка; «Белы конь», «Развітанне з бацькоўскім канём» А. Пісьмянкова; «Снежанская свежасць» Я. Пушчы; «Ах, мілы конь, ах, мілы кося...», «Коні на праспекце», «Элегія» Я. Сіпакова; «Малітва за старых коней» М. Танка; «Бацькаўшчына», «На беразе», «Дзень», «Максімка», «Жалезны крык», «Малюнак» К. Чорнага і інш.
Сабака	«Чужая бацькаўшчына» В. Адамчыка; «Балада пра сабаку» М. Ароцкі; «У нашай вёсцы не было сабак...» Г. Бураўкіна; «Пабярэжцы» М. Ваданосава; «Сабака» А. Глобуса; «Сабака ў люстры» А. Звонака; «Конь і сабака», «Наталька, Джон і Муха», «На свім хлебе», «Страшнае спатканне» Я. Коласа; «Сука ў збане», «Старшыня» К. Крапівы; «Львы» І. Пташнікава; «Сабака ў моры» А. Пысіна; «Добрае стаўленне да сабакі» В. Ткачова; «Бляха» А. Федарэнкі і інш.

Іхтыялагічны субкод прадстаўлены ў творах А. Вялогіна («Акуні»), Я. Коласа («Міхасёвы прыгоды»), Я. Чачота («Калдычэўскі шчупак»). Паводле славянскіх міфалагічных уяўленняў рыба асацыюецца з каранямі Сусветнага дрэва. Даследчыкі Л. Дучыц, С. Санько адзначаюць: «Асаблівая роля ў вераваннях і магіі адводзілася шчупаку (шчуцы). Сківіцы шчупака вешалі над уваходам у хату як абярэг ад хваробаў (сімвалічнае выгрызанне хваробаў і нячыстай сілы. Шчупак згадваецца ў замовах, казках, песнях. Ва ўсходнеславянскіх казках ён дапамагае герою. Са шчупаком звязаны матыў абарочвання – чараўнік ператвараецца ў ваўка, сокала, шчупака» [19, с. 440].

У беларускай літаратуры прадстаўлены калейдаскоп энтамалагічных вобразаў: вобраз асы («Асінае гняздо» Я. Коласа, «Аса» М. Федзюковіча); вобраз божай кароўкі («Божая кароўка» М. Кусянкова); вобраз камара («Камары» А. Вярцінскага, «Камары» А. Дзеружынскага); вобраз коніка («Конікі» Д. Бічэль-Загнетавай, «Свая філасофія» М. Дуксы, «Паглядзі, як многа конікаў на лузе» М. Кусянкова); вобраз матыля («Разлуку ў хуткім часе напроч...» Р. Баравіковай, «Залатая, асенняя раница...» У. Дубоўкі, «Матылёк» Н. Мацяш, «Матыль» М. Танка); вобраз цвіркуна («Цвіркун» Я. Коласа); вобраз чмяля («Чмяліны мёд» В. Віткі, «Мёдам чмяліным венець лугі» С. Гаўрусёва); вобраз страказы («Ты гаворыш» Р. Баравіковай, «Страказа» Я. Коласа); вобраз мухі («Муха» Я. Коласа, «Трактарыст і муха» Я. Крупенькі, «Ізмурудна-зёлёныя мухі» Ю. Станкевіча, «Слон і мухі» І. Шуцько); вобраз мураша («Дыялог з мурашом» Г. Бураўкіна, «Крот, Мурашка і Лісіца» У. Дубоўкі, «Мурашка і Жук» К. Крапівы); вобраз павука («Павук як іншаланецянін» Р. Барадуліна, «Павук» Ядвігіна Ш., «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» В. Казько); вобраз пчалы («Пчолы ў моры», «Свята пчалы» Р. Барадуліна, «Эстэт і пчала» Э. Валасевіча, «Пчала і шэршань» Я. Коласа, «Пчолы і трутні» Я. Купалы, «Пчала» М. Танка, «Пчала» М. Мятліцкага).

Напрыканцы ХХ ст. у творах на чарнобыльскую тэму іхтыялагічныя вобразы маюць новую, адрозную ад традыцыйнага адлюстравання, афарбоўку. Напрыклад, у народных павер'ях усходніх славян пчала выступала сімвалам урадлівасці, а ў паэме «Одзіўм» Я. Сіпакова вобраз пчалы выступае сімвалам небяспекі для чалавека.

Цікавую міфапаэтычную афарбоўку ў творах беларускіх пісьменнікаў маюць вобразы змяі, вужа. Герпеталагічны субкод прадстаўлены ў творах беларускіх пісьменнікаў сімвалічнымі і алегарычнымі вобразами змяі, вужа ў творах «Танец з вужакамі», «Змеі» А. Разанава, «Мурашкі і змяя» Б. Мароза, «Дзіця, вожык і змяя» К. Крапівы, вобразами-алегорыямі жабы ў байках «Кракадзіл і жаба» У. Дубоўкі, «Жаба ў каляіне» К. Крапівы.

Крыптазаалагічны (невядомыя для навукі істоты-жывёлы) субкод прадстаўлены міфічнымі істотамі, напрыклад, Цмокам, Змяіным Царом. У вершы «Змяіны цар» М. Багдановіча, апавяданні «Вужовая карона» Я. Баршчэўскага выкарыстана паданне пра Вужовага Цара (Змяінага Цара): той, хто сустрэне гэту пачвару і расцэле перад ёй абрус, можа атрымаць пэўны дар. Апісанне цмокаў, якія быццам жылі ў Лепельскім возеры, прысутнічае ў аповесці «Хрыстос прыязміўся ў Гародні» У. Караткевіча.

Выяўленне гістарычна-культурнай семантыкі анімалістычных вобразаў і матываў дазваляе вытлумачыць функцыянальнасць зааморфнага кода ў беларускай літаратуры. Вобразы бусла, жураўля, зязюлі, ваўка, лася, каня, каровы з'яўляюцца характэрнымі для беларускай мастацкай свядомасці.

Заклучэнне. Зааморфны код разгледжаны як складнік з шасці субкодаў: арніталагічны, тэрыялагічны, іхтыялагічны, герпеталагічны, энтамалагічны, крыптазаалагічны. У беларускай мастацкай свядомасці арніталагічны субкод прадстаўлены вобразами бусла, жураўля, зязюлі і інш. У асноўным гэта сімвалічныя вобразы і вобразы-алегорыі, якія дазваляюць тлумачыць сацыяльныя з'явы, учынкi. Тэрыялагічны субкод выкарыстоўваецца ў творах, дзе, па-першае, адлюстраваны рэальныя ўзаемаадносіны чалавека і прыроды. Па-другое, калі анімалістычныя вобразы-алегорыі скіраваны на паказ чалавечых паводзінаў, напрыклад, у беларускіх байках. Па-трэцяе, тэрыялагічныя псіхалагізаваныя вобразы набылі шматгранную распрацоўку ў эпічных творах («Львы» І. Пташнікава, «Ваўчыца з Чортавай Ямы» Б. Сачанкі, «Луп» Ю. Станкевіча), дзе ўздзімаюцца сацыяльныя праблемы. Іхтыялагічны, герпеталагічны і энтамалагічны субкоды выкарыстоўваюцца беларускімі пісьменнікамі ў асноўным на ўзроўні мастацка-вобразных сродкаў – метафар, параўнанняў. У сваіх творах аўтары звяртаюцца да паказу як

рэальна існуючых, так і фантастычных істот. Крыптазаалагічны субкод прадстаўлены ў творчасці М. Багдановіча, Я. Баршэўскага, У. Караткевіча і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. Мельнікава А.М. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.
2. Шамякіна Т. Коды культуры ў паэме Якуба Коласа «Сымон-музыка» // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: VII Міжнар. навук. канф., 12–14 кастр. 2005 г., Мінск: зб. навук. арт.: у 3 т. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Бутырчык (адк. рэд.). – Мінск: РІВШ, 2010. – Т. 2. – С. 30–35.
3. Швед И.А. Классификационные модели концептуальных кодов мифопоэтического мышления белорусов // Традиции і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. дакл. і тэз. VI Міжнар. нав.-практ. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2015 г. / гал. рэд. А.І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2016. – С. 541–545.
4. Грыневіч Я.І. Каляндарна-храналагічны код беларускіх пазабрадавых лірычных песень // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі фалькларыстык / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Права і эканоміка, 2015. – Вып. 19. – С. 201–207.
5. Санько С. Прадмова // Беларуская міфалогія: энцыкл. сл. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 3–11.
6. Мезенка Г.М. Коды культуры і ўрбанімія славян: падабенства і варыяцыйныя рэпрэзентацыі // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XV Міжнарод. з'езд славістаў (Мінск, 20–27 жн. 2013): дакл. беларус. Дэлегатыі / Нац. акад. навук Беларусі; рэдкал. А.А. Лукашанец (адк. рэд.). – Мінск: Беларус. думка, 2013. – С. 99–108.
7. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
8. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 180 с.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Степанова Н.И. Интертекстуальная природа визуального текста рекламы: дисс. ... канд. культурологии: 24. 00. 01. – Кемерово, 2013. – 171 л.
11. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира : на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02, 10.02.20. – Нальчик, 2009. – 431 л.
12. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте. – Пермь: АНО ДПО «Пермский ин-т экономики и финансов», 2018. – 150 с.
13. Бойко Л.Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 5(29). – С. 94–97.
14. Сиссе К. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2021. – 153 л.
15. Трубецкова Е. Г. Морбуальный код русской литературы XX–XXI вв.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Саратов, 2022. – 46 с.
16. Красных В.В. Коды и эталонные культуры (приглашение к разговору) // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. / Моск. гос. ун-т. – М., 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
17. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
18. Купала Я. Поўны збор твораў: у 9 т. – Т. 2. – Мінск: Маст. літ-ра, 1996. – 342 с.
19. Дучыц Л., Санько С. Рыба // Беларуская міфалогія: энцыкл. сл. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – С. 439–441.

Паступіў 14.04.2023

ЗООМОРФНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В БЕЛОРУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Л.Г. ДУКТОВА

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье рассматривается зооморфный код как один из культурных кодов, выявлена специфика использования культурных кодов как носителей глубинных смыслов национального самосознания. Рассмотрены основные субкоды зооморфного кода в белорусской литературе XX–XXI веков. Орнитологический субкод представлен образами и мотивами аиста, журавля, ворона, жаворонка, орла. Тематическая группа «дикие звери» териологического субкода представлена образом волка, зубра, медведя. Одним из распространенных образов, относящимся к тематической группе «домашние животные» териологического субкода, является образ коня, который изображается как в произведениях классиков (Я. Колоса, Я. Купалы, К. Чернога), так и современных авторов

(А. Письменкова, Я. Сипакова). Репрезентация зооморфного кода в художественном сознании связана с философской и интимной лирикой, с социальным содержанием художественных произведений, их гуманистической и экологической направленностью.

Ключевые слова: культурный код, зооморфный код, белорусская литература, орнитологические образы, териологический субкод, ихтиологический субкод, герпетологический субкод, энтомологический субкод.

THE ZOOMORPHIC CULTURAL CODE IN THE BELARUSIAN ARTISTIC CONSCIOUSNESS

L. DUKTAVA

*(Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Belarus, Minsk)*

The article considers the zoomorphic code as one of the cultural codes, reveals the features of the use of cultural codes as carriers of the deep meanings of national identity. The main subcodes of the zoomorphic code in the Belarusian literature of the XX–XXI centuries are considered. The ornithological subcode is represented by the images and motifs of the stork, crane, raven, lark, and eagle. The thematic group «wild animals» of the theriological subcode is represented by images of a wolf, a bison, a bear. One of the common images belonging to the thematic group «domestic animals» of the theriological subcode is the image of a horse, which is depicted as in the works of the classics («On the field» by Yakub Kolas, «Arat» by Yanka Kupala, Fatherland, Kuzma Chorny), and others. authors («Farewell to the father's horse» by Ales Pismiankou, «Horses on the avenue» by Yank Sipakou). The representation of the zoomorphic code in artistic consciousness is associated with philosophical and love lyrics, with the social content of works of art, their humanistic and environmental orientation.

Keywords: *cultural code, zoomorphic code, Belarusian literature, ornithological images, teriyalagic subcode, ichtyyalagic subcode, herpetalagic subcode, entamalagic subcode.*

УДК 82-2+821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-96-100

**«ПИГМАЛИОН» ДЖ. Б. ШОУ В ЗЕРКАЛЕ МИФОПОЭТИКИ:
КРИЗИС ИНИЦИАЦИИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗМА**

канд. филол. наук, доц. А.С. СМЕРНОВ
**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск)**

Предметом исследования является ритуально-мифологический подтекст пьесы Дж. Б. Шоу «Пигмалион», соответствующий схеме инициации, описанной В. Проппом на материале волшебной сказки. Существенным для пьесы оказывается демонстративно неполное соответствие её сюжета классической схеме инициации, в чем проявляется авторское переосмысление соотношения личностного и родового (коллективного). Следствием инициации для героини становится осознание собственной личностности и принципиальный отказ от следования постинициационным сценариям социального поведения. Показано, что, в отличие от фольклорного «автора», полагающего высшее личностное достижение героя волшебной сказки в его слиянии с родовым коллективом, ценностным приоритетом для Шоу является индивидуальное человеческое «я». Определено место пьесы Шоу как художественного и философско-эстетического документа эпохи модернизма среди иных произведений, представляющих девиантные формы инициации.

Ключевые слова: Пигмалион, Галатейя, инициация, социализация, личностность, волшебная сказка.

Введение. Овидиевский претекст «Пигмалиона» Дж. Б. Шоу со времен создания пьесы (1912–1913) оказывал воздействие на её восприятие в матримониальном ключе. «На долю Шоу выпало немало упреков критики в том, что он <...> не соединил брачными узам Хигинса – Пигмалиона и Элизу – Галатейю» [1, с. 180; см. также 2, с. 60]. Дополнительное стимулирующее воздействие водеvilейное понимание пьесы получило после её адаптации для экранизации (1938) и появления новой редакции (1941), включающей эпизоды из сценария. Мюзикл «Моя прекрасная леди» (1964) также придал импульс вольным трактовкам «Пигмалиона», примером которых в художественной сфере явилось, в частности, создание советского фильма-балета «Галатейя» (1977). «История “Пигмалиона” <...> как произведения, которое претерпело серьезные изменения в результате адаптации к кино и музыкальной комедии, является в некотором роде историей утерянного шедевра – или если не утерянного, то существенно измененного и затемненного» [3, р. 6]. Однако возможности романтического переосмысления пьесы, равно как и переноса акцента с создателя на создание, были обусловлены уже самим Шоу, который преобразовал быструю метаморфозу пассивной Галатейи Овидия в стадиальный эволюционный процесс своей активно действующей героини. Не случайно даже научные работы, посвященные «Пигмалиону», концентрируются, в основном, на образе Элизы [3; 4], невзирая на авторское мнение относительно подлинного протагониста пьесы, недвусмысленно выраженное в заглавии как её самой, так и предисловия к ней («Профессор фонетики»).

Переопределение интерпретаторами центрального персонажа уводит в сторону от идеи пьесы, безусловно, связанной с образом главной героини, но отнюдь не фокусирующейся на нем. О том, что «Пигмалион» Шоу вряд ли мог быть назван «Галатейей», косвенно свидетельствует хотя бы тот факт, что «Галатейей» в пьесе две: кроме Элизы, это еще и ее отец, сущностное перерождение которого полностью затмевается для исследователей (см., например, [5, р. 109; 6, р. 225]) преобразованием его внешности. Сознательное авторское соотнесение сценических судеб дочери и отца позволяет предположить в «Пигмалионе» более глубокую идею, чем малодостоверная для Шоу возможность трансформации цветочницы в герцогиню или незамысловатый вывод о том, что «в людях из народа таится непочатый запас творческих сил» [7, с. 625], или необходимость «отдать должное и Галатее-Элизе, которая подарила ученому вдохновение, стала причиной его приподнятого состояния духа» [8, с. 109].

История интерпретаций «Пигмалиона» наглядно свидетельствует о прогрессирующем удалении интерпретаторов от изначальной авторской идеи и, в определенном смысле, об изъятии пьесы из конкретно-исторического контекста времени её создания, что и определило *актуальность* и *цель* нашего исследования – проанализировать роль и значение ритуально-мифологического подтекста пьесы для формирования её семантики в контексте иных произведений своего времени аналогичной тематики. Частные *задачи*, решение которых было необходимо для достижения цели исследования, определили его *методологическую базу*, которую составили структурно-семиотический, историко-функциональный и культурно-исторический методы.

Основная часть. Заглавие пьесы Шоу – это не только эксплицитная авторская аллюзия на конкретный античный миф, но и имплицитное указание на общий ритуально-мифологический подтекст трансформации Элизы (и ее отца), связанный с обрядом инициации. В.Я. Пропп подробно охарактеризовал сохранившиеся в обрядно-мотивной структуре волшебной сказки реликтовые черты ритуала посвящения, целый ряд которых воспроизведен Шоу с почти буквальной точностью.

Отправка к носителю сокровенного знания. «Когда наступал решительный момент, дети так или иначе отправлялись в лес к страшному для них и таинственному существу» [9, с. 255]. Появление Элизы в доме Хигинса сюжетно мотивировано её желанием поступить на работу в цветочный магазин, где от сотрудницы требуется грамотная речь. Причем, если русскоязычные переводы ограничивают мечтания Элизы лишь местом продащицы [10, с. 196; 11, с. 225], то в оригиналах пьесы 1913 [12] и 1938 [13] годов притязания героини выходят

за эти границы: «I want to be *a lady* in a flower shop»¹ (здесь и далее в цитатах курсив мой. – А. С.), что еще более кристаллизует ритуально-мифологическую семантику её поступка. За перспективой карьерного роста у Шоу скрывается еще и переход от асоциальной цветочницы к корпоративной служащей с определенным социальным статусом, иными словами, от доинициационного «детского» ко «взрослому» состоянию.

Увод и запродажа ребенка. Одной из форм отправки могло быть перемещение в лес без участия родителей, хотя зачастую «инициатором увода был отец» [9, с. 256], который либо платил за обучение своего ребенка, либо сам получал за это плату («к запродаже очень близка продажа» [9, с. 262]). Хотя Элиза сама приходит в дом Хиггинса, однако вслед за ней является её отец, чтобы попытаться получить с профессора деньги. В товарно-денежных категориях осмысляет ситуацию и сам Хиггинс («она ему не принадлежит: я заплатил за неё пять фунтов» [11, с. 276]).

Особое облачение. «Посвящаемого особым образом украшали, красили и одевали» [9, с. 255]. Шоу неоднократно обращает внимание на необычную шляпку Элизы – первый раз в авторской ремарке-описании, второй – в реплике Хиггинса, пожелавшего сохранить шляпку именно за её экстравагантность. Нетривиальность (с явным оттенком авторской иронии) одеяния Элизы можно отметить еще и в том, что его видоизменили в пределах возможного – специально (хотя и слегка) почистили перед визитом.

Изгнание посвящаемого из родительского дома и роль мачехи. Пропп обращает внимание на двойственное отношение сказочных родителей к своему ребенку, которого горячо любят, но тем не менее изгоняют. Сказка разрешала это необъяснимое для её создателей противоречие введением фигуры мачехи. Она берет на себя «вражду», которая некогда принадлежала отцу. Она и есть главный инициатор изгнания детей в лес» [9, с. 257]. В семье Дулиттлов идентичная ситуация: «Her that turned me out was my sixth stepmother» [12]. Особо примечательно, что в пьесе мачеха Элизы не выполняет никакой значимой сюжетной функции и вообще не появляется на сцене, как будто бы упоминание о ней понадобилось автору лишь для заполнения инициационной схемы её необходимым конструктивным элементом.

Инициация Элизы у Шоу представлена двояко: как сравнительно быстрое преображение её внешности при помощи ванны и мыла и как протяженная по времени личностная трансформация цветочницы в герцогиню.

Временная смерть, разрубание на куски и варка посвящаемого. «Обряд посвящения включает мимическое представление смерти и воскресенья посвящаемого» [9, с. 269]. «Одной из форм временной смерти было вскрытие человека или его разрубание на куски <...>. В некоторых случаях отрубание головы производилось над изображениями» [9, с. 270–271]. «Разрубленные тела часто варятся» [9, с. 276]. В «Пигмалионе» всё это – характеристики принятия ванны Элизой, с чего начинается её пребывание (инициация) в доме Хиггинса. В варианте 1913 года омоложение происходило за сценой, и единственным свидетельством о повышенной температуре воды (редуцированная варка) было крепкое словцо Элизы по этому поводу: «The girl has just used it herself because *the bath was too hot*» [12]. Русскоязычные переводы этого места далеки от оригинала и, казалось бы, абсолютно уничтожают его ритуально-мифологический подтекст: «произнесла это слово, *стукнувшись о дверь*» [11, с. 235]; «употребила это слово, *прищипав себе палец* дверью в ванной» [10, с. 206]. Весьма примечательно, однако, что Е. Калашникова, устраняя одно – авторское – свидетельство обряда посвящения, заменяет его другим из той же инициационной парадигмы, так как ущемление пальца вполне может быть квалифицировано как редуцированная форма его отрубания, «сохраненная сказкой с особой полнотой» [9, с. 266]. В варианте 1938 года мытье переносится на сцену, и страх Элизы умереть от ванны (первой в ее жизни – косвенное подтверждение доинициационного состояния героини) демонстрируется уже наглядно, еще более подчеркивая ритуально-мифологический подтекст эпизода: «You expect me to get into that and *wet myself all over!* Not me. *I should catch my death.* I knew a woman did it every Saturday night; and *she died of it.* <...> *It would kill me.* I've never had a bath in my life» [13]. Наконец, намерение Элизы разбить зеркало с отражением её самой в неглиже может быть вполне достоверно истолковано как отмеченное Проппом ритуальное уничтожение изображения посвящаемого вместо символического «убийства» его самого.

Новизна облика вышедшей из ванной Элизы подчеркивается её тотальным неузнаванием всеми присутствующими, включая и автора, показательно заменяющего наименование героини с *Liza* на *The Japanese Lady*. Можно предположить, что «японский» облик ей придает не только восточный халат Хиггинса, но и отмытое добела лицо, получившее таким образом сходство с ярко набеленными лицами гейш. Пропп отмечает, что на время ритуала иницируемым запрещалось умываться, нередко они дополнительно измазывались «в черный или белый цвет» [9, с. 325]. Смывание окраски имитировало воскрешение посвященного в новом качестве, подчеркивая которое другие участники обряда должны были утрированно не узнавать неофита. Искусственное обрядное окрашивание Элизе заменила естественно приобретенная грязь.

Несмотря на бытовую мотивировку (герои – представители социальных низов), изначальная неопрятность Элизы и её отца не слишком успешно маскирует свое ритуально-мифологическое происхождение и функцию. Так, Альфред Дулиттл сделан мусорщиком, скорее всего, чтобы мотивировать «специфический запах, свойственный людям его профессии» [10, с. 211], заставляющий Хиггинса держаться на расстоянии от визитера. Между тем, резкий запах – это сказочный опознавательный признак живых, попавших в царство мертвых («Иван пахнет не просто как человек, а как *живой* человек» [9, с. 231]). Временное пребывание в царстве мертвых – часть инициации, которую неосознанно начинает проходить отец Элизы, чтобы в пятом действии, преобразившись, вернуться на сцену джентльменом.

¹ Здесь и далее англоязычный текст пьесы цитируется в случаях неаутентичности русскоязычных переводов.

Внутренняя трансформация Элизы также обладает многими признаками обряда посвящения.

«Учитель, к которому попадает мальчик, – глубокий старик, колдун, леший, мудрец» [9, с. 283]. Хиггинс не старик («лет сорока или около того» [12]), однако его предложение удочерить Элизу служит маркером их принадлежности к разнопоколенческим группам. «Мудрость» (эксклюзивность научного знания) Хиггинса вполне проявляет себя уже в первой сцене пьесы.

«Учитель <...> живет в другом царстве, берет <...> детей в лес на три года (resp. на один год, на семь лет)» [9, с. 283]. Сообщение Элизы, что в дом Хиггинса она приехала на такси, с одной стороны, должно было несколько приподнять её реальный социальный и экономический статус в глазах профессора, но с другой – указать на протяженное расстояние от ее жилища до дома Хиггинса. Конкретный срок обучения Элизы определен в пьесе условиями пари, то есть четко обозначен.

Герой «обучается языку птиц» [9, с. 283]. В полной мере такое сказочное умение, разумеется, непредставимо в пьесе реалистической поэтики, однако то, что Элиза обучается тонкостям языка, как и особое внимание Шоу к страусовым перьям на ее шляпке (еще в 1897 году Шоу был поглощен идеей пьесы с актером – джентльменом из Вест-Энда и актрисой – донной из Ист-Энда «с тремя оранжевыми и красными страусовыми перьями» [3, р. 41]), показательно.

«Способ, каким производится обучение, почти никогда не сообщается» [9, с. 284]. Преображение Элизы представлено в пьесе как три дискретных состояния (цветочница – ученица на промежуточном испытании – «герцогиня»), переходы между ними скрыты от зрителя. Также сохранен ритуальный запрет на трансляцию сакральных сведений вовне, который сублимируется в угрозу Хиггинса свернуть шею Элизе, если она станет ассистенткой его конкурента и хотя бы попытается раскрыть тому методику своего обучения («You take one step in his direction and I'll wring your neck» [12]).

Столь явный мифологический подтекст «Пигмалиона» позволяет задаться вопросами о характере и семантике субъективной модификации Шоу инициационной схемы и об общекультурных предпосылках этой модификации.

Нельзя не заметить, что, преобразя «цветочницу» в «герцогиню», Шоу тем не менее не скрывает своей иронии при представлении этой метаморфозы и в её оценке. Вряд ли можно поверить, чтобы Элиза за краткий срок пребывания в статусе «подопытного кролика» обрела профессиональную квалификацию «экспериментатора», не только сопоставимую, но и, по её мнению, превосходящую квалификацию Хиггинса, для которого занятия фонетикой не только многолетняя работа, но и предмет искреннего увлечения. Угроза Элизы поставить производство «герцогинь» на поток – «я берусь сделать то же самое из *любой* уличной девчонки – срок полгода, плата *тысяча фунтов*» [11, с. 290] – несоразмерностью выдвинутых условий (ее саму ужасала сумма в 60 фунтов) говорит об авторском сарказме. О сдержанности Шоу в оценках Элизы также свидетельствует эпизод, когда Хиггинс и Пикеринг наперебой расхваливают подопечную, а автор выражает свою позицию через ироническое сопереживание их реплик: «PICKERING: I assure you, my dear Mrs. Higgins, *that girl* — HIGGINS: *just like a parrot*» [13].

Авторская модификация инициационной схемы не ограничивается комическими изображениями новообращенной Элизы. Она проявляется в «Пигмалионе» также в сюжетных девиациях сказочно-мифологического инварианта.

«Инициация состоит из трех этапов: сегрегация – отделение посвящаемого от старого окружения и разрыв с прошлой жизнью; транзита (лиминация) – промежуточное состояние, реализующее само посвящение; инкорпорация (агрегация) – последующее включение индивида в жизнь общества в новом качестве» [14, с. 267].

Две первые стадии выдерживаются в пьесе Шоу, третья намечается, чтобы быть показательно деформированной. И.П. Смирнов отмечал это структурное отличие эпических² произведений Нового времени, опирающихся на ритуально-мифологические схемы, от фольклорных сказок, восходящих к тому же источнику: «“Рассматривая ... сказочный сюжет, <...> следует отметить <...> “конусообразность” построения, согласно которой сказки обнаруживают тем большее сходство, чем ближе к финалу. Конечная цель одинакова для всех волшебных сказок...” При переходе же от сказки к повести и роману именно финал – константа волшебного сюжета – подвергается наибольшей модификации» [15, с. 298–299]. Конечная цель инициации Элизы – инкорпорация в «природную» и «цивилизованную» области: «устройство» героини в первой (замужество) предусмотрено сказочным канонам, о желаемой социализации говорит сама Элиза, придя обучаться (см. выше). Этими же бинарно ориентированными перспективами, повышая ставки, искушает Элизу и Хиггинс: «вы выйдете за гвардейского офицера» [11, с. 232] – «за любого короля» [11, с. 289]; «продавщицей в цветочный магазин» [11, с. 233] – «собственный цветочный магазин» [11, с. 268]. На фоне столь навязчиво артикулируемых исходов посвящения остановка Элизы на переходе к третьему этапу особенно наглядна – о цветочном магазине «герцогиня» даже не упоминает, а чрезмерное количество кандидатов в мужья и открытое безразличие к ним дискредитирует идею замужества. Результатом пройденной Элизой инициации становится осознание собственной личности, внезапно открывшейся как слишком ценная, чтобы растворить её в каком-либо унифицирующем сценарии последующей жизни. Ритуально-мифологическая схема дает сбой, и сконцентрированный в ней общечеловеческий опыт формирования жизненной стратегии отвергается индивидом.

² Ср. авторские жанровые определения Шоу своего *драматического* произведения – «the history of Eliza Doolittle <...> called a romance [13], «a romance in five acts» [12], переведенные как «роман» [10, с. 181] и «роман-фантазия» [11, с. 205].

Фундаментальная мировоззренческая переоценка соотношения индивидуального и коллективного незаметна для героев. Для Хиггинса заданность поведения Элизы аксиоматична, поэтому даже его последнее предложение в пьесе – из парадигмы ритуально-мифологических сценариев (женщина в «мужском доме»): «вы, я и Пикеринг <...> три убежденных холостяка» [11, с. 291]. В вопросах же новообращенной Элизы («зачем вы делали из меня герцогиню?», «зачем вы отняли у меня мою независимость?») [11, с. 286, 287]) бытовое едва ли не затмевает бытийственное. Их экзистенциальная подоплека находится в кругозоре одного только автора, подводящего читателя к мысли о том, что инициация есть единственная возможность для человека осознать свою самость, но при этом требующая принести её в жертву социальной ассимиляции, как явствует из текста, сомнительной для Шоу³. Последнее наблюдается в инициационном опыте отца Элизы (и даже, косвенным образом, её мачехи), который как будто бы вместо дочери проходит до конца по предназначенной той колее: становится уважаемым джентльменом и впервые в жизни женится. Однако социализация Дулиттла есть не что иное как пародийное и такое же, как и в случае его дочери, полемическое опровержение сказочного свадебного финала (а в авторском кругозоре еще и мифологических представлений о мире), так как вопреки сказочному «жанровому оптимизму» от обретения «руки, сердца и половины царства в придачу» сопровождается скорбью от осознания масштабов уплаченных за это личностных потерь – утраченной свободы («But what has my son done to you, Mr. Doolittle? – Done to me! Ruined me. Destroyed my happiness. Tied me up and delivered me into the hands of middle class morality») [13] и своего прежнего и подлинного «я» («poor woman! respectability has broke all the spirit out of her») [13]).

Заключение. В исследованиях уже отмечалось повышение интереса к пигмалионовскому мифу и его модификации в переходные эпохи, в частности, на материале русской литературы [16, с. 511–518]. Выявляя инициационный аспект этого мифа, пьеса Шоу регистрировала симптом травматической трансформации реалистического миропонимания в начале XX века, когда представление о типическом человеке и/в типических обстоятельствах сменялось пониманием того, «что одна и та же реальность, рассматриваемая с разных точек зрения, расщепляется на множество отличных друг от друга реальностей. <...> Все эти реальности равноценны, каждая подлинна с соответствующей точки зрения» [17, с. 226]. Иными словами, на глобальном уровне происходил распад и индивидуализация ментального образа прежде единого мира и, в частности, социального мира, органичной частью которого через посвящение прежде становился человек, а проблематизация конечной цели инициации проблематизировала и её саму. Не случайно литература первой половины XX века дает целый ряд произведений, предметом анализа в которых становятся именно девиантные формы инициации с общим для них признаком авторской деструкции ритуально-мифологической схемы классического образца. Среди таких произведений – программный рассказ У. Фолкнера «Запах вербены» [18] о прохождении инициации как способе войти во «взрослый мир» и уже с авторитетных позиций своего в этом мире подвергать его радикальной переоценке или «роман о посвящении в таинства (initiation story)» [19, с. 167] «Волшебная гора», иницируемого на протяжении семи лет героя которого Т. Манн демонстративно покидает «не для совершения брака, как это предполагается после инициации, а для возможной гибели на войне» [20, с. 59]. В таком контексте становится очевидным, что «роман-фантазия» Шоу – вовсе не легкая водевильная история, а художественный и философско-эстетический документ своей эпохи, трансформирующий ритуально-мифологическую схему, чтобы, радикальным образом переоценив соотношение социального и индивидуального, представить личность человека как самодостаточную ценность, неисчерпаемую никакими социальными ролями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов П.С. Художественный мир Бернарда Шоу. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – 326 с.
2. Аникст А.А. Шоу // История западноевропейского театра: в 8 т. – М.: Искусство, 1974. – Т. 6. – С. 35–75.
3. McGovern D. J. Eliza Undermined: The Romanticisation of Shaw's «Pygmalion». – New Zealand, 2011. – 421 p.
4. Трофимова В.А. Лингвостилистические средства отражения эволюции жизненных установок протагониста (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») // Социосфера. – URL: <https://oaji.net/articles/2016/1834-1459927129.pdf>
5. Marker Fr. J. Shaw's early plays // The Cambridge Companion to George Bernard Shaw / ed. Chr. Innes. – New York: Cambridge University Press, 1998. – P. 103–123.
6. Davis T.C. Shaw's interstices of empire: decolonizing at home and abroad // The Cambridge Companion to George Bernard Shaw / ed. Chr. Innes. – New York: Cambridge University Press, 1998. – P. 218–239.
7. Ромм А.С. Послесловие к пьесе «Пигмалион» // Полн. собр. пьес: в 6 т. / Б. Шоу. – Л.: Искусство, 1980. – Т. 4. – С. 622–628.
8. Борисова Е.Б., Князева Н.А. Лингвопоэтические средства описания поступков персонажа (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvopoeticheskie-sredstva-opisaniya-postupkov-personazha-na-materiale-piesy-b-shou-pigmalion>.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки // Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. – С. 163–635.
10. Шоу Б. Пигмалион // Пьесы. – М.: Правда, 1982. – С. 181–256.
11. Шоу Б. Пигмалион // Полн. собр. пьес: в 6 т. – Л.: Искусство, 1980. – Т. 4. – С. 205–304.

³ Как будто бы уstraшенный собственными открытиями и якобы пытающийся их дискредитировать, в послесловии к пьесе Шоу «выдает» Элизу замуж за Фредди и делает супругов торговцами цветами и овощами, чем «завершает» оба жизненных сюжета Элизы. Однако нарочитое снижение ее образа (замужество за почти комическим персонажем и зеленая лавка вместо цветочного магазина) позволяет видеть здесь не более чем снисходительную ироническую уступку Шоу читательским ожиданиям.

12. Shaw J. B. Pygmalion // The Project Gutenberg eBook of Pygmalion, by George Bernard Shaw [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/3825/3825-h/3825-h.htm>. (дата обращения: 08.04.2023).
13. Shaw J. B. Pygmalion // Wikisource, the free online library [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wikisource.org/wiki/Pygmalion>. (дата обращения: 08.04.2023).
14. Шалимова Н.С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2014. – № 4 (30). – С. 265–268.
15. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1972. – Т. 27. – С. 284–320.
16. Зезюлевич А.В. В поисках идеала: сюжет о Пигмалионе в русской литературе переходных эпох // Revitalizace hodnot: umění a literatura. – Brno: Tribun EU, 2013. – С. 511–518.
17. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – С. 213–245.
18. Смирнов А.С. «Точки зрения» в повествовательной структуре рассказа У. Фолкнера «Запах вербены» // Совр. методы анализа худож. произв.: материалы науч. сем. / Гродн. гос. ун-т; сост. и ред. Г.Н. Ермоленко, Т.Е. Автухович. – Гродно: ГрГУ, 2003. – С. 99–113.
19. Манн Т. Введение к «Волшебной горе» // Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1960. – Т. 9. – С. 153–171.
20. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.

Поступила 14.04.2023

**“PYGMALION” BY J. B. SHAW IN THE MIRROR OF MYTHOPOETICS:
CRISIS OF INITIATION IN THE ERA OF MODERNISM**

A. SMIRNOV

*(Yanka Kupala State University of Grodno,
Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

The subject of the study is the ritual and mythological subtext of the play “Pygmalion” by J. B. Shaw, which corresponds to the scheme of initiation described by V. Propp based on the material of a fairy tale. Essential for the play is the demonstratively incomplete correspondence of its plot to the classical scheme of initiation, which manifests the author's rethinking of the relationship between personal and generic (collective). The consequence of initiation for the heroine is an awareness of her own personality and a fundamental refusal to follow post-initiation scenarios of social behavior. It is shown that, in contrast to the folklore “author”, who considers the highest personal achievement of the hero of a fairy tale to be in his merger with the tribal team, the value priority for Shaw is the individual human “I”. The place of Shaw's play as an artistic and philosophical-aesthetic document of the era of modernism among other works representing deviant forms of initiation is determined.

Keywords: *Pygmalion, Galatea, initiation, socialization, personality, fairy tale.*

УДК 811.11

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-101-106

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ
В ЛЕКЦИЯХ TED ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ****А.О. ЛАЗУРКИНА, Е.М. ЧЕБОТАРЁВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**e-mail: 17rgf.lazurkina.a@pdu.by, e.chebotareva@psu.by*

В статье рассмотрены стратегии, тактики и лингвостилистические средства реализации персуазивности в лекциях TED как прототипном речевом жанре массмедийного экологического дискурса: проанализированы особенности жанра TED лекции; выделены две основные коммуникативные стратегии массмедийного экологического дискурса – стратегия популяризации экоориентированных действий и стратегия дискредитации экологически опасных действий, – а также реализующие их группы тактик, в основе которых лежит доминирующий принцип убеждения: преобладание логосного, этосного или пафосного компонентов персуазивности; определены наиболее частотные лингвостилистические средства реализации персуазивности в лекциях TED по климатической и экосистемной проблематике. Стратегический подход позволил уточнить инструментарий эффективных публичных выступлений в формате TED конференции, который включает, прежде всего, сочетание рациональных и эмоциональных аргументативных стратегий и тактик, формирующих у адресата адекватное экологическое сознание и релевантное экологически грамотное поведение.

Ключевые слова: *массмедийный экологический дискурс, публичная лекция TED, медиа-жанр, жанрообразующие признаки, стратегии и тактики персуазивности, средства реализации персуазивности.*

Введение. В настоящее время одной из глобальных проблем, стоящих перед обществом, является сохранение естественной природной среды обитания человека, гармонизация отношений в системе «общество-природа». Перемещение экологической проблематики в медиaprостранство свидетельствует о формировании массмедийного экологического дискурса, целью которого является не только распространение информации о причинах и последствиях экологического кризиса, но и воздействие на общественное мнение, коррекция экологической картины мира реципиентов, убеждение их в необходимости изменить свою эгоцентрическую потребительскую модель поведения и предпринять конкретные меры по защите живой природы. В современном информационном обществе все труднее привлечь внимание человека к конкретной социальной проблеме, поэтому актуальным является выявление наиболее эффективных коммуникативных стратегий, тактик, приемов реализации персуазивности. В данной работе мы поставили перед собой задачу выявить специфику средств реализации персуазивности в таком речевом жанре массмедийного экологического дискурса, как публичные лекции TED.

Основная часть. Исследователи Е.Ю. Викторова [1], И.Н. Кошелева [2], А.А. Таланина [3], Т.В. Шмелева [4] рассматривают TED лекцию как публичную медиалекцию, для которой «актуальны пять типов интенций: 1. информировать (осведомлять), разъяснять с опорой на анализ и оценки, 3. убеждать, рационально и эмоционально воздействуя, 4. развлекать, 5. привлекать и побуждать» [4, с. 32]. Причем, TED лекция как первичный жанр – обычная публичная лекция – реализуется в реальной коммуникации в зале TED конференции, где воспринимается сравнительно небольшим количеством слушателей. Для массовой же аудитории подобная публичная лекция трансформируется в жанр интернет-дискурса, в веб-лекцию. Таким образом, при переносе в интернет-пространство TED лекция приобретает характеристики гипертекста, что многократно усиливает её интерактивность, возможность обеспечить социальное взаимодействие между участниками коммуникации. Отметим и «дискурсогенность жанра, то есть его способность вызывать к жизни новые жанры» [4, с. 35], в нашем случае это и жанры-реакции в виде комментариев, и жанр справочной статьи, включающей гиперссылку на книги и видео выступления лектора, и жанр расшифровки аудиозаписи, другими словами, «происходит усложнение и обогащение жанровых качеств текста TED лекции» [1, с. 258].

Западные исследователи [5–9] относят TED лекцию к гибриднему жанру, сформировавшемуся в интернет-среде и комбинирующему черты академической лекции с презентационным выступлением на конференции, обладающему функциональными возможностями, предоставляемыми интернет-пространством, включая наличие широкой аудитории, высокую интерактивность и мультиинструментальность. Гибридная природа TED лекций во многом обуславливает успешность данного жанра и проявляется в сочетании элементов разговорной речи и языковых приемов научно-публицистического и официально-делового стилей; научной терминологии, транслирующей профессиональные знания, и тропов, наполняющих речь яркими, запоминающимися образами; смешении национальных кодов на разных языковых уровнях, так как лекторами являются представители различных национальностей; включении в речь лектора структурных черт диалога; привлечении дополнительных визуальных средств. В формате TED популяризация науки исходит из первых рук, минуя посредников-журналистов, непосредственно от эксперта, который рассказывает о научных исследованиях, делая акцент не на методах, а на результатах, т.е. на том, что является захватывающим, новым и новаторским в исследовании, демонстрируя при этом личную позицию по отношению к проблеме. Другими словами, «популяризацию науки в формате TED лекций следует рассматривать не как

‘вульгаризацию’ или ‘перевод’, а скорее как реконтекстуализацию научного содержания, поскольку речь или текст из исходного контекста используется в другом контексте»¹ (Перевод наш. – А.Л., Е. Ч.).

Особый интерес для нашей работы представляет исследование профессора Е.Ю. Викторовой, посвященное дискурсивно-прагматическому анализу жанра TED лекций [1]. Вслед за Е.Ю. Викторовой мы полагаем, что TED лекция – это особый риторический жанр, специфика которого обусловлена жестким локально-временным форматом и тщательно подготовленным характером выступления. Являясь «блестящим примером персуазивного дискурса, используемого в целях популяризации науки» [1, с. 264], TED лекции содержательны, компактны, имеют четкую композиционно-структурную и логическую связность, высокую степень авторизованности и диалогичности. Достижение целей коммуникации осуществляется при помощи персуазивных стратегий, которые «способствуют интимизации общения, помогают создать неформальную атмосферу, которая, сокращая дистанцию между лектором и аудиторией, в целом повышает эффективность восприятия сложных тем» [1, с. 261].

Материалом нашего исследования послужили тексты 11 публичных TED лекций по климатической и экосистемной проблематике на английском языке, общей продолжительностью 122 минуты, в текстовом объеме 18 500 словоупотреблений. В исследовании использовались методы компонентного и интерпретативного анализов. Анализ фактического материала, а также опора на лингвистические исследования экологического дискурса (А.В. Голоднов [10], А.В. Зайцева [11], Е.В. Иванова [12], З.В. Маньковская [13], И.Д. Романова [14]) позволили нам выделить такие коммуникативные стратегии экологического дискурса как 1) дискредитация экологически опасных действий и 2) популяризация экоориентированных действий. Данные стратегии репрезентированы тремя группами тактик, в основе которых лежит доминирующий принцип убеждения: преобладание логосного (апелляция к рациональной аргументации), этосного (опора на авторитет экологов, апелляция к ценностям адресата) или пафосного (апелляция к эмоциям адресата, призыв к восстановлению гармонии человека и природы) компонентов персуазивности. При этом важно помнить, что персуазивность представляет собой комбинацию основных принципов убеждения (логоса, этоса и пафоса), и что различные стратегии и тактики воздействия на аудиторию далеко не всегда выступают параллельно, в реальной ситуации общения они тесно переплетаются между собой, накладываются друг на друга.

Рассмотрим, как реализуются стратегии, тактики, лингвостилистические средства персуазивности в проанализированных нами публичных TED лекциях.

1. Стратегия дискредитации экологически опасных действий представлена тактиками:

а) тактика оценки состояния окружающей среды и выявления виновников её загрязнения:

“*Last year I showed these two slides to demonstrate that the Arctic ice cap, which for the last three million years has been the size of the lower 48 states, has shrunk by 40%”². В данном примере критически оценивается техногенное воздействие, нарушающее экологическое равновесие и вызывающее таяние ледяного покрова Арктики. Оратором использован прием контрастивного анализа – опираясь на иллюстрации, он сопоставляет факты по темпоральному признаку, выстраивая образное сравнение, эмоционально воздействующее на слушателей. “*Last year alone, we lost 40% of all beehives in the United States. The bees just aren’t around anymore”³. Оратор убеждает адресата в серьезности проблемы, приводя статистические данные и наречия-интенсификаторы *alone, just, anymore*, чтобы подчеркнуть скорость вымирания пчел.**

Обличая склонность человека к самолюбованию, побуждающую его считать остальных представителей живого мира лишь материалом для удовлетворения своих потребностей, ораторы часто прибегают к иронии: “*How do we show how much we care about crayfish anxiety? – Mostly, we boil them. How do we celebrate the ape-like intelligence of this invertebrate? – Mostly boiled. How do we celebrate that ancient partnership? – Mostly fried”⁴. Местоимение *we* обозначает причастность всех людей, включая и аудиторию, к критикуемому оратором действиям. Параллелизм с повторами служит фоном для эмфатического выделения нужного отрезка высказывания – недостаточную культуру взаимного уважения и сострадания друг к другу, не говоря уже о братьях наших меньших. Оратор советует нам научиться смотреть на мир не изнутри человеческого эго, а извне, только тогда мы сможем осознать, что человек не венец творения в животном мире, а всего лишь равный среди равных. Недооценивая разум и чувства животных, мы сами демонстрируем неспособность к эмпатии.*

б) прогноз экологических рисков, угрожающих жизни людей:

“*There’s a great phrase, when Sherwood Rowland was accepting his Nobel Prize, he asked the question: ‘What is the use of having developed a science well enough to make predictions if, in the end, all we’re willing to do is stand around and wait for them to come true?’”⁵ Ссылаясь на высказывание Франка Шервуда Роуланда, американского химика, установившего, что попадание в атмосферу фреонов приведет к истощению озонового слоя Земли, оратор поднимает тему человеческой беспечности и недалекости, по сути, несущих угрозу всему живому на Земле. Применение цитаты повышает эмоциональную насыщенность высказывания и обладает эмоционально-оценочным значением.*

¹ “The TED Talk format of popularisation can be viewed not as a form of ‘vulgarisation’, or ‘translation’, but rather as recontextualisation of scientific content, as talk or text from one context is simply formulated into another” [6, p. 24].

² URL: https://www.ted.com/talks/al_gore_what_comes_after_an_inconvenient_truth.

³ URL: https://www.ted.com/talks/noah_wilson_rich_how_you_can_help_save_the_bees_one_hive_at_a_time.

⁴ URL: https://www.ted.com/talks/carl_safina_what_are_animals_thinking_and_feeling.

⁵ URL: https://www.ted.com/talks/gavin_schmidt_the_emergent_patterns_of_climate_change.

в) апелляция к мнению ученых-экологов, разуму и ценностям реципиентов:

*"I will tell you three stories to fill in the time. And the first story is about Charles Darwin, one of my heroes. When Charles Darwin went across the Atlantic in 1832 on the Beagle, he saw the turkey vulture"*⁶. Оратор упоминает имя Чарльза Дарвина, чтобы, во-первых, продемонстрировать, чья позиция для него более значима и достойна воспроизведения (*one of my heroes*), во-вторых, актуализировать фоновые знания аудитории о кругосветном путешествии Дарвина на корабле «Бигль» в 1831–1836 годах, в результате которого учёным был написан трактат о происхождении видов, и наконец, провести параллели с современностью – темой выступления.

*"However, there is a political battle in our country. And the coal industries and the oil industries spent a billion dollars in the last calendar year promoting clean coal, which is an oxymoron. Around Christmas, in my home in Tennessee, a billion gallons of coal sludge was spilled. You probably saw it on the news. This, all over the country, is the second largest waste stream in America. This happened around Christmas"*⁷. В данном примере оратор апеллирует к собственному опыту (*in my home in Tennessee*), а также к традиционным ценностям американцев. Повтор слова «Рождество» направляет ассоциации слушателей в нужное оратору русло семейных ценностей, домашнего очага, безопасности, которые, вдруг, оказываются под угрозой. Неформальное обращение к аудитории с использованием местоимения 2-го лица стирает границу между ролями «оратор / слушатель», помогает разделить общее чувство тревоги за безопасность родных, внушает доверие к оратору. Создается семантическая оппозиция «свои – чужие». Соответственно, в языковом отношении «чужое» оценивается негативно, с помощью числительных *a billion dollars / a billion gallons of coal sludge*, метафоры *a political battle*, оксюморона *clean coal*, антитезы *clean coal – coal sludge*, окказиональных синонимов *coal sludge – waste stream* и, тем самым, создается образ противостоящих простому народу и конкурирующих друг с другом мультимиллионных корпораций, угрожающих благополучию страны.

Подчеркнем, что в каждой конкретной лекции оппозиция «свой – чужой» выражается неоднократно и многообразно. Подобное оппозиционирование, как правило, предполагает, что «мы» представлены в умах аудитории как светлый позитивный образ, который ассоциативно противопоставляется негативному «они». Но, например, в лекции зоолога К. Сафины об эмоциях и поведении животных данная оппозиция переходит в свою семантическую противоположность. Оратор смещает акценты в сторону выгодного и яркого представления «чужих» – мира животных и критического отношения к деятельности «своих» – мира людей. Подобная «фиксация негативных признаков свидетельствует о потребности обратить на них внимание: мы понимаем, что у нас есть недостатки, следовательно, мы способны их преодолеть, следовательно, у нас есть достоинства, превосходящие качеством эти недостатки» [15, с. 258]: *"So we started with a question: Do they [animals] love us? We're going to ask another question. Are we capable of using what we have to care enough to simply let them continue?"*⁸ С помощью финального риторического вопроса – что же нас ожидает: триумф человеческого интеллекта, позволившего сохранить все многообразие жизни на Земле, или катастрофа? – оратор апеллирует к нашему разуму в надежде, что, сравнивая два мира – «их» и «себя», – мы станем ближе.

г) гиперболизированная оценка угрожающих человечеству экологических проблем:

*"The ozone hole changed the climate. Deforestation changes the climate by changing the surface properties. Contrails change the climate by creating clouds, and of course greenhouse gases change the system"*⁹. *"Biodiversity all over the globe is in a vast decline. Habitat loss, pesticides, herbicides and impacts of climate change. Insects are declining, declining, declining. Monarch butterfly numbers are going down, down, down"*¹⁰. *"Honeybees are disappearing, not just dying, but they're gone"*¹¹. Перечисление экологических катастроф, повтор лексик с отрицательной коннотацией порождает у слушателей страх, вину и стыд за человеческий эгоизм. Данная стилистическая фигура несет не только экспрессивную нагрузку, но и ритмически и интонационно оформляет фразу, акцентируя логико-смысловые связи, расчлняя длинный и сложный для восприятия на слух фрагмент речи на синтагмы, а прием градации повышает эмоциональную напряженность высказывания.

д) тактика предостережения о последствиях безответственного отношения к природе:

*"The so-called permanent ice, you can see is almost like blood, spilling out of the body here"*⁶. Оратор предупреждает, что негативные последствия таяния льдов для планеты равны смертельной угрозе, которую несет большая кровопотеря для человека. В примере используется метафора и сравнение, что делает речь оратора выразительной и ассоциативной.

е) апелляция к «невыгодности» действий, причиняющих вред живой природе:

*"Bees dying reflects a flowerless landscape and a dysfunctional food system"*¹⁰. *"With the declining numbers of bees, the costs of over 130 fruit and vegetable crops that we rely on for food is going up in price"*¹². *"If not for the work of beekeepers replacing these dead beehives, even the food that our cattle rely upon to eat, hay and alfalfa – gone, causing global hunger, economic collapse, a total moral crisis across earth"*¹³. Оратор доступно объясняет последствия безответственного отношения к пчелам с помощью таких приемов как: сравнение (постепенное вымирание пчел

⁶ URL: https://www.ted.com/talks/munir_virani_why_i_love_vultures

⁷ URL: https://www.ted.com/talks/al_gore_what_comes_after_an_inconvenient_truth

⁸ URL: https://www.ted.com/talks/carl_safina_what_are_animals_thinking_and_feeling

⁹ URL: https://www.ted.com/talks/gavin_schmidt_the_emergent_patterns_of_climate_change

¹⁰ URL: https://www.ted.com/talks/mary_hannibal_how_you_can_help_save_the_monarch_butterfly_and_the_planet

¹¹ URL: https://www.ted.com/talks/marla_spivak_why_bees_are_disappearing

¹² URL: https://www.ted.com/talks/noah_wilson_rich_every_city_needs_healthy_honey_bees

¹³ URL: https://www.ted.com/talks/noah_wilson_rich_how_you_can_help_save_the_bees_one_hive_at_a_time

равнозначно серьезным проблемам с продовольствием), антитеза (снижение численности насекомых приводит к повышению цен; натуральные удобрения заменяются синтетическими), градация (перечисляются вероятные последствия исчезновения пчел).

2. Стратегия популяризации экоориентированных действий реализуется тактиками:

а) рациональная аргументация в пользу охраны окружающей среды:

*"Why are vultures important? – First, they are our natural garbage collectors. – So what's the problem with vultures?"*¹⁴ Через цепочку вопросно-ответных конструкций в зачине оратор делает слушателей непосредственными участниками совместного рассуждения, подчеркивает значимость темы лекции и важность совместного поиска решения проблемы, прием метафоры активизирует внимание. *"Recent studies have shown that in areas where there are no vultures, carcasses take up to three to four times to decompose"*¹³. Оратор приводит объективные данные, объясняющие пользу грифов для экосистемы. Отметим, что это высказывание равносильно бессубъектному, что усиливает объективно-нейтральный характер изложения. *"The arctic ice cap is the beating heart of the global climate system"*¹⁵. Здесь оратор употребляет метафору, говоря о значимости арктических льдов для глобальной климатической системы.

б) тактика контрастивного анализа:

*"A forest is not an isolated piece of land where animals live together. A forest can be an integral part of our urban existence"*¹⁶. Оратор сопоставляет два полярных представления людей о понятии «лес» («лес» как лесной массив и «мини-лес» как часть городского ландшафта), используя лексическую анафору.

в) тактика разработки природозащитных мероприятий:

*"We have made 75 such forests in 25 cities across the world"*¹⁵. *"Well, we're conducting research on these birds. We're putting transmitters on them. We're trying to determine their basic ecology, and see where they go"*¹³. Отметим семантику коллективного адресанта, так как описываются действия активистов и волонтеров, защищающих права животных.

г) представление благоприятных изменений в экологическом балансе:

*"There's over 20,000 bee species in the world, and they're absolutely gorgeous as these beautiful species, honeybees, have evolved highly social behaviour. So every one of us needs to behave a little bit more like a bee society, an insect society"*¹⁷. *"Think about the benefits of bees in cities and why they really are a terrific thing"*¹¹. *"Vultures also have tremendous historical significance. They [vultures] are very graceful"*¹³. Маркеры реализации данной тактики – языковые единицы, в семантике которых заключена положительная оценочность: «красота», «разумность», «организованность», «полезность».

*"It's the worst of times, we are kind of overloaded with our problems. It's also the best of times – there's incredibly good news. We have exactly what we need. We have exactly the platform to save nature"*¹⁸. В данном примере информация подается оратором в «оптимистическом» ключе с помощью языковых маркеров позитивности *the best of times, incredibly good news, exactly what we need*, синтаксического параллелизма в сочетании с антитезой: *It's the worst of times – It's also the best of times*. Антитеза используется как имплицитный способ побуждения к действию. Противопоставляя два действия в своём высказывании, оратор имплицитно указывает на то действие, которое, по его мнению, желательнее в данной ситуации – спасение природы. Местоимение *мы* в инклюзивной функции выступает как собирательное обозначение оратора и слушателей, что позволяет сократить дистанцию между ними, а также помогает оратору сфокусировать внимание на конкретной теме и соотнести слова с реальным контекстом.

д) принятие ответственности за урон природе:

*"This is not the relationship we are supposed to have with the rest of the world. But we, who have named ourselves after our brains, never think about the consequences. We paint animals on the walls. We don't paint cell phones. We paint animals to show our kids that we are not alone. And every one of those animals in every painting of Noah's ark, deemed worthy of salvation is in mortal danger now, and their flood is us"*¹⁹. Здесь местоимения *we, ourselves, our* пробуждают у аудитории ответственность за происходящие события. Употребление повторов подчеркивает уникальность нашей связи с животными, оказывающими нам дружескую помощь и психоэмоциональную поддержку, в отличие от бездушных технологий, которые при активном содействии человека несут угрозу живой природе, все разрушая и опустошая подобно наводнению (метафора *we are flood*). Эффект воздействия усиливает антитеза (*Noah's ark/salvation – mortal danger*) как имплицитный способ указать на желательные действия – защиту природы, которые, по мнению оратора, следует предпринять незамедлительно, что выражается через временной дейксис *now*.

е) апелляция к «выгодности» экологически грамотного поведения:

*"The death of bees is a silent war. The decline of pollinators will cause devastating impacts on the environment and on food production. Get informed. Protect them. Bee or not to be?"*²⁰ Апелляция к выгоде демонстрирует, что

¹⁴ URL: https://www.ted.com/talks/munir_virani_why_i_love_vultures

¹⁵ URL: https://www.ted.com/talks/al_gore_what_comes_after_an_inconvenient_truth

¹⁶ URL: https://www.ted.com/talks/shubhendu_sharma_how_to_grow_a_forest_in_your_backyard

¹⁷ URL: https://www.ted.com/talks/marla_spivak_why_bees_are_disappearing

¹⁸ URL: https://www.ted.com/talks/mary_hannibal_how_you_can_help_save_the_monarch_butterfly_and_the_planet

¹⁹ URL: https://www.ted.com/talks/carl_safina_what_are_animals_thinking_and_feeling

²⁰ URL: https://www.ted.com/talks/noah_wilson_rich_how_you_can_help_save_the_bees_one_hive_at_a_time

реципиент получит определенные преимущества (полноценную жизнь), если откликнется на призыв защитить пчел. К средствам создания экспрессии и образности отнесем каламбур, основанный на омонимии (*Bee or not to be?*) и являющийся аллюзивной отсылкой к прецедентному тексту, т.е. выбор – жить «в мире» с пчелами или жить в мире без пчел, но и без продуктов – зависит от адресата.

ж) призыв к устойчивому развитию общества в единстве экономического роста, социальной ответственности и экологического баланса:

*“But now there is a bold new solution to get us out of this mess. Repower America with 100 % clean electricity within 10 years. A plan to put America back to work, make us more secure, and help stop global warming. Finally, a solution that's big enough to solve our problems. Repower America. Find out more”*²¹. В свое выступление оратор включает рекламный ролик, предлагающий концепцию устойчивого развития, а именно – перевод страны на экологически чисто добываемое электричество. Триплет, в данном случае, является эффективным способом построения убедительной аргументации, т.е. преимущества концепции описываются с помощью трех аргументов, имеющих идентичную структуру: *put the country back to work, make people more secure, help stop global warming*. Использование трёх-четырёх доказательств в рекламном тексте, по утверждению И.Д. Романовой, повышает его персуазивное воздействие на аудиторию, так как принимаются во внимание когнитивные процессы адресата [14, с. 128]. Здесь также используется лексика положительного характера (*bold new* – новое, смелое, эффективное решение), повтор ключевого посыла – *repower*, причем отметим его многозначность – электроэнергия и мощь, сила, т.е. использование электричества повысит экономическую эффективность страны. Употребление временного дейксиса *now* мотивирует реципиента быстрее определиться с решением в пользу данной концепции. Построение предложений в форме императива означает призыв к действию.

Таким образом, стратегический подход позволил уточнить инструментарий эффективных публичных выступлений в формате TED конференции, который включает, прежде всего, сочетание рациональных и эмоциональных аргументативных стратегий и тактик, формирующих у адресата адекватное экологическое сознание и экологически грамотное поведение. Следует подчеркнуть комплексный интегративный характер речевого воздействия, проявляющийся в том, что «вербальная репрезентация речевого воздействия происходит на разных уровнях – от фонемы до предложения, в связи с чем речевое воздействие невозможно соотносить с какой-либо конкретной языковой единицей, это всегда результат «работы» комплекса языковых средств»²².

Проведенный анализ показал, что наиболее частотными лингвостилистическими средствами реализации персуазивности в лекциях TED выступают местоимения 1-го и 2-го лица, императивы, модальные глаголы, вводные выражения, единицы с оценочной коннотацией, тропы (в лекциях найдены примеры антитезы, метафоры, метонимии, образного сравнения, гиперболы, иронии), стилистические фигуры речи (риторический вопрос, обращение, вопросы-стимулы, повтор, параллелизм, хиазм, инверсия, оксюморон, градация, антитеза, многосоюзие). Так, употребление местоимения «мы» демонстрирует единение лектора с аудиторией, причем сам оратор воспринимается как значимый и авторитетный эксперт в области экопроблематики, мнению которого следует доверять. Местоимение «я» часто используется для того, чтобы рассказать личную историю, причем прием сторителлинга (*storytelling*), действуя по ассоциации, пробуждает у зрителей не только радость от общения с лектором, но и стремление к сотрудничеству, взаимопомощи. Закрытые вопросы с местоимением «вы» требуют реакции, держат зрителей в тонусе. Вопросно-ответная форма изложения придает выступлению динамичность – новый, неожиданный вопрос захватывает зрителей, вызывая желание прислушаться к ответу, глубже разобраться в содержании выступления. Императив, побудительные конструкции с *let's*, модальные глаголы долженствования и возможности позволяют оратору управлять интересами аудитории, направляя слушателей на изменение своего поведения, формируя чувство сплоченности коллектива. Вводные конструкции придают речи оратора цельность, логичность и связность, помогают правильно расставить акценты, чтобы поддержать внимание аудитории на каждом этапе выступления. Тропы и фигуры речи содействуют диалогизации общения между оратором и аудиторией, усиливают эмоциональное воздействие аргументации оратора, что дает ему возможность вывести слушателей из зоны комфорта, буквально заставить почувствовать приближение катастрофы и начать борьбу за спасение планеты. Причем принцип *“Think globally, act locally”* («мыслить глобально, а действовать локально») красной нитью проходит через все лекции, подчеркивая необходимость трезвой оценки своих сил при решении актуальных экологических проблем и, прежде всего, важность изменения поведенческих моделей отдельных социальных групп, например, городских жителей, взявшихся за посадку многоуровневого леса на городском пустыре, или семьи, спасшей пчёл на заброшенной пасеке.

Заключение. Установлено, что жесткий временной формат TED конференций, акцент на продвижение и популяризацию научных знаний диктует необходимость трансформировать сложный, инновационно наполненный научный контент в форму, доступную и увлекательную для массовой аудитории. В связи с чем нецелесообразным представляется использование в выступлении только логической аргументации, характерной для языка науки, так как подобная лекция привлечет меньшую аудиторию. Поэтому в TED лекциях аргументы всегда представлены соединением логического и эмоционального, лекция включает авторские отступления, отражающие его

²¹ URL: https://www.ted.com/talks/al_gore_what_comes_after_an_inconvenient_truth

²² Карева А.А. Особенности вербальной репрезентации речевого воздействия в рекламных текстах косметических средств: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.19. – М., 2021. – 132 л.

эстетические переживания, личную позицию по проблеме, ориентирована на вовлечение аудитории в диалог с оратором – представителем научной сферы, что позволяет быстро привлечь слушателей на свою сторону, убедить внести свой активный вклад в защиту живой природы. Таким образом, мы рассмотрели, как в одной из жанровых разновидностей массмедийного экологического дискурса – публичном выступлении в формате TED – соотносятся различные стратегии и тактики воздействия на аудиторию, иногда выступая параллельно, иногда накладываясь друг на друга, целенаправленно подводя её к запланированному лектором результату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторова Е.Ю. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. – 2019. – № 4(24). – С. 254–266.
2. Кошелева И.Н. Видеоматериалы *TED talks* как образовательный инструмент в обучении английскому языку в вузе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – 2017. – № 5(118). – С. 13–18.
3. Таланина А.А. Онлайн-лекция как жанр интернет-дискурса // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 17–22.
4. Шмелева Т.В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. – 2012. – № 8. – С. 26–37.
5. Anesa P. The Popularization of Environmental Rights in TED Talks // *Pólemos*. – 2018. – Vol. 12, No. 1. – P. 203–219.
6. Di Carlo G. Pathos as a Communicative Strategy for Online Knowledge Dissemination: The Case of TED Talks // *3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. – 2015. – Vol. 21, No. 1. – P. 23–34.
7. Harrison S. Showing as Sense-making in Oral Presentations: The Speech-gesture-slide Interplay in TED Talks by Professor Brian Cox // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2021. – Vol. 53. – P. 25–48.
8. Pierini F. The Popularization of Specialized Knowledge Through Ted Talks: The Case of Positive Psychology // *International Journal of English Linguistics*. – 2019. – Vol. 9, No. 4. – P. 15–27.
9. Poonpon K. Discourse Analysis of Speech Structure from TED Talks Corpus // *Research Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 59–72.
10. Голоднов А.В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия. – СПб.: Астерион, 2010. – 244 с.
11. Зайцева А.В. Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ // *Вестн. ИГЛУ*. – Иркутск, 2013. – С. 244–250.
12. Иванова Е.В. Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса. – М.: Наука, 2015. – 176 с.
13. Маньковская З.В. Стратегии речевого воздействия (на материале английских и американских публичных выступлений по проблемам защиты леса и охраны окружающей среды): учеб. пособие. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2008. – 106 с.
14. Романова И.Д. Универсальный характер технологий персуазивности в рекламе в условиях глобализации // *Вестн. ФГБОУ ВО МГЛУ. Гуманитарные науки*. – 2019. – № 3(819). – С. 121–132.
15. Шунейко А.А., Чибисова О.В. Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой - чужой» на уровне анекдотов // *Знание. Понимание. Умение*. – 2017. – № 3. – С. 254–263.

Поступила 12.05.2023

PERSUASIVE STRATEGIES AND TACTICS IN ENVIRONMENTAL TED TALKS

A. LAZURKINA, E. CHEBOTAREVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article focuses on strategies, tactics and linguo-stylistic means of persuasion in such a prototypical speech genre of media environmental discourse as TED talks: the analysis of TED talks genre peculiarities is presented; the two main communicative strategies of media environmental discourse are identified – the strategy popularizing eco-friendly activities, and the strategy discrediting eco-unfriendly activities; depending on the argumentation principle employed, the three groups of tactics for expressing logos, ethos and pathos are singled out; the most frequent linguo-stylistic means of persuasion in environmental TED talks have been identified. The strategic approach emphasises that to achieve the desirable effect in public speaking within the TED format it is necessary to employ the combination of persuasive tactics to maintain a balance between the ethos, logos or pathos components of argumentation and provide a persuasive impact on the addressee increasing their environmental consciousness and promoting environmentally competent behaviour.

Keywords: *media ecological discourse, TED talks, public lecture, media genre, genre-forming features, persuasive strategies and tactics, linguo-stylistic means of persuasion.*

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-107-110

ОБРАЗ ГОТИЧЕСКОГО ЗАМКА В РОМАНЕ Т. Л. ПИКОКА «НАЙТМЕРСКОЕ АББАТСТВО»

Н.В. НЕСТЕР

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: n.nester@psu.by

Рассматривается образ готического замка в романе английского писателя и сатирика Т.Л. Пикока (*Thomas Love Peacock, 1785–1866*) «Найтмерское аббатство» (*Nightmare Abbey, 1818*). Отмечается, что в произведении английского романиста используются традиционные элементы готического романа с целью усиления напряженности повествования и драматизма действия. При этом готический колорит в романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство» является лишь фоном, служащим для реализации авторского замысла.

Ключевые слова: готический замок, ирония, образ, пародия, «Найтмерское аббатство».

Введение. Томас Лав Пикок (*Thomas Love Peacock, 1785–1866*) – английский писатель-сатирик и поэт. Творческий путь Т.Л. Пикока начался с издания поэтических сборников «Монахи Святого Марка» (*The Monks of St. Mark, 1804*) и «Пальмира» (*Palmyra and other Poems, 1806*), в которых прослеживается влияние его друга, поэта П.Б. Шелли (*Percy Bysshe Shelley, 1792–1822*). Уже на раннем этапе творчества появляются сатирические черты, характерные для прозаических произведений писателя. Перу Т.Л. Пикока принадлежат романы «Безумный дом» (*Headlong Hall, 1815*), «Аббатство Кошмаров» (*Nightmare Abbey, 1818*), «Девушка Мэриан» (*Maid Marian, 1822*), «Несчастья Эльфина» (*Misfortunes of Elphin, 1829*), «Замок Кротчет» (*Crotchet Castle, 1831*), «Усадьба Грилла» (*Gryll Grange, 1860*) и другие, в которых писатель высмеивает обычаи и нравы, бытовавшие в современном ему обществе. Русскоязычному читателю Т.Л. Пикок известен благодаря одному из первых романов – «Найтмерскому аббатству» и последнему – «Усадьбе Грилла». Оба произведения опубликованы в серии «Литературные памятники» [1] в 1988 году, три года спустя выходят в антологии английской готической прозы [2] и т.д. В обоих изданиях «Найтмерское аббатство» приводится в переводе Е. Суриц, перевод стихотворений выполнил С. Бычков.

Интерес к творчеству Т.Л. Пикока возникает ещё в советском литературоведении и связан с именем А.А. Бельского и его трудом по развитию реализма в английском романе первой трети XIX века [3]. Н.А. Соловьева упоминает Т.Л. Пикока при рассмотрении готических тенденций в английской литературе [4]. Творчеству английского писателя посвящены исследования М. Низамовой, рассматривающей романы Т.Л. Пикока [5], восприятию античности в прозе Т.Л. Пикока – В.Н. Чечелевой [6], «романам с ключом» Т.Л. Пикока – И.А. Орешинной [7]. В зарубежном литературоведении к творчеству Т.Л. Пикока обращались многие исследователи, среди которых можно отметить работу Дж. Б. Пристли [8], рассматривающего сатирическое начало произведений английского романиста. Проблема интерпретации готической традиции в романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство» посвящена статья Б.Р. Напцок [9]. Готические элементы в романе Т.Л. Пикока «Аббатство кошмаров» рассматриваются в работе И.А. Орешинной [10]. Тем не менее, при таком многообразии работ, посвященных изучению романа Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство», нет специальных исследований замкового пространства в данном произведении, позволяющих отметить восприятие готической традиции в изображении замка, являющегося обязательным маркером готического пространства.

Популярность книги Т.Л. Пикока объясняется тем фактом, что в ней изображены такие поэты, как П.Б. Шелли, С.Т. Кольридж, Дж.Г. Байрон и другие. Кроме того, «из всех произведений Пикока оно наиболее сюжетно и обладает чертами, во всяком случае внешними, характерными для прозы конца XVIII – начала XIX в.: «готический» колорит, тайны, витающие вокруг затерявшегося в глуши поместья, «романтическая» любовная история главного героя Скютропа» [11, с. 372]. Кроме того, «Найтмерское аббатство» Т.Л. Пикока вышло одновременно с «Нортенгерским аббатством» (*Northanger Abbey, 1818*) Дж. Остен (*Jane Austen, 1775–1817*), «также резко высмеивающим издержки романтической литературы, и в первую очередь «готический роман тайн и ужасов»» [11, с. 375]. Остроумные пародии Дж. Остен и Т.Л. Пикока, изначально не снискавшие должного успеха, стали своего рода литературными эталонами эпохи.

Объектом исследования является роман Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство». Предмет исследования – образ готического замка в вышеупомянутом произведении английского писателя. Цель данного исследования заключается в рассмотрении образа готического замка в романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство».

Основная часть. Готический роман основывается на фантастических сюжетах, совмещающих развитие действия в покинутых замках, аббатствах, на кладбищах, на фоне зловещих пейзажей. Место действия готических романов – старинный средневековый замок, разрушенный под воздействием времени, с запертыми подземельями, хранящими многолетнюю тайну, бесчисленным количеством подземных ходов и различного рода тайников. При этом необычная обстановка готического романа соединяется с реалистичностью деталей быта и описаний, усиливающих напряжение повествования. Представители жанра готического романа используют, как правило, традиционный набор декораций и имен, таких как замки, заброшенные дома, комнаты, лестницы, подземелья, имеющие признаки разрушения, вызванные временем. Обязательными атрибутами готического романа являются гробницы, часовни, монастыри и т.д.

В отличие от традиционных готических повествований, готический колорит в романе Т.Л. Пиккока «Найтмерское аббатство» является лишь фоном, позволяющим романисту реализовать авторскую концепцию. Повествовательная линия романа представляет собой интеллектуально-философский диалог, а в сюжетной линии присутствуют элементы событийности. Местом действия произведения Т.Л. Пиккок выбирает полуразрушенное аббатство, придающее готический оттенок повествованию. По мнению Е.Ю. Гениевой в «Аббатстве кошмаров» строго выдержан принцип единства места (все действие сосредоточено в имении)» [11, с. 372]. В данном имении проживает эсквайр Кристофер Сплин и его сын Скютроп: «Кошмарское аббатство, почтенное родовое поместье, обветшалое и оттого весьма живописное, уютно расположенное на полоске сухой земли между морем и болотами у границы Линкольнского графства»¹ [1, с. 7]. При этом автор определяет имение географическими рамками, тем самым конкретизируя его местоположение, в отличие от представителей жанра готического романа. В названии произведения Т.Л. Пиккок отсылает читателя к готическим романам, называя аббатство «кошмарным» (*Nightmare Abbey*), тем самым пародируя распространенные атрибуты готического романа.

Под «аббатством» обычно подразумевается католический монастырь с принадлежащими ему владениями. В книге Т.Л. Пиккока слово «аббатство» используется для передачи масштабов обозначенного родового имения. Автор, словно отвечая на недоумение читателя в связи с расхождением в восприятии значения слова «аббатства» пишет, что «Из всего сказанного читатель уж верно заключит, что аббатство строили как замок; и спросит у нас, не было ль оно в старину оплотом воинствующей церкви. Так ли это и насколько обязано оно вкусу предков мистера Сплина преобразованием первоначального своего плана, нам, к несчастью, не пришлось разубинать»² [1, с. 8]. Несмотря на то, что поместье мистера Сплина обладает внушительными размерами, тем не менее, жизнь его домочадцев не отличалась счастливыми моментами, поэтому его владелец говорил, что «дом его не лучше большой конуры, потому что у всех там собачья жизнь»³ [1, с. 6]. Несмотря на то, что строение замкового типа является обязательным для жанра готического романа, как правило, оно обладает мрачными характеристиками, в романе Т.Л. Пиккока оно не вызывает чувство страха и уныния, напротив, позволяет испытывать чувство сопричастности к природе.

По мнению Е.Ю. Гениевой, «жизнь, изображенная в «Аббатстве кошмаров», идеализирована. Идеал находится воплощение в современной Аркадии – прекрасной, не оскверненной человеком природе, патриархальном, идиллическом быте (его герои не трудятся, они не знают забот и лишений), в увлечении античностью» [11, с. 375]. Это своего рода попытка создать идеальный мир, противостоящий реальному миру. Писатель намеренно противопоставляет Найтмерское аббатство цивилизованному миру: «Дорога, соединявшая Кошмарское аббатство с цивилизованным миром, была искусственно поднята над уровнем болот и шла сквозь них прямой чертой, насколько хватал глаз; а по обеим сторонам ее тянулись каналы, причем воду в них совершенно скрывала водная растительность»⁴ [1, с. 21]. Роман Т.Л. Пиккока начинается с готической интерлюдии, в которой разнообразно представлена природа, окружающая аббатство. Уже в самом начале романа заложено противопоставление аббатства цивилизованному миру. Романист сознательно отгораживает аббатство от всего, что привлекает других людей: «если бы задачи писателя были по своему преимуществу сатирическими, скорее всего он бы перенес действие в Лондон. Он же развертывает его в деревне, на фоне романтической по характеру изображения природы» [11, с. 375].

При этом Т.Л. Пиккок не дает подробного описания аббатства в целом, а в деталях изображает некоторые из его частей. Так, башня, которую занимал Скютроп «помещалась на юго-восточном углу аббатства; и с южной стороны её была дверь, выходящая на террасу, именуемую садом, хотя ничего там не росло, кроме плюща на кое-каких сорняках. С точно тем же правом могла б называться птичником юго-западная башня, разрушенная и кишашая совами. С этой террасы, или сада, или садовой террасы, или террасного сада (предоставим избрать наименование самому читателю), открывался вид на длинную ровную прибрежную полосу, прелестное унынье ветряков и болот, а сбоку виднелось море»⁵ [1, с. 8]. При этом писатель не настаивает на единственном восприятии поместья с точки зрения автора, а предоставляет полную свободу читателю в представлении описываемого им. Используя принцип контраста, Т.Л. Пиккок характеризует башню, которую занимает Скютроп, как идиллическое место для обитания, по сравнению с заброшенным юго-западным аналогичным строением. Наследник аббатства Скютроп ведет уединенный образ жизни, в полном одиночестве прогуливается вдоль полуразвалившейся стены поместья. Из деталей, наполняющих имение мистера Сплина, и придающих аббатству целостность восприятия – это окно, связывающее персонажей с внешним миром, часы, которые неустанно переводит слуга Ворон. В произведении Т.Л. Пиккока нет упоминаний таинственных манускриптов, способствующих разгадыванию тайны, загадочных портретов, изображающих незнакомцев, а также других художественных деталей, позволяющих продвинуться в разгадывании тайны и приближении к истине.

¹ «Nightmare Abbey, a venerable family-mansion, in a highly picturesque state of semi-dilapidation, pleasantly situated on a strip of dry land between the sea and the fens, at the verge of the county of Lincoln, had the honour to be the seat of Christopher Glowry, Esquire» [12, p. 1].

² «The reader will judge, from what we have said, that this building was a sort of castellated abbey; and it will, probably, occur to him to inquire if it had been one of the strong-holds of the ancient church militant. Whether this was the case, or how far it had been indebted to the taste of Mr Glowry's ancestors for any transmutations from its original state, are, unfortunately, circumstances not within the pale of our knowledge» [12, p. 11].

³ «his house was no better than a spacious kennel, for every one in it led the life of a dog» [12, p. 4].

⁴ «The road which connected Nightmare Abbey with the civilised world, was artificially raised above the level of the fens, and ran through them in a straight line as far as the eye could reach, with a ditch on each side, of which the water was rendered invisible by the aquatic vegetation that covered the surface» [12, p. 63].

⁵ «The tower which Scythrop inhabited stood at the south-eastern angle of the Abbey; and, on the southern side, the foot of the tower opened on a terrace, which was called the garden, though nothing grew on it but ivy, and a few amphibious weeds. The south-western tower, which was ruinous and full of owls, might, with equal propriety, have been called the aviary. This terrace or garden, or terrace-garden, or garden-terrace (the reader may name it ad libitum), took in an oblique view of the open sea, and fronted a long tract of level sea-coast, and a fine monotony of fens and windmills» [12, p. 10–11].

В отличие от Скютропа, мистер Сплин занимает северо-западную башню, вид из которой не отличается живописностью: «Ров и болота за ним составляли всю панораму. Ров этот окружал все аббатство, близко подходя ко всем стенам, кроме южной»⁶ [1, с. 8]. Северо-восточная башня была отведена для слуг. Главное здание аббатства «разделялось на парадные покои, пиршественные залы и несчетные комнаты для гостей, которые, однако, нечасто навевались»⁷ [1, с. 9]. Центром родового имения является библиотека, в которой собираются все гости и беседуют на различные темы, в том числе и о готической литературе: «Неслучайно событийным и символическим центром романа Пикока становится не традиционный готический замок или собор, обладающий сакральным статусом, а один из уголков Найтмерского аббатства – библиотека, святилище рафинированного интеллекта и эрудиции» [9, с. 66]. Люди, собирающиеся в библиотеке, наполняют родовое поместье Сплина жизнью, общаются и именно в библиотеке они видят привидение: «Дверь тихо отворилась, и призрачная фигура, вся облаченная белым и в каком-то кровавом тюрбане, вошла и медленно прошествовала по библиотеке»⁸ [1, с. 9]. Чувство страха, испытываемое персонажами при виде призрака, овладевает ими полностью и не дает им возможности мыслить рационально. Несмотря на разное отношение персонажей к призракам, все они по-разному реагируют на появление привидения, находя впоследствии логичное ему объяснение. В романе Т.Л. Пикока роль призрака отводится слуге, тем самым писатель хочет подчеркнуть правдоподобие всего происходящего.

В книге Т.Л. Пикока отсутствует мотив тайны, лежащий в основе любого готического романа, поэтому писатель искусственно вводит данный элемент в повествование. Создателем тайны становится Скютроп, сторонившийся людей, в особенности женщин. Скютроп гулял по просторным покоем и по садовой террасе: «Терраса упиралась в юго-западную башню, как уже знает читатель, разрушенную и населенную совами. Здесь Скютроп сживал по вечерам на замшелом камне, облокотясь о ветхую стену. Над головой у него густо вился плющ и гнездились совы, а в руках держал он «Страдания юного Вертера»»⁹ [1, с. 10]. Сама обстановка Найтмерского аббатства оказывала влияние на Скютропа, поэтому с целью отстраниться от внешнего мира Скютроп замышляет перепланировку в юго-восточной башне: «Он вычертил планы келий, потайных дверей, ниш, альковов и подземных переходов, пред которыми оказалась бы тщетна вся опытность парижской полиции»¹⁰ [1, с. 12]. Оставшись один, Скютроп приводит в аббатство немого столяра и с его помощью воплощает один из этих проектов у себя в башне, предпринимая все предосторожности с целью самосохранения.

Даже внутреннее сходство Найтмерского аббатства с типичным готическим замком носило лишь практический смысл, пользу которого на себе испытала Селинда, попавшая сюда по воле случая. Когда в аббатстве появляется незнакомка, Скютроп дает ей убежище в спроектированном им самим тайном помещении: «в этой башне проход к галерее тайных покоев в главном здании, и никому на свете его не обнаружить»¹¹ [1, с. 40]. Тем не менее, ему не удается сохранить секрет. Поскольку покои Скютропа в юго-восточном крыле башни были всегда заперты для глаз окружающих, они стали привлекать внимание его отца: «Мистера Сплина немало озадачивало, что, навеваясь в башню Скютропа, он находил дверь всегда запертой и по несколько минут ему приходилось дожидаться, покуда его впустят; а тем временем он слышал за дверью тяжелый раскатистый звук, будто ввозят телегу на мостовые весы, либо колотят катком, либо изображают гром за сценой»¹² [1, с. 53]. Это привело к тому, что мистер Сплин стал следить за собственным сыном, подслушивая через замочную скважину, что происходит у него в комнате. Таким образом, тайна Скютропа раскрывается – его отец узнает о существовании незнакомки, скрывающейся в потайной комнате, находившейся за книжными полками: «Шум послышался за книжными полками, которые, к немалому удивлению мистера Сплина, разделились посередине и разъехались надвое вместе со всеми книгами, подобно театральной сцене, с тяжелым рокоучущим звуком и открыли вход в потайное помещение»¹³ [1, с. 55].

Что касается готического пейзажа, то пейзаж в произведениях готики достаточно однообразен, как правило, его составляют описание зловеющей атмосферы ожидания несчастья на фоне темного леса и полной луны. В отличие от традиционных готических описаний природы Т.Л. Пикок использует пейзаж для пародирования типичных готических зарисовок, в которых состояние погодных условий напрямую зависит от настроения персонажей. Романист лишь однажды использует описание природы, точнее, погодных изменений, когда отец Скютропа уезжает из аббатства. В рамках одного абзаца погода меняется от солнечной до дождливой и наоборот, словно отражая настроение Скютропа,

⁶ «The north-western tower contained the apartments of Mr Glowry. The moat at its base, and the fens beyond, comprised the whole of his prospect. This moat surrounded the Abbey, and was in immediate contact with the walls on every side but the south» [12, p. 11].

⁷ «The main body of the building was divided into rooms of state, spacious apartments for feasting, and numerous bed-rooms for visitors, who, however, were few and far between» [12, p. 13].

⁸ «The door silently opened, and a ghastly figure, shrouded in white drapery, with the semblance of a bloody turban on its head, entered and stalked slowly up the apartments» [12, p. 180].

⁹ «The terrace terminated at the south-western tower, which, as we have said, was ruinous and full of owls. Here would Scythrop take his evening seat, on a fallen fragment of mossy stone, with his back resting against the ruined wall, – thick canopy of ivy, with an owl in it, over his head, – and the Sorrows of Werter in his hand» [12, p. 20–21].

¹⁰ «He constructed models of cells and recesses, sliding panels and secret passages, that would have baffled the skill of the Parisian police» [12, p. 26].

¹¹ «I have constructed», said he, «in this tower, an entrance to a small suite of unknown apartments in the main building, which I defy any creature living to detect» [12, p. 138].

¹² «Mr Glowry was much surprised, on occasionally visiting Scythrop's tower, to find the door always locked, and to be kept sometimes waiting many minutes for admission: during which he invariably heard a heavy rolling sound like that of a ponderous mangle, or of a waggon on a weighing-bridge, or of theatrical thunder» [12, p. 184].

¹³ «A loud noise was heard behind the book-case, which, to the astonishment of Mr Glowry, opened in the middle, and the massy compartments, with all their weight of books, receding from each other in the manner of a theatrical scene, with a heavy rolling sound» [12, p. 192].

находящегося в ожидании известий от мистера Сплина: «В тот день, когда уехал мистер Сплин, не переставая лил дождь... На другой день сияло солнце... На третий день дул ветер, лил проливной дождь, и сова билась об его окна... На четвертый день опять светило солнце...»¹⁴ [1, с. 60]. Данные противоречия передают настроение Скюттропа, который хотел покончить с собой. Непогода вызывает у него чувство приближающейся смерти, в то время как в солнечный день он забывает обо всех проблемах. Подобным настроением Т.Л. Пикок хотел выразить неоднозначность и даже бессмысленность проблем, создаваемых героями готических романов.

Кроме того, Т.Л. Пикок отчасти пародирует мрачную атмосферу готического романа, добавляя в повествование световые картины, позволяющие персонажам испытывать чувство радости. Тем не менее, некоторые персонажи, например, Флоски стремятся отгородиться от солнечного света, закрыв ставни и создав при этом таинственную атмосферу полумрака: «Был полдень, и солнце ярко сияло к великому неудовольствию мистера Флоски, который устранил неудобство, затворив ставни и задернув занавеси»¹⁵ [1, с. 33]. Романист показывает, как персонаж искусственно создает вокруг себя атмосферу «ужасного». Таким образом, иронизируя над готикой, Т.Л. Пикок использует традиционные для неё готические маркеры, оформляя описываемые события с помощью света (при этом солнечный свет для контраста упоминается наряду с пламенем свечи) и звука (неподдающийся объяснению шум, раздающийся в замке практически постоянно), но отказывая ей при этом в жизнеподобии.

Заключение. Таким образом, обязательным центром действия готического романа является старинный замок с привычным набором готических аксессуаров. При этом главное художественное значение в готическом романе имеет не сюжет, а обстановка действия – средневековый замок с запутанными лестницами, потайными входами, пугающим подземельем. Несмотря на это, во всех произведениях готики характер средневекового замка – абстрактный и вневременной. В романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство» используются традиционные элементы готического романа с целью усиления напряженности повествования и драматизма действия. В трагестийном по характеру произведении английского романиста готические элементы (аббатство, башни, и др.) используются как фон, служащий реализации авторского замысла – создание современной комедии нравов. Оживление готических тенденций в романе Т.Л. Пикока отличается фрагментарным характером, трансформируясь в специфическом виде – язвительной сатире, что подчеркивается заглавием романа – «Аббатство кошмаров».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пикок Т.Л. Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла. – М.: Наука, 1988. – 422 с.
2. Пикок Т.Л. Аббатство кошмаров // Комната с гобеленами. Английская готическая проза / Н.А. Соловьева; пер. с англ. Е.А. Суриц. – М.: Правда, 1991. – С. 431–510.
3. Бельский А.А. Английский роман 1800–1810-х гг. – Пермь: Звезда, 1968. – 332 с.
4. Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 232 с.
5. Низамова М. Романы Т.Л. Пикока: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.05. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1979. – 17 с.
6. Чечелева В.Н. Античность в прозе Т.Л. Пикока: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М.: МПГУ, 2008. – 16 с.
7. Орешина И.А. «Романы с ключом» Т.Л. Пикока: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Самара: Инсома-Пресс, 2011. – 20 с.
8. Priestly J. V. Thomas Love Peacock. – London: Macmillan, 1927. – 215 p.
9. Нацпок Б.Р. Интерпретация готики в романе Т.Л. Пикока «Найтмерское аббатство» («Аббатство кошмаров») // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2(33). – С. 66–69.
10. Орешина И.А. «Готические» элементы в романе Т.Л. Пикока «Аббатства кошмаров» // Вестн. ВятГУ. – 2008. – № 2. – С. 155–158.
11. Гениева Е.Ю. Сатирик Пикок, «смеющийся философ» // Аббатство кошмаров. Усадьба Грилла / Т.Л. Пикок. – М.: Наука, 1988. – С. 358–382.
12. Peacock T.L. Nightmare Abbey. – London: Printed for T. Hookham, Jun. Old Bond-Street; and Baldwin, Cradock, and Joy, Paternoster-Row, 1818. – 218 p.

Поступила 29.06.2023

THE IMAGE OF A GOTHIC CASTLE IN T. L. PEACOCK'S NOVEL «NIGHTMARE ABBEY»

N. NESTSER

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers the image of the Gothic castle in the novel «Nightmare Abbey» (1818) by the English writer and satirist Thomas Love Peacock (1785–1866). It is noted that the work of the English novelist uses traditional elements of the Gothic novel in order to strengthen the tension of the narrative and drama of the action. At the same time, Gothic coloring in T.L. Peacock's novel «Nightmare Abbey» is only a background, serving for the implementation of the author's idea.

Keywords: gothic castle, irony, image, parody, «Nightmare Abbey».

¹⁴ «The day after Mr Glowry's departure was one of incessant rain... The next day was one of bright sunshine... On the third evening, the wind blew, and the rain beat, and the owl flapped against his windows... On the fourth day, the sun shone again...» [12, p. 211–212].

¹⁵ «It was noon, and the sun was shining in full splendour, much to the annoyance of Mr Flosky, who had obviated the inconvenience by closing the shutters, and drawing the window-curtains» [12, p. 109].

УДК 821.112.2

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-111-114

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ О ПРЕКРАСНОЙ ТОРГОВКЕ
В «РАЗГОВОРАХ НЕМЕЦКИХ БЕЖЕНЦЕВ» И. В. ГЁТЕ

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: l.siamchonak@psu.by

В статье проводится сопоставительный анализ вставной новеллы И. В. Гёте из цикла «Разговоры немецких беженцев» с текстом любовной истории о хорошенькой лавочнице маршала Бассомпьера, использованной немецким автором в качестве основы для своего рассказа. Отмечается близость гётевского текста к тексту оригинала. Анализируются изменения, внесенные И. В. Гёте в перевод мемуаров Бассомпьера, позволившие ему сохранить и подчеркнуть новеллистическую природу рассказанной истории.

Ключевые слова: мемуары, новелла, вставной рассказ, жанр, необычное событие, поворотный пункт, мотив чумы.

Введение. Интерес к жанру новеллы – особенность творчества И. В. Гёте послереволюционного периода. В 1794 г. он принимает приглашение Ф. Шиллера о сотрудничестве в журнале «Оры» (*Die Horen*, 1795–1797), на страницах которого были напечатаны «Разговоры немецких беженцев» (*Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten*, 1795). В этом произведении И. В. Гёте впервые обращается к новеллистическим сюжетам в поисках адекватной художественной формы, способной воссоздать нюансы мировосприятия человека эпохи наполеоновских войн и установления капиталистических отношений.

Отправной точкой сюжета «Разговоров немецких беженцев» становится вторжение на немецкую территорию французской армии. Наступление революционных войск заставляет членов знатного семейства покинуть свои владения в приграничной области и переправится на другой берег Рейна. Вынужденный переезд обнаруживает остроту политических разногласий собравшихся, ставшую причиной серьезной ссоры между кузеном Карлом и консервативно настроенным тайным советником фон С. Скандальный отъезд последнего заставляет главу семейства, баронессу, запретить все разговоры «на злобу дня», чтобы «восстановить мир и согласие» в доме [1, с. 133]. Основная причина возникшего конфликта, считает баронесса, – неумение человека управлять собственным нравом, проявляющим себя «слепо и неудержимо» [1, с. 130]. Поэтому основным лекарством для усвоения норм человеческого общежития она видит «поучительные и одушевляющие беседы» [1, с. 133] в кругу родных и близких. Последовавшие за этим «разговоры» членов знатного семейства посвящены обсуждению рассказов, с которыми они знакомят друг друга на протяжении двух вечеров.

Разнообразие жизненных принципов героев рамочного повествования соответствует жанровая вариативность первоисточников, использованных Гёте для вставных рассказов. Это и французский сборник XV в. «Сто новых новелл» (История о прокураторе), и «Мемуары» маршала Бассомпьера (История о прекрасной торговке и история о накидке), и местные былички (История о странном постукивании). Такими же разнообразными по жанровому содержанию являются истории, написанные самим Гёте, одни из которых предлагаются присутствующим в качестве «отменной духовной пищи», другие – в качестве «десерта» [1, с. 139]. И если новеллы первого дня полны тайн, мистики и привидений (здесь угадываются предромантические мотивы, интерес к эстетике ужасного и иррационального), то поучительные рассказы второго дня несут отпечаток эпохи Просвещения с её верой в возможность управлять своими страстями с помощью разума.

В первый день собравшиеся прослушивают несколько историй. «Неслыханность» рассказов первого дня вызывает интерес младшего поколения аристократического семейства. Представленные в них чудеса необъяснимы с позиции рационального сознания и не укладываются в рамки просветительской концепции. Привлекательными для слушателей они становятся потому, «что истинны», а значимость приобретают вследствие своей исключительности [1, с. 152]. Каждый следующий рассказ Гёте вкладывает в уста нового рассказчика, настаивающего на подлинности событий. Священник знакомит всех с историей о певице Антонелли, случившейся в его «бытность в Неаполе» [1, с. 140]; Фриц повествует о происшествии со странным постукиванием в доме друга, «жившего с семьей в старинном замке» [1, с. 149]; Карл ссылается на документальный источник своих историй.

Сюжет «Истории о прекрасной торговке» Гёте позаимствовал из мемуаров французского маршала Франсуа де Бассомпьера (*François de Bassompierre*, 1579–1646) об одном из его любовных походов. Рассказ был опубликован в первом томе воспоминаний, известных под названием «Моё жизнеописание» (*Journal de ma Vie*, 1665) [2, р. 184–188]. Впервые воспоминания маршала были опубликованы в 1665 г. с указанием вымышленного издателя Пьера Марто (Pierre du Marteau) в Кёльне. Полное название двухтомного издания звучало так: *Mémoires du maréchal de Bassompierre, contenant l'histoire de sa vie, et de ce qui s'est fait de plus remarquable à la cour de France pendant quelques années*. Экземпляр, которым воспользовался Гёте при переводе истории о прекрасной торговке для «Разговоров немецких беженцев», представлял собой третье издание, датированное 1666 г. Подтверждением тому служит запись в архивах Веймарской библиотеки герцогини Анны Амалии, указывающая на обращение писателя к мемуарам Бассомпьера в декабре 1794 – январе 1795 года [3, S. 10].

Сопоставительный анализ гётевской истории о прекрасной торговке с текстом оригинала, проведённый в конце XIX в. профессором гейдельбергского университета Фридрихом Мейером фон Вальдеком, обнаружил близость немецкого текста к французскому первоисточнику [4]. Вместе с тем в тексте немецкого автора исследователями был зафиксирован и ряд изменений (смысловых и стилистических) и отклонений от оригинала [5]. Цель данного исследования – анализ причин семантических сдвигов, предпринятых И. В. Гёте в его версии любовного приключения маршала Бассомпьера с прекрасной торговкой. Методологическая база исследования носит комплексный характер и представлена сочетанием структурно-семантического и сопоставительного методов исследования.

Основная часть. Рассказ о прекрасной торговке, не устыдившейся клейма любовницы дворянина и рискующей ради него жизнью, относится к историям первого дня «Разговоров немецких беженцев». Примечательно, что баронесса, выступившая инициатором «*одушевляющих бесед*» [1, с. 133], не присутствует при рассказывании этой группы историй, ведь ни одна из них не соответствует главному условию, озвученному ею в беседе со священником. Баронесса готова слушать лишь те рассказы, в которых «*люди являются нам такими, какими мы хотели бы их видеть*» [1, с. 157]. Речь, соответственно, идёт не столько об историях, которые «*открывают нам человеческую натуру*» [1, с. 136], сколько о рассказах, проецирующих наши желания и изображающих человека таким, каким нам бы его хотелось видеть, идеализирующих его¹. Для достижения гармонии человеку достаточно уметь контролировать свои желания, считает героиня. Баронесса хочет слышать только рассказы поучительные, то есть те, в которых этический выбор героя соотносится с совершенным миропорядком. Её веру в возможность воспроизведения образцовых моделей поведения в жизни ставят под сомнение молодые члены дружеского кружка, отдающие предпочтение историям хоть и неслыханным, но подлинным. Именно такими являются обе истории из мемуаров Бассомпьера, рассказанные Фридрихом. Прямая отсылка слушателей к воспоминаниям известного исторического лица, являющегося непосредственным участником описанных событий, снимает сомнения в подлинности рассказанного и заставляет принять его как факт бытия, расширяющий традиционные представления о мире и служащий обновлению устоявшейся картины мира.

Как убедительно доказал американский германист Генри Ремак, история парижской лавочницы, изложенная в мемуарах Бассомпьера, новеллистична по своей природе [7, S. 23–33]. Именно это и побудило И. В. Гёте включить её в состав «Разговоров немецких беженцев», так как для Гёте типично введение в сюжет крупного произведения параллельных историй, противоположных картин взаимодействия человека и мира. Если поучительные рассказы второго вечера изображают происшествия, вписывающиеся в систему традиционных представлений о мире и моделирующие социально приемлемые образцы поведения, то история о прекрасной торговке ставит под сомнение незыблемость устоявшихся норм и правил.

Гёте не просто перевёл рассказ Бассомпьера, он внёс в него правки, акцентирующие новеллистическую природу первоисточника. История о прекрасной лавочнице превращается у Гёте во вставной рассказ, а, значит, утрачивает присущий воспоминаниям Бассомпьера хронологический контекст, который Гёте компенсирует за счёт усиления интереса маршала к личности удивительной женщины. В гётевской версии восхищение героя лавочницей, которая «*на протяжении пяти или шести месяцев*» наблюдает за ним [1, с. 152], обусловлен не только внешностью женщины, но и её открытостью в проявлении чувств. Торговка не скрывает ни своей любви, ни благоговения перед личностью возлюбленного, ни страстного желания провести с ним ночь. «*Но чего не сделаешь ради того, кого любишь, да ещё если это Бассомпьер! Ради него пришла я в этот дом – ради человека, чьё присутствие облагораживает даже это место*» – заявляет она, подчёркивая сложную природу чувств, приведших её в дом «*известной сводни*» [1, с. 153–154].

В автобиографии Бассомпьера история с «*пригожей лавочницей*» вписана в череду других знаковых событий в жизни маршала. Именно они указывают на исключительность описанных любовных отношений. С точностью документалиста фиксирует Бассомпьер время, место и обстоятельства своего знакомства с необычной женщиной – июнь 1605 года, незадолго до отъезда в Лотарингию, куда маршал должен был отправиться по поручению короля Генриха IV. Выдвинутое лавочницей условие о том, что повторное свидание может состояться лишь в ночь с воскресенья на понедельник, вынуждает Бассомпьера отложить свой отъезд, связанный с выполнением важного государственного поручения. Готовность маршала рискнуть своим положением в обществе ради ещё одной ночи с женщиной низкого происхождения подчёркивает исключительный характер описанного Бассомпьером любовного приключения. Но прекрасная лавочница интересуется исторического Бассомпьера лишь в силу своей физической привлекательности. Ни о каком интересе к личности неординарной возлюбленной речи не идёт. Единственное, что представляется маршалу заслуживающим упоминания, это молодость женщины, её внешние данные (он довольствуется тривиальным эпитетом «хорошенькая») и физическое наслаждение, которое она доставила ему ночью («*...pouvant dire n'avoir jamais veu femme plus jolie, ny quy m'ait donné plus de plaisir pour une nuit, ...*» – «*Я могу сказать, что никогда не видел более красивой женщины и женщины, которая доставила бы мне больше удовольствия за одну ночь ...*»² [2, с. 185]). Акцент на чувственных удовольствиях сделан в мемуарах и при цитировании слов самой лавочницы: «*Je crois que maintenant que vous estes las de cette nuit passée, vous*

¹ В немецком варианте использован глагол «*mögen*» (любить, нравиться): «*in der die Menschen erscheinen, wie man sie gern mag*» (в котором люди предстают такими, какими мы их особенно любим) [6, S. 167].

² Здесь и далее при отсутствии ссылки на русскоязычное издание перевод мой – Л. С.

avés dessein de partir dimanche; mais quand vous vous serés reposé, et que vous songerés a moy, vous serés bien ayse de demeurer un jour davantage pour me voir une nuit – «Я думаю, что сейчас вы чувствуете усталость от проведенной ночи и собираетесь уехать уже в воскресенье; но когда вы отдохнете и вспомните обо мне, вы будете рады задержаться, чтобы провести со мной ещё одну ночь» [2, с. 186].

У Гёте необычный характер происходящего обнаруживается на нескольких уровнях. Во-первых, удивительным для слушателей XVIII в. представлялся образ героини рассказа, отличающейся сексуальной раскрепощённостью, готовностью первой проявить инициативу при общении с мужчиной более высокого социального статуса. Во-вторых, финал рассказа полон тайны в отношении неопознанных «*нагих тел*» [1, с. 155]. Слушателям остается лишь догадываться о судьбе героини, а также о мотивах её загадочного поведения – страстном желании оказаться с Бассомпьером «*между двумя простынями*» [1, с. 153] и стремлении сохранить верность и мужу, и возлюбленному. Станным, наконец, кажется необычайно сильное впечатление, которое лавочница оставила в душе маршала, повидавшего немало женщин: «*Это приключение произошло у меня с особой низкого звания, но, поверьте, не окончись оно столь неприятным образом, оно бы осталось в моей памяти как одно из самых увлекательных походов...*» [1, с. 155]. Во французской версии Бассомпьер лишь отмечает: «*...mais elle estoit sy jolie que je l'ay regrettée, et eusse désiré pour beaucoup de la pouvoir revoir*» – «...но она была такой красивой, что я скучал по ней и очень хотел бы иметь возможность увидеть её снова» [2, с. 188]. Во французском первоисточнике образ торговки обобщен и типизирован. У Гёте, напротив, история с молодой женщиной, подкупающей своей искренностью в выражении чувств, оставляет яркий след в памяти героя. В немецкой версии знакомство маршала с лавочницей приобретает особую значимость в силу расширения субъективного видения героя и изменения его представлений о себе и мире.

Центральным событием становится у Гёте не столько исход запланированной встречи (как это было в мемуарах), сколько трансформация героя. Незначительные уточнения, внесенные в лаконичный тон первоисточника, обнаруживают в поведении аристократа напряжение и томительное ожидание новой встречи. Вместо французского «*j'attendis*» («я ждал») Гёте пишет «*erwartete mit Ungeduld*» («ждал с нетерпением»), вместо «*Je vins a dix heures*» («Я пришел в десять часов») находим «*Um zehn Uhr war ich schon am bestimmten Orte*» («В десять часов я уже был в назначенном месте»). И далее: «*Je... trouvoy la porte*» («Я нашел дверь») – в немецком варианте «*Ich fand die Türe ... sogleich*» («Я тут же нашел дверь»); «*Je frappay*» («Я постучал») – «*Ungeduldig fing ich an zu klopfen*» («С нетерпением я начал стучать»); «*estant revenue pour la seconde fois*» («вернувшись во второй раз») – «*Endlich zog mich das Verlangen wieder nach der Türe*» («В конце концов, страстное желание вынудило меня вновь вернуться к двери») [6, с. 164]. Возрастающее волнение Бассомпьера придаёт новелле динамизм и подводит к кульминационному моменту. Страсть гонит маршала к заветной двери даже после того, как он услышал за ней «*тишь мужской голос*» [1, с. 155]. Поворотный пункт наступает, когда Бассомпьер, проникнув в дом, обнаруживает в комнате, обещавшей море наслаждений, распостёртые на столе тела и мужчин, сжигающих тюфяки. Странное зрелище открывает маршалу глаза на силу страсти, созидательной и разрушающей одновременно. Нежелание отказаться от своих чувств побуждает красавицу нарушить этикет и нормы морали. Страстное желание провести с незнакомкой ночь заставляет аристократа прохаживаться перед домом женщины низкого звания. Оно же вынуждает его искать с ней встречи вопреки чумному поветрию, обнаруживающемуся «*то здесь, то там*» [1, с. 153].

Одним из мотивов, претерпевшим изменения в гётевском варианте, является мотив чумы. Если у Бассомпьера развязка истории оказывается для читателя полной неожиданностью, то у Гёте упоминание чумы и намеки на опасность, которую таит желание героев быть вместе, встречаются на протяжении всего рассказа. Сначала слуга говорит о необходимости обратиться только к знакомой сводне, «*поскольку то здесь, то там, всё ещё объявляется чума*» [1, с. 153], а в конце новеллы упоминаются языки пламени, не оставляющие сомнений в происходящем. Но власть чувственного влечения ослепляет героев, заглушает голос рассудка и гонит навстречу смерти.

Повествователь не даёт анализа произошедшему. Создание завершённой картины не входит в компетенцию новеллы как жанра, поэтому остается открытым вопрос: «Была ли прекрасная торговка одной из умерших?». Вместе с тем заключительные комментарии маршала о немалых усилиях, приложенных им, чтобы разузнать о судьбе лавочницы, указывают на изменение его отношения к красавице, расширение субъективного видения героя.

Заключение. История о прекрасной лавочнице трансформируется у Гёте из мемуарной прозы в самостоятельный рассказ, а, значит, утрачивает присущий воспоминаниям Бассомпьера хронологический контекст. В истории Гёте неслыханным оказывается факт готовности женщины вырваться из мира социальных условностей и реализоваться через проявление своих симпатий. Необычное любовное приключение маршала Бассомпьера приобретает значимость в силу изменения представлений героя о силе чувственного влечения. Созерцание мертвых тел, знаменующее поворотный пункт новеллы, открывает лавеласу мощь настоящей страсти, созидательной и разрушающей одновременно. Образ прекрасной торговки растворяется в языках пламени, оставляя в душе Бассомпьера незабываемые воспоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гёте И. В. Разговоры немецких беженцев : пер. с нем. // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6: Романы и повести ; коммент. Н. Вильмонт. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 121–220.

2. Bassompierre F. Journal de ma vie. Mémoires du Maréchal de Bassompierre. – Paris: Renouard, 1870. – Т. 1. – 450 p.
3. Goethe als Benutzer der Weimarer Bibliothek: ein Verzeichnis der von ihm entliehenen Werke / bearb. von E. von Keudell; Hrsg. mit einem Vorwort von W. Deetjen. – Weimar: Böhlau, 1931. – 391 S.
4. Meyer von Waldeck F. Die Memoiren des Marschalls von Bassompierre und Goethes Unterhaltungen der Ausgewanderten // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen: begr. von L. Herrig ; Hrsg. St. Waetzoldt und J. Zupitza. – 1891. – Bd. 87. – S. 252–255.
5. Kraft W. Von Bassompierre zu Hofmannsthal. Zur Geschichte eines Novellenmotivs // Wort und Gedanke. Kritische Betrachtungen zur Poesie. – Bern; München, 1959. – S. 132–173.
6. Goethe J. W. Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten // Goethe. Werke (Hamburger Ausgabe): in 14 Bdn.; Hrsg. E. Trunz. – München: dtv, 1998. – Bd. 6: Romane und Novellen I. – S. 125–241.
7. Remak Henry H. H. Structural elements of the German novella from Goethe to Thomas Mann. – New York [u.a.]: Lang, 2001. – 322 p.

Поступила 14.04.2023

THE ARTISTIC PECULIARITIES OF THE STORY ABOUT THE BEAUTIFUL SHOPKEEPER IN GOETHE'S "CONVERSATIONS OF GERMAN REFUGEES"

L. SIAMCHONAK
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article is devoted to the comparative analysis of Goethe's novella from the cycle "Conversations of German Refugees" with the text of a love story about a beautiful shopkeeper of Marshal Bassompierre, used by the German author as a basis for his novella. The closeness of Goethe's text to the original is noted. The changes made by J.W. Goethe in the translation of Bassompierre's memoirs, which allowed him to preserve and emphasize the novelistic nature of the story told, are analyzed.

Keywords: *memoir, novella, insert story, genre, unusual event, turning point, plague motif.*

УДК 821.161.1

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-115-118

**СИМВОЛ ДЕРЕВА В КАРТИНЕ МИРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. СЕМЁНОВОЙ «ВАЛЬКИРИЯ»)**

канд. филол. наук, доц. Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

В статье рассматривается символ дерева в славянском фэнтези М. Семёновой «Валькирия». Автор произведения описывает особенности мировоззрения древних славян, которые осознавали сакральную сущность древа. В статье рассмотрено, как жизнь славянской девушки-воина тесно связана с пространством леса, которое привлекает персонажа-валькирию, отождествляющую себя с елью-шатром; злая береза, произрастающая на отшибе, в свою очередь, символизирует избранника героини. Повествование о произрастающих в лесу деревьях позволяет М. Семёновой рассказать о многообразии верований и обычаев, связанных с елью, берёзой, черёмухой, которые могут приобрести амбивалентную символику.

Ключевые слова: символ дерева, славянское фэнтези, мировоззрение, валькирия, ель, береза.

«Словенин всю жизнь живёт подле дерева. Рождённый в бревенчатой клетке, набирается силы в уютной липовой люльке, а из святого угла, сквозь печной дым, присматривают за несмышлёным строгие деревянные лики. Потом, подрастая, усаживается на тёсаную лавку, за дощатый стол, берёт звонкую кленовую ложку. Взрослея, гнет можжевельный лук, колет ровные берёзовые стрелы, опускает в колодезь сработанную из дуба колоду, хранящую зимний лёд до маковки лета... и наконец затворяется в последний дом-домовину и мчится в небо на резвом коне, возникающем из смоляных брёвен костра... а над пеплом скоро встанет новая жизнь – кудрявая, в полновесных гроздьях рябина. И так века и века, сколько помнят старые люди» [1, с. 97].

Введение. Славянское фэнтези наполнено разнообразной древней символикой. Символы славянского фэнтези помогают, с одной стороны, понять авторский замысел писателя, а с другой стороны, приоткрыть тайну мировидения древних славян. Объектом данного исследования выступает славянское фэнтези М. Семёновой (род. 1958) «Валькирия» (1995), а предметом – славянская символика, в частности, символ дерева. Интерес к данной теме вызван обращением автора произведения к насыщенному символами славянскому мировоззрению на примере судьбы отдельной девушки-воина. Придерживаясь неотрадиционалистской теории Р. Менендеса Пидалья (*Ramón Menéndez Pidal*, 1869–1967), мы решили обратиться скорее не к личному опыту автора М. Семёновой, а к историческому прошлому славян, и имеем своей целью объяснить прежде всего специфику национальной традиции, связанной с древним символом дерева [2]. Данный подход представляется нам объективным. Универсальность символов, описывающих картину мира древних славян, позволит применять результаты исследования к другим произведениям с характерной символикой. В то же время данная статья является вводной по отношению к существующим исследованиям, так или иначе связанным с данной проблемой. Изучение символа дерева в славянском фэнтези требует дальнейших исследований.

Изучением древних символов, или архетипов, занимались К.Г. Юнг, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, Е.М. Мелетинский, Ю.М. Лотман, А.А. Потегня и другие значимые литературоведы. В основном они рассматривали значение символа в фольклоре и мифе. Образы деревьев в фольклоре и культуре славянских народов можно встретить в работах И.А. Шведа, Н.И. Толстова, В.В. Усачевой и других. Значительным исследованием является монография Т.А. Агапкиной «Деревья в славянской народной традиции: Очерки» (2019) [3]. Новизна данной статьи заключается в применении существующих в данном проблемном поле исследований к популярному у современного читателя славянскому фэнтези, в частности, к произведению М. Семёновой «Валькирия».

Основная часть. С первых страниц произведения читателю навязывается мысль о страхе, который внушал лес. Темное место, где обитают злые духи, способные околдовать, – так можно описать отношение героев к лесу. Леса все боялись, за исключением главной героини, Зимы Желановны. В лесу она находила утешение и покой своим мыслям, а когда мать задавала ей трепку, вопреки всем предостережениям и страхам, бежала в лес. «Но, диво, никто не спешил рвать меня на клочки, не околдовывал, не пугал» [1, с. 9], – замечала Зима. И домой ей не хотелось, нагулявшись по сырým и темным местам ельника, насобирав полный короб грибов, Зима устраивала себе ночлег под ёлкой-шатром, где чувствовала себя как дома. Всё было у нее под елью: и кремень с кресалом, и миска с ложкой, и законченный горшок. Ель укрывала от холода и ветра, а ночью служила шатром, где можно было остаться до утра. «И если верно, будто у каждого есть свой собственный мир – мой мир тоже стоял деревом, и дерево это была ель. Никогда-то она меня не подводила...» [1, с. 171], – думала Зима.

Боязнь леса у односельчан Зимы вполне оправдана. В мировоззрении древних славян хвойный лес ассоциировался с потусторонним миром. Отсюда и запрет посещать хвойный лес в одиночку, т.к. считали его темным: как в прямом, так и в переносном значении. Еловый лес, ельник, само по себе, достаточно сырое, мрачное место, где и воздух не движется, и птицы не поют, и дикий зверь ночью не спит. Немало суеверий было связано и с

самой елью. Часто она выступала как связь между двумя мирами: живых и мертвых. Существовала примета, согласно которой посаженная возле дома ель могла без времени унести жизнь хозяина дома. Если дерево высаживалось на могиле, и оно прорастало, это свидетельствовало о праведной жизни усопшего [3, с. 62]. Считаясь «смертным деревом», ель в некоторых местах использовалась в качестве оберега и имела сакральное значение. Видимо, темно-зеленый окрас и колючесть хвои сыграли не последнюю роль в выборе Зимы Желановны. Поэтому героине так приглянулась ёлка-шатер: там никто из людей не мог её побеспокоить, и никакой зверь не мог проникнуть под густые её заросли.

Для Зимы ёлка-шатер – красавица, родная душа. Только ей Зима доверит самое дорогое – жизнь своего избранника. Там она укроет израненного воеводу, отправившись за подмогой. Там и найдет его живым: «... когда снова ударили по лицу колючие ветви, я проломила их головой и рухнула внутрь, и меня встретила тишина <...> но лицо было тёплым, и губы дрогнули под рукой, выметнутой вперёд...» [1, с. 356]. Так ее «кровная посестра», «шатёр-ёлочка» спасет Того, кого всегда ждала Зима.

Ель противопоставляется Злой Березе, которая «не цвела и даже весной зеленела медленно и неохотно» [1, с. 15]. Береза – частый символ славянского фольклора, символ чистоты и невинности, «священное, исцеляющее дерево» [4]. Это священное дерево германских богов Тора и Фрейи. В некоторых обрядах береза выполняла роль Космического Древа, соединяющего Небо и Землю и служащего проводником высших сил. Это дерево использовалось в ритуалах инициации и служило символом духовного возрождения человека [4]. У В.Н. Топорова черно-белое дерево, в данном случае береза, выступает как символ одновременно и мужского, и женского [5, с. 321]. Дерево издавало стоны, от которых люди теряли покой. Но что-то загадочное связывало Зиму Желановну не только с радостной елкой, но и со Злой Березой. Зима видела в ней частицу себя. Обе отверженные, одинокие. Но, если ель находилась в достаточно защищенном месте, березе повезло в меньшей мере. О березе ходила легенда. Когда-то высоко на холме стояла пара берез. «Одна была кряжиста и могуча и словно оберегала вторую, а чуть поодаль тянулись к солнышку два тонких ростка» [1, с. 15]. Но березу-жену срубили на хлев, а ростки случайно затоптали... тогда муж-береза каждую ночь корнями начал продвигаться к избам, ближе к любимой, пока ведун не прижег торчавшие корни, чтобы береза остановилась. Береза больше не цвела и почти не зеленела. Однако люди покой так и не обрели. Зима Желановна одновременно и боялась, и бесстрашно защищала березу. Здесь усматривается взаимообусловленность жизни дерева и жизни человека, они, по утверждению Т.А. Агапкиной, либо «параллельны» друг другу, либо взаимно избыточны [3, с. 63].

Однажды Зиме приснился сон. «И привиделось, будто треснуло, как от мороза, раскрылось неохватное древо... выпустило человека...» [1, с. 16]. Что-то родное увидела Зима в этом человеке, его и искала потом в снах и наяву. Здесь находит отражение противопоставление сухого дерева и жизни внутри него, олицетворяющей человека. Внутри сухого дерева, под толстой, израненной бороздами корой, бьётся жизнь. Словно саркофаг, в котором спит красавица из сказки или мифическая дева-богатырша в ожидании прекрасного молодца. В березе, «изломанной свирепой метелью», после прихода весны словно после колдовского сна Тот, кого она всегда ждала, оживал и она видела, «как весной могучие корни погнались вверх новую жизнь, и как текли, иссякая, прозрачные слезы по искалеченному стволу, по рваной белой коре...» [1, с. 305]. Когда, похваливаясь перед девчонками, какой-то молодой Словенин метнул ножик в Злую Березу, Зима не выдержала: «не кору – мою кожу проткнуло пущенное остриё! Так глумятся над связанным пленником, за которого некому постоять. Видение нагого израненного тела мелькнуло перед глазами...» [1, с. 37]. Жестоко пришлось проучить парня, чтобы неповадно было бахвалиться.

Зима Желановна была отщепенцем в семье, «отовсюду торчала сухим сучком из бревна» [1, с. 162], только дедушка её любил, а с его уходом ничего в деревне её уже не держало. «Я кривым сучком была – или всё дерево криво росло?..» [1, с. 55], – задавала себе вопрос Зима, и наверняка, знала на него ответ. Несмотря на это, героиня с особым уважением относится к роду, чтит «глубокие корни отчих могил» [1, с. 37]. Так она сравнивает свое происхождение с корнями деревьев, глубоко уходящими в могилы. Эта верность роду и племени, извечная связь с родным местом, местом рода заставит её позже вернуться в деревню, увидеть Злую Березу и того пленника, привязанного к ней.

Связь дерева с человеком, будь то отождествление с его телом или с его судьбой имеет символическое значение. Часто героиня сравнивала себя с деревом. Вспомним её посвящение в воины. Тяжелые испытания закаляли Зиму: «Человек, как упругое дерево, выпрямляется, если, конечно, не согнут дальше предела» [1, с. 125]. Кожа, слезающая после поединков, напоминала кору: «Стало быть, сходила прежняя кожа, лезла новая, грубей древесной коры. Не этого ли хотела...» [1, с. 118]. Зима Желановна ощущала себя частью природы, молодым, неокрепшим деревцем, которое только начинает покрываться грубой корой.

Однажды героиня помогает обрести счастье другой паре деревьев: старому искорёженному жизнью выворотню и молодой черемухе, которых свел случай расти недалеко друг от друга. Зиму Желановну поразила увиденная у лесного озера картина: «выворотень-страшило тянул сожжённые лапы, полз по прогалине к тонкой, давно отцветшей черёмухе и всё не мог доползти, одолеть те девять шагов, что их разделяли...» [1, с. 294]. «Выворотень-страшило» – старое, очевидно когда-то пораженное молнией, дерево; черемуха – цветущее весной молодое дерево, тот глоток жизни, который был крайне ему необходим. Согласно мысли В.Н. Топорова, тянущиеся друг к другу цветущее и сухое деревья олицетворяют собой пару [5, с. 321]. В этом было что-то загадочное, позволяющее лишь Зиме разгадать тайну двух деревьев. Словно статный воин, обездвиженный, но все еще могучий, которого Зима и «с места сдвинуть» не могла, выворотень желал приблизиться к черемухе. Он вдохнет новый

глоток жизни, будь он немного ближе к молодому деревцу. Ведь у корней бьется еще живое, зеленое, «не залитое жижей болота» лесное озеро. А значит, жизнь должна победить смерть! Но для этого придется черемуху пересадить: разорвать ее связь с родной землей, как у человека – с его родом. «Это я непременно должна была совершить, потому что иначе-иначе можно не думать больше о Том, кого я всегда жду» [1, с. 294], – не успев подумать, сделала Зима. Ей, подобно черемухе, в поисках своего счастья пришлось оторваться от корней и пойти следом за выдавшим виды, испытанным судьбой, воином. Данный эпизод словно тренировка перед настоящим испытанием. Главное ждало Зиму впереди.

Однажды она увидит, не во сне, а наяву, и Злую Березу, и Того, кого она всегда ждала: «Передо мной возвышалась, царапая небо ветвями, Злая Берёза, а у Берёзы, как белое изваяние, стоял нагой привязанный человек. Мне сперва показалось, снег на нём уже и не таял. Летящее пламя позёмки окутывало его, половина тела пряталась в непроглядной тени, но не узнать Мстивоя было нельзя. Недвижимый, беспомощный, он был по-прежнему столь грозен и горд, что молодой сторож его боялся и не мог того утаить!» [1, с. 343]. Насколько противопоставлены и взаимосвязаны в данном эпизоде дерево и человек: торжествует, протягивая ветви в небо, береза, и умирает, скованный и обескровленный человек. Ветви дерева, упирающиеся в темное небо и немного напоминающие поднятые вверх руки человека, словно соединяли «земной» и «небесный» мир. В.Н. Топоров обозначает эту связь как «ось мира» [5, с. 327], Т.А. Агапкина видит в ней медиатора, посредством которого человек покидает мир людей, перемещаясь в потусторонний мир, на «тот свет» [3, с. 61], Г. Бидерманн усматривает особую связь человека и дерева: поскольку оно корнями уходит в землю, а его ветви устремлены к небу, оно, как и сам человек, является отражением «сущности двух миров» и посредником между «верхом и низом» [6, с. 69]. Вспомним, что действие происходит в ночь Санхейма, когда завеса между двумя мирами приоткрывается. В случае с Мстивым очевидными являются медиативные свойства дерева, способного влиять на судьбу человека. Мстивому Ломаному нельзя было нарушать гейсы (запреты), одним из которых было приближение к березе. Это могло убить воина. В данном случае проявляется частое использование того или иного дерева в определенных ритуалах.

В описанном выше эпизоде мы видим отсылку к жертвенной символике крестного древа. Вот она правда жизни: как только береза почувствовала силу привязанного к себе человека, она снова оживает, царапая небо. Это ее последние часы превосходства: нагое тело Мстивоя было хорошей опорой для нее. Но поглотить его она смогла лишь связанным и недвижимым. Казалось, пожелай, и он сложил бы чахлое дерево, но сейчас оно торжествовало. Зиме Желановне удалось освободить пленника березы. И случилось то, чего боялись и ждали односельчане Зимы: «Ночь перед Самхейном повалила Злую Берёзу. Вывернуть её метель не осилила, но ствол пал, оставив необъятный пень в аршин высоту. Сойдет снег, и могучие корни погонят вверх новую жизнь, сперва пень зальётся слезами, которых никто не посмеет собрать, а потом к вешнему солнцу рванётся новый побег, буйный, сильный, свободный от всякого колдовства...» [1, с. 358]. Новая жизнь ждет злую (а теперь уже и нет) березу. За смертью следует жизнь, круговорот жизни в природе. Нужно было сломаться никому не нужному стволу, чтобы дать новую жизнь. Так, по мнению М.Ч. Ларионовой, символика начала времен соединилась с «жертвенной символикой крестного древа» [7, с. 96–97]. Следовательно, символ дерева находит свое отражение как в языческом мировоззрении древних славян, так и в христианском и является многозначным.

Заключение. Если исходить из гипотезы, что различные части дерева служат своего рода воплощением времени: прошлое (корни), настоящее (ствол) и будущее (ветки, крона), то Зима Желановна – это будущее. От того, какой она станет, зависит и будущее рода валькирии, и будущее Злой Берёзы, Того, кого она всегда ждет. «Перед нами вырисовывается уверенная в себе, прагматичная личность, влекомая знаниями, войной и смертью. <...> Она достаточно отважна, чтобы справиться с буйным захватчиком, она отказывается выйти замуж за жениха, которого считает недостойным себя» [8, с. 20]. Символ дерева проходит красной нитью сквозь жизнь словенской девушки. На примере судьбы валькирии Зимы Желановны читатель видит эту непосредственную связь дерева и человека. Концовка славянского фэнтези доказывает, что образ дерева символизирует собой не столько круговорот жизни, сколько торжество жизни над смертью, возможность преодоления тягот судьбы и обретения веры в светлое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семёнова М. Валькирия. – М.: АСТ; СПб. : Азбука, 2008. – 541 с.
2. Менендес Пидаль Р. Избранные произведения: Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения: Пер. с испан. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 772 с.
3. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. – М.: Индрик, 2019. – 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).
4. Береза (символ) // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – URL: [https://megabook.ru/article/Береза\(символ\)](https://megabook.ru/article/Береза(символ)). (дата обращения: 26.03.2023).
5. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – Т. 2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.
6. Дерево // Энциклопедия символов: пер. с нем. / Г. Бидерманн; общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с. – С. 68–70.

7. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост.ун-та, 2006. – 256 с.
8. Фриксдоттир Й. К. Валькирии. Женщины в мире викингов. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.

Поступила 12.05.2023

**THE TREE SYMBOL IN THE WORLD VIEW OF THE ANCIENT SLAVS
(BASED ON M. SEMYONOVA'S WORK "VALKYRIE")**

E. LUSHNEVSKAYA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article deals with the symbol of the tree in M. Semyonova's Slavic fantasy 'Valkyrie'. The author of the novel describes the features of the worldview of the ancient Slavs, who were aware of the sacred nature of the tree. The article considers how the life of a Slavic warrior-girl is closely connected with the space of the forest. It attracts the Valkyrie character, who identifies herself with a fir-tree; the evil birch growing in the middle of nowhere, in turn, symbolizes the heroine's beloved. The story about the trees growing in the forest allows M. Semyonova to accentuate the variety of beliefs and customs associated with the fir-tree, the birch, the bird cherry, which can acquire ambivalent symbolism.

Keywords: *tree symbol, Slavic fantasy, world view, Valkyrie, spruce, birch.*

УДК 821.111(73)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-68-3-119-123

ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА Ё МАСТАЦКАЙ ПРАСТОРЫ ТВОРЧАСЦІ У. ФОЛКНЕРА

д-р філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)
e-mail: zoya.tretyak@rambler.ru

У артыкуле разглядаюцца проза, нататкі і эсэ У. Фолкнера, прысвечаныя Першай сусветнай вайне. Адзначаецца, што ваенная тэматыка стала скразной у творчасці пісьменніка, які не меў баявога вопыту. Досвед некамбатанта адбіўся ў мастацкай спадчыне аўтара. Ён ў меншай ступені імкнуўся да ўзнаўлення франтавога антуражу і ўзброенай барацьбы на полі бою, але засяродзіўся на постацях персанажа-цывільнага і вайскоўца, які вярнуўся дадому на Поўдзень ЗША, дзе актуальнымі былі згадкі пра Грамадзянскую вайну. Аўтар пераасэнсаваў матыў страчанасці, звярнуў увагу на матывы вайны-кантынуума і вайны-прыбытковай справы.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, амерыканская літаратура, У. Фолкнер, пісьменнік-некамбатант, матыў страчанасці.

Уводзіны. Літаратура ЗША пра Першую сусветную вайну – мастацкі феномен, які ў 1910 – 30-я гг. Фарміраваўся дзякуючы літаратарам-камбатантам і некамбатантам. У апошнім выпадку размова ішла пра «ганаровых лейтэнантаў» ці сведкаў вайны (Дж. Дос Пасас, У. Фолкнер, Э. Хемінгуэй і інш.), пісьменніц-жанчын (М. Бордэн, У. Кэзэр, К.Э. Портэр, Э. Уортан і інш.), бо «ва ўсіх іх выдатны, інтэнсіўны па якасці, недзе трывожны ці заблытаны, але надзвычай рэпрэзентатыўны вопыт ваеннага часу, які змушаў іх самастойна шукаць сродкі яго ўвасаблення ва ўласнай творчасці» (*These male noncombatant, male combatant, and participant and nonparticipant female writers all had remarkable, intense, disturbing, confusing, and representative war time experiences, which were in fundamental ways unprecedented and which these authors were left to work out on their own, which they attempted to do through their writing*) [1, р. 3].

Мэта артыкула – правесці комплексны аналіз літаратурна-мастацкай спадчыны У. Фолкнера, прысвечанай Першай сусветнай вайне; вызначыць спецыфіку аўтарскага ўвасаблення падзей 1914 – 1918 гг., заснаваную на адмысловым статусе пісьменніка (сведкі еўрапейскага ўзброенага канфлікту). Аб'ект даследавання: літаратурна-мастацкія творы У. Фолкнера, у якіх увасоблены падзеі Першай сусветнай вайны. Прадмет даследавання: спецыфіка мастацкай рэпрэзентацыі Першай сусветнай вайны ў прозе У. Фолкнера.

Асэнсаванне Першай сусветнай удзельнікамі ці яе сведкамі адрознівалася не столькі паводле іх вопыту ваеннага часу, колькі паводле інтэнсіўнасці і глыбіні яго спасціжэння ў сукупнасці са звесткамі, атрыманымі з прыватных размоў, сродкаў масавай інфармацыі, літаратурна-мастацкіх твораў. Увага да аўтабіяграфічнага і дакументальнага прыводзіла пісьменніка да імагалагічных, маральна-этычных і філасофскіх пытанняў, якія фарміравалі аўтарскую канцэпцыю вайны. Беручы пад увагу, што дамінантамі чалавечага існавання ў XX ст. былі ўзброеная барацьба (на сусветным, лакальным і асобным узроўнях), смерць і псіха-фізічная траўма, асобныя амерыканскія літаратары падыходзілі да комплекснага разгляду феномена Першай сусветнай. Э. Хемінгуэй успрымаў яе як частку «натуральнай гісторыі памерлых», што пісалася «ў наш час». Дж. Дос Пасас падаваў яе як значны этап у «ініцыяцыі» ЗША, што паступова займалі вядучае месца сярод заходніх краін. У. Фолкнер прайшоў шлях ад увасаблення пазнавальнага для персанажаў-еўрапейцаў і амерыканцаў антуражу вайны да яе альтэрнатыўнай гісторыі, што дазволіла засяродзіцца на спрадвечных быццёвых пытаннях.

Асноўная частка. Адсутнасць ваеннага вопыту адбілася на жыццёвым і творчым шляху У. Фолкнера, які пэўны час не мог прывычаіцца да думкі, што баявыя дзеянні ў Еўропе не сталі фактам яго біяграфіі. Непрыманне такой сітуацыі тлумачылася асобнымі і грамадскімі фактарамі. Будучы пісьменнік, «народжаны праз трыццаць год пасля заканчэння Грамадзянскай вайны ў сям'і з моцнымі вайсковымі традыцыямі, паспрабаваў набыць уласны ваенны досвед, калі Злучаныя Штаты ўступілі ў Першую сусветную» (*Born thirty years after the Civil War, and into a family with a strong patriarchal military history, when the United States entered the First World War, Faulkner attempted to achieve a war experience that he could call his own*) [2, р. 97]. Аднак, вайна скончылася раней, чым У. Фолкнер-ваенны пілот атрымаў дазвол на баявыя вылеты, пакінуўшы ў юнака пачуццё нерэалізаванасці. Таму пісьменнік міфалагізаваў уласны досвед: на малой радзіме «пайшлі плёткі пра ваенныя падзвігі маладога Фолкнера. З дома ў дом пераходзілі аповеды <...> пра тое, як ён змагаўся ў нябёсах над Францыяй, колькі пазбіваў нямецкіх самалётаў, як некалькі разоў сам быў падбіты. Шэптам пераказвалі жахлівую гісторыю пра жудасную рану на галаве» [3, с. 37]. У 1931 г. у інтэрв'ю для «Нью-Ёркера» будучы нобелеўскі лаўрэат знітаваў перажытае і плён фантазіі. Атрымалася гісторыя пра авіятара ў шэрагах канадскага войска, які патрапіў у Францыю, дзе разгарнуліся самыя драматычныя старонкі яго жыцця: самалёт разбіўся, а пілота, які вісеў уніз галавою і паламаў абедзве нагі, выратавалі медыкі (*In 1915 he enlisted in the Canadian air force and went to France. He crashed behind his own lines. He was hanging upside down in his plane with both legs broken when an ambulance got him* [4, р. 23]).

Адной з крыніц ваеннай творчасці У. Фолкнера стала мастацкая літаратура на тэму Першай сусветнай. У эсэ «Літаратура і вайна» (датуецца 1924 – пачаткам 1925 гг.; надрукавана ў артыкуле М. Мілгейта «Фолкнер пра

літаратуру аб Першай сусветнай вайне» [5]) пісьменнік прыгадаў З. Сэсуна, А. Барбюса, Р. Брука, Р. Мотрама, вызначыў яскравыя рысы, якія вылучалі творы гэтых аўтараў на фоне іншых. М. Мілгейт адзначаў: «што, аднак, здаецца выдатным, гэта не запазычанні самі па сабе, а цудоўная здольнасць [У. Фолкнера. – 3.Т.] да пагружанасці ў запазычанае і яго трансфармацыі» (*what seems remarkable, however, is not the borrowing but the marvellous absorption and transformation of the borrowed*) [5, p. 102]. З цягам часу падзеі 1914 – 1918 гг., узноўленыя аўтарам, увайшлі ў адмысловы камплементарны дыялог з па-мастацку перасэнсаванымі перыпетэямі гісторыі часоў Грамадзянскай вайны ў ЗША і Другой сусветнай вайны.

Пісьменнік звярнуўся да шырокага сацыяльнага і псіхалагічнага кантэкстаў, якія змусілі і яго самога, і шэраг яго суайчыннікаў пераствараць уласную біяграфію. У рамана «Салдацкая ўзнагарода» У. Фолкнер разгледзеў стаўленне грамадзян ЗША да вайскоўцаў, якія, дзякуючы прапагандзе, паўсталі барацьбітамі за дэмакратыю: яны ахвяравалі жыццём, каб спыніць вайну. Масавая свядомасць выпрацавала больш прыземлены вобраз салдата, «які быў не толькі модным і рамантычным, але і любіў вольна абыходзіцца з тымі грашыма, што меў. Да таго ж ён збіраўся далёка-далёка» (*they were not only fashionable and romantic, but they were also quite keen on spending what money they had and they were also going too far away*) [6, p. 188], каб, магчыма, загінуць. Апошні факт тлумачыў жаданне цывільных не заўважаць ці дараваць вайскоўцу яго заганы. Жаўнеры, якія не паспелі патрапіць на фронт, і частка мужчын-цывільных у ЗША сакралізавалі смерць на полі бою: «ён уявіў сабе раскрытую магілу, *and he himself in boots and belt, and pilot's wings on his breast, a wound stripe*) [6, p. 52]. Асноўнай паразай для іх было пачуць пра баязлівасць ад тых, хто лічыў, што сучасная «вайна дазваляла пацвердзіць (ці ўзнавіць) традыцыйнае ўяўленне пра мужчынскую сталасць у катэгорыях мужнасці і зухаватасці» (*war has meant a chance to confirm, or recreate, the traditional sense of manhood as courage and physical prowess*) [7, p. 135].

У. Фолкнер заўважыў, што пасляваеннае жыццё ўраўнаважыла статус камбатантаў і вайскоўцаў, якія не атрымалі баявы вопыт. Вяртанне на радзіму выкрыла праблемы, разгледжаныя ў раманах «Салдацкая ўзнагарода» і «Сарторыс». Першая з іх нарадзілася, калі персанаж «адкрыў для сябе жыццё, якое рухаецца гэтак жа нязмушана, як і раней, і людзей, не закранутых вайной, гэтак жа далёкай ад іх, як палярныя даследаванні» (*to discover life moving as casually as ever in its old grooves, and people as much untouched by the war as by a polar exploration*) [8, p. 12]. Дадзеныя творы сталі арганічнай часткай амерыканскай прозы, прысвечанай Першай сусветнай, бо, як і ў выпадку з кнігамі Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, У. Марча, Л. Столінгса, Э. Хемінгуэя, іх з'яўленне прадвызначылі «грамадскія недасведчанасць і апатыя, што правакавалі нараджэнне ваеннай літаратуры, надзвычай гнеўнай і, прынамсі, скіраванай на “праўдзівыя аповед” пра баявыя дзеянні» і іх наступствы (*public ignorance and apathy provoke war writing that is amongst the angriest and most purposeful: at the very least having ‘the truth told’ about combat*) [9, p. 20]. У. Фолкнер звярнуўся да тэм, характэрных для літаратуры «страчанага пакалення». Нягледзячы на відавочныя перазовы, аўтар падкрэсліў, што «не лічыць, быццам бы нейкі пісьменнік можа ўспрымаць сябе прадстаўніком “страчанага пакалення”. Ён лічыць сябе прадстаўніком рода чалавечага <...> Людзі зроблены трывалымі, яны здольны вытрымаць гора, яны здольны выпакутаваць жудасныя наступствы вайны, здольны выжыць» (*I don't believe any writer ever considers himself a member of a lost generation. He considers himself a member of the human race <...> people are very tough and they can go through disaster, they can suffer the dreadful aftermath of war, but people are tough, they survive*) [4, p. 176].

Пісьменнік пашырыў абсягі выкарыстання матываў вяртання і страчанаасці для аповеду пра афраамерыканца, які прыехаў з Еўропы на родны яму Поўдзень ЗША. Яна, з сарказмам піша Фолкнер, выкарыстоўваючы вядомую лаянку, «паказала белым хлопцам, што ім ніяк не абыіцца без чарнамазых» (*War showed de white folks dey can't git along widout de cullud man*) [10, p. 66]. У. Фолкнер падкрэсліў працэс адаптацыі героя да патрыярхальнага соцыума, які трансфармаваўся паводле павеваў часу, але захоўваў літаральна нязменнымі расавыя стэрэатыпы. Аўтар не проціпастаўляў ветэранаў з розным колерам скуры: іх рэакцыя на наступствы вайны і жыццё дома была падобнай. У новых абставінах іх існаванне нагадвала авантуру, мала зразумелую для родзічаў, якія не падзялялі прагу былога вайскоўца да марнага баўлення часу ў адзіноце, нежаданне інкарпаравацца ў грамаду, эпажыяны паводзіны. Паводле пісьменніка, амерыканскі Поўдзень у раманах «Салдацкая ўзнагарода» і «Сарторыс» паўстаў перад вачыма ветэрана Першай сусветнай як «сонны бастыён безнадзейна прайгранай справы, дрэнна падрыхтаваны да надыходу новай (мадэрновай) эпохі» (*a sleepy bastion of the lost cause, ill prepared for the coming of modernism*) [11, p. 46].

На думку У. Фолкнера, цікавым для мастацкага ўвасаблення стаў жаночы свет. У рамана «Сарторыс» міс Джэнні – сведка і Грамадзянскай вайны ў ЗША, і Першай сусветнай – падагульніла свае назіранні: «ці зможа мужчына праседзець дзень пры дні <...> у доме недзе за блізкім светам, то бавячы час за чытаннем спісаў параненых і забітых, то дзеручы бялізну, фіранкі, абрусы і сурвэткі на корпію, то гледзячы як цукар, мука і мяса знікаюць літаральна на вачах, то карыстаючыся смалякамі, бо не засталася ні свечкі, ні кадэлябра, куды яе можна паставіць, то хаваючыся ў негрыцянскіх халупах, бо нецвярозвыя генералы-янкі вырашылі падпаліць дом, пабудаваны тваім пра-пра-пра-дзядулем?» (*Do you think a man could sit day after day <...> in a house miles from nowhere and spend the time between casualty lists tearing up bedclothes and window curtains and table linen to make lint, and watching sugar and flour and meat dwindling away, and using pine knots for light because there aren't any candles and no candlesticks to put 'em in if there were, and hiding in nigger cabins while drunken Yankee generals set fire to the house your great-great-grand-father built?*) [10, p. 53]. Маладзейшыя герані У. Фолкнера ўспрымалі гэты аповед

як гісторыю пра далёкае мінулае, але, як і іх папярэдніцы, зайздросцілі мужчынскаму свету. Звяртаючыся да вайскоўцаў, якія прыехалі з Еўропы, яны падкрэслілі: «Вы, відаць, добра бавілі час, пакуль мы, бедныя жанчыны, працавалі як нявольніцы, скручвалі бінты і вязалі пруткамі. Спадзяюся, што на наступнай вайне жанчыны будуць змагацца на полі бою. Я лепш пайду маршыраваць і страляць са стрэльбы, чым зноў пачну вязаць» (*You must have had an awfully good time while we poor women were slaving here rolling bandages and knitting things. I hope women can fight in the next war. I had much rather march and shoot guns than knit*) [6, pp. 189 – 190].

Поўная спавядальных матываў гісторыя Маргарэт з рамана «Салдацкая ўзнагарода» дазволіла У. Фолкнеру акцэнтаваць асобныя факты жаночага жыцця падчас Першай сусветнай. Медыцынская сястра са шпіталю, куды прывозілі хворых і параненых з Еўропы, добра спазнала «шарм» вайны, што скасавала пэўныя бар'еры ў адносінах мужчын і жанчын, якія жылі ў атмасферы чакання авантур і подзвігу, што рабіла ўсіх «узбуджана-істэрычнымі, як у вялікім цырку» (*excited and hysterical, like a big circus*) [6, p. 162]. Экзальтацыя прыводзіла да нематываваных учынкаў кшталту шлюба Маргарэт і мала ёй вядомага афіцэра. Асэнсаванне нерацыянальнасці паводзін заняло працяглы час, бо гераіня засталася ў асяродку, дзе дамінавала ідэя *carpe diem*. Вынікам рэфлексіі стала жаданне скасаваць афіцыйныя адносіны, якія скончыліся самі па сабе, бо муж Маргарэт загінуў, пакінуўшы жанчыну сам-насам з думкамі пра выпадковы падман.

Асобная частка твораў У. Фолкнера пра Першую сусветную – гэта апавяданні з месцам дзеяння ў Еўропе. Вытрыманы ў рэчышчы рэалізму, аповед пра ветэрана Грэя («Перамога») абвяргаў патэнцыял вайны як сацыяльнага ліфта, што дапамагаў сягнуць ад шараговага пастуха да джэнтэльмена. Апавяданне «Расколіна» вызначалася ўзаемадзеннем фактаграфічнага (нягоды вайскоўцаў у лагчыне, дзе чалавек рызыкуе выпадкова праваліцца ў мелавую пячору і застацца там назаўсёды), прытчападобнага (пераадоленне прасторы, якая нагадвае пустэлю / бясплодную зямлю, што вымагае надзвычайных высілкаў і прымушае перагледзець стаўленне да жыцця і смерці), фальклорнага (гісторыя з салдацкага жыцця пра адносна шчаслівае выратаванне з лап смерці, якая чакала ахвяр нават не на полі бою). У апавяданні «Кругом» У. Фолкнер нечакана выявіў сябе аўтарам прыгодніцкага твора, дзе «ўхвалялася мужнасць індывіда, з цёплым пачуццямі наноў адкрывалася ідэя англа-саксонскага братэрства па-за межамі нацыянальных стэрэатыпаў» (*celebration of individual courage and its warm discovery of Anglo-Saxon brotherhood beneath national stereotypes*) [12, p. 61].

Вольная фолкнерава інтэрпрэтацыя рэальных гістарычных фактаў ў рамана «Прытча» звязана з асэнсаваннем сутнасці татальнай вайны, якая вызначыла чалавечасе быццё ў першай палове XX ст. Сюжэт твора аліозіўна адсылае да Евангелля (падзеі занялі сем дзён / перадвельікодны тыдзень; капрал Стывен / Хрыстос; яго паплечнікі / апосталы). На думку М. Анастасьева, пісьменнік вымусіў чытача заглыбіцца ў сітуацыю эксперыменту [13, с. 446] на ўзроўнях формы і зместу твора, аднак паралелі з біблейскімі тэкстамі павінны былі спрасціць знаёмства з кнігай, у якой аўтар «перасоўваў важкія слоўныя масівы» [14, с. 206]. Прапанаваная У. Фолкнерам канцэпцыя апаведу прадвызначыла дастаткова крытычнае стаўленне сучаснікаў да рамана: манатонна-пакручастага, нудна-недасяжнага (*dull, tortuous and marvelously soporific, its nearly impenetrable prose*) [15, p. 383] для ўспрымання шараговага чытача.

Супярэчнасць, закладзеную ў аснове сюжэта, ахарактарызаваў М. Каўлі: ««Прытча» базуецца на проціпастаўленні пачуццяў і логікі. Пачуцці ў рамана адмыслова пацыфісцкія <...> вайна – амаральны феномен, а тыя, хто адмаўляецца браць у ёй хаця б нейкі ўдзел – святыя <...> З другога боку, паводле фолкнеравай логікі, некаторыя войны справядлівыя, ці, хаця б, патрэбныя, а тыя, хто адмаўляецца ўдзельнічаць у іх – дурні. Калі капрал – дурань, то Хрыстос, насамрэч, ніякім чынам не стасуецца з яго постацю» (*A Fable is based on a contradiction between feeling and logic. The feeling of the novel is deeply pacifist <...> war is wrong and that men who refuse to have any part in it are saints <...> Faulkner's logic, on the other hand, says that some wars are right, or at least necessary, and that men who refuse to have any part in them are fools. If the corporal is a fool, he cannot be truly Christlike*) [16, p. 371]. Сам пісьменнік не лічыў твор парадаксальным ці алагічным, бо ў нататцы «Пра рамана «Прытча»» ён адзначаў: «Насамрэч, калі ў маёй кнізе ёсць ідэя ці мараль (паводле маіх задум нічога гэтакага ў ёй не мелася на ўвазе <...>), то іх сутнасць у тым, каб паказаць сродкамі паэтычнай аналогіі ці алегорыі бяссілле пацыфізму; скончыць вайну чалавек можа, ці то адшукаўшы, прыдумаўшы нешта больш магутнае, чым вайна, ваяўнічыя памкненні і бязмежная прага ўлады, ці то скарыстаўшыся польмым, каб вынішчыць яго само» (*In fact, if this book had any aim or moral (which it did not have <...>, it was to show by poetic analogy, allegory, that pacifism does not work; that to put an end to war, man must either find or invent something more powerful than war and man's aptitude for belligerence and his thirst for power at any cost, or use the fire itself to fight and destroy the fire with*) [17, p. 162]. Г. Хікс звярнуў увагу на яшчэ адну канцэптальную адметнасць рамана: галоўны персанаж апынуўся на перыферыі апаведу [18, p. 375]. Адносна дэталева яго ўчынкі паказаны ў некалькіх адметных эпізодах, па большасці ж пра матывы і вынікі яго дзеянняў разважаюць выпадковыя сведкі яго пакут.

У рамана «Прытча» ўвасоблена патэнцыяльная бясконцасць баявых дзеянняў, якія афіцыйна распачаліся ў 1914 г.: «вайна можа зацягнуцца яшчэ на год дзесяць-дваццаць, за гэты час Францыя і Брытанія знікнуць як ваенная і палітычная кааліцыя, а вайна паўстане як занятак для жмені амерыканцаў, у якіх не застанеца нават карабля, каб патрапіць дадому» (*It might even last another ten years or even another twenty, by which time France and Britain would have vanished as military and even political integers and the war would have become a matter of a handful of Americans who didn't even have ships to go back home in*) [19, p. 685].

Паводле У. Фолкнера, падчас вайны-кантынуума зменіцца роля грамадзян ЗША, занятых у камерцыйных структурах на радзіме і ў Старым Свеце, якія марылі пра працяг узброенай барацьбы, каб канчаткова «высмактаць

усе жыщевыя сокі з Еўропы. Потым мы – гуны і Антанта разам – перабазуем увесь некрануты вайной бізнес цалкам на свежыя транс-Атлантычныя пашы» (*we will have exhausted Europe. Then we – hun and allies together – will transfer the whole business intact to the fresh trans-Atlantic pastures*) [19, p. 855]. Аўтар падкрэсліў, што вайна ўспрымалася яго персанажамі амбівалентна: то як апагей пакут і амаральная з’ява, то як годная прафесійная дзейнасць ці сродак заробку. Некаторыя з фолкнеравых герояў атаясамлівалі баявыя дзеянні з прыгодамі і рамантай, іншыя – з мярзотнымі пачуццямі. Празайк сведчыў, што незалежна ад стаўлення да падзей вайны, персанажы зжыліся з сусветным катаклізмам: баявыя дзеянні сталі нечым натуральным (парасткі гэтай ідэі можна знайсці ў рамана «Салдацкая ўзнагарода»). Масавая забойства і калецтва не ўражвалі, а імкненне тэрмінова скончыць вайну ўспрымалася ў негатыўным святле, бо задаволены не жадаў пакідаць зону камфорту, а дзяржаўны дзеяч ці прадпрымальнік – губляць штодзённы заробак.

Паводле Н. Падхорэца, раман «Прытча» адзначыў заканчэнне значнага перыяду ў развіцці ваеннага рамана ЗША ў XX ст., што, пераважна, асацыяваўся з творчасцю Э. Хемінгуэя і Дж. Дос Пасаса [20]. У. Фолкнер падсумаваў эксперыменты пісьменнікаў-сучаснікаў з «плынню свядомасці», пераасэнсаваннем архетыповых сюжэтаў, развітаўся з матывам страчанасці і г.д.

Заключэнне. Ваенная тэматыка займае адмысловае месца ў мастацкай прасторы творчасці У. Фолкнера, у межах якой Грамадзянская вайна ў ЗША, дзве сусветныя вайны ў Еўропе набываюць поліфанчнае гучанне. Цікаваць аўтара да гэтых перыпетый гісторыі звязана з яго біяграфіяй і, шырэй, мінулым поўдня ЗША, якое арганічна ўвайшло ў круггляд пісьменніка. Адчуванне глыбіннай камплементарнай повязі гэтых падзей дазволіла У. Фолкнеру разважаць і пра прыватнае, і пра агульначалавечае, падымаючы праблемы чалавечай экзистэнцыі на мікра- і макраўзроўнях. Аўтар паступова падышоў да распрацоўкі матыва звышнатуральнай бясконцасці Першай сусветнай вайны, прасачыў, як баявыя падзеі ўплывалі на псіхалогію прафесійных вайскоўцаў і цывільных, якія ўсё больш прызвычайваліся да забойства і калецтва, цынічна ставіліся да жыцця і смерці, свядома адмаўляліся ад блізкіх чалавечых зносін («Салдацкая ўзнагарода», «Сарторыс», «Прытча»). Празайк значна пашырыў межы выкарыстання матыва страчанасці за кошт аповеду пра персанажа-афраамерыканца, які меў ваенны досвед («Сарторыс»). Апавядаючы пра Першую сусветную і яе наступствы, пісьменнік звярнуўся да жыцця цывільных у ЗША, якія, знаходзячыся далёка ад баявых дзеянняў, зазналі ўплыў вайны («Салдацкая ўзнагарода», «Сарторыс»). У. Фолкнер падкрэсліў «камерцыйны» складнік вайны, што ўспрымалася як крыніца заробку, і гэта паводле логікі абсурду магло паяднаць зацятых ворагаў, у аднолькавай ступені зацікаўленых у звышпрыбытках.

ЛІТАРАТУРА

1. Gandal K. War Isn't the Only Hell: A New Reading of World War I American Literature. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. – 274 p.
2. Dworsky R. Seeing Blindness: The Visual and the Great War in Literary Modernism: a Dissertation Submitted to the Graduate School of the University of Massachusetts Amherst in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. – University of Massachusetts – Amherst, 2014. – 181 p.
3. Грибанов Б. Фолкнер. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 351 с.
4. Lion in the Garden. Interviews with William Faulkner. 1926 – 1962 / Ed. by J. B. Meriwether and M. Millgate. – University of Nebraska Press, 1968. – 298 p.
5. Millgate M. Faulkner on the Literature of the First World War // A Faulkner Miscellany / Ed. by J. B. Meriwether. – Jackson: University Press of Mississippi, 1974. – P. 98–104.
6. Faulkner W. Soldiers' Pay. – New York: Liveright Publishing Corporation, 1926. – 319 p.
7. Jones A. G. Gender and the Great War: The Case of Faulkner and Porter // Women's Studies. – 1986. – № 13. – P. 135–148.
8. Davidson D. William Faulkner // William Faulkner: The Contemporary Reviews / Ed. by M. Th. Inge. – Cambridge, New York: The Cambridge University Press, 1995. – P. 12–13.
9. McLoughlin K. War and Words // The Cambridge Companion to War Writing / Ed. by K. McLoughlin. – Cambridge, New York: The Cambridge University Press, 2009. – P. 15–24.
10. Faulkner W. Sartoris. – London: Chatto and Windus, 1954. – 380 p.
11. Davis D. A. World War I, Literary Modernism, and the U.S. South: a Dissertation Submitted to the faculty of the University of North Carolina in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. – University of North Carolina. – Chapel Hill, 2006. – 337 p.
12. Matthews Jh. Faulkner and the Culture Industry // The Cambridge Companion to William Faulkner / Ed. by Ph. M. Weinstein. – Cambridge, New York: The Cambridge University Press, 2009. – P. 51–74.
13. Анастасьев Н. Уильям Фолкнер // История литературы США. Литература между двумя мировыми войнами. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – Т. VI, кн. 1. – С. 408–470.
14. Мотыльёва Т. О явлениях сложных и неоднородных. Уильям Фолкнер // Зарубежный роман сегодня. – М.: Советский писатель, 1966. – С. 176–212.
15. Prescott O. Books of the Time // William Faulkner: Contemporary Reviews. – New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 382–383.
16. Cowley M. Faulkner's Powerful New Novel // William Faulkner: Contemporary Reviews. – New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 370–372.
17. Faulkner W. A Note on *A Fable* // A Faulkner Miscellany / Ed. by J. B. Meriwether. – Jackson: University Press of Mississippi, 1974. – P. 162–163.

18. Hicks G. Faulkner's Fable is Powerful, Heroic // William Faulkner: Contemporary Reviews. – New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 374–377.
19. Faulkner W. A Fable // Novels 1942 – 1954. – The Library of America, 1994. – P. 669–1072.
20. Podhoretz N. William Faulkner and the Problem of War // William Faulkner: Contemporary Reviews. – New York: Cambridge University Press, 1995. – P. 392–398.

Пастуніў 12.05.2023

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТВОРЧЕСТВА У. ФОЛКНЕРА

З.И. ТРЕТЬЯК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматриваются проза, заметки и очерки У. Фолкнера, посвященные Первой мировой войне. Отмечается, что военная тема стала всепроникающей в творчестве писателя, не имевшего боевого опыта. Опыт некомбатанта нашел отражение в творческом наследии автора. Он стремился в меньшей степени воссоздать фронтовой антураж и вооруженную борьбу на поле боя, а сосредоточился на фигурах персонажа-гражданского и солдата, вернувшихся домой на Юг США, где воспоминания о Гражданской войне всё ещё были актуальными. Автор переосмыслил мотив потерянности, обратил внимание на мотивы войны-континуума и войны-доходного дела.

Ключевые слова: *Первая мировая война, американская литература, У. Фолкнер, писатель-некомбатант, мотив потерянности.*

THE FIRST WORLD WAR IN W. FAULKNER'S CREATIVE WORKS

Z. TRATSIAK

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines W. Faulkner's prose, notes and essays devoted to the First World War. It is pointed out that the military theme became pervasive in the creative works of the writer who had no combat experience. The experience of a non-combatant affected the artistic legacy of the author, who to a lesser extent sought to recreate the front-line entourage and armed struggle on the battlefield, but focused on the figures of the civilian character and the soldier who returned home to the US South, where references to the Civil War were still relevant. The author reinterpreted the motif of loss, drew attention to the continuous war and war as profitable business motifs.

Keywords: *the First World War, American literature, W. Faulkner, a noncombatant writer, the motif of loss.*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Виноходов Д.О.</i> Штрихи к биографии Яна Баршевского: загадка подсудка J. и пана Z.	2
<i>Беликова Е.А.</i> Роль отрицательных конструкций в реализации категории категоричности / некатегоричности в научном тексте	9
<i>Васильева С.Г.</i> Философия любви в лирике М. Богдановича и В. Брюсова	13
<i>Король Н.Б.</i> Специфика функционирования полифонических элементов в романах Е. Водолазкина, М. Шишкина, В. Шарова: нарративный уровень	17
<i>Литвинова Л.А.</i> Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса	24
<i>Волкова А.Л.</i> Просодические характеристики эмфатических высказываний во французском полемическом дискурсе	28
<i>Вильчинская А.В.</i> Жанр политического романа и образ политика в нем (на примере романа Ч. П. Сноу «Коридоры власти»)	34
<i>Зенько М.И.</i> Структурные характеристики англоязычной терминологии брендинга, представленной в документах Всемирной организации интеллектуальной собственности	38
<i>Масленікава С.С.</i> Структурна-семантычныя асаблівасці беларускіх і нямецкіх парэмій з рэлігійнымі кампанентамі	43
<i>Путрова М.Д.</i> В поисках сущности взаимодействия языка и культуры	49
<i>Капцова Ю.А.</i> Феномен пеяратаўнасці і вербальныя паводзіны моўцы	56
<i>Дзінглейская А.І.</i> Словаўтваральная варыянтнасць ці сінанімія? (да пытання аб статусе аднаасноўных дэрыватаў з тоеснай семантыкай)	60
<i>Кудлаш М.В.</i> Гісторыя вызначэння прыслоўя як самастойнай часціны мовы і акрэслення яго межаў	65
<i>Климкович О.А.</i> Историческая стилистика в русском языкознании	70
<i>Ходинская М.В.</i> Эволюция жанра биографии в английской литературе: от агиобиографии к геобиографии	75
<i>Воінава-Страха М.М.</i> Навелістычная мініяцюра ў творчасці У. Сцяпана (на матэрыяле цыкла “Салдацкі гузік”)	80
<i>Лебедевич С.М.</i> Образование общественно-политической лексики СМИ западнороссийских регионов	85
<i>Дуктава Л.Г.</i> Зааморфны культурны код у беларускай мастацкай свядомасці	90
<i>Смирнов А.С.</i> «Пигмалион» Дж. Б. Шоу в зеркале мифопоэтики: кризис инициации в эпоху модернизма	96
<i>Лазуркина А.О., Чеботарёва Е.М.</i> Стратегии и тактики персуазивности в лекциях TED экологической тематики	101
<i>Нестер Н.В.</i> Образ готического замка в романе Т. Л. Пикока «Найтмерское аббатство»	107
<i>Семченко Л.И.</i> Художественные особенности истории о прекрасной торговке в «Разговорах немецких беженцев» И. В. Гёте	111
<i>Лушневская Е.В.</i> Символ дерева в картине мира древних славян (на материале произведения М. Семёновой «Валькирия»)	115
<i>Трацяк З.І.</i> Першая сусветная вайна ў мастацкай прасторы творчасці У. Фолкнера	119